АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

18+

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2016

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Тульские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2016 — 1(42)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»..... 3
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ САМОБЫТНОГО РУССКОГО ПОЭТА НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА РУБЦОВА (1936—1971)
Николай Рубцов. Стихотворения..... 13
Владимир Корнилов. «Россия, Русь! Храни себя, храни...»..... 25
Александр Гугнин. Сторожка (Памяти Николая Рубцова)..... 37
Сергей Лебедев. На варнавинской земле..... 38
КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ПОЭМА
Георгий Горький. Свобода: повесть (окончание)..... 43
Владимир Резцов. Песня о Гришке Отрепьеве. Эпическая поэма Ч. III. Дежавю..... 57
Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты (главы из романа)..... 76
Ольга Несмеянова. Связной (главы из романа)..... 107
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ. ПРИТЧИ
Тимур Зульфикаров. Апокалипсис XXI века (окончание)..... 112
Николай Макаров. Наши в Африке..... 121
Елена Аверьянова. Мои дни рождения..... 129
Вячеслав Михайлов. Эклеры..... 135
Геннадий Маркин. Кража. Рассказ-быль..... 138
Петр Любестовский. В купели белых черемух..... 144
Сергей Криворотов. Солнечная..... 149
Ефим Гаммер. Эмигранты зыбучего времени..... 152
Рудольф Артамонов. Не уходи!..... 157
Шакир а-Мил. Смерть почтарки (1947 г.)..... 162
Сергей Петров. В день рождения..... 169
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Игорь Лукьянов. Новые стихи. Сказ о Никите Кожемяке..... 174
Алексей Скаредов. Зверь..... 181
Виктория Ткач. *Personalia*..... 185
Олег Пантюхин. Твоя улыбка — лучик света..... 190

Александр Скворцов. Стихотворения..... 191
Ольга Павлова. Горшечник и глина..... 194
Сергей Редков. Гражданская нелирика..... 197
Мария Ямпольская. Переводы на итальянский язык стихотворений поэта Олега Зайцева..... 201
Валерий Акимов. Паломник (поэма)..... 205
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ
Яков Шафран. Истинность, талант и самобытность..... 213
Игорь Карлов. Из опыта китайских товарищей..... 220
Ирина Кедрова. О романе Якова Шафрана «Круг замкнулся»..... 229
Николай Струна. «Блины» комом..... 232
Евгений Трещев. Красота земная, здравствуй!..... 235
Ирина Николаева. Воспоминание о будущем..... 241
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ..... 246
(Включая обстоятельные публикации авторов: Олег Зайцев, Вадим Трусов, Людмила Алтунина, Геннадий Мир, Ольга Борисова, Татьяна Леонова, Евгений Скоблов, Сергей Лебедев, Игорь Карлов, Юрий Клеванец, Людмила Авдеева, Ефим Гаммер, и поздравления «Приокским зорям» и его альманаху «Ковчег»)

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — ntomach@tsu.tula.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: *priok.zori@mail.ru*; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Людмила АЛТУНИНА (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Подольск) — зав. отделом международных связей
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики и литературоведения
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Николай МАКАРОВ (Тула)
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталия ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — президент Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Голос эпохи» (Москва)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— газета «Российский писатель»
— «Общеписательская литературная газета» (Москва)
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)
— газета «Слово писателя» (Минск, Белоруссия)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате)
См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: www.pz.tula.ru/pzBgr.html и www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html

© «Приокские зори», 2016

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Я БУДУ СКАКАТЬ ПО ХОЛМАМ ЗАДРЕМАВШЕЙ ОТЧИЗНЫ»

...Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

«Видения на холме»

◆ В вышедших к юбилею Литературного института им. А. М. Горького «Материалах к библиографическому справочнику...»* Николаю Рубцову посвящено чуть более половины страницы (С. 145—146). Но эти полстраницы содержат емкие отзывы о его поэзии людей, хорошо знавших Рубцова и оценивших его стихи. «В простых элегических стихах Рубцова отразилась его глубокая привязанность к русской деревне с ее церквами: мир техники, города и бездушной цивилизации был ему настолько чужд, что он даже противопоставил его своему миру звезд, воды, берез, тишины и просторов. Он писал по внутреннему убеждению, отклоняя все, что не связано с его собственными радостями и страданиями» (В. Казак). «Он начал с того, к чему поэты приходили после долгих исканий» (А. Урбан).

Е. Евтушенко подчеркивал, что именно ему выпала честь впервые напечатать Рубцова в Москве. А Ю. Минералов дает его краткий, но законченный портрет-характеристику: «...Но под бушлатом билось крестьянское сердце, нежное и ранимое. Колю прозвали Шарфиком, потому что вокруг его худенькой загорелой шеи всегда было намотано что-то пестренькое. Он был поэтом есенинской традиции, больше всего на свете любивший природу, деревню, однако никогда не впадавший в сусальное умиление. Многие из тех, кто стал набиваться в его душеприказчики посмертно, при жизни его недооценивали, иногда и спаивали... Он трагически погиб от руки жены, наверняка не хотевшей его гибели. Но его слова «Я буду жить в своем народе» оправдались... Рубцов — в лучшем смысле национальный поэт. Дело не только в проблематике его стихов, где регулярно поднимаются мотивы судеб России, русской природы, русской истории... Дело и в том, что герой Рубцова несет в себе набор основных черт русского национального характера, национальной психологии».

... И еще краткие факты биографии: архангелогородец, родился в крестьянской семье в поселке Емец, сирото-детдомовец. Далее по жизни: Лесотехнический техникум в вологодской Тотьме окончил в 1951 году, кочегар на рыболовецких судах, опять же на Севере: «Я весь в мазуте и в тавоте, зато работаю в тралфлоте...» И воинская служба там же, на Севере; потом слесарь на ленинградском заводе, учеба в Ли-

* Они учились в Литинституте: 1933—2006. Материалы к библиографическому справочнику студентов дневного и заочного отделений и слушателей Высших курсов Литературного института имени А. М. Горького.— М.: Литературный институт имени А.М. Горького, 2006.— 549 с.

тинституте (семинар поэзии Н. Сидоренко) с исключением «за неправильное поведение» и далее восстановлением на заочном отделении...

При жизни издал четыре небольших сборника стихов, два из них в Москве, в издательстве «Советский писатель». После смерти раз в год-два выходили его книги в том же «Совписе», «Современнике», «Молодой гвардии», в провинциальных издательствах.

...Очень короткая и незамысловатая биография поэта, даже пушкинского возраста не достигшего. Все это, конечно, не сравнимо со значением Рубцова для русской литературы не только какой-то там трети, четверти, а правильнее — десятилетия, двадцатого века, но для р у с с к о й п о э з и и и в о о б щ е!

Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слыхать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

«Элегия»

◆ До поступления на заочное отделение — семинар прозы Б. М. Зубавина, первого главного редактора «Нашего современника» — Литературного института в 1975 году имя Николая Рубцова было для меня как-то «не на слуху». Не потому что сам «чистый» прозаик, хотя бы из написанного имел за душой только требовавшиеся для участия в литинститутовском конкурсе 30—40 машинописных страниц и «отстуканные» за оставшийся до подачи заявления в будущую *alma mater* неполный месяц... Нет, здесь сыграл свою роль некий «младовозрастной» максимализм: полагая, что русская поэзия закончилась если не Серебрянным веком, то где-то к началу тридцатых годов... Бывает такое.

Зато прибыв на вступительные экзамены и поселившись в достопамятном общежитии Литинститута в одной комнате с почти что земляком, каковыми полагают себя туляки и калужане, поэтом Анатолием Кузьмичевским — его имя и посейчас многие помнят, — тотчас вошел в круг тогдашних поэтических пристрастий, в котором Рубцов едва ли не доминировал.

Поскольку абитура еще не страдала «гвардейским либерализмом» полноправных студентов, то и ходили мы попервоначалу в порядке следования: книжные магазины — винные лавки. А в первых как раз в этот год появились на прилавках рубцовские «Подорожники»*, фактически полное собрание всех его стихов, включая и ранние 1957—1962 гг. А Анатолий, как всякий настоящий поэт, держащий в памяти все прочитанное или услышанное из стихотворного, добавлял из не вошедшего в этот объемный томик:

Мне поставят памятник
В городе или на селе —
Буду я и каменный навеселе.

(И я тоже стараюсь цитировать по памяти)

В столицах в оценках личностей всегда преобладал, а ныне и вовсе единственным остался, «бытовой» подтекст. Так и в окололитературных кругах в тот год еще

* Рубцов Н. М. Подорожники. Стихотворения. Сост. и автор предисл. В. Коротаев.— М.: «Молодая гвардия», 1975,— 304 с., ил. Владислава Сергеева (тираж 100 000 экз.).

не улеглись страсти по поводу смерти вологодского поэта; тогда в теленовостях такие вещи не смаковали... «Я умру в крещенские морозы», — предчувствовал поэт. И действительно, в январе родился, в январе (19 января 1971) и покинул этот не лучший из миров, не дотянув до возраста Пушкина. А окололитературный народ все подзуживал: оба из-за жен своих смерть приняли, один на дуэли, другой — задушенный ночью Людмилой Дербиной, с которой он собирался пожениться, за то, что накануне днем в пьяной малости, этакой «есенинщине», на литературном собрании в пух и в прах разделал слабенькие стишата своей подруги... Женщины никому не прощают уязвленного себялюбия, а в ярости теряют свой обычный практицизм. Тоже многоточие следовало бы поставить, да стилистически некорректно.

Еще больше о рубцовской «бытовухе» мы узнавали от истовых вестовщиц литинститутского общежития: едва ли не с самого основания этого фигуристого здания послесталинского ампира трудившихся здесь почтенных возрастом, но зорких и памятливых сторожих-вахтерш, уборщиц и иных по линии коменданта и завхоза. С доброй улыбкой они, сидя на вестибюльных стульчиках и диванчике, рассказывали окружавшим их младшекурсникам о Коле Рубцове. Как, осточертевшись бесконечной пьянкой в «нумерах», выходил он едва не заполночь, усаживался на ступеньке межэтажной лестницы и, растягивая меха гармошки, пел умеренно матерные частушки: «Емца-дрица, цам-царница», то подгонял к протяжным, северного запала мелодиям свои стихи.

И порой дрался, хотя этой самой драчливостью не страдал. Может в памяти добрых вестовщиц, калейдоскопически отображающей череды сменяющих друг друга будущих «инженеров человеческих душ», на образ Коли накладывались и другие заметные характеры, но, в общем-то, в своих воспоминаниях они были недалеки от истины. И так же охотно эти бабули подтверждали самые эффектные были из общежитской жизни поэта. Навроде той, что произошла с эфиопским князем, едва ли не дальним родственником тогдашнего, казалось, вечного императора православной африканской страны Хайле Селасие Первого — прямого потомка царицы Савской, большого друга Советской страны, как минимум, раз в год приезжавшего в Москву. Как и тогдашний иранский шах. Диссидентствующие на кухонных посиделках столичные интеллигенты подначивали: дескать, обе коронованные особы по очереди приезжают в Москву, чтобы «свести сальдо с бульдо»: перевести накопившиеся в СССР внешнеторговые авуары своих стран на личные счета в Швейцарии...

Насчет иранского шаха Пехлеви народ не сомневался: с начала двадцатых годов еще по ленинскому договору вся северная нефть персидской монархии отгружалась в СССР, но вот что взять с нищей Эфиопии? Называли финики и марганцевую руду, с которой у нас всегда было сложно.

...Вот этот-то князь, решивший, видимо, стать вторым* великим эфиопским поэтом, сдружился с Рубцовым и, что называется, смотрел тому в рот, возил друга Николая на взятом в посольстве «форде» по Москве, не избегая питейных заведений. Неизвестно, как Рубцов, не знавший эфиопского, равно как и любых других иностранных языков, смог оценить качество стихов князя (а В. Брюсов в «Фиалках в тигеле» прямо говорил, что переводные стихи принадлежат не автору, но сугубо переводчику), но, как позже своей гражданской жене Дербиной, так и дружественному эфиопу сказал все, что он думает о его невенценосной музе. Воспитанный князь не стал душить Николая, но, высадив того, с налету врезал посольский «форд» в правый угол литинститутской общаги.

Услышавшие эту увлекательную историю начинающие студиозусы со внимани-

* Знающие люди утверждают, что в Адис-Абебе поставили памятник Пушкину с надписью, что-де это великий эфиопский поэт...

ем рассматривали знаменитый правый фасадный угол общежития, даже казалось: да, явно видны щербины и слой штукатурки вроде как обновленный. Старшекурсники же, проникнутые духом жизненного снобизма, подшучивали: мол, в десятке шагов от угла забегаловка, известная своим ранним, едва ли не в шесть утра, открытием, в которой собираются на опохмел труженики близкого Останкинского мясокомбината и студенты Литинститута и МИИЖТ'а*, общага которого тоже поблизости. Вот и балуются порой. разбивая об угол бутылочки 0,33 литра из-под фирменного пива «Останкинское». Словом, огорошивали наивных первокурсников... пришел поручик Ржевский и все испортил.

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!

Из этого, во многом программного для Рубцова стихотворения отчетливо виден весь характер поэта *in summa*, по сравнению с содержанием которого вся эта «окололитературная бытовуха» теряет свой смысл. И не потому совсем, что положено Юпитеру, то не положено быку. К слову говоря, эта античная присказка сомнительна в гражданской жизни, но более соответствует уставу римских легионов... Или современной российской бюрократии.

Сопоставим с приведенной строфой следующую**:

В наши годы, милый гость,
Все прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось?
Красным,
белым
и зеленым
Нагоняли сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам...
Неужели Бога нет?

«Гость»

Они дополняют друг друга тождественно по смыслу: в них сущность русского характера, вернее, органическое объединение-слияние трех «типов» русского человека, гениально определенных Достоевским в «Братьях Карамазовых». Так и у Рубцова: от неистовства «есенинских залетов» до определенной степени богоискательства, хотя бы и созерцательно. Все же, в отличие от тех же Есенина и Клюева, Рубцов — по рождению и воспитанию (в детдоме?) человек своей эпохи, советской послевоенной, к тому же атеистической. Плохо последнее или «терпимо хорошо»? — Главное, чтобы атеизм не являлся воинствующим в духе Емельяна Ярославского — Губельмана.

И развязным гулябщиком Рубцов опять же не мог быть все по тому же воспитанию в жизненной среде, где на первом месте стоит дисциплинированность: детдом, заводская работа, служба в военно-морском флоте, причем не на «каботаже» или бе-

* Московский институт инженеров железнодорожного транспорта.

** Этой строфой мы завершили свою повесть «Коммуна комиссара Гоши», действие которой происходит на архангельском Севере в первые годы по окончанию Гражданской войны.

регу, но на боевом эсминце «Острый», а до этого — в тралфлоте, где все «в мазуте и в товоте». Да еще учеба в двух техникумах и Литинституте... впрочем, о последнем скромно умолчим (см. выше).

Рискнем предположить, а скорее всего скажем очевидное. Предельное вольнолюбие, отсутствие лицемерия, осторожности, предвзятости, смена упорной работы над стихами этаким безоглядным гулеванием, в то же время душевная щедрость и доброта — словом все, что принято называть истинным русским характером — воплотилось в Рубцове:

Но я глухим бренчанием монет
Прервал ее старинные виденья...
— Господь с тобой! Мы денег не берем!
— Что ж,— говорю,— желаю вам здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

«Русский огонек»

Но здесь следует усилить, так сказать, этнографический момент, ведь поэт из потомственных обитателей русского Севера, архангельских поморов, то есть людей, никогда не знавших крепостного права, с наследием новгородской вольницы, крепких общинников-коллективистов. Так что в двадцатые годы, не имея сопротивления в лице столь же полно отсутствующего класса кулачества и нахлебников из числа также не имевшихся крестьян-бедняков советской власти для юридического оформления фактически существовавших коллективных хозяйств потребовалось только избрать председателей и раздать им каучуковые печати... Так и моего дядьку по матери Михайлу (Мишкó по-архангелогородски) в неполные двадцать лет, даже еще не партийца, а только «космополиста», назначили председателем колхоза в Каргополье.

И еще одна *nota bene* по части этнографии тех мест, о чем мы уже писали в «Колонке», посвященной 200-летию М. Ю. Лермонтова. Это об усилении вольнолюбия и связанных с ним черт характера коренных насельников архангельского Севера примесью шотландской крови, не менее несущей гены свободолюбия: полностью ассимилировавшийся десяток тысяч шотландцев-протестантов был переселен в архангельский край царем Алексеем Михайловичем... Такая вот степенно-гремучая смесь получилась, что дала России и ее «первого Невтона» из Холмогор (от варяжского Хольмгард, кстати), исследователей Ледовитого океана и, конечно, плеяду выдающихся поэтов: того же Рубцова, Александра Яшина и далее по нисходящей во времени...

И как Михайла Ломоносов, не сдерживал себя во гневе, лупил по мордасам своих коллег-академиков из немцев, так и Рубцов, не терпевший стихотворной немощи, резал правду-матку и эфиопскому князю, и своей морганастической супруге... Себе он цену знал, но если и бахвалился, то шутейски: «Мне поставят памятник...» А так писал серьезно:

Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник — добрый крест!

«Плыть, плыть...»

...И ничего такого сверхординарного в мыслях любого значимого поэта о памятнике — не себе, но своему творчеству! — нет. В русской поэзии это даже устано-

вившаяся традиция — от Державина и Пушкина. О своем же памятнике Рубцов наиболее пронзительно сказал в коротком стихотворении без названия:

Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета,
Я даже слушать перестану
Того же Тютчева и Фета,
И я придумывать не стану
Себя особого, Рубцова,
За это верить перестану
В того же самого Рубцова,
Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!..

◆ Не только Тютчева и Фета, но Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Есенина, Дмитрия Кедрина, своего современника Анциферова полагал Рубцов своими учителями, не преминув посвятить каждому из них стихотворение, а кому и более, как Тютчеву и Есенину. И вологодскому классику В. Белову подарил он одно из лучших своих стихотворений «Тихая моя родина», а памяти Александра Яшина — «Последний пароход»: *«...А он, большой, на борт облокотясь,— Он, написавший столько мудрых книжек...»*

Стоит заметить, что у классиков и современников Рубцов учился не только сочинению образов и троп поэзии, но и литературному русскому языку. Все дело в том, что северный, особенно архангелогородский, существенно отличается от московского — «стандарта» русской грамматики, в первую очередь — фонетики: обилие «цоканий» и «еканий». Шутники говорят, что когда, вернувшись из путешествия «по европам», Карамзин, подражая языку французскому, ввел в обиход французскую же букву «ё» (см. *«citroën»* и пр.), тем самым безвозвратно испортив фонетику русского языка, для которого фонема «ё» доселе была абсолютно чужда, что-де Николай Михайлович, тезка Рубцова, отдал предпочтение северному диалекту перед московской нормой разговорного и литературного языка... да еще и гордился этим нововведением *a la france*!

А что такое северный говор, в ареале которого вырос Рубцов, автор этой «Колонки» очень хорошо представляет. Моя мать, родом из тех же мест, переехав уже взрослой в мурманское Заполярье, а еще точнее — во «владения» Северного флота, где говорят исключительно по-московски, рассказывала мне, что года два «училась русскому языку»...

Сказанное выше отнюдь не штришок «второй степени важности», ибо специфика поэтического творчества, что его, повторимся, образы и тропы не допускают диалектизмов — если только таковые не несут определенную служебную нагрузку. А способ избавиться от врожденно-воспитанной диалектной речи и мышления существует только один: читать и перечитывать русскую классику; для поэта — понятно, поэтическую. По воспоминаниям самого Рубцова и знавших его, Николай в юности, да и во взрослой жизни читал очень много. Отсюда и грамотность его произведений... чего никак нельзя сказать о многоликой, «расползающейся», но малограмотной поэзии наших дней... Не в укор, но в поставление примера будь сказано.

И еще раз повторимся, говоря о поэтической памяти Рубцова, которая у него была великолепной, что, вообще говоря, свойственно для неспешной, несуетной и созерцательной жизни жителей русского Севера... сейчас и их испортили «гэйджики»,

многопрограммное телевидение и общее нынешнее российское жизненное неустройство. Но — это к слову, Рубцов всего этого не застал.

Здесь классическим примером такой северной памятливости на ритмику и певучесть некогда сказанных слов является заново обретенная «Калевала» — карело-финский* эпос, первенствующий в мире в числе таковых по своей художественной законченности и образности. Текст «Калевалы», состоящий из более полусотни рун (глав), общим объемом — в современных изданиях — под солидный том, полагался безвозмездно утраченным, пока в первой трети девятнадцатого века шведско-финский поэт и фольклорист Э. Лёнрот не встретил в глухой деревушке близ беломорского берега Карелии, тогда Олонецкой губернии, старушку, которая помнила все руны «Калевалы» в их последовательности развития сюжета! ... Правда, сто с лишним лет спустя, в 1949 году, член ЦК КПСС, главный идеолог СССР (до Суслова) и автор канонических учебников по марксизму-ленинизму Отто Вильгельмович Куусинен сделал новую композицию эпоса — по образцу современных карельских народных эпических песен.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

«Про зайца»

◆ Николай Рубцов, как тот мазаев заяц, волею судеб и времен стал последним поэтом русской деревни. Хотя бы даже и писал («Грани»):

Но хочется как-то сразу
Жить в городе и в селе.
. . . . . .

Меня все терзают грани
Меж городом и селом...

Дело-то не в месте обитания, ведь Рубцов и по морям походил, а собственно деревенской жизни у него только детство и отрочество, да и то Няндома — какой-никакой, но городок, а сельский детдом — вовсе не родная изба с русской печью и овцами-козами на дворе...

В чем отличие, скажем так, условно «деревенского» поэта от не менее условного «городского»? Конечно, не по месту проживания, как мы только что сказали. Кстати, и в рецензии на мою дипломную работу в Литинституте — она же и первая опубликованная книга «На островах»** мне было дано известным литератором определение: крайне левый «деревенщик». Хотя бы я никогда в деревне не жил...

Все дело в смешении понятий, когда этимология слова подменяется устоявшимся эвфемизмом. И, понимая это, все ставишь на свои места: городская поэзия, суть уже отошедшая от своих патриархальных, деревенских первоисточников. И этим все сказано: Рубцов, как поэт русской деревни, не отошел слишком далеко и безвозвратно от этих первоисточников, что цепью держит творческого человека, пытая его самобытность своими соками вековечных традиций, образов и слов.

---

* Разъединение некогда единого народа суоми на карел и финнов — сугубо дело исторической политики: карелы с новгородских времен входили в состав Руси-России, а Финляндия вплоть до новейшего времени находилась «под шведом». Но язык остался общим: финским.

** Тула, Приокское книжное издательство, 1987.

В таком смысле самобытность Рубцова несомненна, как и справедливо утверждение: он был последним поэтом русской деревни, понимаемой, как сказано выше, расширенно. Конечно, были и позже его, и посейчас есть поэты, пишущие от просторов полей и «холмов задремавшей отчизны», и в «Приокских зорях» мы их охотно печатаем, но уже не являлось на русской земле такого самобытного поэтического таланта, такой исподволь бившей мощи образного и невычурного слова:

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя...

«Русский огонек»

...Не так уж много опубликовано воспоминаний о Рубцове, мало и оценок его творчества — и все это, что называется, как-то «не на виду» широкой литературной и читающей общественности. Во всяком случае, на каналах телевидения, на той же «Культуре» не ведутся о нем многочасовые мудреные беседы, диалоги и монологи матерых и записных оценщиков всевозможных искусств и творчеств, обычно говорящие все одновременно, как на одесском базаре... Но и в доступных читательской аудитории воспоминаниях и оценках творчества и личности Рубцова, все одинаково отмечают, как бы это сказать? — внеполитичность его стихов, а главное — полное незамечание всего того, что укрупненно называют урбанизацией. И действительно, вовсе не противопоставляя город и деревню (см. чуть выше выделенные строфы из «Граней»), поэт в мыслях и стихах своих поэт бесконечно далек ... нет, не то слово — *удален* от цивилизации, символом которой привычно полагается город, городская жизнь и вообще вся наша техногенная инфраструктура. И характеры «обслуживающих» ее людей мало интересуют Рубцова-поэта.

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

«Земные (?) цветы»

◆ Как-то даже неловко, говоря о стихах Рубцова, оттенять образность и нарядность его поэтического языка. Это как входить в дежурную роль учительницы литературы, привычно, по пунктам наробразовской программы, «разбирающей» творчество означенного в учебнике поэта... Каждый помнит по ученическим годам эту «обязаловку», навевавшую почтительную (к имени автора) скуку

Поэтами рождаются, а не становятся. Справедливость этой «перевернутой» крылатой фразы редко кто возьмется оспаривать. Конечно, генетически обусловленное начало присутствует и у писателя-прозаика, но поэт все же стоит особняком. Пушкин бы состоялся в своем высшем ранге и без Арины Родионовны, как состоялся и детдомовец Рубцов, где эта добрая сказочница и близко не проходила... Тем более что бесконечно далеки от царскосельской, лицейской творческой атмосферы были команды судов архангельского тралфлота и кораблей военно-морского флота, контин-

гент учащихся техникумов, заводских работяг. Опять же уклончиво промолчим про общежитие Литинститута... Не про сам институт, конечно.

...Как никто, кроме нашего великого Поэта, не смог бы парой строк «Морозной пылью серебрится его бобровый воротник» заявить о своем поэтическом первородстве, так и вся образность, народность, самобытность Рубцова вмещается в единую строфу:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

«В горнице»

◆ Казалось бы: где Рубцов и где наша современность? Если первый суть исторический национальный характер, воплотившийся в жемчужине истинной народной поэзии, то перманентная современная жизнь показалась бы ему чеховской шестой палатой. Здесь даже и на Рубцова ссылаться не надо. Для всякого среднестаршего, самодостаточно, то есть без телевизора и дьявольского изобретения — интернета, мыслящего человека на исходе третьей капиталистическо-глобалистской пятилетки нового века и тысячелетия наш современник новейших генераций смотрится почти что идиотом, обвешанным гэджиками, работающим (здесь воистину от слова «раб»!) офисным «манагером» или офисной «креветкой» — различие в наименованиях только по признаку пола, по принципу тусовки — не хуже, чем у Васьки, полностью выкладывающимся с единой целью: купить машину позабористее на вид и по числу лошадиных сил, вовсе и не нужных для толчеи в городских пробках...

Но, как ни странно на первый взгляд, имя Рубцова помнят не только упомянутые выше среднестаршие, но, хотя бы понаслышке знают те из ровесников новой эпохи, кто хотя бы и изредка, но читает стихи. Во всяком случае, мой экземпляр «Подорожников» почти постоянно у кого-то из знакомцев на руках. А это не так уж плохо для нынешнего нигилистического для художественного слова малоуютного времени.— Времени пира во время чумы, времени пляски на гробах, времени скорого сбывания оруэлловского «1984». Это и внушает определенный, но очень острожный, оптимизм.

Но совершенно невозможно представить себе житие Рубцова сейчас, когда исчезло напрочь понятие авторитета, а уважение таланта полярно заменилось на предельную зависть и недоброжелательство ко всякому, кто в силу своего дарования хоть на промилле (это не по части молодцов-гаишников...) выделился из безликой серой массы*. И если поэта не сумели-таки споить при его тогдашней жизни (см. выше слова А. Ю. Минералова), то сейчас мелкотравчатые коллеги от расплодившейся мелкотравчатой поэтической музы убили бы его единодушным заговором молчания.

Кстати, как спаивали даже в те малозавистливые, «золотые» советские семидесятые годы, хорошо помню по быту общежития Литинститута. Разгар весенней сессии; в комнате слева земляки-куряне «накачивали» приехавшего в столицу и заглянувшего в общагу на огонек известного поэта Николая Тряпкина, и без того серьезно больного человека... А в комнате справа уже моего земляка (из Новомосковска Тульской области), пожалуй, лучшего таланта тульской земли тех лет Володи Суворова уже с успехом «накачали». И это, что называется, в своем кругу, но ведь никуда и никогда не исчезал класс «профессиональных» недоброжелателей?

---

* См. соответствующие художественные образы в книге: Алексей Яшин. Административный восторг, или Картинки с выставки. Роман-новелино.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Книга также размещена на сайте http://www.pz.tula.ru.

Но — достаточно о печальном. Светлая грусть Рубцова, пронизывающая всю его поэзию, пусть останется и с нами, как сугубая генетическая память души и сердца по великому, значимому русскому прошлому, которое и сейчас, в зловещую эпоху мирового безумия, все стремится и стремится хоть в чем-то возродиться, когда волею судеб и обстоятельств иногда и промелькнет лучик неизбывной надежды. Тем и живет коренной русский человек: память отцов суть воспоминание о будущем его детей, внуков, правнуков...

В. Сергеев. Иллюстрации к книге «Подорожники» (М., «Молодая гвардия», 1976)

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ САМОБЫТНОГО РУССКОГО ПОЭТА НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА РУБЦОВА (1936—1971)

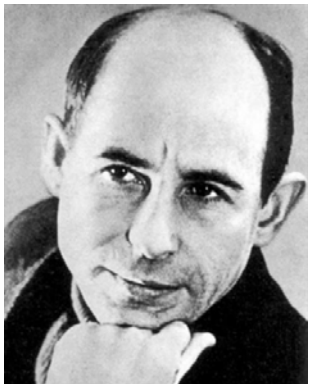
Николай Рубцов

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!



И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме,
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели́.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей,—
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

ПОДОРОЖНИКИ

Тот да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса.

Приуныли нынче подорожники,
Потому что, плача и смеясь,
Все прошли бродяги и острожники —
Грузовик разбрызгивает грязь.

Приуныли в поле колокольчики.
Для людей мечтают позвенеть,
Но цветов певучие бутончики
Разве что послушает медведь.

Разве что от кустика до кустика
По следам давно усопших душ
Я пойду, чтоб думами до Устюга
Погружаться в сказочную глушь.

Где мое приветили рождение
И трава молочная и мед,
Мне приятно даже мух гудение,
Муха — это тоже самолет.

Всю пройду дороженьку до Устюга
Через город Тотьму и леса,
Топ до топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса!

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм
и упаду
в траву,

И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя!..

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы —
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России...
Кресты, кресты...

Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит это медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звезд Руси,
Высоких звезд покойное мерцанье...

В ГОРНИЦЕ МОЕЙ СВЕТЛО

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Рукой раздвинув
темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те —
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня проносит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный
свято погребен
В такой же белой горестной рубашке...

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.—
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ

За годом год уносится навек,
Покоем веют старческие нравы,—
На смертном ложе гаснет человек
В лучах довольства полного и славы!
К тому и шел! Страстей своей души
Боялся он, как буйного похмелья.
— Мои дела ужасно хороши! —
Хвалился с видом гордого веселья.
Последний день уносится навек...
Он слезы льет, он требует участья,
Но поздно понял, важный человек,
Что создал в жизни
ложный облик счастья!

Значенье слез, которым поздно течь,
Не передать — близка его могила,
И тем острее мстительная речь,
Которою душа заговорила...

Когда над ним, угаснувшим навек,
Хвалы и скорби голос раздавался,—
«Он умирал, как жалкий человек!» —
Подумал я и вдруг заволновался:
Мы по одной дороге ходим все.—
Так думал я.— Одно у нас начало,
Один конец. Одной земной красе
В нас поклоненье свято прозвучало!
Зачем же кто-то, ловок и остер,—
Простите мне — как зверь в часы охоты,
Так устремлен в одни свои заботы,
Что он толкает братьев и сестер!

Пускай всю жизнь душа меня ведет!
— Чтоб нас вести, на то рассудок нужен!
— Чтоб мы не стали холодны как лед,
Живой душе пускай рассудок служит!
В душе огонь — и воля, и любовь! —
И жалок тот, кто гонит эти страсти,
Чтоб гордо жить, нахмуривая бровь,
В лучах довольства полного и власти!
— Как в трех соснах, блуждая и кружа,
Ты не сказал о разуме ни разу!
— Соединясь, рассудок и душа
Даруют нам светильник жизни — разум!

Когда-нибудь ужасной будет ночь,
И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду! Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!
Чтоб снова силы чуждые, дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,
Как в этот раз, друг другу улыбнулись...

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой,—
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня?

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

Не грусти! На знобящем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настигающий топот
Все мне слышится, словно в бреду.

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

ГОСТЬ

Гость молчит,
        и я — ни слова!

Только руки говорят.
По своим стаканам снова
Разливаем все подряд.

Красным,
        белым
                и зеленым

Мы поддерживаем жизнь.
Взгляд блуждает по иконам,
Настроенье — хоть женись!

Я молчу, я слышу пенье,
И в прокуренной груди
Снова слышу я волненье:
Что же, что же впереди?

Как же так —
        скажи на милость!

В наши годы, милый гость,
Все прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось?

Красным,
        белым
                и зеленым

Нагоняем сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам...
Неужели Бога нет?

ИДЕТ ПРОЦЕССИЯ

Идет процессия за гробом.
Долга дорога в полверсты.

На ветхом кладбище — сугробы
И в них увязшие кресты.

И длится, длится поневоле
Тяжелых мыслей череда,
И снова слышно, как над полем
Негромко стонут провода.

Трещат крещенские морозы.
Идет народ... Все глубже снег...
Все величавее березы...
Все ближе к месту человек.

Он в ласках мира, в бурях века
Достойно дожил до седин.
И вот... Хоронят человека...
— Снимите шапку, гражданин!

БЕССОНИЦА

Окно, светящееся чуть.
И редкий звук с ночного омута.
Вот есть возможность отдохнуть.
Но как пустынна эта комната!

Мне странно кажется, что я
Среди отжившего, минувшего,
Как бы в каюте корабля,
Бог весть когда и затонувшего,

Что не под этим ли окном,
Под запыленною картиною
Меня навек затянет сном,
Как будто илом или тиною.

За мыслью мысль — какой-то бред,
За тенью тень — воспоминания,
Реальный звук, реальный свет
С трудом доходят до сознания.

И так раздумаешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости — испуг,
А вместо отдыха — мучение...

КРУЖУСЬ ЛИ Я

Кружусь ли я в Москве бурливой
С толпой знакомых и друзей,
Пойду ли к девушке красивой
И отдохну немного с ней,

Несусь ли в поезде курьерском
От всякой склоки и обид
И в настроенье самом мерзком
Ищу простой сердечный быт,

Засну ли я во тьме сарая,
Где сено есть и петухи.
Склоню ли голову, слагая
О жизни грустные стихи,

Ищу ль предмет для поклоненья
В науке старцев и старух,—
Нет, не найдет успокоенья
Во мне живущий адский дух!

Когда, бесчинствуя повсюду,
Смерть разобьет мою судьбу,
Тогда я горсткой пепла буду,
Но дух мой... вылетит в трубу!

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Он шел против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.

Его не пустили. Тупая
Какая-то бабка в упор
Сказала, к нему подступая
— Бродяга. Наверное, вор...

Он шел. Но угрюмо и грозно
Белели снега впереди!
Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки!

Он вздрогнул, очнулся и снова
Забылся, качнулся вперед...
Он умер без крика, без слова,
Он знал, что в дороге умрет.

Он умер, снегами отпетый...
А люди вели разговор
Все тот же, узнавши об этом:
— Бродяга. Наверное, вор.

СТАРИК

Идет старик в простой одежде.
Один идет издалека.

Не греет солнышко, как прежде.
Шумит осенняя река.

Кружились птицы и кричали
Во мраке тучи грозовой,
И было все полно печали
Над этой старой головой.

Глядел он ласково и долго
На всех, кто встретится ему,
Глядел на птиц, глядел на елку...
Наверно, трудно одному.

Когда, поеживаясь зябко,
Поест немного и поспит,
Ему какая-нибудь бабка
Поднять котомку пособит.

Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.

Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч!

* * *

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напьюсь,
Как зверь вечерний!
Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только темный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вот Есенин —
                на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру,
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
Просто горестные тени?
И не светят им огни

Новых русских деревенек?
Неужели
        в свой черед
Надо мною смерть нависнет,—
Голова, как спелый плод,
Отлетит от веток жизни?
Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом.
А другой — жнецом рожден...
Все уйдем.
Но суть не в этом...

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

Постоянный автор «Приокских зорь». Член Союза писателей России

«РОССИЯ, РУСЬ! ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ!..»
Рубцов Николай Михайлович (1936 — 1971)
Литературное повествование с использованием иллюстраций из критических статей русских писателей

Недавно праздниками поэзии встречала вся страна 120-летие со дня рождения Сергея Есенина и 135-летие со дня рождения Александра Блока. И вот сегодня отмечаем мы не менее знаменательное для нашей национальной российской культуры событие — юбилей замечательного русского поэта Николая Рубцова.

Свою статью-повествование о жизни и творчестве самобытного русского поэта, Николая Михайловича Рубцова, мне хочется начать с удивительных строк Сергея Викулова, характеризующих его самородную поэзию: «Талант — всегда чудо. И потому всегда неожиданен. Читая стихи Николая Рубцова,— пишет в предисловии к его книге «Избранное» Сергей Викулов,— невольно думаешь: как мог на этой скудной, в смысле культуры, почве, на невспаханном поле, да еще под затянувшееся ненастье вырасти и вызреть такой удивительный колос, каким предстает перед нами его поэзия... Жизнь, кажется, сделала все, чтобы убить зернышко его дарования еще до того, как оно даст росток».

Это могло бы не произойти, если бы не целеустремленная жизнестойкость и самобытный талант, которыми природа наделила с детства Николая Рубцова, помогая ему выстоять и однажды своей пронзительной поэзией, вобравшей все оттенки земных радостей и печалей, во весь голос заявить о себе.

Не очень-то благоволила к нему судьба с самого рождения. Вспомним горестные страницы биографии будущего поэта. Его отец Михаил Андриянович Рубцов родился в 1900 году в селе Самылково, под вологодским городком Соколом. Работал в сельпо. Здесь они с женой Александрой Михайловной обзавелись старшими дочерьми — Надеждой и Галиной. В тридцатые годы семья часто переезжает с места на место. В Емецке, где явился на свет Николай, Рубцов-старший руководил отделом рабочего снабжения здешнего леспромхоза. Затем семья переехала в Няндому, а потом в Вологду. Перед войной Михаил Андриянович был репрессирован, но через год выпущен на волю...

Едва Коле исполнилось пять лет, началась война. Отца призвали на фронт, с которого он так и не вернулся. А летом 1942 года он потерял мать: она тяжело заболела и умерла. Потрясенный смертью матери, Коля убежал в лес и пропадал там неделю. Когда вернулся, прочел сестре Галине стихи, в которых были такие строки:

Но вот наступило большое несчастье —
Мама у нас умерла.
В детдом уезжают братишки родные,
Остались мы двое с сестрой.

Наверное, этот неумелый поэтический опыт был для него первым, навеянный горестными событиями в судьбе мальчика. Позже, много лет спустя, помыкавшись на чужбине, вдали от родных мест и вспоминая пережитое со смертью матери горе, Рубцов напишет незаживающей в сердце болью щемящие строки стихотворения «Тихая моя родина»:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.—
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос.
...Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
...С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Это жгучее чувство тоски по родному краю до последнего вздоха пронесет поэт в своем по-сиротски израненном сердце.

...Николай Рубцов родился 3 января 1936 года в поселке Емецк, в ста пятидесяти километрах от Архангельска. Оставшись после смерти матери круглым сиротой, 5-летий Коля Рубцов попал в детдом. Здесь, «в селе Никольском Тотемского района Вологодской области, стоящем на берегу реки Толшмы, правого притока Сухоны, среди диких лесов и болот и прошли его семь сиротских лет — с 1943 по 1950 год».

В 1950 году, окончив семилетнюю школу, Рубцов решил поступить в Риге в мореходное училище, о котором он с детства мечтал. «Но... «мореходка» «не приняла» юного романтика, потому как к тому времени ему не исполнилось еще пятнадцати лет». (С. Викулов).

Сочувствуя в этой ситуации юному Рубцову, нетрудно себе представить, какое безутешное для подростка горе пережил будущий поэт, когда в одночасье рухнула его заветная мечта. Об этом свидетельствует одно из его ранних, но горестных стихотворений:

Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно

И в моряцкой конторе
Все просился на судно.
Умолял, караулил...
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем...

(«Фиалки»)

«Вот он, одинокий, голодный, в «грязной фуфайке», свисающей с узеньких плеч бредет по насыпи мола, глядит на корабли, стоящие на рейде,— такие близкие теперь, но по-прежнему недоступные. «Купите фиалки!» — плывет над волнами залива легкая игривая мелодия. Но не веселит она юношу. «Купите фиалки! Купите фиалки!» А у него на языке: «Купите фуфайку! Купите фуфайку!» Фуфайка — единственное, что он может продать, чтобы разжиться хотя бы кусочком хлеба. А ведь ему нужно раздобыть денег на обратный билет до Вологды. А от Вологды пароходом надо было добраться еще и до Тотьмы — своего райцентра, в котором, он знал, есть лесотехнический техникум» (С. Викулов). В Тотемском лесотехникуме Николай проучился около двух лет.

«В Тотьме, когда учился Рубцов в Лесном техникуме,— вспоминает его друг Сергей Багров в своей книге «Детские годы Коли Рубцова»,— он всегда и во всем норовил быть лишь первым. Где он только себя не испытывал. На стадионе среди футболистов он торопился забить поскорее собственный гол... В аудиториях, на переменах среди всевозможных затей пользовалась успехом обычная схватка по-русски, когда выяснялось, кто был сильнее, и двое бойцов, жестоко обнявшись, пытались свалить друг друга... В пылу своих первых побед он был готов померяться ловкостью с каждым из всех тридцати обучавшихся в группе ребят... В те подростковые годы Коля не ведал, что самые крупные схватки его — впереди и пройдут они полем Поэзии...

Однажды, осенней порой 1950 года,— продолжает Багров,— Николай Рубцов стоял на крыльце нашего деревянного дома и, глядя на ропщущий в шепоте чутких черемух Кореповский ров, на резвых козлят во дворе, на скамейку под окнами и белеющую дорогу, по которой тащился гнедок, везя на телеге бочку с возницей, взволнованно говорил:

— Как много здесь русского! Как я люблю эту местность! Откуда все это? И для кого? Ты не знаешь?

— Не знаю,— ответил я.

— Значит, мне предстоит узнать: почему все это так сильно действует на меня».

Сохранилась переписка поэта с Сергеем Багровым много лет спустя после их совместной учебы в лесном техникуме, опубликованная в книге Николая Рубцова

«Видения на холме», указывающая на их долгую творческую дружбу. Приведу одно из его более поздних писем.

С. П. Багрову.

Август 1964 года

«*Сережа, милый!.. Я очень был рад твоему приезду. Спасибо тебе, что «наш двор уединенный, пустынным снегом занесенный, твой колокольчик огласил!» (Пушкин).*

Вышел 8-й номер «Октября». Там есть и мои стихи. Я уже их читал. А ты не читал? Посмотри, если найдешь как-нибудь минуту свободного времени. Сядь в кресло, закури сигару и почитай их помаленьку, балагуря о том о сем.

...Ну, будь здоров! До свидания, Сережа. Пиши. Буду ждать».

Н. Рубцов.

...Но мечта о море не давала юному Рубцову покоя. В архангельском траловом флоте, куда Николай обратился после Тотемского лесотехникума, его определили угольщиком (подручным кочегара) на старый тральщик РТ-20, который бороздил моря уже более 30 лет. Но Николай с радостью воспринял это предложение. В одном из своих стихотворений он с гордостью и присущим только ему светлым юмором напишет об этом:

Я весь в мазуте, весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!
...Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал,
Чтоб для отважных вечно — море,
А для уставших — свой причал...

«Команда тральщика состояла из отъявленных бичей,— рассказывает в своих воспоминаниях о Рубцове известный на Севере мореход А. П. Шильников. — В море работают, как черти, но ступят на берег — не вытащишь из кабаков. Ловили треску в Баренцевом море, рейс длился полмесяца, потом три дня в порту. Хватил я лиха с этим народом».

Так впервые в жизни побратался Николай Рубцов с морем и его тружениками — рыбаками, с их полными не только романтики, но и риска трудовыми буднями, совершенно особым бытом, традициями и обычаями. И он рисует их такими, какие они есть:

Душа матроса в городе родном
Сперва блуждает, будто бы в тумане:
Куда пойти в бушлате выходном,
Со всей тоской, с получкою в кармане?..

(«Возвращение из рейса»)

В 1955 году Николая Рубцова призвали в служить в Морфлот на эскадренный миноносец — мощный, красивый современный по тем временам корабль, который на долгих четыре года стал для него родным домом. «*Жизнь, как река после весеннего половодья, вошла наконец в берега. Вместе со строгим воинским уставом, боевой учебой пришли надежность и обеспеченность быта, чего он не знал, по сути с 1949 года.. И не случайно сослуживцы запомнили матроса Рубцова и веселым, и общительным. Запомнились им не только улыбка его, но и неразлучная с ним гармонь: играть на гармони он научился еще в детдоме...*» (С. Викулов).

Не бросает Николай писать стихи и на корабле. Но в них угадываются не столько самородные рубцовские интонации, сколько пробужденное в молодом поэте желание печататься. И он вскоре достигает цели: стихи его появляются в газете «На страже Заполярья». В годы военной службы (1958—1959 гг.) его стихи выходят в сборнике «На страже родины любимой», в альманахе «Полярное сияние».

...Приближался день демобилизации. Николай Рубцов все чаще озабоченно думает о предстоящем выходе «на гражданку», о выборе единственно правильного жизненного пути, который наполнит его жизнь глубоким смыслом.

Сохранилось письмо, посланное им в те дни одному из самых близких друзей — Валентину Сафонову... «Скажу только, что все чаще задумываюсь, каким делом заняться в жизни. Ни черта не могу придумать! Неужели всю жизнь придется делать то, что подскажет обстановка? Но ведь только дохлая рыба (как гласит народная мудрость) плывет по течению».

Демобилизовавшись осенью 1959 года, Николай Рубцов решает ехать в Ленинград. Там поэты, журналы, издательства... Но где он будет там работать и жить? Однако махнул на все рукой — поехал... Помыкавшись какое-то время, он поступил работать кочегаром на знаменитый Кировский завод за Нарвской заставой. Вот как об этом пишет сам поэт в стихотворении «В кочегарке»).

Пожилой кочегар, заметив робко открывшего дверь новичка,

...Бросил лом, платком утерся.
На меня глаза скосил:
— А тельняшка — что, для форсу? —
Иронически спросил.
Я смеюсь: — По мне для носки
Лучше вещи нету, факт!
— Флотский, значит?
— Значит, флотский.
— Что ж, неплохо, коли так!
Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь,— произнес.
И лопату, как награду,
Мне вручил: — Бери, матрос!

Кочегарка и копровый цех, где Рубцову пришлось работать шихтовщиком, физически не сломили в нем поставленной высокой цели. Вскоре находит он дорогу и в заводское литобъединение, а через него — и в редакцию многотиражки, где появляются его стихи на страницах этой газеты, а осенью 1961 года и в сборнике «Первая плавка», составленном из стихов поэтов-рабочих Кировского завода.

Но рамки заводского литобъединения для него были узки. И потому он посещал одновременно более солидное литобъединение «Нарвская застава», которое давало выход уже на и на большие литературные вечера, и в журналы.

«На занятиях литобъединения Николай Рубцов слышал не одни похвалы. Его критиковали за «отрыв от жизни» (мало, дескать, стихов о рабочем классе), но в то же время кружковцы, видимо, догадывались, что перед ними поэт настоящий, поэт «милостью божьей».

Узнав, что у него лишь семилетнее образование, руководители литобъединений настойчиво советовали ему учиться, может быть, даже в литературном институте... «Хорошо бы»,— думал Николай. Но для этого надо было закончить десятилетку. В 25—26 лет садиться снова за парту, а потом, почти в тридцать, поступать в литературный институт?.. Нет, это для него не подходило». (С. Викулов).

И он, наверстывая упущенное время, сдает экзамены за десятилетку экстерном. На творческий конкурс литинститута Николай Рубцов представил самодельную книжку «Волны и скалы». В нее вошли тридцать восемь стихотворений. Пройдя успешно творческий конкурс и став студентом Литературного института им. А. М. Горького, он ждал на занятиях и семинарах не школярских разговоров о ямбах и хореях, а откровений о жизни, о душе человеческой... И неудивительно, что ему, уже сформировавшемуся поэту с самобытным талантом, скоро стало просто скучно отсиживать часы в зачастую, полупустых аудиториях. Зато, по рассказам близких друзей-поэтов Анатолия Передреева, Станислава Куняева, Владимира Соколова, которые в то время во многом повлияли на Рубцова, «читал он запоем, нередко ночи напролет... А то, совсем неожиданно, уезжал куда-нибудь — чаще в село Никольское, где прошло его детство».

Чувство кровного родства с малой родиной никогда не покидало поэта. Какой теплотой и светлой грустью веют на нас строки его стихотворения «Подорожники»:

Топ да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса...
Где мое приветили рождение
И трава молочная, и мед,
Мне приятно даже мух гудение,
Муха — это тоже самолет.
Всю пройду дороженьку до Устюга
Через город Тотьму и леса,
Топ да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса!

«В 1964 году в творчестве Рубцова,— пишет во вступительной статье к его книге в серии «Поэтическая Россия», известный критик и литературовед Вадим Кожинов,— наступает решительный перелом. В августе в журнале «Октябрь» были напечатаны пять его стихотворений, которые не только по-настоящему ввели его в литературу, но и бесспорно свидетельствовали, что Николай Рубцов — один из самых многообещающих поэтов... В те годы мы часто с ним встречались. Он был безгранично предан поэзии. Читал Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Есенина с такой страстью и самозабвением, что их ритмические речи представали как реальные события его собственной жизни, как его глубочайшие радости и страдания. А когда Николай Рубцов пел свои стихи «В горнице моей светло...», «Я уеду из этой деревни...», «Потонула во тьме отдаленная пристань...» — то рождалось ощущение, что звучат не стихи, а вдруг вырвавшаяся из недр жизни стихия».

...Знакомясь глубже с биографией Николая Рубцова и со статьями современников об его творчестве, мы видим, что он был далеко не простым человеком. «В нем уживались самые, казалось бы, несовместимые черты — кротость, доброта, сострадание, острая тревога — и неожиданно появлявшиеся на его челе и в глазах угрюмость и следы гнева, вызванные малейшей социальной несправедливостью. Правда, тяжелые и темные свойства его души по-настоящему развязывало вино». (В. Кожинов). И Станислав Куняев в стихотворении «Памяти поэта» не скрывает от нас эту сторону его натуры:

Он был поэт, как критики твердят,
Его стихи лучились добрым светом,
Но тот, кто проникал в тяжелый взгляд,
Тот мог по праву усомниться в этом...
В его прищуре открывалась мне
Печаль по бесконечному раздолью,
По безнадежно брошенной земле,
Ну, словом, все, что мы зовем любовью.

В самом деле: любовь, вероятно, немыслима без тревоги, горечи, беспокойства, о котором говорится и в приведенных стихах. К сожалению, в любви поэт не был счастлив. Женщина, которую любил он самой пылкой и нежной любовью, не дождалась его, пока он скитался по морям...

«Не каждая способна связать свою судьбу с человеком, душу которого постоянно сжигает творческий непокой...» (В. Кожинов).

Не сложилась его семейная жизнь и с другой женщиной, подарившей ему дочь... Об этом свидетельствует «Прощальная песня», а вернее, песня разрыва его с семьей:

...Мы с тобою как разные птицы,
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...
Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.
Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она!

Поэт ни в чем не упрекает женщину, но просит в свою очередь, понять и его. Кто ж виноват, что они оказались «разными птицами»: разные одно гнездо не вьют...

«Николай Рубцов жил трудно, даже мучительно трудно,— далее вспоминает Вадим Кожинов.— Я говорю об его внутренней, духовной жизни, хотя и внешние условия его быта складывались нелегко. В 1964 году за ряд прегрешений он был переведен на заочное отделение литинститута, что означало для него потерю постоянного пристанища и средств к существованию — пусть и очень скромных, но регулярно получаемых».

«Николай был непрост в общении,— рассказывает в своих воспоминаниях проректор Литературного института по научной и учебной работе, критик Александр Михайлов.— Это знают бывшие студенты, учившиеся с ним, и его товарищи вологжане, он сам страдал от этого, искренне раскаивался в своих проступках, снова срывался. И надо было много терпения и такта, чтобы помочь ему хотя бы удержаться в институте, не попасть в какую-нибудь скандальную историю».

Уже после защиты дипломной работы Николай Рубцов, повинясь за свое, не всегда предсказуемое, поведение, скажет Михайлову:

— Вы уж меня простите за мои художества... Много я вам хлопот доставил... А институт всегда добром вспоминать буду...»

К 1964 году у него установилась связь с Вологодской писательской организацией, которая пригласила Рубцова, как земляка, на очередной семинар молодых писателей. Его стихи на этом семинаре были высоко оценены и рекомендованы Северо-Западному издательству г. Архангелька. Через год в издательстве Архангельска вышла его тоненькая книжка. Однако такая долгожданная, она едва ли обрадовала 29-летнего автора: ибо не давала представления о действительных возможностях его таланта.

Через два года, пренебрегая чрезмерной осторожностью архангельских издателей, в 1967 году по инициативе известного русского поэта Егора Исаева была издана книга Николая Рубцова «Звезда полей», вышедшая в Москве, в «Советском писателе», которая сразу поставила его в первый ряд современной поэзии, хотя это понимали тогда немногие... Произвела книга Рубцова впечатление и на архангельское издательство, и оно, как бы реабилитируя свое назначение перед литературной общественностью, выпускает вторую, значительно более объемную книгу земляка «Душа

хранит» (1969). В следующем году эти три сборника дополнит и четвертый («Сосен шум»), выпущенный снова «Советским писателем» и готовится к изданию его итоговый сборник «Зеленые цветы», вышедший в свет, увы, уже после гибели поэта... Книги Рубцова вызвали в то время ряд очень сочувственных, подчас даже восторженных откликов в критике. Его признание постоянно росло и расширялось. Кроме того, он, наконец, обрел свой дом в столице его родной вологодской земли. Николая поддерживали здесь друзья и соратники по литературе — Виктор Астафьев и Василий Белов, Виктор Коротаев и Александр Романов.

Зрелые стихотворения Николая Рубцова отмечены печатью подлинной народности и человечности. В ней как бы говорят сами народ, история, природа. Их естественные «голоса» звучат в голосе поэта иногда с залихватской удалью — и тогда картины деревенской жизни празднично встают перед глазами читателей, выливаясь у него в прекрасные — восторженные и грустные одновременно — строки:

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил.
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!
И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

(«Я буду скакать по холмам...»

Либо в голосе поэта нарастает тревога за будущее России и не дает его неуемному сердцу покоя,— и тогда она набатом звучит в его душе, предостерегая о грядущей опасности потомков. Как это мы видим в стихотворении «Видения на холме»:

Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы будто наяву,
Блеснет в глаза кривым ножом монгола!
. . . . . .

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России...

Николай Рубцов велик, прежде всего, проницательным видением жизни русского народа, и это подтверждается сейчас на примере обездоленных нищетой стариков и детей, на фактах бездуховности современных чиновников по отношению к простым людям, к родной природе, Отечеству, русской истории...

Неподдельна и самобытна также и другая черта поэзии Николая Рубцова — ее человечность. Он не умиляется со стороны другим человеком, а дает ему войти в стих с его собственной правдой. Иллюстрацией тому служат стихи «Русский огонек», «На ночлеге», «Добрый Филя», и мн. др. Например:

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...
Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.
Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чем говорить?

(«Добрый Филя»)

Замечательны стихи Рубцова о животных и птицах... Наделяя их людскими чертами характера, он воспроизводит всю гамму человеческих чувств в разных жизненных ситуациях, случающихся с этими бессловесными «героями»,— от ложной стыдливости, как это показано в стихотворении «Коза»:

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
— Как не стыдно тебе, егоза? —
И коза опустила глаза.
А когда разошелся народ,
Побежала опять в огород.

Или воспроизводит перед нами трагические картины жизни этих героев, требующих нашего сочувствия, а иногда и человеческого участия, как звучит это в стихотворениях «Вечернее происшествие», «Журавли» и в цикле детских стихов, таких как «Ласточка», «Воробей», «Ворона», «Медведь» и др.

Какой пронзительной интонацией и болью наполнены строки стихотворения «Ласточка», где поэт вместе с горестной пичугой оплакивает нелепую гибель ее несмышленыша-птенца. Такие стихи невозможно читать без слез сострадания. Это так близко людским чувствам, особенно материнским и отцовским.

Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.
Взял я осколок металла,
Вырыл могилу птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.
Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?

«Николай Рубцов принадлежал к тому поколению людей, в детских душах которых тяжелым и грозным эхом отозвалась война. Сиротство, голод, холод, тоска по родительской ласке, по домашнему уюту; потом скитания по стране, тяжелая работа наравне со взрослыми — все это пришлось пережить Николаю Рубцову. В таких условиях душа человека или глохнет совсем и превращается в камень, или становится болезненно чувствительной к чужому горю и страданиям» (В. Кожинов), как видим мы это из строк выше названного стихотворения «Ласточка».

Что касается обустроенности быта Николая Рубцова, то, начиная с семилетнего возраста и почти до самой гибели, он не знал, что такое отдельная комната, а тем более кабинет с письменным столом и книжными полками; общая комната в детдоме; тесная каюта на четверых на корабле; и снова общая комната в рабочем общежитии; а потом — крестьянская избенка с тремя подслеповатыми оконцами по фасаду; и лишь незадолго до смерти — однокомнатная квартира в Вологде, не успевшая стать его рабочим кабинетом. Но внешние обстоятельства жизни не имели для Николая Рубцова существенного значения и, конечно, не смогли снять или хотя бы ослабить противоречия, часто овладевавшие его душой. И нет сомнения, что гибель его не была случайной. В целом ряде стихотворений с полной ясностью выразилось доступное немногим истинным поэтам, остро ощущающим ритм своего бытия, предчувствие близкой смерти. Он даже точно предсказал это в стихотворении:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы...

В морозную крещенскую ночь, 19 января 1971 года Николай Рубцов во время тяжкой ссоры был убит женщиной, которую собирался назвать женой.

Похоронили его на новом кладбище за городской чертой. Позже по ходатайству писателей и общественных организаций именем Николая Рубцова была названа улица в Вологде. Она такая же короткая, как и его жизнь. Одним концом упирается в улицу Гоголя — любимого писателя Николая Михайловича,— другим она выходит на реку Вологду и белокаменный храм Софии.

В родном городе Тотьме имя Николая Рубцова присвоено районной библиотеке, а на берегу Сухоны в честь него разбит парк и стараниями талантливого скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, воздвигнут памятник поэту.

Давая оценку творчеству Рубцова, Вадим Кожинов писал: «Неоспоримый признак истинной поэзии — ее способность вызывать ощущение самородности, нерукотворности стиха... Лучшие стихи Николая Рубцова и обладают этим редким свойством...».

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных птиц.
...Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеют душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...

(«Журавли»)

Кажется нам и сегодня, по прошествии многих лет со дня написания Николаем Рубцовым этих замечательных по своей пронзительной интонации стихов, что они всегда существовали в природе до определенной поры, и только однажды поэт смог извлечь изо всей разноголосицы окружающего мира те, единственные, слова, которые и вылились в неповторимые по состоянию его души на тот час строки.

Не менее высоко отозвался о поэзии Рубцова и Виктор Коротаев. В предисловии к его книге «Видения на холме» он писал: «Воистину о нем сказаны бессмертные слова: «...Он знал одной лишь думы власть — одну — но пламенную страсть».

Уже сегодня можно с уверенностью сказать, что имя поэта прочно вошло в народное сознание. Поэтому так велик у людей интерес к поэзии Рубцова: ибо «в ней всегда присутствует обаяние неповторимой личности, жизнелюбие молодости, чистота и свет истинно русского таланта». (В. Коротаев).

Подтверждением тому служит большинство его удивительных по средствам художественной выразительности и пронзительной правде стихотворений, воспевающих не только самозабвенную любовь к малой родине с ее неповторимыми северными пейзажами и населяющими ее издревле самобытными по своей исконной сути людьми, но и много других стихотворений, иронически тонко подчеркивающих на протяжении всей жизни поэта его абсолютное равнодушие к неустроенности своего быта и досуга. Одним из таких ярких иронических стихотворений Николая Рубцова и является «Элегия», искрометные строки которого знает, наверное, каждый из почитателей его таланта:

Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слыхать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.
Но очнусь и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.
Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок.
Стукну по карману — не звенит.
Стукну по другому —не слыхать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

Прочитав уже после смерти поэта эти веселые строки и представив на миг за семь тысяч верст от нас воспетое в песнях: «...самое синее в мире — Черное море мое...» с его перенаселенными, как сельди в бочке, лоснящимися от экзотичного загара отдыхающими, освежающимися дорогими искрометными напитками и дуновением прохладных зеленоватых волн — и тут же осмотрев свой скудный кошелек с полученными отпускными за год работы на Севере, я так же иронично улыбнулся и, охолонувшись жарким июльским полднем в нашем бирюзово-мглистом рукотворном море, уже без снедаемой меня жажды к Югу, написал стихи, посвященные памяти Николая Рубцова, которыми и закончу свою статью-повествование о Великом русском поэте:

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Стукну по карману — не звенит,
Стукну по другому — не слыхать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать.

«Элегия» (Н. Рубцов)

Не слагал он гимн червонцам.
Что поэту кошелек?!
В Ялте денег тех под солнцем
На неделю — крайний срок...

Не искал он праздной лени,
Счастья купленных минут:
Их дороже край олений,
Край, где радуги цветут.

Где на солнечных полянах
Паучок, забравшись в тень,
Из серебряных туманов
Тянет нить в осенний день...

В те края не за калымом
Средь седых полярных мхов
Брел поэт, пропахший дымом
И охрипший от стихов.

Там, в избушке, у оконца,
Когда день лучи гасил,
Он писал стихи о солнце,
Пел о северной Руси...

ЕМЕЦК, Архангельская обл. Дом, где родился Николай Рубцов

Памятник Николаю Рубцову в Тотьме — родном городе поэта, воздвигнутый архитектором Клыковым Вячеславом Михайловичем

Александр Гугнин
(г. Новополоцк, Белоруссия)

Гугнин Александр Александрович родился в 1941 в Москве. Окончил филологический факультет МГУ, аспирантуру. С 1999 профессор. Автор свыше 500 научных и литературно-критических публикаций по немецкой, швейцарской, серболужицкой и другим литературам. Издал более 10-ти книг, из них — три сборника поэзии. Заведующий кафедрой мировой литературы и культурологии УО «Полоцкий государственный университет». Ответственный редактор литературоведческих сборников и журналов: «Проблемы истории литературы», «Белорусская литература и мировой литературный процесс», «Вестник ПГУ». Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Живет в Новополоцке.

СТОРОЖКА

Памяти Николая Рубцова
(1936 — 1971)

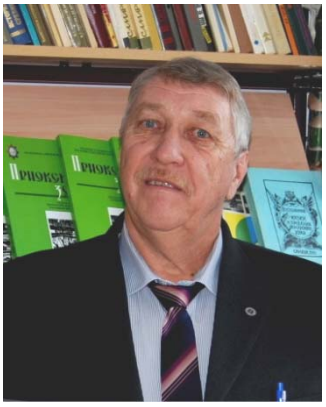
На обочине дорожки,
заблудившейся у речки,
притулилася сторожка —
так невзрачна, так беспечна!

Барабанил дождь по крыше,
снег сквозь щели задувало,
грызли пол лесные мыши —
только ей и горя мало!

Но дымок над лесом вился,
дверь приветливо скрипела,
если кто-то заблудился
или так зашел, без дела.

И росой умывшись в солнце,
утром гостя провожала...
Кто теперь о ней уж вспомнит?
Да и ей-то горя мало!..

Сергей Лебедев
(г.Тольятти)



НА ВАРНАВИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

(О поездке русского поэта Николая Рубцова
в Нижегородскую область)

Лебедев Сергей Александрович, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Лауреат-победитель 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2013, 2014, 2015» им. Н. Рубцова. Член Самарской региональной организации РСПЛ, тольяттинского отделения СПР.

В лесном нижегородском Заволжье нет более привлекательного места для заядлых охотников, рыбаков и грибников, чем Варнавинский район. Почти семьдесят процентов территории района покрыто лесом, поистине первозданным, а с севера на юг территорию района пересекает удивительная по красоте река Ветлуга с многочисленными старицами и озерами.

Варнавинская земля — край до щемящего чувства причастности родной мне не только по художественной и публицистической литературе. Лесные места около реки Ветлуги в Нижегородской области — прародина моих предков, родина моих родителей.

Поветлужье всегда привлекало писателей, исследователей, краеведов. И не только красотами своих лесов, таинственно заросшими кубышкой озерами, но и давней историей этих мест, уходящей в пятнадцатый век. Тогда, в 1464 году на границе между Московским и Казанским государствами, в пустынных ветлужских лесах, где не было жилья, основал на берегу Ветлуги свой скит великоустюжский иерей преподобный отец Варнава. К началу шестнадцатого века скит становится Варнавинским монастырем. И долгое время, начиная с семнадцатого века, читалось в варнавинских храмах «Рукописное житие преподобного Варнавы Ветлужского», которому поклонялось все Поветлужье. Совершались молебны в конце июня, в ночь на Годину Варнавы. Устой этот сохранялся до 1917 года.

Первозданность ветлужских мест, великолепные картины природы нашли свое отражение в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах». Бывали в дремучих лесах Поветлужья и М. Е. Салтыков-Щедрин, и В. Г. Короленко, и М. М. Пришвин. В рассказе «Година Варнавы» у М. М. Пришвина читаю: «Сижу на высоком берегу в ожидании парохода. Вспоминаю полузабытый роман о заволжских лесах. Помню, купец Потап Максимыч, похожий на древнего русского князя, управляет лесными людьми, стелет им столы в торжественные дни и даже пляшет вместе с подданными, когда подвыпьет. Край нетронутый. Люди делают деревянные ложки, продают их, пьют, поют и пляшут. Кондовая Русь!»

В конце июня 1969 года на варнавинской земле побывал, уже став известным, поэт Николай Рубцов. Пригласил его на празднование Годины Варнавы товарищ по литературному институту, работавший в то время корреспондентом варнавинской

районной газеты «Новый путь» Александр Сизов, ставший в дальнейшем известным в Нижегородской области прозаиком, членом Союза писателей СССР.

Путь в Варнавино от железнодорожной станции города Ветлужский лежит через деревни с исконно русским названиями — Желтовка, Чемашиха, Демидово... Шоссейная дорога между деревнями ведет с горки на горку, автобус, на котором ехал Николай Рубцов, то весело несется вниз, то, натружено гудя, преодолевает подъем. Подушкинскую гору еле одолели, автобус из последних сил визжал, а порой и рычал. Подъезжая к Варнавину, Николай заметил, как справа блеснула река. Сердцем Рубцов понял, что это — Ветлуга. В дороге он не ощутил, как прошел час с небольшим. Из Ульяновского оврага влетели в Варнавино.

И вот как пишет о встрече с поэтом в Варнавино сам А. Сизов в очерке «По лесам в окрестностях Ветлуги»: «Я пригласил Николая Рубцова, товарища по Литинституту, приехать в Варнавин именно на этот праздник (Година Варнавы — авт.) И вот — какая же радость! — иду по улице Продотрядников, вдруг из боковой двери почты, как птенец из гнезда, вываливается вроде бы чем-то напуганный Николай Рубцов. Взъерошен и небрит, одет не по погоде в рыжую замшевую куртку, изрядно, до глянцевого блеска затертую. В руках чемоданчик, какими пользовались тогда демобилизованные солдаты или пэтэушники.

— Это ты?! — искренне удивился он.— Вот хорошо. А то как бы я тебя тут нашел, в такой толпе?

— А что ты на почте делал?

— Да вот,— сконфуженно потрогал щетину на щеках, точно прикрывал ее,— в поезде побриться не успел, с автобуса сошел — а тут такая гулянка. Вот и пошел на почту, розетка там наверняка есть. А почта и закрыта.

— Ничего. Походишь и небритым. Все равно тебя здесь никто не знает.

— Да нет, Саша! — цокнул языком и качнул головой. Поглядел на помятые в дороге брюки и вроде бы еще больше устыдился своего вида.— Надо бы где-то привести себя в порядок.

Проходили мимо веселые нарядно одетые люди, оглядывались на него, а он, неприкаянно парясь в своей засаленной куртке, нервно и беспокойно ощущал эти взгляды. Видно, очень устал. Большой лысый череп, перевитый вздувшимися жилами, покрылся испариной. Остро, напряженно глядят темные глаза. Добрые и бесконечно ласковые в светлые минуты, они всегда мне напоминали, когда он злился, рассерженных шмелей, готовых не на шутку укусить, ужалить. Сильные, говорящие глаза!..»

Друзья сразу же поехали в деревню Ляпуново, где жил Александр. Через прохладные сени избы Сизов провел Николая в небольшую дверь, и они очутились в чулане-светелке с маленьким оконцем, через которое была видна деревенская улица. Железная односпальная кровать, возле оконца небольшой столик, табуретка. Здесь и поселился на все время пребывания на ветлужской земле Николай Рубцов. В Ляпуново друзья немного задержались, хотя Александр наметил показать Рубцову Ветлугу, свозить в деревню Ляленку, Бархатиху. Как потом дружелюбно смеялись сотрудники редакции газеты «Новый путь»: «Собираются в Бархатиху, на Лялину гору, да поездку со дня на день откладывают,— гудят ребята».

Наконец, отчалил «Омик» от пристани Варнавино и понес друзей по светлой глади Ветлуги к левому берегу в тайболу — в обширные сплошные леса, непроходимую исконную глушь, в деревню Ляленка. Александр Сизов вспоминал: «Там, в лесной деревеньке Ляленке у моего хорошего знакомого, инвалида войны Сергея Петровича Вылекжанина, воевавшего, кстати, в одной роте с поэтом Николаем Грибачевым, куплена маленькая избушка и поставлены на огороде ульи. Туда мы и едем. Сосно-

вые счалы (связки плотов — авт.) вдоль берега, шлепанье вальков. Десяток домиков, затерявшихся за старыми березами,— пристань Нижник. Тут нам и сходить».

На следующий день отправились пешком через сосновые леса в деревню Бархатиха. Поэт чувствовал, что его окружает какая-то особая обстановка — душа его отдыхала в сосновом бору. В деревню вела среди розового многостволия высоких сосен прямая, полузаросшая травой дорога. Может быть, тогда и родились у поэта строки о шуме сосен, когда проходили они через эти глубокие леса. «В низинах тошно пахло таволгой, сырой ольхой. На дне лесных овражков — ключи. Тут было сумрачно и глухо. В просторных же, поросших ландышем и толокнянкой борах, напротив, много света. Только вершины сосен глухо и неуспокоенно шумят, кажется, там, наверху, гуляет и тешится океанский шторм, а мы здесь, внизу, на дне океана.

Подует ветер!
Сосен темный ряд
Вдруг зашумит,
Застонет, занеможет,
И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чем они шумят.

Не знаю, приходили ли тогда на ум эти строки поэту, идущему сейчас рядом теплой колеей. Проносились в сторону недальних липовых урем (урема — лес на берегу речки — авт.) пчелы либо осы, и он провожал их пулевые посвисты тревожным взглядом. Срывал твердые оранжевые, похожие на апельсинчики, ягоды ландыша и собирал их в горсть. Поднимал палец и останавливался — чу!.. Где-то в глубине леса тосковала желна. Кажется, его глубоко волновал этот вдовий клик лесной жалобницы».

А мне вспоминаются лирические строки поэта из стихотворения «Старая дорога» о мыслях, которые возникают на таких лесных или полевых дорогах обо всех прошедших по ним и оставивших русский дух на земле:

Но этот дух пойдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

А в деревне Ляленка и произошла незабываемая встреча для Николая Рубцова, которая послужила поводом к созданию поэтического переложения услышанной лесной легенды от деревенской жительницы. «В одной избе еще жила неприметная старушка, и мы... поселились у нее. Высился над деревней угрюмый, поросший лесом бугор.

— Лялина гора! — показывала темным перстом старушка.— Клады Лялины там по сею пору в землянке лежат.

— Какие клады, бабушка?

— Погоди, расскажу.

И услышали мы красивую лесную сказку о Ляле-разбойнике и его кладах, о лесной девке и прекрасной княгине Лапшангской, о молодом атамане Бархотке.

Коля загорелся сразу. Он даже не стал старушку дослушивать.

— Я обещаю тебе, Саша, напишу об этом. Только по-своему.— Ты посмотри, тут и местность как обозначена: речка Ляленка, деревня Бархатиха.

— А самая распространенная фамилия — Шалухины.

— Это уже не так важно...

Что же было важно?..

Мне о том рассказывали сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сея страх по всей лесной округе.

Это из его «Лесной сказки», которую довелось прочитать — увы! — уже после гибели поэта».

Всего несколько дней провел Николай Рубцов на ветлужской земле: рыбачил на Ветлуге, ходил по грибы, помогал старушке, рассказавшей ему народную легенду — обкосил межи на огороде. Вечерами ходил в одиночестве по деревне и, как обычно, наговаривал стихи, в которые он по обыкновению обязательно сначала вслушивался, складывая поэтические строки.

Уже деревня вся в тени.
В тени сады ее и крыши.
Но ты взгляни чуть-чуть повыше —
Как ярко там горят огни!
Одна у нас в деревне мглистой
Соседка древняя жива,
И на лице ее землистом
Растет какая-то трава.
И все ж прекрасен образ мира,
Когда в ночи равнинных мест
Вдруг впыхнут все огни эфира,
И льется в душу свет с небес,
Когда деревня вся в тени,
И бабка спит, и над прудами
Шевелит ветер лопухами,
И мы с тобой совсем одни!

И, конечно, были разговоры и споры о поэзии с Александром Сизовым, который с особенным трепетом вспоминал об этом: «Однажды дело дошло до такого «серьезного» разговора. Расспорились о поэзии. Я говорил, что и в литературе существует прогресс. В развитии формы: рифм, метафор, интонаций и т. д. Дескать, в пушкинские времена уже не писали так архаично и «неуклюже», как, скажем, Сумароков или Херасков. И во времена Блока или Пастернака напиши «под Пушкина» — тоже будешь архаичен. Вот когда глаза Рубцова засверкали антрацитовым огнем, вот когда он по-настоящему вспылил: — «До Пушкина, до Пушкина»! — передразнил меня.— А Державин?

— А что — Державин?

— Лучше и не раздражай! Ты послушай, как писал: «Где стол был яств, там гроб стоит». Сильно?..

— Да ведь не пишем же мы теперь гекзаметром!..

Махал рукой, подчеркивая бесполезность спора.

— Все равно лучше Гомера никто не писал. Когда-нибудь ты его поймешь.

Понял, вся его поэзия убедила: духовность стиха — первейшее дело, форма может оставаться и консервативной».

Да, пожалуй, все-таки самое главное, что осталось в памяти Николая Рубцова от поездки в варнавинский край — лесная сказка «Разбойник Ляля», рассказанная ему деревенской старушкой.

О том, что варнавинская задумка была воплощена поэтом через два месяца после поездки, читаю в книге «Николай Рубцов: «Звезда полей горит не угасая...», написанной писателем, поэтом и биографом Юрием Кириенко-Малюгиным: «В августе — начале сентября 1969 года Рубцов живет у своего друга, известного писателя В. И. Белова в деревне Тимониха Вологодской области и на основе Варнавинской легенды создает лесную сказку «Разбойник Ляля». В этом произведении Николай Рубцов глубоко раскрывает психологию взаимоотношений действующих лиц. Эта была уже новая грань поэзии. Видно, что Рубцов владеет приемами драматургии. И главное: автор в этом произведении показал, что погоня за златом или попытка не сдержать данное слово оборачивается трагедией для персонажей».

Вот о чем рассказывали сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сея страх по всей лесной округе,

Где навек почил он за оградой,
Под крестом, сколоченным устало...
Но грустить особенно не надо,
На земле не то еще бывало.

КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ПОЭМА

Георгий Горький
(г. Москва)

СВОБОДА*

Повесть

Настоящее имя — Георгий Панкратов. Финалист независимой литературной премии «Дебют» (2014). Участник лонг-листа литературной премии «Ясная поляна» (2015). Лауреат конкурса «Северная звезда — 2014» журнала «Север». Финалист Международного литературного форума «Славянская лира — 2015» (2-ое место по версии зрительских симпатий). Финалист Международного литературного форума «Славянские традиции — 2015». Финалист литературной премии «Золотая тыква» (2014). Третье место на межрегиональном литературном конкурсе им. Твардовского «За далью даль» (2014), участник лонг-листа конкурса «За далью даль» (2015). Полуфиналист премии «45-й калибр», сезон 2013—2014. Обладатель диплома в номинации «Особый взгляд (Поэзия)» на всероссийском конкурсе «Верлибр» (2015). Родился в Санкт-Петербурге, в разное время проживал в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Омске. В настоящее время проживает в Москве и Севастополе. Публикации: «Нева» (Санкт-Петербург), «Нижний Новгород», «Север» (Петрозаводск), «Кольцо А» (Москва), «Волга — 21 век» (Саратов), «Иные берега» (Хельсинки, Финляндия), «Интеллигент-Москва» (Москва), «Наше поколение» (Кишинев, Молдавия), «Luterratura», «Первая роса» (Ульяновск), «Пегас» (Санкт-Петербург), «Артбухта» (Севастополь), «Процесс» (Прага, Чехия), «Эрфольг», «Русская жизнь», «Новая реальность», «Литературно-философский журнал «Топос», «Ликбез», «Истории о любви», «Мастерская Евгения Берковича», «45-я параллель», «Современная сетевая словесность», «Город Пэ», «День литературы».

* * *

— Ты чего, дура! — кричал омоновец.— Он хотел убить нас, расстрелять, не понимаешь?

— Не отдам, не отдам,— ныла девушка, а женщина в платке стала перед ними на колени, не давая пройти.

— Мы заберем его домой,— просила девушка.— Он молодой совсем.

---

* Окончание. Начало в «ПЗ» № 3, 2015.

— Кругом война! Вы же ее и объявили.

— Мы не объявляли,— стонала девушка.— Мы не объявляли.

Омоновцы остановились и стали спорить между собой, что делать. Аксель увидел, как один из них махнул рукой. Что говорили омоновцы, он не слышал. Они отпустили парня, развернулись и пошли в сторону проспекта Королева. Парень присел и стал обнимать плачущую женщину, затем они встали и пошли вглубь двора, скрывшись из виду.

— Дуры чертовы,— выругался Аксель. Надежды на то, что омоновцы вернутся обратно с проспекта Королева, было мало: слишком велика там численность воинов Свободы, и слишком хорошо они вооружены.

Но ждать и не пришлось. Совершенно неожиданно Акселя кто-то ударил сзади, да так сильно, что он упал на колени и ударился головой о низкий забор. За ударом последовал еще один, и Аксель закрыл глаза, мысленно смиряясь с судьбой. Но больше его не били. Он почувствовал, как чья-то рука хватает его за руку, а другая — открывает ключом наручники. «Откуда у них ключ? — подумал Аксель.— Почему у этих ребят всегда все с собой?» Набравшись храбрости, Аксель решил посмотреть на спасителей.

Перед ним стояли двое парней в джинсах, футболках и — почему-то — зеркальных очках. На вид — не особо сильные. «Однако, удары крепкие» — отметил Аксель. В руках у каждого был автомат. Воины Свободы, сомнений не было.

— Слава Воинам Свободы,— осторожно и как-то неудачно произнес Аксель. Он понимал, что знакомство, начавшееся с ударов по голове, вряд ли приведет к чему-то хорошему.

— Ты пленник,— сказал один из парней.— Ты не воин.

В подтверждение своих слов он направил на Акселя автомат:

— Идешь с нами, понял?

Аксель хотел было начать рассказывать про блог, про выступления на радио, но вдруг понял, что все это бесполезно. Воинов Свободы не интересует его биография, может быть, заинтересует тех, к кому его приведут? И вообще, куда его приведут? И зачем? Почему его не убивают, как остальных, сразу. Значит, шанс все-таки есть.

— Нужны деньги,— коротко сказал парень в очках.

— Зачем тебе сейчас? — спросил его второй.

— В штаб собираем, забыл?

— Ну так пойдем.

Вместе с Акселем они завернули во двор дома, обойдя разрушенный магазин, и направились в ближайший подъезд. Один парень позвонил в дверь квартиры на первом этаже.

— Открывайте,— заорал он. За дверью послышались какие-то звуки, но открывать не спешили. Парень отошел от двери, разбежался и ударил в нее ногой. Деревянная дверь не выдержала.

Навстречу непрошенным гостям выбежал, мурча приветливо, рыжий кот; один из парней пнул его со всей силы ногой, и кот улетел в кухню. Все трое прошли в комнату и увидели молодого человека, сидевшего перед монитором, а напротив него — в кресле напуганную женщину.

— Что вам нужно? — спросил молодой человек. Он был бородат и татуирован, по всей видимости — неформал. Стены комнаты были увешаны постерами рок-групп, а из колонок еле слышно доносилось:

Я свободен, словно птица в небесах
Я свободен, я забыл, что значит страх

Убогое убранство жилища говорило о том, что деньги здесь не водятся.

— Ты, раб,— крикнул автоматчик.— Быстро говори, где деньги.

— У меня в кармане,— отозвался рокер.— Только я вам не дам.

Парни бросились к нему и начали монотонно избивать. Аксель стоял, совершенно не зная, что делать. Бежать? Это было бессмысленно. Улицы захвачены Воинами Свободы, и теперь Аксель точно знал, что среди них он не будет своими. Остается только стоять. Только смотреть. Не за это ли он так ненавидел рабов?

— Господи, что же делается? — запричитала женщина. Она подскочила к Акселю и упала перед ним на колени.— Пожалуйста, скажите им. Это мой сын. За что они убивают его? Умоляю вас, скажите им, чтобы не убивали. Пожалуйста.

Аксель не знал, что сказать. Он отвернулся от женщины, прошел на кухню, открыл холодильник, увидел упаковку сока, открыл ее и начал жадно глотать. Становилось легче. Допивая сок, он услышал два выстрела — практически одновременно. Голоса затихли. Парни в очках вышли из комнаты и направились к выходу, Аксель присоединился к ним.

Теперь он понимал, куда его ведут. Выйдя из дома, они свернули на Хованскую улицу и отправились в сторону парка ВДНХ. Возле ворот стоял импровизированный блок-пост, вооруженные бойцы охраняли вход на территорию парка, а специальный человек в костюме и галстуке лично встречал каждого, интересовался, кто он и куда направляется. Его одежда совершенно не вязалась с ситуацией, поэтому Аксель, забыв о своей беде, долго и удивленно смотрел на человека.

— Этот с вами? — спросил человек в костюме, указывая на Акселя.

— Пленник,— коротко ответил парень в очках.

— Выходить будет?

— Не думаю,— улыбнулся парень.

Аксель расслышал этот ответ, но страшнее уже не могло стать — какой-то порог ужаса был пройден, и теперь он уже просто воспринимал все происходящее как должное: будь что будет. Перед тем, как войти в парк, он увидел наспех растянутую над воротами тряпку. «Антинародный штаб» — гласила надпись.

— Антинародный штаб, антинародный парк — прошептал Аксель.— Что ж, теперь и ты стал народом.

Аксель знал парк ВДНХ очень хорошо: он часто бывал здесь, приезжал отдохнуть с девушками, друзьями, сидел в уютных ресторанчиках, бродил между величественных павильонов, превратившихся в декорации. Внутри павильонов продавали всякие безделушки, белорусские товары, книги. Люди ходили с леденцами и сахарной ватой в руках, искали, чем занять себя. Из больших бочек торговали квасом, стояла огромная очередь за известными на всю Москву пончиками, кавказцы зазывали на шашлыки, узбеки — на плов. Люди развлекались как могли и как умели. Катались на машинках, роликах, фотографировались возле фонтана, знакомились, расставались, обсуждали деловые предложения, сидели на скамейках с ноутбуками — так часто делал и сам Аксель, размещая свои посты. Но теперь все изменилось: на ВДНХ пришла Свобода.

Повсюду ходили сосредоточенные люди в масках, прямо посреди улицы готовилась еда в огромных котлах, кафешки были разрушены, многие сожжены. На стенах павильнов появилась черная копоть — большинство из них горело. Аксель не знал, что здесь произошло — он посмотрел на своих конвоиров — парней в зеркальных очках — и подумал было спросить, зачем жечь павильоны — неужели их брали с боем? — но передумал. Жгли, значит, так было нужно в интересах Свободы. Это слово было на каждой стене, им был исписан даже асфальт, его произносили все, кто проходил мимо них. «Свобода пришла, свобода, город взят» — говорили они. «Слава воинам Свободы!» — коротко отвечали парни в очках. Они вообще были неразговорчивы.

Под конвоем Аксель дошел до площади, где когда-то была ракета. Правда, сейчас она тоже была, но блогер не заметил сразу, потому что она не смотрела в небо, как это было раньше, а лежала на земле, преграждая площадь, по которой когда-то катались на роликах, а еще отсюда отправлялся смешной экскурсионный паровоз с маленькими вагончиками на пару мест. Аксель искренне удивился, как Воинам Свободы удалось снести ракету в такое короткое время. Это казалось невозможным. Но ракета лежала, поверженная и сильно пострадавшая. Ее пытались поджечь, только, по всей видимости, горела она плохо. Тогда ее просто исписали и, похоже, выпустили в нее не один десяток пуль.

— Поганый символ рабства,— зло сказал парень в очках.

— Построенный рабами для рабов,— отозвался второй.

Аксель сразу понял, куда его ведут, едва выйдя на площадь. Главный Антинародный штаб располагался бывшем в павильоне «Космос». Его блогер помнил хорошо — он делал оттуда фоторепортаж. Весь павильон был отдан в аренду продавцам семян и цветов, и они стояли, казалось, нескончаемым рядом — а павильон очень длинный — почти что до самой стены с огромными изображением Гагарина. Гагарин улыбался своей лучезарной улыбкой, как будто рекламируя: семена хорошие, качество гарантирую. Но сейчас Аксель, конечно, не ожидал увидеть в павильоне семян: над входом в него висел гигантский транспарант с надписью «Антинародный штаб». Что находилось в штабе, он мог только предполагать и готовился к худшему.

Но, к его удивлению, в самом деле в павильоне внешне все было по-прежнему. Ларьки с семенами просто закрылись, а их хозяев, по всей видимости, выгнали, или дали им убежать. Следов погромов или убийств здесь не было вовсе. Люди здесь ходили без оружия, и большинство из них как-то разительно отличалось от всех остальных воинов Свободы, которых увидел за сегодняшний день Аксель. Вокруг ходили привычные Акселю люди — креативный класс, как он их (и себя) всегда называл. Ему не нравилось это определение, но другого не было, да и потом — действительно, креативный, с чем здесь было не согласиться? Дизайнер, блогер, практически журналист, он был в этом обществе свой среди своих и даже выглядел всегда так же. Сейчас, оказавшись в павильоне, несмотря на уродливые декорации из закрытых ларьков, он чувствовал себя совсем не в штабе, куда его привели в качестве пленника вооруженные люди, а на светском мероприятии. Но самое главное, что оно так и было — не пройдя и половины павильона, Аксель встретил уже нескольких медийных персон, знакомых ему, к сожалению, только по фейсбуку. Повсюду были съемочные бригады — журналисты снимали обстановку, брали интервью у красивых и спокойных людей с мягкими голосами; здесь было полно девушек, и все они были выразительно и со вкусом одеты. Проходя мимо двух таких девушек, увлеченных беседой, Аксель услышал, что они обсуждают, как дизайнерски перестроить павильон — звучали слова «зонирование» и «подчеркивание светом». Да, света в этом павильоне не хватало всегда. Извинившись, девушки подвинулись и дали пройти людям с автоматами, ведущим пленника. Аксель откровенно оживился: все увиденное резко повышало его шансы на спасение. Он ведь и выглядел практически как все эти люди вокруг, выделялись из общей картины как раз автоматчики — именно они смотрелись здесь ужасающе странно и нелепо.

А тем временем они прошли почти весь павильон — предстояло подняться по лестнице, под купол — туда, где улыбается Гагарин. Точнее, улыбался. Аксель только увидел, что никакого Гагарина на привычном месте больше нет — стена завешена огромным полотном, на котором изображено совсем другое лицо — Аксель всего лишь пару секунд пытался вспомнить, что это за человек: в незапамятные времена он был ярким несистемным оппозиционером и даже баллотировался в

мэры Москвы. Впоследствии он провел долгие годы под арестом, но Воины Свободы обещали его освободить, и, если Москва взята, они уже наверняка это сделали, подумал Аксель.

Под куполом в хаотичном порядке были расставлены мягкие диваны, кресла с подушками, на которых сидели разные люди с ноутбуками белого цвета и сосредоточенными лицами. Они не обращали ни на Акселя, ни на автоматчиков никакого внимания. У стены стояла небольшая очередь из желающих «сделать лук», как говорили в компаниях, где вращался Аксель. Одни красивые девушки становились возле огромного портрета, другие их снимали. Внизу огромного полотна красовались логотипы знакомых Акселю СМИ — родного «Эха», «Свободы», «Слона», «Дождя». Надпись над ними гласила «Информационные партнеры антинародного восстания».

Автоматчики подошли к одному из диванов, на котором сидел скучающего вида человек с большим фотоаппаратом. На вид это был спортивный, и в то же время интеллигентный человек лет пятидесяти, обладатель седеющей бороды и очень тонких очков с едва заметной оправой. На ногах у него были желто-красные кеды. Человек просматривал снимки.

— Анатолий,— произнес один из автоматчиков.

Человек поднял голову и посмотрел вопросительно.

— Наш — не наш? — спросил автоматчик, указывая на Акселя.

— Этот? — голос человека звучал как-то нервно, при том, что внешне он был совершенно спокоен. Автоматчик кивнул.

— Нет, не наш,— ответил человек и уткнулся в фотоаппарат.

— Ну как же? — отчаянно закричал Аксель — Как же не наш? Наш я. Вы посмотрите на меня? Вы же мои блоги наверняка читали, мы в друзьях друг у друга есть, сто процентов. Вы же ничего про меня не спросили, в конце концов!

Человек снова отвлекся от фотоаппарата и поднял взгляд. На сей раз он был очень удивлен.

— Если ты сюда пришел под конвоем, значит, ты уже не наш. Ты мог убежать, тебя же не держали за руки. Свободный человек будет идти под конвоем?

— Меня грозились убить! — орал Аксель.

— Ну так, умер бы достойно, за идею.— ответил Анатолий.— А теперь умрешь как Шариков. В свиноводство его,— бросил он автоматчикам и резко встал со своего дивана.

— Так, ребята, хватит уже фоткаться, у нас другие дела есть. Освобождайте творческое пространство. Ребята и девчата, я кому сказал, ау! — Анатолий энергично захлопал, но девушки продолжали фотосессию.

— Ну расстрелы же, ребята, массовые расстрелы, которых вы так хотели,— продолжал Анатолий,— которые вместе с любовью спасут мир, как вы знаете. Давайте, освобождайте помещение.

Дверь слева от стены отворилась, и вооруженные Воины Свободы ввели людей со связанными руками. Их было человек тридцать, большинство шли молча, некоторые переговаривались.

— Мы не там искали врага, Вадим,— громко и сокрушенно произнес один из них, усатый мужчина лет сорока.

— Если бы мы знали,— отозвался парень в белом свитере.

— Я знаю только одно,— крикнул хрупкий юноша, по виду студент.— За нами все равно правда.

— Ой, ну какая правда, шутники? — громко перебил их Анатолий.— Какая у рабов может быть правда? Ребята,— крикнул он кому-то на диване.— Ребята, ребята! Включите музыку.

Один из людей, не вставая с дивана, нажал несколько кнопок на своем ноутбуке, и под куполом раздалась музыка:

Если ты не помнишь, ты ни черта не можешь
Сделать мне глаза видящими сон
Я урод и мразь, по твоим словам
Но я желаю встать
И идти по головам

— Что за музыка? — крикнула одна из девушек.

— Как, Любочка, ты не знаешь? «Синекдоха Монток», прекрасно, не правда ли? Рабы не поймут. Они и слов-то таких никогда не слышали.

— Ничего, скоро рабов не будет, скоро все будут слушать свободную музыку! — весело ответила девушка.

— Твоя правда,— кивнул Анатолий.— Мы ядро свободного восстания! Нас транслируют в прямом эфире! Вся страна теперь знает, что люди свободы пришли! Конец их шансону, конец Петросяну, конец их никчемным жизням! Прочувствуй момент! Всю жизнь гордиться будешь!

Парни в очках жестами и легким пинком развернули Акселя, и тот, отвернувшись от сцены, начал спускаться по ступенькам. Положение его теперь было катастрофическим. Навстречу прошли несколько вооруженных парней в черных футболках, и сзади послышался возглас приветствия:

— Ребятушки, только все делаем красиво,— запричитал Анатолий.— Медленно и красиво. Мне нужно сделать карточки. Я покажу тут некоторым красоткам, как нужно профессионально фотографировать. А не то, что вот, это возле стены. Так, этих баранов сюда ставьте...

Голос Анатолия постепенно утонул в окружающем шуме, и, уходя все дальше от этого голоса, Аксель совершенно точно понимал, что больше никогда его не услышит. В голове не было никаких мыслей, ноги и руки отнимались, и подступала тошнота — не экзистенциальная, сартровская, а самая настоящая, физиологическая тошнота. Он понимал, что из этой уютной творческой лаборатории, креативного кластера, колыбели новой революции XXI века, он выйдет не в мир, полный надежд новых людей, которые примутся строить прекрасное общество, а в какой-нибудь закуток возле павильона, где скорее всего, его пристрелят. Но, несмотря на отчаянное положение, ему не хотелось ни с кем говорить, ни о чем думать. «Может быть, моя жертва — необходима,— промелькнула мысль.— Ведь писали же мне, еще во время первых митингов, мол: против вас же и обернется. Но умереть во славу нового мира, может, не так уж и страшно».

Они прошли мимо павильона «Электрификация» по узкой и грязной дорожке и вышли к огромному полю, окруженному хлипким забором. Аксель помнил отлично это место: потому что в любой компании, один, а тем более — с девушкой — он стремился быстрее пройти его, а то и вовсе обойти другою дорогой. Здесь собирались самые специфичные, маргинальные посетители парка — из тех, что всем развлечениям предпочитают драки и алкогольные энергетики. Именно против них восставали первые Воины Свободы, но, видимо, слишком многих записали в их ряды.

— Стоит только начать,— медленно проговорил Аксель.— Потом не остановишься.

Его конвоиры никак не прореагировали на замечание. Выходило солнце, и Акселю пришлось прищурить глаза, осматривая поле. Да, он помнил его. С обеих сторон поля стояли многочисленные полувыломанные лавочки, а за ними, словно по чьей-то ироничной задумке — павильоны «Овцеводство» и «Крупный рогатый скот». В знакомые только по архивным видеозаписям времена Советского Союза на этом поле

действительно демонстрировали овец, свиней, коров и прочих полезных животных. Аксель всматривался в происходящее вокруг и пытался представить, какая роль будет отведена полю сейчас. Акселю становилось страшно. Он почувствовал, что кто-то сначала толкает его в спину, затем сильно бьет чем-то тяжелым — автоматом? — по спине, но у него не получается сделать и шага, он открыл рот, словно рыба, выброшенная на берег, выпучив глаза и пытаясь вдохнуть, но дышать тоже не получалось, и... «Если меня сейчас убьют — наверное, это будет не самый плохой вариант»,— подумал Аксель перед тем, как понять, что к его голове приближается огромная и черная стена, и он сейчас встретится с ней, не шелохнувшись даже, и эта встреча принесет ему долгожданный покой, и ужас — ужас, парализовавший сердце, наконец, отступит.

И он отступил.

По вечерам темнеют
В залах экраны,
И поют провода о судьбах
Коротких, как телеграммы

— всплыла в голове услышанная когда-то песня.

Красивая девушка с белыми волосами в красном коротком платье и открытых черных туфлях на тоненьком каблуке стояла, склонившись над Акселем, и гладила его лоб. Аксель чувствовал мелкую дрожь, охватившую все тело, и сухость во рту. Он хотел было издать какой-то звук, но не стал и только изобразил смущенную, полубезумную улыбку. Слепило Солнце, а может, это девушка в красном источала сияние, будто ангел. Откуда она здесь взялась?

— Пойдем,— она схватила его за руку и помогла подняться. Аксель посмотрел на себя: кто он теперь, помятый, избитый, окровавленный, извалявшийся в грязной земле? Интернет-воин Свободы, популярный и модный блогер или бессловесная скотина, туша, предназначенная на убой? Почему все случилось именно так, а не иначе?

Он снова поднял глаза на девушку. Но та отвернулась от него и бежала, подпрыгивая, словно взлетая над землей, и красное платье ее развевалось по ветру. «Нужно идти за ней»,— понял Аксель. Вокруг никого не было — куда бы он ни посмотрел. Ни единой души, ни автоматчиков, ни полицейских, ни той странной публики, встреченной им в Антинародном штабе — показавшейся ему близкой и ставшей чужой. Возле стен павильонов лежали трупы — это были люди в мешковатых одеждах, невзрачных куртках, потертых спортивных костюмах, дешевых пиджаках и джинсах. Они лежали друг на друге, перепачканные липкой грязью и собственной спекшейся кровью. На многих были отчетливо видны следы пыток: были вырваны глаза, отрезаны уши и носы. Среди них было много людей в полицейской форме, и, глядя на них, Аксель почему-то вспомнил омоновцев, отдавших женщинам избитого Воина Свободы. Кто-то сгреб тела в эти кучи, распределил возле стен, расчистив дороги, по которым теперь никто не шел — кроме девушки в красном, исчезнувшей за поворотом. Живые исчезли. Почему его, Акселя, не постигла участь тех, кто лежал с перерезанным горлом или изрешеченный пулями? Почему он спокойно спал, дожидаясь таинственной девушки? Может, потому что сон и есть — настоящая свобода, недосягаемая ни для воинов, ни для их оппонентов, настоящая, безграничная свобода, какая только возможна для одного человека. Для личности, как бы раньше сказал Аксель. Сейчас бы он так не сказал.

Он прошелся пустой дорогой мимо магазинчика, где раньше продавали мед, мимо полуразрушенного старого здания с новой металлической дверью — оно сдавалось под офисы — мимо «Мацепекарни», которую оголтелые современные фашисты

регулярно уродовали свастиками. Ей и сейчас досталось — двери были выбиты, и за ними зияла черная пустота. Вместо свастик на стене красовались надписи «Слава Свободе» и «Анти-народ». Впрочем, и старые свастики кое-где были видны.

Сразу после мацепекарни Аксель свернул налево: он помнил, что сейчас откроется вид на большой пруд, посреди которого стоит «Золотой колос» с огромной дырой. На этом пруду когда-то отдыхали любители водной романтики — на маленьких лодочках и катамаранах они подплывали к Колосу, высаживались и спешили сделать кадр на фоне дыры, а некоторые — так и залезть в нее. Сотрудники лодочной станции, суровые мужчины, раздетые по пояс, стремились перекричать всех отдыхающих, злились: — «Нельзя, нельзя! Запрещено».

Но теперь ничего не было запрещено. И взглянув в сторону пруда в надежде, что где-нибудь промелькнет красное платье девушки, Аксель увидел совсем другой красный цвет — его было гораздо больше, и он был темным и страшным. Вся вода в пруду была красной. Из нее торчали остатки человеческих тел — чьи-то руки, головы, фрагменты внутренностей, органов, и все они плавали в крови — казалось, что это не вода окрасилась в кровавый цвет — нет — казалось, что воды и вовсе не было, что это кровь поглотила воду, а не наоборот, и над кровавым прудом стоял пар и жуткий смердящий запах, от которого у Акселя закружилась голова и подкосились ноги.

Он в ужасе отвернулся назад, чтобы не видеть больше зрелища, и обнаружил, что рядом с ним стоит та самая девушка. Она молчала и загадочно улыбалась, словно не знала о том, что в нескольких шагах от нее — ад, и просто вышла с приятелем на романтическую прогулку. А позади нее уже собирались малыми группами мрачные люди с замотанными платками и шарфами лицами, с цепями и дубинами в руках. Они что-то кричали и поджигали огненные бутылки, и кидали в еще уцелевшие здания. Над ними поднимался черный дым, и девушка, вдыхая его, чуть шевелила носом и, казалось, что она на пике счастья, на гребне блаженства. На вершине мира. Но Акселю было страшно. Он смотрел на девушку робко, и только шептал неосознанно похолодевшими, мертвенно бледными губами:

— Это же был такой прекрасный парк... Зачем все это нужно? Зачем?

Девушка повернулась к нему, посмотрела ласковым взглядом, а затем протянула руку и погладила его по голове:

— Нет ничего прекрасней свободы.

Земля зашаталась под ногами Акселя, чем черт не шутит, может, для него уготован персональный ад, успел подумать он, или на что там еще способна эта девушка — Свобода ради своего экстаза и вдохновения. Но тряслась на самом деле не Земля — трясли его, Акселя, тело, которому оставалось преодолеть всего несколько минут до погружения в свой последний сон. Сейчас же ему предстояло проснуться, хотя он это слабо понимал.

Чья-то тяжелая рука, неведомая сила, растолкав Акселя, резко подняла его на Землю и толкнула в сторону поля. С трудом понимая, что происходит, он все же увидел, что поле превратилось в арену, окруженную по всему периметру автоматчиками, а на уцелевших лавочках, где когда-то проводили время любители маргинального отдыха, сидели люди в разноцветных, пестрых одеждах, с белыми телефонами в руках. Они шумно переговаривались между собой и жаждали начала зрелища. Повернув мутный взгляд в их сторону, Аксель заметил съемочную бригаду с камерой и микрофоном — чуть поодаль от них пишущие журналисты уже были готовы стучать по клавиатурам.

Крепкий парень в черной футболке с надписью FREEDOM вручил ему огромный кухонный нож и стеклянную пивную бутылку.

— Замахнешься на меня — пристрелю,— скороговоркой проговорил парень.— Выйти оттуда можешь только победителем.

Он толкнул Акселя на арену, где уже стоял, тревожно осматриваясь по сторонам, худой и бритый наголо молодой человек с кольцом в ухе. У того в руках был такой же нож, а пивную бутылку он поставил на землю.

— Итак, вот твой соперник,— крикнул ему парень в черной футболке.— Деритесь насмерть, как настоящее быдло. Пощады будет удостоен только один из вас. Только победитель.

Зрители зашумели, приступив к ставкам.

— Что вы от меня хотите? — спросил Аксель. В голове его стоял гул, как на стадионе в Южной Африке, где тысячи зрителей одновременно дули в вувузелы — да, наш Аксель успел побывать даже там.

— Деритесь,— крикнула какая-то девушка из зрителей, он повернулся и узнал ее: ошибки быть не могло, это она, Девушка-Свобода из его сна. Но почему, почему так? Акселю хотелось разрыдаться и упасть на землю.

— Вы же быдло, покажите нам настоящую поножовщину! — крикнула другая девушка.

— Бытовухи хотим! — заорала третья.

— Давайте, как омич против томича,— подбадривал пленников парень в футболке FREEDOM — Ты будешь омич, а ты будешь томич. Настоящее соревнование быдла. Вы ж только бухаете и режете друг друга по пьяни. А это разве не смешно? — он обернулся к зрителям, и те вновь зашумели.— Хотим веселья! Кто же победит на этот раз, омич или томич?

— Но мы не они! — закричал в отчаянии Аксель, выронив нож.— Я думающий. Я прогрессивный. Я блогер. Я не овощ, в конце концов. Почему вы этого не видите? В кого вы меня превратили?

— Какая разница? — громко и властно произнесла Девушка-Свобода — Быдло должно быть, значит, кто-то должен им быть. У нас здесь театр. У нас здесь хороший день. Пожалуйста, улыбайтесь нам,— и она сама улыбнулась ослепительной улыбкой.— Не портьте девушкам праздник.

Аксель понял, что он обречен. Он подошел к своему сопернику и оглядел его. Тот тяжело дышал и то поднимал глаза на Акселя, то отводил их. Ему было страшно.

— Ты боролся за них? — спросил Аксель.

— Ни,— покачал головой бритый парень.— Я приихав з Украини. Тамо все было як треба. А здесь — я не разумию, шо. Я не разумию. Я приихав як герой. Я хотив найкращого майбутня. Як у нас, титушок переризали — и счастье. Все пийшло не так, який-то сбой, ти разумиешь — сбой?

— Ты чувствуешь себя свободным? — мрачно ухмыльнулся Аксель.

— Так. Свободу не прирежешь, не убьешь. Прирезать можно тильки быдло. Ну ты шо расслабился? — он сделал пару шагов в сторону Акселя, заставив того в растерянности отступить.— Пойихали!

Сквозь шум и смех Аксель услышал щелчок фотоаппарата. За ним — еще один. И еще.

3

«Огромное колесо с надписью «Москва 850», поваленное на землю, ракета на центральной площади, установленная когда-то в память о псевдодостижениях совка, а ныне изрубленная на куски, сожженный дотла павильон белорусских шмоток для нищебродов— вчерашние символы этого парка на северо-востоке Москвы нынче повержены праведным гневом сильных и смелых людей. ВДНХ, ВВЦ — так называли раньше это место, изобиловавшее всевозможными развлечениями для быдла. Те-

перь же это главная антинародная территория страны, а сегодня она станет еще и площадкой для нового искусства. Отныне она так и называется: Антинародный парк. На этом месте за моей спиной находился фонтан, символизировавший якобы дружбу народов, а на самом деле прославлявший цепи рабства для рабочего сброда разных национальностей. Сейчас его равняют с землей экскаваторы, а по освободившемуся пространству уже готовятся проехать десятки катков. Вскоре здесь будет установлена площадка, где будут выступать молодые группы из Екатеринбурга. В этом городе сейчас также идут бои за освобождение интеллектуально полноценных людей от сожительства с ватниками.

— Наш город, к сожалению, у многих людей Свободы ассоциируется с позором, от которого, как нам долгое время казалось, мы не сможем не отмыться — я говорю об Уралвагонзаводе (надпись внизу экрана: Артур Циолковский, солист группы «Наракалока»). Теперь этот позор будет смыт кровью. Но поскольку мы люди мирные, то поиграем тут пока, а вернемся, надеюсь, уже совсем в другой город. У нас клево, и светит Солнце.

Вместо вызывавших брезгливую усмешку у всех приличных людей осетинских ресторанов с шашлыками и шансоном, в новых кафе можно будет платить не за конкретный заказ, а за часы пребывания. Уже сейчас популярные дизайнеры Москвы, знаменитые проектами известных антикафе в центре Москвы, отмеченных актуальными журналами «Афиша» и «Большой город», поделили территории парка на своеобразные зоны ответственности. Разумеется, в заведениях, которые они обещают открыть в кратчайшие сроки, не может быть и речи об алкоголе. По мнению Лили Ореганы, владелицы нескольких антикафе, этот способ развлечения уходит в прошлое.

— Алкоголь — это развлечение ватников (надпись внизу экрана: Лили Орегана, владелица антикафе). Вот пришел ватник домой, снял свой ватник, извините за тавтологию (смеется), и давай бухать. Жену свою позвал, такую же пропитую дуру, как и он, и вот они пошли смотреть какого-нибудь сферического Петросяна.

В самом Антинародном штабе, расположившемся в бывшем павильоне № 32, отданном прежней преступной властью торговцам семенами, работа кипит, не останавливаясь ни на минуту.

— Я готовлю проект переименования ближайшей к нам станции метро в Антинародную. Почему так спешно, нет других дел? — спросят меня. (Надпись: Станислав Облаков, координатор Антинародного штаба) Я отвечу: потому что главная борьба сегодня идет на семантическом фронте. Наша аудитория — аудитория победивших свободных людей свободной страны — она, знаете, не интересуется вот этими социальными подачками, выплатами пенсий, там, льгот, общественным транспортом, бесплатной, простите, медициной — это все для рабов. У нашей аудитории все есть, и ей, конечно, ничего из этого не нужно. Им нужна хорошая музыка, увлекательное чтение и игры в Мафию. Посыл переименования ВДНХ в Антинародную таков: быдлу здесь делать нечего. Любой, кто решит приехать сюда, сунуть свой, что называется, нос, должен отдавать себе отчет в этом. Если ты раб — тебе нечего делать в Антинародном парке. Как и в Москве в целом.

А тем временем, рабы не спешат покидать территорию парка. Видимо, стесняясь выходить на широкие дороги и показываться на глаза приличным людям, они сбиваются в кучки и бродят, как тени, среди деревьев. Наверное, в поисках бесплатного пива. Видимо, эти паразиты еще не осознали, что все бесплатное кончилось, а тем более — пиво. Не в силах оказать сопротивление новым свободным людям, наиболее агрессивные рабы убивают друг друга: взгляните на этих безумцев со стеклянным взглядом и полным отсутствием интеллекта на лицах, дерущихся на кухонных ножах и пивных бутылках с отбитым горлышком. Удивленные свободные люди, открыв

рты, смотрят за тем, как рабы продолжают вести свой гнусный образ жизни вместо того, чтобы присоединяться к мирной революции Воинов Свободы.

— Вообще я бы не стал так драматизировать. (Анатолий Трунин, главный координатор Антинародного штаба, официальный фотограф Антинародной революции.) — Рабы поубивают друг друга, только-то и всего. Не нужно им в этом препятствовать, это всегда было. Потому что эти безмозглые твари больше ни на что не способны, давайте говорить честно. Посмотрите на их глаза, они напуганы, они чувствуют приближение Свободы. И сторонятся, прячутся по углам. Потому что для настоящего раба нет ничего страшнее свободы, ничего на свете. Свобода приводит их в ужас.

Чтобы проверить эти слова, проведем небольшой эксперимент. Достаточно просто попытаться заговорить с кем-то из этих людей. Но даже обыкновенная человеческая беседа с корреспондентом становится для них трудновыполнимой задачей.

— Мы просто гуляли здесь. (Надпись внизу экрана: Лена и Вадик, биологический мусор.)

— Что значит просто гуляли? Сегодня праздник Свободы. Здесь каждый занят своим делом. Чем заняты вы?

— Пожалуйста, помогите нам выбраться (плачет).

Как видим, рабов даже в такой исторический день волнуют только свои низменные, обывательские интересы и мелкие житейские проблемки. К сожалению, такие люди еще остаются. Однако скоро, по заверению координаторов Антинародного штаба, их не будет совсем. И действительно, взгляните вокруг: стыдно быть быдлом, когда рядом так весело горят покрышки, так величественно и грозно устремляется в небо черный дым, словно бросает вызов самому Богу — в которого люди Свободы, конечно, не верят — и как сильны парни, разжигающие этот вечный огонь, не устающие закидывать в него все новые и новые покрышки.

— Вот некоторые недоделанные люди позволяют себе открывать рот и заявлять, что вы экстремисты. Что бы вы им ответили?

— Я бы им вот что ответил. Я думаю, что экстремизм — это прелесть жить. (Надпись внизу экрана: Владимир, воин Свободы.) Само слово экстремизм придумали рабы, чтобы держать свободных в клетке. Но вы ведь понимаете, что нет такой клетки, в которую могла бы уместиться свобода. Человек будущего не станет бояться, он будет жечь и кидать, понимаете, не рефлексируя. Он все разрушит!

Эту, с позволения сказать, женщину, на вид лет 40, мы нашли валяющейся в кустах в луже грязи и собственных испражнений. Как видите, она обеими руками вцепилась в пакет из «Пятерочки» — в отсутствие иных ценностей, для быдла набитый дешевой жратвой пакет становится смыслом их жалкого существования.

— Я не хочу никуда идти (плачет). (Надпись внизу экрана: Мила, биологический мусор.) — Я боюсь наступления темноты. Они снова будут врываться в дома. Они придут ко мне (закрывает лицо руками). Не снимайте, пожалуйста, не снимайте.

Всех, кто шокирован этим подлым вреньем, поспешу заметить: сотрудники Свободного телевидения уже сообщили координаторам Антинародного штаба, где прячется это недостойное называться человеком существо. За что и получили вот такую замечательную печеньку (демонстрирует в камеру). М-м (улыбается) и, надо сказать, очень вкусную. Для свободных, конечно, людей. Ведь рабы, как мы знаем, вкусов не различают».

4

Да. И забыл рассказать еще кое-что.

Вы сидели когда-нибудь глубокой ночью за рулем огромного черного джипа, на мягком сиденье с подогревом, посреди разбитой дороги, сдавленные справа и слева

стенами непроходимого леса? И чтобы моросил дождь, а фары источали мягкий свет, но впереди все равно была непроглядная чернота, и вы знали, что ни единой души не может оказаться в этом месте, потому что вы и сами, в—общем, совершенно непонятно как здесь оказались.

Нет, мне кажется, что с вами такого не случалось. А с человеком в кожаной куртке с белым ноутбуком в руках происходило сейчас именно это.

«А тем временем, рабы не спешат покидать территорию парка,— раздавалось из ноутбука.— Видимо, стесняясь выходить на широкие дороги и показываться на глаза приличным людям, они сбиваются в кучки и бродят, как тени, среди деревьев. Наверное, в поисках бесплатного пива. Видимо, эти паразиты еще не осознали, что все бесплатное кончилось, а тем более — пиво».

Человеку с ноутбуком особенно нравился этот момент записи. Он запрокидывал голову и предавался какому-то гомерическому хохоту, идущему из самых глубин его — он захлебывался хохотом, трясся всем телом, хватался в забытьи то за рычаг, то за руль, но тотчас отпускал их и продолжал хохотать. Казалось, его демонический хохот раздавался по всему лесу — конечно, хрупкий каркас джипа не был способен его сдержать, да и стекло было опущено — и звук преломлялся, отражался от деревьев и устремлялся дальше, вглубь, пока не гас где-нибудь в совсем не проходимой чаще. Едва отойдя от смеха, человек водил пальцем по ноутбуку и возвращал запись к полюбившемуся месту:

— Стою ли я чего-нибудь,— произносил он сквозь слезы и качал головой.

«Стесняясь выходить на широкие дороги и показываться на глаза приличным людям, они сбиваются в кучки и бродят, как тени, среди деревьев. Наверное, в поисках бесплатного пива»,— послушно повторялась запись, и человек вновь закидывал голову и хохотал, уставившись в коричневую обивку крыши автомобиля:

— Ха, ха, ха, ха, ха! — громко повторял он. Наверное, если бы истуканы на острове Пасхи могли смеяться, их смех звучал бы приблизительно так же.

«Мы рады тому, что наконец, можем определять свое будущее сами,— неслось из ноутбука.— Слава Свободе!»

Зазвонил телефон, оставленный на соседнем кресле, и человек, ворча и охая, потянулся за ним и поднес к уху.

— Слушаю,— недовольно произнес он.— Да, мгм, да... У меня вообще мало времени, знаешь, я занят,— человек становился мрачнее и нетерпеливее.— Занят, знаешь, очень важным делом. Не мне перед тобой отчитываться, или ты считаешь иначе? Ну что значит просьба, ну какая просьба? Не, ну ты знаешь, как задолбал своими просьбами. Вся страна задолбала своими просьбами! Сначала одна просьба, потом вторая просьба, все время чего-то надо, еще и еще. Ну какая свобода? Что значит во имя свободы? Мне знаешь, наплевать вообще на все это: свобода — несвобода. Ну вас всех к черту. Мне просто скучно. Я перепробовал все. Я развлекаюсь, понимаешь?

Человек замолчал и сделал громче звук ноутбука. На экране показывали каких-то парней и молоденьких девочек в разноцветных одеждах и масках на лицах, танцующих на сцене. Повсюду развевались флаги, сливалась в экстазе счастливая молодежь.

— Песенки вот эти ваши,— проворчал человек в трубку,— захочу, будут они, захочу — их не будет, песенок этих. У меня свои планы, ты мне мозги-то знаешь, не компостируй, своей свободой. Что ты мне тычешь в нос своей свободой? Пойди в песочнице поиграй. У меня свобода своя. Она всю вашу свободу кормит, и еще десять таких. Я купил вашу свободу, понял? Так что заткнись.

Человек нервным движением закрыл ноутбук и включил магнитолу. Раздались какие-то шумы, и, нажав несколько кнопок, человек понял, что радио поймать не получится. Выругавшись, он нажал на другую кнопку, и в салоне раздался мягкий голос певца:

Как хочется взлететь, как манит глубина
Как много надо спеть и то, что ты одна
Есть время для любви, время умчится молчать
И знаешь это все, что я хотел сказать.

— Ну чего где? — внезапно заорал человек.— Здесь я, здесь. Чего ты от меня-то хочешь? Далеко зашло, говоришь? Не рабы, говоришь, страдают? Я чего-то не врубаюсь. Для меня они все рабы, понимаешь, и ты раб, да. Вначале я тоже не на тех поставил, кто ж знал, что они слабаки? Но прикольные. А ваши мне машину мне угробили. Кто возмещать будет, а? Ну, не трясись, я в новой уже, все в порядке. Кого вы там не контролируете? Я всех контролирую. Что значит дай назад? Я тебе под зад дам, а не назад. Мне насрать, ну дал ребятам денег, ну побузили они. Вы знали, на что идете? Знали. Ну что Ефим-то теперь, что Ефим? — Он погладил редкую бороденку и поправил аккуратные круглые очки.— Я уже тысячу лет Ефим.

Человек оторвал телефон от уха, отключил его и откинулся на спинку кресла. Играла музыка:

Больше ничего — ничего — ничего
Больше ничего
Больше ничего — ничего
Больше ничего...

Он внезапно вцепился в руль и издал дикий, животный возглас:

— Аааааааааааааа!

Машина рванула с места и, набирая скорость, покатилась по разбитой дороге между деревьев.

Как важен первый шаг, как музыка чиста
И как парит душа, все с чистого листа
И солнце на закат, нашей любви волшебство
И знаешь это все, а больше ничего.

Человек за рулем хохотал, бился в истерике, и жал на педаль:

— Ну давай, давай!

Джип набрал скорость, черные деревья за окном сливались в общий фон — и две стены сходились где-то сзади, там, откуда автомобиль начал путь — в прошлом. А впереди проступало будущее: черные стены обрывались внезапно, как разговор тысячелетнего Ефима с неведомым собеседником, и взору человека за рулем открылась пропасть. Человек за рулем впился жадным взглядом в лобовое стекло: дороги больше не было, а была полная Луна, отливающая болезненной желтизной, зависшая над обрывом, и звездное небо — бескрайнее звездное небо, отрытый Космос, извечная Пустота, и хохот. Начиналось свободное падение.

Вот как-то так. Теперь все рассказал.

И больше ничего — ничего — ничего
Больше ничего
Больше ничего — ничего,
Больше ничего.

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ

III. ДЕЖАВЮ

1. Сказание о геростратах

* * *

Как же так оно случилось,
Что у нас в родном краю
Проросло и проявилось
Чудо-юдо дежавю?

Не фундук и не арахис,
Но, однако ж, знатный фрукт:
Чудо-юдо *Крошка Цахес** —
Тоже западный продукт...

Снова лыко да мочало,
Стародавний оборот:
Тело Гришкино пропало,
Дело Гришкино живет...

Времена пришли лихие,
И пошел такой разлад,
Что теперь опять чужие
Армянин, казах, бурят...

Начало конца

Кто ж повинен, что распался
Триединый организм,
Чтоб в Отчизне утверждался
Воровской капитализм?

---

* Персонаж сказки немецкого писателя Э. Т. Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер» — уродец телом и душой, которому по волшебству дан особый дар. Любое достойное похвалы дело, совершенное в его присутствии, приписывается ему, и наоборот, стоит ему сделать что-либо отвратительное или постыдное — в глазах присутствующих сделавшим мерзость кажется кто-то другой.

Как стряслось-таки несчастье,
И добро побила гнусь
Так, что рухнул в одночасье
Нерушимый наш Союз?

Нам бы жить, сквозь годы мчаться[*]
На коне во весь опор,
Множить мощь страны, богатство,
Да в Кремле уселся вор.

Подняла башку Измена,
И с Вождем простились мы.
Так помалу, постепенно —
Докатилось до сумы...

Громким выдалось начало:
Лихо прошлое круша,
На усопшего восстала
Кукурузная душа[**].

Тот, кто у Вождя на даче
Пил и бацал гопака
С клятвой в верности собачьей,
Месть готовил *за сынка*[***].

Шут сыграл в судьбе России
Отвратительную роль:
Начинания благие
Перемножены на ноль.

После кормщика-титана
Дурень взялся за штурвал,
И корабль во мгле тумана
Сбился с курса, заплутал.

И *лицом к лицу*, плутая,
Уж *не разглядеть лица*[****]...
Видел *Кормчий*[*****] из Китая,
Где начало у конца,—

---

* «*Мне бы жить и жить, сквозь годы мчась...*» (В. Маяковский, «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», 1926).

** **Ники́та Серге́евич Хрущев** (3 [15] апреля 1894, Калиновка, Дмитриевский уезд, Курская губерния, Российская империя — 11 сентября 1971, Москва, СССР) — Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы, прозванный в народе «*Кукурузник*», «*Великий Кукурузо*», «*Кукурузвельт*»...

*** *См. http://www.infoorel.ru/forum/forum_read.php?f=27&id=288480.*

**** «*Лицом к лицу лица не увидать...*» (С. Есенин, «Письмо к женщине», 1924).

***** **Ма́о Цзэду́н** (пиньинь: Máo Jédōng; 26 декабря 1893, Шаошань — 9 сентября 1976, Пекин) — китайский государственный и политический деятель XX века, прозванный китайцами «*Великим Кормчим*».

Наши беды предвосхитил
И, проникнув в суть вещей,
Он сказал: «Пришел губитель
Светлых ленинских идей!..»

Даже враг извечный Черчилль
Не принял хвалебных слов:
«*Нет, не я страшнее смерча*
Для России, а Хрущев![*]»

Этот тип был редким хамом.
Он, невежда, горлопан,
Вдруг назвал Вождя тираном,
Несмотря что сам тиран;

Дескать, шел путем кровавым,
Мол, воздать ему пора
По делам его неправым...
Вор кричит: «Держи вор*а*!»

Это *он,* Хрущев, в тридцатых,
На расправу лют и скор,
Первым был среди проклятых
Тех, кто развязал террор!

Двое псов их — он да *Эйхе*[**],
Что в Сибири лютовал,
В те года, в той давней вехе
Поднялись на пьедестал.

Он в пределах подмосковных
Заварил такой котел...
Сорок тысяч невиновных
Под репрессии подвел,

Словно не был человеком...
Проявляя раж и пыл,
Хищно роясь по сусекам,
Даже *кулаков* нарыл

В год, когда везде колхозы!
Да тогда, в тридцать седьмом,
Где ж их взять?! От сильной дозы,
Что ли, тронулся умом?

---

* В конце ноября 1964 г. в парламенте Англии на праздновании 90-летия У. Черчилля за него был предложен тост как за самого ярого врага России. Ответ Черчилля прозвучал так: «К сожалению, сейчас имеется человек, который нанес вреда стране Советов в 1000 раз больше, чем я. Это Никита Хрущев, так похлопаем ему!»

** **Ро́берт И́ндрикович Э́йхе** (латыш. Roberts Eihe; 12 августа 1890, Курляндская губерния — 2 февраля 1940, Москва) — советский государственный и партийный деятель, революционер. Делегат 3-го конгресса Коминтерна (1921). Член ЦИК СССР. (*См. И. Чигирин, Отец. Тайна смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях, ИД Тончу, ИД Достоинство», М. 2012, стр. 292.)*

Он потом *на Украине*
Бесновался вдоль и вширь
Так, что помнится поныне...
Кровожадный нетопырь!

Раб карьеры, сын корысти,
Злой и мстительный пострел
Умолял Вождя: «Повысьте
Разнарядку на расстрел!

Мы вот так, врагов корчуя,
Революцию спасем!
Я всегда измену чую
Острым классовым чутьем!

Всюду, по моей оценке,
Притаился скрытый враг,—
Надо больше ставить к стенке!»
Вождь в ответ: «*Уймись, дурак!*»

Прикусил язык Никита.
Враз смикитил, что пока
Голова цела, не бита,
Лучше слыть за дурака.

Эйхе — тот смышленым не был,—
Знай себе, Народ гвоздил.
И за то свинца отведал:
Вождь злодейства не простил!

Точно так же в этой теме
Косиор да *Рудзутак*...*
А Хрущева в это время
Очень выручил гопак.

Хоть и малость бестолковым,
Вождь его своим считал.
Он с Никитой, как с *Ежовым***,
Правду молвить, маху дал.

---

* **Станисла́в Вике́нтьевич Косио́р** (польск. Stanisław Kosior; 6 [18] ноября 1889 года, Венгрув, Седлецкая губерния, Царство Польское, Российская империя (ныне — Мазовецкое воеводство, Польша) — 26 февраля 1939 года, Москва, СССР). Советский партийный и государственный деятель. Генеральный секретарь Коммунистической партии Украины, заместитель председателя правительства СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б). Один из главных организаторов украинского голода 1932—1933 годов. (*См. И. Чигирин, Отец. Тайна смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях, ИД Тончу, ИД “Достоинство», М. 2012, стр. 157—258; Е. Прудникова, Хрущев. Творцы террора, ОЛМА Медиа-групп, М., 2008,стр. 215—220.)*

Ян Э́рнестович Рудзута́к (латыш. Jānis Rudzutaks; 3 [15] августа 1887 года, хутор Цауни Курсишской волости Гольдингенского уезда Курляндской губернии Российской империи, ныне Латвия — 29 июля 1938 года, Москва) — революционер, профсоюзный и государственный деятель СССР.

** **Никола́й Ива́нович Ежо́в** (19 апреля [1 мая] 1895 года — 4 февраля 1940 года, Москва, СССР) — советский партийный и государственный деятель, генеральный комиссар госбезопасности.

Но Ежов закончил плохо,
А Хрущев, к несчастью, нет
И устроил нам, пройдоха,
Череду фатальных бед.

Он-то не был одиноким!
И соратники нашлись,
Те, что в прошлом недалеком
К руководству поднялись...

Красные бояре

Кровью пролитой умыты,
Опаленные войной,
Славой многие покрыты,
Каждый воин удалой,—

Командиры, комиссары,
Что в Гражданскую врагу
От души давали жару,
Гнули контриков в дугу,

Шли на смерть и победили,
В битве с ворогом лихим
Власть Советов утвердили.
И за то спасибо им!

Пали стены капитала.
Бита вражеская рать.
Но война прошла. Настало
Время строить, созидать.

Тут подай талант особый,
Не моги рубить с плеча.
А начальник узколобый
Все погубит сгоряча.

Кулаком или наганом
Не достигнешь ни рожна.
Не тяни в колхоз арканом,—
Убеждай, ведь не война!

Он и сам, мужик, увидит,
Что колхоз ему в профит,
А какой дурак обидит —
Так обиду затаит...

Командиры, комиссары
(Ныне — партсекретари),
Нам теперь — гасить пожары,
Нам теперь — дерзай, твори!

Чтобы многого добиться
В новой, светлой полосе,
Завещал Ильич учиться.
И учились. Да не все...

Да, таких немало было,
Кто учиться не хотел,
Но, дорвавшись до кормила,
Власть вкусивши, осмелел.

Гонор, как у дворянина:
«Делай то-то, делай так!..
Что? Перечить?! Ах, скотина!
Я — начальник, ты — дурак!»

Прогневишь — себе дороже:
Будь семь пядей ты во лбу,
Но судьба тебе, похоже,
Проклинать свою судьбу.

Для таких, как ты, спасенья
Не отыщется нигде:
В тот же час без сожаленья —
Стук-постук в НКВД!..

Там, за сумрачным порогом,
Так печенки отобьют,
Что признаешься во многом.
А потом — неправый суд.

Заклеймят, мол, враг Народа,
Мол, *троцкист**... Тогда держись!
И — прости, прощай свобода,
А возможно, даже жизнь...

Как могло такое статься?
Что за страшное кино,
Если *Равенство* и *Братство*
Нами провозглашено?

Разве о таком мечтали
Мы в семнадцатом, когда,
Сбросив цепи, утверждали
Царство *Мира* и *Труда*?

---

* **Лев Дави́дович Тро́цкий** (псевдоним, также: Перо́, Антид Ото, Л. Седо́в, Стари́к и др.); имя при рождении Лейба Давидович Бронштейн; 26 октября [7 ноября] 1879; село Яновка, Елисаветградский уезд, Херсонская губерния, Российская империя — 21 августа 1940; Койоакан, Мехико, Мексика). Идеолог троцкизма. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 года, один из создателей Красной Армии. С 1923 года лидер внутрипартийной левой оппозиции. В 1929 году выслан за пределы СССР. В эмиграции вел переговоры с Гитлером о сотрудничестве и борьбе против СССР.

Как далёко до *Свободы*,
И откуда *Счастью*[*] быть,
Если нелюди *Ягоды*[**]
Кажут миру волчью прыть...

Хороши мы или плохи,
Но на жизненном пути
Человек — продукт эпохи,
И от правды не уйти.

Угнетенный и суровый,
Мироеду давший бой,
Он пришел для жизни новой,
Но пришел из жизни *той*.

Там, среди духовной скверны,
Где один другому зверь,
Где уж бить, так лучше первым,
И в высокое не верь,

Трудно в мире чистогана
Незапятнанным пройти,
Трудно душу без изъяна
У кого-нибудь найти.

Человек — дитя эпохи,
И понятно, почему
Ей присущие пороки
Так же свойственны ему.

По-другому не бывает,
И какой бы ни был век,
Бытие определяет
То, как мыслит человек.

Ну, а вмиг переродиться
Невозможно, позабудь:
Чтобы этому случиться,
Нужен очень долгий путь...

И с таким, как есть, народом
(Ведь другого просто нет!)
Власть Советов год за годом
Удивляла белый свет.

---

* ***«Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство, Счастье!»*** В этих лозунгах Советской власти сочетались общечеловеческие ценности.

** **Ге́нрих Григо́рьевич Яго́да** (имя при рождении — Енох Гершевич Иегуда, 7 [19] ноября 1891 год, г. Рыбинск Ярославской губ.— 15 марта 1938 года, Москва) — советский государственный и политический деятель, один из главных руководителей советских органов госбезопасности, нарком внутренних дел СССР, первый в истории «генеральный комиссар государственной безопасности».

И под звуки труб победных
(Быть иначе не могло!)
Было дел немало вредных,
И не раз творилось зло.

Много п*о*гани засело
В ГПУ-НКВД,
А когда такое дело,
Непременно быть беде...

Правда, заговор злодейский
Своевременно раскрыт
(Арестован *Тухачевский*[*],
Козырь Троцкого побит...),

Только чтоб не вышло хуже
И была бы служба впрок,
Злому псу намордник нужен
И короткий поводок.

Но куда там, если пес-то
Злей, масштабней во стократ!
Обуздать не так-то просто
Репрессивный аппарат.

Злобе черной давши волю,
Он от крови озверел,
Он противится контролю,
Он стоит за беспредел.

Чтить законы перестали
В этом ведомстве у нас,—
Им и сам товарищ Сталин —
Ну, не так чтобы указ.

А когда управы нету,
Если уж и черт не брат,
Тут же бледной спирохетой —
Вседозволенность, разврат...

Чувства меры не осталось,
И, не ведая границ,
Расходилась-разгулялась
Власть *ежовых рукавиц*.

---

* **Михаи́л Никола́евич Тухаче́вский** (16 февраля 1893, Александровское, Смоленская губерния, Российская империя — 12 июня 1937, Москва, СССР) — советский военный деятель, военачальник РККА времен Гражданской войны, военный теоретик. Участник и один из организаторов заговора военных 1937 г. (*См. Е. Прудникова, А. Колпакиди. Двойной заговор. Тайна сталинских репрессий, ОЛМА-Медиа групп, М. 2008, стр. 501—515 и 598—629).*

Думай, Вождь, ищи лекарство,
А иначе дело швах...
Вот и «красное боярство»
В рост пошло, как на дрожжах,

Превращаясь в класс богатых
С честной совестью поврозь,
И еще в конце двадцатых
Прочно с *нэпманом* срослось.

Ишь, до роскоши дорв*а*лось
И икрою мажет хлеб,
Что уже отнюдь не малость,—
Ведь простой Народ не слеп!

Занеслось и зажирело,
Попристроило детей.
А когда дойдет до дела,
Так полезных нет идей.

Вождь совета просит,— немы
Или чушь несут ему:
В экономике проблемы
Многим, ох, не по уму...

Не с руки в делах подобных
Кто на митинге речист
В рёве лозунгов утробных.
Здесь нужней специалист,

У кого в работе кредо...
А «бояре» — продадут.
С ними не колхоз «Победа»,
А артель «Напрасный труд».

В душах этих «коммунистов»
Далеко не коммунизм
И отнюдь не так уж чисто,
А нутро разъел троцкизм.

«Мы на горе всем буржуям,—
Так цитировал их Блок,—
*Мировой пожар раздуем...»**
Раздували, кто как мог...

Глотку драть — громоподобны
(И один из них — Хрущев),
Проявлять себя способны
Разве в поиске врагов.

* А. Блок, «Двенадцать», поэма (1918).

Не найдут — врагом назначат,
Лишь бы сунуть под топор.
Так тогда был ими начат
Приснопамятный террор.

Изгалялись, злыдни, всяко,
Был безумен их разгул.
Только год спустя, однако,
Сталин лбами их столкнул.

Как пошли строчить доносы
Друг на друга,— в добрый путь! —
Прелесть сумрачных допросов
Довелось и им хлебнуть.

Возвернулось зло сторицей,
Ведь не все ж крошить Народ!
И, притихнув, затаиться
Поспешил вельможный сброд.

Последний рыцарь

После гнусного Ежова
Справедливость по стране
Восстанавливал сурово
Строгий человек в пенсне[*].

Он бесчинства успокоил
И — строитель, а не кат —
Основательно *построил*
Репрессивный аппарат;

Триста тысяч невиновных
Из узилищ отпустил,
А преступников сановных —
Да, карал что было сил.

Он же внешнею разведкой
С контрразведкою в войну
Управлял рукою крепкой;
На Кавказе немцев пнул[**].

---

* **Лавре́нтий Па́влович Бе́рия** (груз. ლავრენტი პავლეს ძე ბერია, Лавре́нти Па́влес дзе Бе́риа; 17 [29] марта 1899 года, с. Мерхеули Сухумского округа Кутаисской губ., Российская империя — 23 декабря 1953 года, Москва) — российский революционер, советский государственный и политический деятель, генеральный комиссар госбезопасности (1941), маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943).

** **Битва за Кавказ** (25 июля 1942 — 9 октября 1943) — сражение вооруженных сил нацистской Германии, Румынии и Словакии против СССР во время Великой Отечественной войны за контроль над Кавказом. Сражение делится на два этапа: наступление немецких войск (25 июля — 31 декабря 1942) и контрнаступление советских войск (1 января — 9 октября 1943).

Сбросив недругов с Эльбруса,
К туркам их не допустил
Для разбойного союза.
Тыл чеченский укрепил.

Вождь ему недаром верит:
У него душа бойца.
Он с Вождем судьбу разделит,
Будет рядом до конца.

Человек суровых правил,
Сильный духом человек,
Он потом еще возглавил
Новый — атомный — проект,

И ученых разработки
Возвеличили страну.
А московские высотки —
Добрый памятник ему*.

Шпиль их, видный отовсюду,
Увенчал великий труд...
Но об этом позабудут,
Обесславят, оболгут.

То, что н*е* было, припишут,
То, что было, замолчат.
Но вперед они отыщут
Для Вождя надежный яд**...

Боярский заговор

Завтра выглядело хмуро.
Опасались и не зря,—
Напрочь партноменклатуру
Явно Вождь лишал руля:

Конституцию составил
И ее задумал он
Так, чтоб жизнью нашей правил
Исключительно Закон.

Нужно стае пустозвонной
Путь к всевластию закрыть!
Властью истинно законной
Лишь одной — Советской быть!

** См. Е. Прудникова, Берия. Последний рыцарь Сталина. М. ЗАО ОЛМА Медиа-групп, 2008; стр. 183—228; Ю. Мухин, Убийство Сталина и Берия, научно-историческое исследование, Крымский мост — 8Д Форум, М. 2003, стр. 122—138.*

*** См. И. Чигирин, Отец. Тайна смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях, ИД Тончу, ИД "Достоинство», М. 2012, стр.31—131.*

Ведь она прочнее стали.
Что ей кризис, катаклизм!..
Только пал товарищ Сталин,
Защищая коммунизм.

Страх Вождя руки тяжелой
Бонз партийных подстегнул,
И весною невеселой
Грянул злобный их разгул.

Подняла башку Измена,
Все границы перейдя,
Тех корчуя неизменно,
Кто б продолжил курс Вождя.

Вражий заговор ярится,
Преступления плодит,
И, Вождя последний рыцарь,
Подло Берия убит.

Воспитал отец героя.
Тот в ответ любил его.
Поседел, у стенки стоя,
Сын Лаврентия *Серго*.

И *Нино*[*] гордилась сыном:
Он держался до конца,
Настоящим был грузином,
Не отрекся от отца!

Хрущевщина

...Через многие злодейства
(А иначе как еще?),
Хват по части лицедейства,
Власть к рукам прибрал Хрущев.

Но чтоб крепче утвердиться —
И без всяких дураков,
Не мешало бы отмыться
От укр*а*инских грехов.

А отмыться-то трудненько,—
Вишь, как он вилял хвостом:

*** Серго́ Лавре́нтьевич Бериéв** (24 ноября 1924 — 11 октября 2000) — советский и украинский инженер-конструктор в области радиолокации и ракетных систем, сын Л. П. Берии.

Нина Таймуразовна Берия (Гегечкори) (1905—1991) — науч. сотрудник с.-х. академии им. Д. А. Тимирязева, жена Л. П. Берии.

Русский Крым засунул в *Нэньку*[*]...
Ох, аукнется потом!..

Край цветущий стал ответкой
В том, в чем не был виноват,
И разменною монеткой —
Кровь суворовских солдат.

Нечиста душа Никиты:
Все равно кровавый след
Позади, не все замыто
То, за что прощенья нет.

Хорошо б концы — да в воду,
Изыскать к тому пути,
А Советскому Народу —
Да глаза бы отвести...

И, зачистив все архивы —
Грубо, нагло, второпях,
Он устроил, нечестивый,
Злую пляску на костях[**].

Клевета торжествовала.
Громогласен лживый рот.
Мертвый лев не мог шакалу
Дать, как прежде, окорот.

Вы, соратники былые!
Почему, уставясь вниз,
Речи терпите гнилые?
Промолчали. Отреклись.

Где ж ты мужество оставил,
«Первый красный офицер»?
Чем тебе его убавил
Интриган и лицемер?

Что ж ты вертишься, как флюгер,
Хитромудрый *Микоян*[***]?

---

* Под давлением Хрущева в 1954 году было принято решение Президиума Верховного совета СССР о передаче в состав Украинской ССР Крымской области и города союзного подчинения Севастополь. Но в числе подлинников протоколов Президиума ЦК, материалов к ним, тематических папок Президиума, личного архива Н. С. Хрущева, не говоря уже о материалах МИДа, этот документ за № П49/XL от 25 января 1954 года увидеть до сих пор невозможно. (*См. http://istorya.ru/forum/index.php?showtopic=6476.*)

** XX съезд КПСС, состоялся в Москве 14—25 февраля 1956. Наиболее известен осуждением культа личности и, косвенно, идеологического наследия Сталина.

*** **Климéнт Ефрéмович Ворошúлов** (23 января [4 февраля] 1881 года, село Верхнее, Екатеринославская губерния (ныне город Лисичанск Луганской области) — 2 декабря 1969 года, Москва) — российский революционер, советский военачальник. **Анастáс Ивáнович (Ованéсович) Микоя́н** (арм. Անաստաս Հովհաննեսի Միկոյան; 13 (25) ноября 1895, село Санаин, Борчалинский уезд, Тифлисская губерния (ныне в Армении) — 21 октября 1978, Москва) — советский государственный и политический деятель.

Нос по ветру: Сталин умер —
Сразу шмыг в хрущевский стан!

А Никита виноватит,—
На Вождя сплошной накат.
И никто не крикнул: «Хватит!
Что ты врешь с трибуны, гад?!»

Негодующие охи,
По команде волчий вой
Делегатов... Скоморохи!
На умершего — «долой»?!

Был Никитушка в ударе,
Не стесняясь в плутовстве:
Как же, «красные бояре»
Оказались в большинстве!

Что им судьбы государства
И людей — при спецпайках?
Сущность всякого боярства
Не меняется в веках.

И Никита им, никчемным,
Распаляясь, врет и врет:
По подельникам казненным
Крокодильи слезы льет.

Ну, подумаешь, устроил
Человек голодомор,—
Разве он расстрела стоил?
Бедный Стасик Косиор!

Вот бы вы, кто в этом зале,
Уяснив такой расклад,
Всем, кто спросит, так сказали:
Голод — Сталин виноват.

А товарищ Эйхе? Бедный!
Ну, подумаешь, Народ
Истреблял... А Сталин вредный
Дал за это окорот!

Надо, чтобы те, кто в зале,
Впредь, усвоив постулат,
На вопросы отвечали:
Казни — Сталин виноват!

А невинная овечка —
Дима Павлов[*], генерал?
Ай, как жалко человечка!
За умышленный провал

В сорок первом расстреляли,
Мол, не дал фашистам бой...
Я хочу, чтоб все сказали:
Сталин был всему виной!..

И, вконец Вождя захаяв,
Под восторги подпевал
Он преступных негодяев
Реабилитировал.

Такова его природа.
То-то б Троцкий ликовал:
Он к Вождю любовь Народа
Культом личности назвал!

Термин этот узаконил.
Культ *проклятьем заклеймен*.
А Народ тогда не понял,
Как Хрущевым оскорблен.

Мы вождям привыкли верить,
А ведь это ж новый вождь...
Но смятенье как измерить,
Что в сердцах взметнула ложь?

Что ж, выходит, пятилетки
И Победа — *вопреки?!*
Обманулись, словно детки?
Мы, выходит, дураки?..

Бог их знает... Но едва ли
Наверху царил бардак,
Если нами правил Сталин
Так, что был повержен враг...

А по радио гор*о*дят,
Шли мы в бой за палача?..
Говорят теперь, что вроде
Сталин предал Ильича?..

---

* **Дми́трий Григо́рьевич Па́влов** (23 октября (4 ноября) 1897, деревня Вонюх, ныне Павлово Кологривского района Костромской области — 22 июля 1941) — советский военачальник, генерал армии (22 февраля 1941). Согласно «Воспоминаниям» Хрущева, при посмертной реабилитации определение о невиновности было вынесено благодаря личному влиянию самого Хрущева, вопреки обстоятельствам самого дела: «...если рассматривать вопрос с точки зрения юридической и фактической, на чем основывался суд, когда выносил приговор, то основания к осуждению были налицо».

Был он знаменем герою,
А теперь, выходит, враг?..
Да бывает ли такое?!
Что же это... Как же так...

Тут хрущевские десанты
Дружно хлынули в Народ:
Это реабилитанты
Из *гулаговских* ворот.

Всех их чохом, без разбора,
Новый *Первый* отпустил,
И за лагерным забором
Враг вприпрыжку попылил.

Он троцкистские идеи
И прозападную гнусь
Тут и там обильно сеет.
Получай «героев», Русь!

*Солженицынское** племя
По Союзу разлилось,
Как зараза... Это время
Словом *«оттепель»* звалось.

Дали нам свободу слова,
А точнее — болтовни.
Но гляди, чего такого
Про Никиту — не сболтни!

Он косил под демократа,
Но какой он демократ?
Брякнешь лишнее, ребята,
Так не будешь жизни рад:

Затаскают до инфаркта,
Заработаешь инсульт.
Культ Вождя громивший так-то
Насаждал свой личный культ.

Развернулся Хрущ в охотку,
Возомнив, что царь и бог,
И упрятан за решетку
Вася Сталин — ястребок.

---

* **Алекса́ндр Иса́евич (Исаакиевич) Солжени́цын** (11 декабря 1918, Кисловодск — 3 августа 2008, Москва) — русский писатель, драматург, публицист, поэт, общественный и политический деятель, живший и работавший в СССР, Швейцарии, США и России. Лауреат Нобелевской премии по литературе. Диссидент, в течение нескольких десятилетий активно выступавший против коммунистических идей, политического строя СССР и политики его властей.

Тот сомнений не изведал.
Претерпев немало зла,
Был он тверд. Отца не предал.
А *Светлана*[*] — предала...

Ход вещей закономерен,
И пошел опасный крен.
В экономике похерен
План Вождя. А что взамен?

По тропе кривых изломов
Все пошло. И все не то!
Вместо сталинских наркомов
Из ЦК — незнамо что.

Коль не ведаешь предмета,
Но пытаешься рулить,
Это скверная примета,—
К бабке можно не ходить.

Кредо горе-управленца —
Шашки вон и ваших нет,—
Ну, откалывать коленца!
Вместо знаний — партбилет.

Все ему — давай, скорей бы;
План — дурацкий, с потолка.
А последователь *Лейбы*[**]
Верховодит из ЦК.

Нет бы, взять, в Нечерноземье,
Изувеченном войной,
Обустроить возрожденье,
Не носиться с целиной...

Но куда!.. Шлея попала
Жеребцу под самый хвост.
Не унять его запала,
И чудит он в полный рост.

---

* **Светла́на Ио́сифовна Аллилу́ева** (28 февраля 1926 года, Ленинград, СССР — 22 ноября 2011 года, Ричленд, Висконсин, США) — дочь И. В. Сталина, советский филолог-переводчик, кандидат филологических наук; мемуаристка. В 1966 году эмигрировала из СССР в США. После своего выхода из тюрьмы Василий Сталин отказался от общения с Аллилуевой, сказав К. Е. Ворошилову: «*Дочь, предавшая своего отца, мне не сестра*».

** Л. М. Каганович вспоминал: «*Я его [Хрущева] выдвигал. Я считал его способным. Но он был троцкист. И я доложил Сталину, что он был троцкистом... Сталин спрашивает: „А сейчас как?“ Я говорю: „Он борется с троцкистами. Активно выступает. Искренно борется“. Сталин тогда: „Вы выступите на конференции от имени ЦК, что ЦК ему доверяет“*».

Дров наломано изрядно
С освоеньем целины.
Нет жилья, дорог? Да ладно!
Исполнять — и хоть бы хны!

Элеваторы не строю,
Нет хранилищ для зерна;
Чтоб его возить порою,
Нет вагонов ни рожна...

Хлеб гниет. Одни убытки.
И цена растет на хлеб.
Только горя нет Никитке,
Он как будто глух и слеп.

Видно, трескал много водки,
Раз в башке неурожай:
«Кукурузу на Чукотке,—
Зенки выкатил,— сажай!»

В идиотской клоунаде
Дохозяйствовался, тать,
И пришлось зерно в Канаде
Нам с позором закупать.

Что Канада! В Аргентине
Низкопробное зерно,
Что свинья не жрет поныне,
Покупали все равно.

И по этакой причине
Ел Народ негодный хлеб
На потеху дурачине
Злою волею суд*е*б.

Для Советского Союза —
Несмываемый позор!
А «*Великий Кукурузо»*,
Прокатившись за бугор,

«*Берегись*,— кричит,— *корова*!
Вот за гуж возьмемся мы,
И узнает *штат Айова*
Мать российского *Кузьмы!*[*]»

Правоверным лизоблюдом
Лозунг тот подхвачен был:

* Известный в конце 50-х годов лозунг *«Держись, корова из штата Айова!»*. А *Кузькину мать* Хрущев грозился показать многим...

Так хватил «*рязанским чудом»*[*],
Что в деревне люд завыл!

Плут хвалился, землю роя:
«Уж накормим мы Народ!
Заготовка мяса втрое
Увеличится за год!»

Этот ухарь из удельных
Всем Никите был хорош.
И вели буренок стельных
Да на бойню, да под нож,—

Путь, указанный до срока
Златозвездным дураком!..
Кровь с крюков бежит потоком
Вперемешку с молоком...

Страшен труд бойца-умельца:
У стены за рядом ряд,
Уж покрыты шерсткой, тельца
Неродившихся телят.

В том угаре идиоты
Перебили весь приплод,
А «герой» трубил до рвоты:
«Уж попотчуем Народ!..»

Что ж вы, ироды, творите?!
Где душа и где мозги?
И никто не смел Никите
Бросить: «Хватит! Не моги!!!»

Скорбно хмурился колхозник
И невесело шутил:
«Перевелся жук-навозник,—
Скот скотину всю сгубил!»

Бесталанные потуги
Нанесли немалый вред:
На полтыщи верст в округе,
Почитай, скотины нет!

Был удар животноводству
Страшен. Все пошло на слом.

---

* **«Рязанское чудо»** — экономическая афера, связанная с перевыполнением плана поставок мяса и молока в Рязанской области разрушительными для экономики методами (1959). Первому секретарю Рязанского обкома партии А. Н. Ларионову присвоили звание Героя Социалистического Труда за одно обещание увеличить заготовки мяса в 3 раза. Ларионов путем приписок и махинаций в три раза «перевыполнил» план области по производству мяса и молока. В следующем году обман был разоблачен, после чего Ларионов покончил с собой.

По лихому сумасбродству
Смерть нависла над селом.

Спохватились, да уж поздно:
Далеко процесс пошел.
И «герой» золотозвездный
Тут же счеты с жизнью свел.

Крыл Народ Никиту матом,
Но крепчал волюнтаризм:
Мол, в году восьмидесятом
Мы построим «*коммунизьм*»*!

Черта с два! С таким ускоком
Недалеко до беды:
При хозяйстве кособоком
Кособоки и плоды.

Из ЦК рекой вранина —
В огороде бузина...
Бузина — не буженина,
Не накормится страна!

Обернулись перемены
Чередой народных бед...
Подскочили резво цены
На еду, которой нет.

После сталинских снижений
Эта весть — как в сердце штык:
От подобных потрясений
Наш Народ давно отвык.

Он не сразу соберется,
Но от этаких-то ласк
Терпит, терпит — да взорвется.
И рванул Новочеркасск!

(Продолжение следует)

* На XXII съезде КПСС (17—31 октября 1961 г.) Н. С. Хрущев объявил, что к 1980 году в СССР будет построен коммунизм.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ*

НАЧАЛЬНИКИ И ИХ ПОДЧИНЕННЫЕ

◆ Вспоминая свою инженерную юность, Николай Андреянович вовсе не нарочно выделял в памяти наиболее курьезные события тех лет. Самое существенное, что при всей своей начальственной «надутости»** те же Трибелин, Кладунов, Гриневицкий, Волчанов и Дунайцев, тем более — вполне человечный Михаил Иванович Дорофеев, были каждый на своем месте. Это только со стороны мнится: полные идиоты, хамы, бездельные кабинетные крысы и волки... Увы, серьезный коллектив, занимающийся архисложными и жизненно необходимыми для страны делами, это все же не клуб по интересам, хотя его элементы и присутствовали зримо в «золотые» 70—80-е годы, но строго организованная иерархия соподчинения. И чем выше стоит человек — винтик этого большого организма по служебной лестнице, тем большую ответственность он несет за порученное ему дело. Дело же творят его подчиненные. А что такое совокупность подчиненных, тех же Смышляева, отставника Курбаченко, Давыдовой с ее замечательным бюстом, спортсмена Мирошникова и йога Сергунчикова, но чудесным образом лишенных всякого начальствования? — Чистой воды сброд, стая дворняжек без вожака.

...Здесь даже самые свободолюбивые возопиют: начальника нам, начальника! А дашь им Начальника и всю восходящую вверх лестницу других начальников, вплоть до столичных небожителей Цфасмана и Путкарадзе, снова возопиют: начальник — дурак, самодур, полный невежа и пр. и пр. Словом, куда ни кинь — всюду клин... Извечный антагонизм начальствующего и подчиняющегося. Но в итоге-то ракеты делали! И хорошие ракеты. До сих пор ими самостийно-незалежные хохлы малазийские «боинги» сбивают, тех же американосов с европеоидами на МКС доставляют... и даже взад на Землю возвращают. Да и 9-го Мая по Красной площади движутся в основном советские разработки... А поиздеваться над начальником — святое дело; это как у студиозуса провести за нос профессора и иного препода — фишка номер один.

Николай Андреянович добрó рассмеялся сам-один, озадачив задремавшего кота, и отлистал в воспоминаниях ближе к началу своей инженерной деятельности, справедливо решив: начальники — неизбежное зло.

◆ С Андрюхой Смышляевым они были шапочно знакомы еще в Тулуповском политехе, хотя учились на разных факультетах: Андрей на радиотехническом, а Ни-

---

* Главы из нового романа; начало см. в «ПЗ» № 4, 2014. Полный текст романа размещен на сайте журнала www.pz.tula.ru и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: www.promegalit.ru.

** Другому нашему запоминающемуся герою — профессору Игорю Васильевичу Скородумову принадлежит целый свод афоризмов — характеристик начальников; см.: Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки.— М.: «Московский Парнас», 2014.— С. 230—326.

колай Андреянович на ракетостроительном; первый располагался в главном корпусе, второй — двумя кварталами ниже по проспекту в здании, именовавшемся всем инженерным людом города «пентагоном», поскольку в нем располагалась военная кафедра с ракетным ангаром во дворе и военно-технические факультеты. Познакомились же, попав в зимние каникулы в одну группу лыжных путешественников по Карпатам — от Ясиней до Рахова с остановкой в знаменитом тогда «Эдельвейсе» — за счет профкома политеха. А после возвращения из недельной поездки и до окончания института встречались порой в обычных местах студенческого общения: в ближних пивных, распивочной-стекляшке «Ханты-манси» (официальное название «Чебуреки-манты»), а в день получения стипендии — в ресторане «Дружба», что располагался через проспект почти напротив «пентагона» и в студенческо-преподавательской среде был известен как седьмой корпус политеха; остальные шесть — учебные.

Николай был старше на курс, но поскольку на военно-технических специальностях учились шесть лет — и, предмет зависти всех остальных, им к стипухе Минобороны приплачивал червонец,— то выпустились они одновременно. Молодые специалисты в военно-промышленном Тулуповске были нарасхват, на защиты дипломов набегали вербовщики из многочисленных КБ и НИИ, с заводов. Те присматривались-прислушивались, а поздравив понравившегося им выпускника, отводили в сторону, обещали если не манку небесную, но устойчивый карьерный рост, напирая особо, что все заказы от оборонпрома в их организации санкционированы особыми решениями партии и правительства, потому особо отличившихся ждут премии денежные и Государственные, ордена и медали и прочее. Главное — очереди на квартиры у них движутся по-спринтерски, не более трех лет надо дожидаться... Семейные молодые специалисты особо к последнему прислушивались.

И хотя Николай только что совместил защиту диплома на «отлично» с женитьбой, а Смышляев проживал на дальней окраине города со множеством родственников и вообще едва не получил «красный диплом», а значит оба имели тягу к личной жилплощади и — по успехам в учебе — право на какой-никакой выбор с местом распределения, но... не сговариваясь, выбрали малопрестижное, только-только сорганизованное энергичным Трибелиным полуавтономное конструкторское бюро в составе завода точного агрегатостроения. Понятно, какого — того, которым руководят из Москвы с площади Маяковского обочь ресторана «Пекин», то есть Миноборонпрома. Как и всеми организациями и заводами Тулуповска.

Почему пошли в столь малохлебное место? А кто знает, сами не могли себе объяснить. Наверное, оба еще застряли в безоблачном детстве, каковым и была советская жизнь того времени, не думали о карьере, плыли по воле волн, все оттягивая и оттягивая момент взросления с его скучными серыми буднями, опасливой оглядкой на начальников и сослуживцев — лишнего не скажешь и не выпьешь. Опять же семья, дети... все это, конечно, приятно и восхитительно, но всякие квартирные дела, на дачку-шестисотку с мая по октябрь запрягут, словом — все будет, все впереди, но хочется еще продлить студенческую вольность.

Тем более и, вероятно, по тем же самым соображениям, почти вся сотня «новобранцев» вновь созданного КБ оказалась с тех же двух факультетов, знакомые друг с другом: как будто на следующий, дополнительный курс политеха всех перевели...

◆ Начальников же привел с собою Трибелин с прежнего места работы — радиолокационного научно-исследовательского института, что в замостовской части города и некогда принесшего Тулуповску всесоюзную славу создателя первых в стране, послевоенных по времени, радиолокационных систем управления огнем зенитных батарей. Понятно, что все они там являлись рядовыми инженерами, от силы проработавшие после института с пяток, а то и менее, лет. Потому из них на новом месте ам-

биция поначалу так и выпирала, лишь со временем они попривыкли к своим малоначальственным должностям, обозначили свои естественные качества под чутким вниманием более старших годами и опытом руководства — тех же Кладунова, Дунайцева, Волчанова, Дорофеева и Веснянской. Очеловечились, так сказать. Но все же в итоге симбиоз сотни молодых специалистов, сдружившихся еще в институте, и полутора десятков только осваивавших нелегкую начальственную стезю руководителей групп, секторов и отделов и определял ритм и специфику внутрислужебной жизни молодой организации, в которую влились по первому году все те оригиналы, о которых уже «в лицах» вспомнил Николай Андреянович, перелистывая пожелтевшие страницы книги памяти...

А оригиналы попались в большом числе. Даже в старшей возрастной группе, те же отставной полуполковник Курбаченко и разоблаченный самим Трибелиным потребитель казенного спирта Вадим Афиногенович Лохматых. Что уж тут говорить о зеленой молодежи!

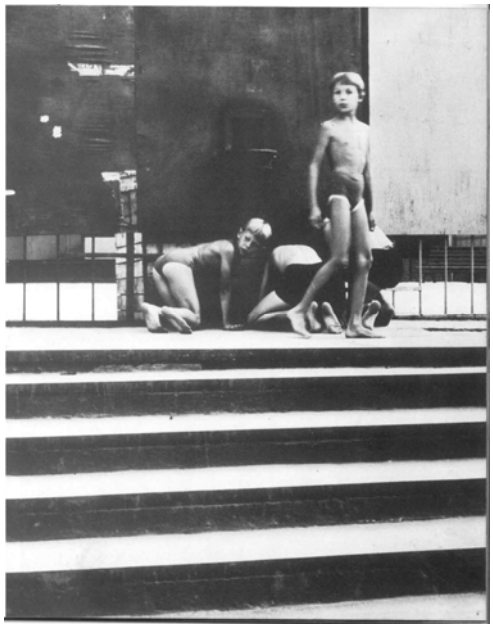
Действительно, что бы делала на солидном, устоявшемся предприятии гордящаяся своим замечательным бюстом Давыдова? Со скукой проводила восьмичасовой трудодень с сорокапятиминутным обеденным перерывом, скучно ловила трусоватые взгляды — на свою грудь — взрослых, затюканных хозяйственными женами отдельских мужиков... может, завела интрижку с молодцеватым начальником средней руки, сделала пару абортов, обиделась на всех и всея, а в конце обязательного трехлетнего срока молодого специалиста уволилась, перешла в другую «контору» (не путать с КГБ!). Здесь бы за нее взялась по-серьезному умная мать и сосватала за сына своей подруги — подающего надежды замначальника цеха ракетно-пулеметного завода. В итоге к тридцати годам образцово-стандартная семья с квартирой, двумя детишками, дачкой, долгие беседы с мамой, ибо муж не вылезает из командировок на полигоны в астраханские и казахские степи со своими «изделиями» из опытных серий. И как напоминание о скоротечной вольной молодости — только помягчавшие груди фасона «аэродром», все еще обращающие на себя внимание серьезных мужиков. Но супругу она изменять не будет.

Примерно такая участь ждала бы в устоявшемся коллективе орденоносного конструкторского бюро или завода всех остальных героев предшествующих воспоминаний Николая Андреяновича. Включая его самого и Смышляева, а также Мирошникова, Мишина, Пирожникова, Сергунчикова, Васюкова, Овцовского, Афремова... Кто-то в младшие и средние начальники вышел, а может за удачное и принятое на вооружение Советской Армии «изделие» украсил лацканы пиджака парадно-выходного костюма лауреатской медалью, орденом и парой юбилейных медалей. Что же, дело обычное для конструкторов военно-промышленного комплекса... Кто по партийно-профсоюзной линии пошел бы, кто до пенсии скучал, дисциплинированно спиваясь. Тоже не в диковинку.

Короткая и грустноватая новелла в памяти Николая Андреяновича получилась. Если бы да кабы, но ведь попали они со Смышляевым и всей остальной сотней молодцов на совсем необжитое место, где и не пахло устоявшейся затхлостью старинных орденоносных коллективов, чуть не от Петра Великого считающих свою трудовую династию! А где молодо-зелено, то там же весело и ракеты строить... в служебные промежутки между наслаждениями молодой жизни.

ВИДЫ НА УРОЖАЙ. ОСЕНЬ

◆ За малым исключением вся «золотая сотня» молодых спецов, получив в конце июня дипломы и отгуляв положенный месяц отдыха от забот праведных, вышли на работу в начале августа. Скороспелые начальники скоренько разобрали их по секто-



Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

Инженеры 70-х... Любительское фото. Зима на Заречной улице — хозяйственные хлопоты

рам и группам, ориентируясь не столько на их специальности, впрочем, родственные, сколько по признакам ♂ и ♀, как изустно-графически выразился остряк Смышляев,— в пользу преобладания первых. Но и в их среде начальники уважали крепких видом — для поездок в колхоз — и ловких на язык, с легкой нахальцой. Судя по себе, они верно угадывали работящих парней — уже в части основных занятий конструкторского бюро.

Впрочем, и в части вторых сказывались личные пристрастия молодых, а значит не равнодушных к женскому полу, руководителей: чтобы и в прелестных головках не совсем пусто было, но и подставки* стройно-длинные, попки в норме и так далее.

Нелишним будет заметить, что образовалась сразу же прослойка между скороспелыми начальниками и молодыми специалистами: первые привели с собой из того же радиолокационного НИИ уже просто специалистов в своем деле; это мужики среднего возраста, которых заманили на высшие неначальственные должности инженеров-конструкторов первой категории и ведущих инженеров. Они-то в основном и вразумляли молодое поколение в части азов исследовательской и конструкторской работы.

Как бы там ни было, но до ранней осени коллектив сложился, все три клана притерлись друг к другу. Николай и Смышляев уже уверенно входили в русло своей будущей деятельности, надеясь до окончания года даже слегка поразить своих руково-

* Времени с момента описываемых событий много прошло, сам наш язык изменился в пользу американизмов, поэтому напомним читателю молодежный сленг той поры: подставки — женские ноги; буфера, реже — амортизаторы и передники — их же груди; станок — постель для двоих; факать и кадрить — все из той же оперы, а также давалка, самец, динаму крутить... Из слов за пределами полового общения: лабухи и лабухать — ресторанные оркестранты; па́рнас и дать на па́рнас — заказать за трояк музыкальный номер для своей широкой души; кусок — прапорщик наземных войск; макаронник — старшина до введения в 1966 году звания прапорщика; сундук — мичман; башлять — денежные операции; рупии, тугрики — деньги в советской валюте; рыжий — рублевая бумажка; полтинник и ильич — 50-копеечная и рублевая монеты, соответственно; брод (бродвей) — проспект; хилять — прогуливаться без определенных целей; пласт — грампластинка, а также и сейчас понятные: джины, куртец, маг. Слова-то какие все мирные!

дителей исполнительностью и непритязательной инициативностью. Тем более, что Трибелин, решивший сразу взять быка за рога, не вылезал из Москвы, из главка, набрал кучу заказов — в основном на подхвате у ведущих в отрасли предприятий, дескать, возьми, боже, что нам не гоже... Что ж, любая новая организация с этого начинается. Даже молодые спецы-несмышленыши скоро поняли: на первые пять лет их «конторе» уготована сомнительная участь организации по конструкторской проверке-проработке заведомо проигрышных направлений. На официальном языке это именовалось принятой в военпроме еще со сталинских времен практикой параллельно-соревновательных разработок. Другое дело, что эти заведомо проигрышные всучались в главке еще неоперившимся конструкторским заведениям навроде их КБ, созданного исключительно стальной волей Трибелина в качестве первой ступени запланированной им на всю последующую жизнь карьерной лестницы... Так сказать, лозунг «прежде думай о родине, а потом о себе» бывает полезен родине и при обратном его прочтении.

Вдохновленные Николай и Смышляев уже расчертили для себя помесячные графики работ, но тут, нарушив их планы, грянул *осенний колхоз*.

◆ В советские времена школьники на уроках немецкого языка с упоением заучивали стихи из учебника, понятные без перевода:

Mein Bruder ist ein Traktorist
In unseren Kolchose...

Далее на столь же понятном русско-немецком описывалось, как *Bruder*-брательник готовил виды на урожай в нашем колхозе, вспахивая бесконечные казахские поля, куда поволжских немцев, спасая их перед нелегким выбором: за фрицев воевать, или подыхать в их же концлагерях в случае отказа, переселили в самом начале войны. В том, что немцы будут рваться на Волгу, чтобы перекрыть путь бакинской и североиранской нефти, у сталинских генштабистов сомнений не было.

...А немецкий язык мы учили по учебникам, в свою очередь составленным по газете “*Neues Leben*” казахских уже немцев, говоривших — со времен переселения их из фатерлянда Екатериной Второй — на средневерхненемецком языке эпохи Фридриха Великого и Гёте. Это как бы мы вдруг во второй половине XX века размовлялись на церковнославянском — старорусском...

Но — это все к слову. Уже в конце августа на картошку уехали первые конторские новобранцы, а слово «колхоз» до середины ноября месяца стало главенствующим в конторе, оттеснив на задние лингвистические ряды такие доселе крылатые словосочетания, как «кровь из носа, но план давай», «показатели партполитучебы», «комсомольский энтузиазм» («энтузазизм» — по-смысшялевски) и «опять в заводской спецстоловой для начальства шашлыки готовят!». Даже в курилке анекдоты про Чапаева, чукчей и руководителей партии и правительства, а также обсуждение бюста Давыдовой, сменились сельхозтематикой.

Отставник Курбаченко, только что приступивший в своих военно-исторических исследованиях к критике основного труда Клаузевица «Кампания 1799 года», не поленился сходить в заводскую медсанчасть — запастись освобождающей от осеннего колхоза справкой об (отсутствующем) радикулите. «Под лежащего военного портвейн не течет!» — по-армейски ответил он на едкое замечание начальника отдела, с сомнением прочитавшего текст справки. Давыдова, опасавшаяся простуды своего бюста в ветреное межсезонье, тоже принесла справку... от тетки — зубного врача-терапевта. Словом, начавшаяся битва за урожай четко, как лакмусовая или фенолфталеиновая бумажка, поделила сотрудников на отлынивающих от перемены образа жизни и стойко выдерживающих линию партии и правительства на подъем сельского хозяйства.

...Теперь, уже прожив четверть века в другой стране, из них десять с лишком в

новом веке и тысячелетии, Николай Андреянович с умилением вспоминал колхозную эпопею, что бы о ней злобно-паскудно не верещали современные средства массовой информации. Конечно, размышлял он на вечернем досуге, чисто практической пользы от посылки городских жителей на село не так уж и много было. И сами колхозники справились бы. Более того, самолично слышал он в очередной «посыл» от разгневанного преда: «И куда, спрашивается, я вас, инженерóв, дену? К какому делу приставлю? Сожрете вы у меня за месяц всем кагалом пару коров, не считая другого приварка, а толку-то! Сами картоху и свеклу собрали бы, а вас все шлют и шлют нам на голову...»

Здесь вступился делающий профсоюзно-комсомольскую карьеру Афремов, попавший в колхоз по недоразумению: «Значит, товарищ председатель, вы против линии партии и правительства?» Поскольку тихо-зловещую интонацию голоса он унаследовал от отца, два десятка лет прослужившего «кумом» в оперчасти лагеря на Колыме, то все его коллеги дружно расхохотались, а пред махнул рукой и ушел в правление пить водку с колхозным парторгом с устатку: вчера с ним же отмечали Троицу — храмовый праздник их села.

Но зато Николай Андреянович всегда мысленно и изустно подчеркивал воспитательную, коллективизирующую роль поездок в колхоз, с ностальгией вспоминая свое боевое крещение: сентябрь месяц первого курса учебы в институте. Это было нормой, великолепно продуманной: первый месяц своей вузовской жизни все студенты 1/6 части земной суши — от Мурманска до Кушки (по параллелям) и от Калининграда до Владивостока (по меридианам) — проводить не в стенах университетов, институтов и техникумов, что потом надоедят, но в расслабляющей тиши сельской местности, кучно и вполне автономно в рамках своей группы. А в окрестных деревнях — такие же группы их факультета, а в соседних районах — расселились по деревням и селам другие факультеты их института... Как стаи грачей, запасающихся нутряным жирком и птичьим оптимизмом и коллективизмом перед долгой и скучной зимовкой.

А сколько будущих семейных пар складывается в этот внеучебный сентябрь после жарких вечерних, а потом и ночных — в стогу — объятий? И это самые крепкие союзы! За месяц группа привыкает подчиняться загодя назначенному деканатом старосте. За портвешком со скромной деревенской закуской вроде бы шутя избирают комсорга и профорга.— И не раскаиваются, до конца учебы не переизбирают эту правящую тройку.

Старшая их группы от университета, незамужняя почему-то, хотя все в ее фигуре и добром характере отвечало требованиям даже разборчивых мужчин, их своей опекой не тревожила: ласковое раннее бабье лето и ее склонило к лирике — завела роман с видным, слегка цыганистым колхозным завгаром, тоже неженатым, сам-один проживавшем в крепком домике. Так что и жила-была она отдельно от двух постояльных изб: для ребят и девиц. Далее на первом курсе она вела у них практику по химии.

К ночи, после картофельных полевых баталий, образовавшиеся парочки расходились по укромным местам, а в обеих избах вечеряли в беседах, лежа на набитых сеной-соломой полосатых тюфяках.

Ребята в основном обсуждали успехи мировой науки, особенно — фундаментальной физики. Тон задавали двое, что перед политехом пробовали поступать на физфак МГУ. По их словам выходило, что в науке этой почти все уже сделано, осталось только кварки и новомодный бозон Хиггса* экспериментально открыть...

Девицы в своей избе говорили, конечно, о своем, девичьем, влекущем и немного пугающем.

Но то студенчество, а сейчас маячил иной, «взрослый» колхоз.

---

* Что и было сделано в 2014 году на адронном суперколлайдере в швейцарском Церне.

◆ В осенний посыл Николай не попал. Их сектору еще в августе дали срочную тему категории «кровь из носу». Сам Трибелин в присутствии всего коллектива, нарочито громким голосом предупредил начсектора: «...И никаких вам колхозов! Сформируем бригаду из менее загруженных подразделений. Оно, конечно, колхоз — дело архиважное, но сам Путкарадзе оказал нам высокую честь, и мы должны не подвести головное предприятие из Москвы! Так что трудитесь, а насчет колхоза я уже согласовал с заводскими парткомом и профкомом».

А в курилке более опытные инженеры — варяги из радиолокационного НИИ, хорошо знавшие натуру Трибелина по прежней работе, пояснили: Владислав куда хочешь без мыла влезет, вот и хапает по всей Москве всякую всячину. Мы начертим с полным серьезом, а в столице под сукно положат, а то и вовсе в предпраздничную уборку сожгут во дворе в «первоотдельском» костре... «Что же поделаешь,— подхватил другой варяг,— у косого Егорки глаз очень зоркий; одна беда — глядит не туда!» Здесь в туалетную курилку вошел партактивист конструкторского отдела, и все перешли на обсуждение производственных дел.

Но Андрюху Смышляева тотчас зарекрутировали, хотя и ему его начсектора с неизменным «кровь из носу» только что выдал, как электронщику, задание: смакетировать и довести до ума узел селекции сигнала блока управляемого по лазерному лучу гаубичного снаряда. «Все, Андрей, бросай до первых белых мух свою мутатень,— хмуро сказал он,— давай дуй завтра с бригадой в колхоз. Уборочная свеклы началась». На резонный же вопрос подчиненного о «крови из носу» тот только обреченно махнул рукой. Был он сыном лесника, то есть лишних разговоров не терпел. Да и вообще любых словоизлияний. Официально отпущенный с обеденного перерыва, Андрюха отправился домой собирать котомку с одежой и суточным пайком. Более опытные предупредили: затарься бутылкой водовки или самогоновки. Телогрейку тоже не забудь, не смотри, что на дворе бабье лето.

На другое утро в ожидании автобусов разношерстная толпа заводских и кабешников, разбившись на группки по интересам, в основном по части анекдотов, собралась у заводской проходной. Чуть поодаль стояли провожающие: опять же из заводского начальства и свои: Трибелин, Гриневицкий, Кладунов и Волчанов. Впрочем, они оживленно беседовали о большом событии в их главке — назначении Цфасмана на должность зама по тылу, то есть по материально-техническому снабжению. А учитывая, что Аркадий Исаакович был выходцем из Тулуповска, оценивали, как это кумовство скажется на их заводе. Перспективы обещались быть радужными. Тем более, что племянник Цфасмана пока еще задержался в Тулуповске и служил начальником патентного отдела в НПО «Меткость» у *самого* Гусакова.

В ожидании запаздывающих автобусов народ повеселился по части двух легких конфузов. Во-первых, зоркий Кладунов приметил, что спортсмен Мирошников красуется с пришпиленным к телогрейке институтским «ромбом», явно насмехаясь над самой посылкой инженеров на свеклу. С другой стороны, уже всем было известно полное отсутствие юмора у того. Чтобы понять суть происходящего, Кладунов поманил к себе своего отделенческого комсорга, что-то тихо сказал ему, взглядом указывая на провинившегося.

Все заинтересовались, слегка расступились, окружив Мирошникова с комсоргом, причем первый разволновался, замахал руками в сторону коллег, без конца повторяя: «...Все говорили. Все!» Затем он отвинтил знак и положил в карман телогрейки, а комсорг, вернувшись к Кладунову, объяснил, что простака вчера разыграли, дескать, вышло устное распоряжение заводского парторга: всем ехать в колхоз с институтскими «ромбами» — для снискания уважения сельских жителей... Кладунов сказал что-то едкое комсоргу и отпустил восвояси.

Оконфузился, впрочем, не придав тому значения, и Смышляев. Досадуя, что до-

курил последнюю сигарету, а взятый с собою блок «аэрофлота» туго упакован в заплечном вещмешке, вознамерился «стрельнуть». Как нарочно, рядом оказались некурящие коллеги, но зато в начальственной группке смолил беломорину ближний к нему мужичок совсем не вальяжного вида. «Небось, чей-то шофер»,— подумал Андрей, сделал к нему пару шагов и простецки попросил закурить. Тот заулыбался, достал замахренную пачку «беломора», протянул коллеге-курильщику, сам чиркнул спичкой. Смышляев поблагодарил и сделал шаг к своим, но мужик жестом попридержал: «На, парень, возьми, у меня еще запасная пачка имеется. Как же ты в колхоз без курева-то поедешь?» — И протянул непочатую пачку «беломора». Андрей смутился, поблагодарил, что-то про сигареты в вещмешке сказал, но тот отеческим взмахом руки отпустил его, благо мужика тотчас окружили заводские и кабешные начальники.

— Ты, Сергеич, откуда Федорова знаешь? — с удивлением и невольной почтительностью спросил Смышляева давешний комсорг.

— Какого-такого Федорова? Не знаю таких.

Из дальнейших пояснений комсорга понял: пачку «беломора» ему презентовал Михаил Тимофеевич Федоров, директор их завода, известный не только в Тулуповске, но и в главке человек, руководитель последнего сталинского призыва... Трибелин смотрел на Андрея с каким-то нерешительным недоумением.

Но здесь подали автобусы. Две ходовые единицы.

◆ Опекаемый заводом колхоз оказался почти на краю области, добирались два с лишком часа по хорошей межрайонной асфальтовке, но после райцентра еще с полчаса тряслись и качались по грунтовке. Уже в самом селе, но без церкви, разрушенной в войну, автобусы, ко всему привычные верткие «пазики», с натужным ревом взобрались на холмистую возвышенность, где стояли только две постройки: школа и клуб. То и другое достаточно новой, поместительной постройки, кирпичные, еще не лысевшие отпавшей штукатуркой. Колхоз — крепкий миллионер. И дома в достаточно большом селе смотрелись аккуратными в крашеных железных кровлях. Ярко-красную, не тускнеющую краску по железу в Тулуповске и по всей области издавна именуют «комбайновой» — по месту ее выноса через дыры в заборе Комбайнового завода...

Разместили новоприбывших в клубе: бóльшую, мужскую половину — в зале с вынесенными стульями, а женскую — на приличного размера сцене, отгороженной задвинутым драповым занавесом. Спальные места — все те же соломенные тюфяки с приданными подушками, простынями и одеялами — из колхозной кладовой, обслуживающей интернат при школе, впрочем, два года как упраздненный.

Андрею и баянисту Славке Соловьеву досталось престижное место для сна — угловой приступок непонятного назначения в «задних рядах» зала. Как на невысоких полатях! Может здесь во время концертов и фильмов ложа для преда и парторга подразумевалась? Немного смутило, что опытные в колхозных буднях сорокалетние варяги не посягнули на этот приступок... впрочем, скоро и это разъяснилось. К огорчению Смышляева и Соловьева.

Председатель перед заселением рекомендовал установить кровати — все от того же интерната, но никому не захотелось волочить их из-под горки, собирать и прочее. Ограничились двумя диванами из холла — предбанника клуба для женской половины. Широкие диваны, до трех молодых девиц принимают на себя... или двух более матерых. Остальные, как и мужики, ограничились тюфяками: за колхозный месяц бока не отлежишь.

Старшим бригады Кладунов загодя назначил начальника отдела техдокументации, который значился пока только на бумаге, Валентина Пируэтова — делать ему в

КБ до завоза множительной техники и набора чертежных девиц было нечего. Но Смышляеву много чего знавший Валерка Овцовский намекнул: Пируэтов провинился по женской части, вроде как от него залетела одна смазливая заводская техник-лаборантка, а законная супруга начистила благоверному лицо с модными, по-актерски подбритыми усиками и написала жалобу во все партийно-профсоюзные заводские инстанции. Те, в свою очередь, передали жалобы Трибелину... «Значит, нашего Вальку на исправление сослали,— резюмировал случившийся рядом баянист Соловьев,— испытательный, так сказать, срок дали!» — «И правильно,— подмигнув собеседникам, резюмировал Андрей,— надо помнить испытанную временем присказку, что-де не факай, где живешь, и не живи, где факаешь...»

Самое печальное, что прибыли они в колхоз на исходе теплого бабьего лета, а уже со следующего дня резко и без предупреждения, как начальник входит в свой отдел, наступила настоящая ранняя осень: слякотная, ветристая, промозглая, а через полторы недели уже и с ночными заморозками.

...В те благодатные времена, вспоминая зачин «Двух гусаров» Льва Николаевича, все было иное, нежели сейчас — устоявшееся, патриархальное. Не было и намеков на пресловутое глобальное потепление, аномально жаркое лето, затяжную не то лето, не то осень, на январское бесснежье. Все шло тогда четко и по расписанию: пришел октябрь (не Октябрь, что с красными флагами...) — милости просим, дождливая мачеха-осень с иссиня-черными тучами на небе и... горами взрытой свеклы на просторных колхозных полях, что прямо-таки алкало по новоприбывшим *анжинерам*.

Владимир Белтов.
Из цикла «...1980-е»

Инженеры 70-х... Любительское фото. На Ноябрьской демонстрации — народ и партия едины!

БИТВА ЗА УРОЖАЙ. ОСЕНЬ

◆ Кстати об упомянутом выше, впрочем, ни к селу, ни к городу, так — по ассоциации настроения, Льве Николаевиче. Как уже говорилось, основной наплыв молодых спецов, согласно установлениям, имел место быть в начале августа. Вроде как все собрались, но Вера Григорьевна, аккуратная в делопроизводстве, какой только и может быть супруга подполковника из Кленового переулка, не уставала докладывать Трибелину, что несколько распределенных к ним молодых специалистов не торопятся на трудовую вахту. «Придут, куда они от нас денутся»,— отвечал тот и рекомендовал своей секретарше означенные фамилии взять на заметку, а по мере появления прогульщиков напоминать ему. Как в коллективе понимали, почти все задерживаю-

щиеся есть ребята деловые, со своими взглядами на грядущую трудовую жизнь. Существенно, что все эти фигуры умолчания — выходцы из «пентагона», где из поколения в поколение водились личности неординарные.

Под «службу» Трибелина была отведена половина второго этажа длинного административного корпуса завода, а прямо под ней, на первом этаже, располагалась большая заводская столовая. Где-то ближе к концу сентября, сидя за столиком и наворачивая знаменитое мясо с овощами «от шеф-повара», бывшего кока торгового флота, Николай и Андрей между делом рассматривали — с комментариями — стоявших в очереди на раздаче молодых заводских лаборанток и техников из цеховой обслуги; свои уже успели приесться еще в институте. Обедавший за тем же столом хохмач себе на уме Овцовский, проследив их взгляды, сыронизировал, не заботясь особенно о рифме:

Когда гляжу на девушек сегодня,
В сравнении с сельчанками беден их свет.
Ведь не было прежде одежды столь модной
В горошек все платья, да в розовый цвет...

— Это ты, Валер, намекаешь на нашу скорую посылку куда Макар телят не гонял?

— Все там, Андреяныч, будем — и очень скоро, свекла созрела. Нет, ты смотри? Сам Лука пожаловал-таки! А я грешным делом полагал, что он до новгода полностью своей фарце отдастся!

И в просторном столовом зале, где по расписанию в этот час обедали преимущественно кабешники, пронесся некий восторженный, но и насмешливый шелест. Явственно, как заклинание, неслось приглушенное: «Лука, Лу-у-ка, Лу...» И Николай заулыбался вослед Овцовскому, а непонимающему радиотехнику Смышляеву в два голоса пояснили, что за выдающаяся личность пришла встать на трудовой пост: Лева это Тепляев, Лев Николаевич — тезка яснополянскому труженику мысли и пера, но охотно откликается на кликуху Лука, ибо славился на весь «пентагон» громогласным исполнением непристойной поэмы Баркова, балагура и матершинника*, столь любимой в компании пушкинского поэтического кружка. «Вот в колхоз вместе попадем, так и услышишь»,— посмеялся Овцовский.

Еще Лева-Лука был знаменит родственниками: отец — известный в Тулуповске писатель, сочинитель романов и повестей о коммунистическом воспитании юношества и по совместительству — завуч средней школы по ведомству МПС**, а родной дядька по матери — главный милиционер Тулуповской области. Должность последнего и двоюродный брат, работающий в гамбургском торгпредстве, сделали Луку самым крутым фарцовщиком, в основном, по пластам, то есть по грампластинкам с записями импортных рок- и прочих групп.

Меж тем Лева, огромный, под метр-девяносто, с молодым «пивным» пузцом,

---

* Очень сложен вопрос с авторством самой знаменитой в русской литературе похабно-эротической поэмы. Принято относить его к Ивану Семеновичу Баркову, но он скончался в 1768 году, а антураж действия поэмы явно относится к началу XIX века, даже упоминаются «радужные денежки», то есть ассигнации, введенные Екатериной уже после смерти Баркова... Указывают также на авторство развеселого дяди Пушкина — Василия Львовича или склоняются к коллективному творчеству, столь распространенному тогда; пример — «Козьма Прутков». Со временем поэма имела массу подражаний и вариантов. Скорее всего, как считают литературоведы, за основу были взяты некоторые стихи-наброски Баркова. Кстати, в круг коллективного сочинения включают даже... графа Дмитрия Ивановича Хвостова, видного сановника, любимого племянника генералиссимуса Суворова (!?). Любопытно, что из 600 с небольшим известных писем последнего (см.: А. В. Суворов. Письма.— М.: «Наука», 1986.— 808 с. (Серия «Литературные памятники»)) 250 адресованы Дмитрию Ивановичу, в которых Суворов доверял племяннику самые свои сокровенные и тайные мнения о всех коронованных особах и военачальниках Европы, включая отечественных...

** Министерство путей сообщения СССР, ныне ОАО «РЖД».

патлато-рыжекудрый, с размахренной рыжей же бородой, с добродушно-наглыми водянистыми глазами навыкате, одетый, несмотря на жаркую еще погоду бабьего лета, в черную тройку, но без галстука, осмотрел на входе зал, приветствуя всех сразу поднятыми руками, и заторопился на раздачу, бормоча сиплым басом, что-де жратва — дело святое. Зашел, конечно, со стороны кассы навстречу очереди, отшучиваясь от упреков заводских женщин, а знакомых по институту кабешных девиц оглаживая по всем выпуклостям — те похохатывали.

Здесь, перекрывая гомон обедающего зала, раздался возмущенный голос-скороговорка Левы: «Ты чего это мне в тарелку, как котенку, положила?! Ну, давай двойную порцию, можешь и тройную! И еще две вот тех котлет клади... ничего, кассирша разберется. И щей в большую тарелку — до краев!.. Не бойсь, не растолстею. Организм свой надо с молодости не обижать!»

...И с кассиршей он малость беззлобно повздорил, когда она попыталась дать сдачу со сторублевки рыжими и трешками: «Вон у тебя в правой ячейке полтинники с углами* лежат! Ты бы мне еще ильичами сдала...»

Вспотевший от упруго бьющей от плит и котлов, не отгороженных от зала, пряной духоты Лева, сделав примирительный комплимент пышногрудой кассирше,— «на гвардейца ты, дорогая, делана!» — на миг остановился, выискивая куда причалиться. Овцовский привстал и махнул ему рукой, указывая другой на четвертый, свободный стул у их стола. Лева понимающе кивнул и, грузно лавируя между обедающими, этаким топтыгиным подошел и, безотносительно брюзжа в рыжие, нависающие над верхней губой усы, поставил поднос на край стола, поручкался со всеми, попутно представившись доселе незнакомому ему Смышляеву, начал снимать с подноса тарелки и два стакана: с компотом и со сметаной:

— Вот, черт, пришлось-таки сюда сунуться раньше времени...

— Чего так, Лева?

— Да эта секретутка-старуха Трибелина, делать ей нечего, гэбешной стукачке, отцу приноровилась звонить, а потом и вовсе дядьке: дескать, заждались Льва Николаевича, рабочее место, ему приготовленное, пустует...

— Ха-ха-ха! Не запустеет.

— Вот и полагал так: до декабря свои дела доделаю, а по белым мухам и заявлюсь. Ну-у, отцу-то с его увещеваниями о гражданской совести и трудовом подвиге Павки Корчагина я рекомендовал поместить их в очередной роман, но дядька...

— Чего дядька? Менты вроде как сугубые реалисты в жизни?

— Вот потому что реалисты. Ему сейчас даже чихнуть в сторону Кленового переулка нельзя, не то что мягко послать куда следует трибелинскую секретутку с ее гэбешным мужем. Опять стычка какая-то вышла между мильтонами и голубыми мундирами: кто-то кого-то заложил, а дядькин зам по политработе крайним оказался. Словом, он и посоветовал мне не залупаться и выйти на работу. Хм-м, добавил еще: «Все одно, раз пользы от тебя там не будет, то, значит, и вреда тоже!» Молодец, всегда для любимого племянника доброе слово подыщет...

Ладно, давайте шамать, а то я прямо с московской электрички, со вчера ничего не жрал, только пару пива в дорогу друзьяки всучили. Неделю там провел, товар Вадька из-за бугра приволок, хорошие пласты. Пока фарцевал там, почти все растолкал, а потом три дня пьянствовали на загородной базе «Спартака». Все меня пробовали женить на массажисточке... нет, конечно, мужской свой долг отдал ей сполна, а потом — наше дело не рожать, проспался — и домой тотчас! Хорошая здесь шамовка, особенно вот это мясо с овощами; лучше, чем на спортбазе готовят.

---

* Также бытовавшее в инженерной среде наименование 25-рублевой купюры; скорее всего, термин этот из гоголевских «Мертвых душ»; так Собакевич выражался, назначая цену за «душу».

— Ты в своем отделе-то был?

— Угу, начальник вроде нормальный мужик. Я ему плоский бутылек вискаря вчинил, а он мне алаверды: готовься, мол, Лев Николаевич, в колхоз. Для трудового исправления, так сказать. Насчет тебя особое распоряжение сверху имеется.

— Все там, Лева, будем, всем кагалом вскорости и поедем,— вступил доселе молчавший Николай, благо разговорчивый Овцовский занялся, наконец, блюдом от шеф-повара, гурмански вертя головкой-тыковкой интеллигента во втором поколении.

— Дюк еще не появлялся? — с набитым ртом спросил Лева.— Я его в начале августа видел, тоже собирался тянуть до последнего... Он сейчас лабухает где-то в сочинском кабаке.

◆ Вечер приезда, он же последний день бабьего лета, завершился общим ужином из домашних сухпайков. Кухня в досчатом домике с навесом над обеденными столами впритык, поставленная специально для приезжих шефов и располагавшаяся между клубом и школой, должна заработать со следующего утра. Двух поварих из техотдела Пируэтов улестил, обещая манну небесную, то есть по десять дней отгулов по возвращении домой. А пред обещался завтра до шести утра доставить съестные припасы на первую неделю житья-бытья. Сорокалитровый бидон с молоком подогнали с колхозной фермы еще до наступления темноты — с вечерней дойки — и поставили под навес кухни. «Не прокиснет, ночи прохладные,— заметил привезший на телеге бидон возница,— только до утра с кружками немытыми туда не лазьте, все скиснет».

Завершив суету с размещением и устройством своих лежбищ, народ, словно предчувствуя последний погожий денек, высыпал на улицу, сгрудившись у кухонного домика, внутри которого улещенные Пируэтовым поварихи Тоня и Тамара тихо и беззлобно переговаривались и гремели чем-то металлическим: видно готовили свое новообретенное хозяйство к завтрашней заутренней готовке.

С клубно-школьного холма открывался в лучах спускающегося к горизонту неяркого солнца замечательный вид на разбросанные дома села с красными «комбайновыми» крышами. За селом — малая изгибистая речка, а за ней поднималось к дальнему лесу огромное свекольное поле, на котором виднелись бурты уже вырытой свеклы, ждавшие поутру трудолюбивых инженеров — для отрубки хвостов листьев и погрузки на бортовые машины, что отвозили груз на районный сахарный завод. Предвечерний ветерок гнал порывами по полю пыль высохшей за бездождливый сентябрь земли.

От моста через речку вверх же по краю поля поднималась наезженная грунтовая дорога, исчезая в темнеющем лесу — курс зюйд-ост на сахарозавод... Андрею вроде как показалось: на совершенно пустом поле, уже который день замершем в ожидании их трудолюбивых рук, у ближнего к лесу и грунтовке бурта копошатся кто-то вроде одинаково одетых детей или подростков. Не успел он подивиться и сообщить об этом стоявшему рядом Соловьеву, как со стороны леса на дорогу выскочил местный лихач-мотоциклист со снятыми для громового форса глушителями.

— В сельмаг парень торопится за водярой или червивкой*,— громогласно хохотнул подошедший сзади Лева. От него устойчиво пахло уже принятой на грудь — еще до общего ужина — поллитровки «зубровки». Очень уважал ее, выделяя особо из всех отечественных напитков: «Для здоровья полезно, а то, что якобы само это растение снижает потенцию — так не верьте! Сам сравнивал последействие в факанье после обычной водки, коньяка, виски и зубровки: после литровки последней в контрольном, так сказать, опыте за половину суток на одной и той же чувихе — она счи-

* То же слово из давнего разговорного языка: бутылка емкостью 0,71 литра с ординарным дешевым крепленым вином типа портвешка. Правда, продукт натуральный не в пример нынешней якобы импортной ебурлыге...

тала — четырнадцать раз! Правда, и деваха умелая оказалась...» — Этот Левин опыт был известен всему «пентагону».

Но здесь поле пришло в движение: «мальцы» от давешнего бурта в един миг сорвались с места, обратились в огромный ком поднятой пыли, что со страшенной скоростью и дробящимся грохотом пересек наискосок поле и скрылся в лесу. Все остолбенели, а привезший молоко возница сплюнул досадливо и все разъяснил:

— Не дал кабанам вволю покормиться, самокатчик хренов!

— Ни черта себе,— выпучил и без того навыкате глаза Лева,— а если бы мы на их пути оказались?

Но возница, с уважением уловив целебный запашок от здоровенного рыжебородого парнищи, успокоил: при людях они из леса не высовываются:

— Звери они сурьезные и умственные, работающим людям не мешают, как иные...— Здесь возница явно вспомнил какую-то личную обиду: — Иные партейные и из начальства, которым скучно в своих кабинетах водовку хлестать, так они норовят среди людей потолкаться, власть свою показать...

Неприятный озноб у приехавших от сцены мчащегося кабаньего стада сгладил деловитый Пируэтов:

— Молодые и не очень люди империи российской! Давайте на дружеский ужин. Девушки наши уже все сгоношили!

◆ Полсотни клубных постояльцев как-то легко и даже живописно расположились на женской половине — сцене с раздернутыми портьерами. К двум поместительным диванам и нескольким лавкам, принесенным из клубной подсобки, добавили общий стол-достархан, составленный из двух связок стульев, покрытых старыми кумачовыми щитами-лозунгами с цитатами из трудов Леонида Ильича о пользе подъема сельского хозяйства. Глаза проголодавшихся радовало изобилие выпотрошенных рюкзаков и сумок. Из той же подсобки, некогда исполнявшей роль костюмерной для сельской самодеятельности, Пируэтов позаимствовал артистический фрак из черной саржи, а Лева — бухарский полосатый халат. «Ну-у, Лука, ты прямо Ноздрев гоголевский!» — «А ты, Валентин Батонович, не менее прямо Чичиков в своем фраке!» — Обменялись любезностями ряженые, причем Пируэтов даже не поморщился на такое амикошонство рядового инженера, ибо Лева себе цену знал. Батонович так Батонович, хотя и не грузин...

Расселись по интересам и симпатиям. Памятуя, что жратва — наиважнейшая из жизненных потребностей, Лева уселся меж поварих Тони и Тамары; после третьего тоста «за наши земледельческие корни предков» Лева, полуобняв незамужнюю, красиво-полноватую Тому, начал с ней активно шептаться, а после пятого — «война и колхоз все спишут»,— скинув бухарский халат на плечи Овцовского, удалился с прелестницей в подсобку, где имелись старая тахта из реквизита, а на двери — щеколда.

Тоня, хотя и замужняя, поджала губки, тем более что зоркий Пируэтов подлил масла в огонь: «Ты хоть, Антонина Сергеевна, завтра не проспи, не оставь нас без каши!» Тоня вспыхнула, что, дескать, она сама не набивалась... Назревавший на корабле бунт погасил Соловьев, взявший с собой из дома баян и начавший проверять аккорды. Вскоре распелись, а там и до плясок дело дошло. Здесь марку держали сорокалетние «варяги» во главе с Пируэтовым в развевавшемся фраке. «Вырвались мужики на волю от жен и детей»,— резюмировал Овцовский, трусовато огладив круглую коленку повеселевшей Тони. Она не возражала, в душе скорбя, что Валерка жидковат и слишком осторожен в сравнении с рыжебородым охальником... Впрочем, пару дней спустя тот же остроглазый Пируэтов отметил в дальней своей памяти: несмотря на непогоду, Валерка перед отбоем выходит тихо из зала и до общего засыпания не возвращается. Сопоставив это уходы на ночь со странным желанием вновь

нежно сдружившихся поварих поочередно ночевать не на сцене, а на изначально имевшейся на кухне панцирной кровати в закутке за печкой — якобы не тревожить коллег затемно, уходя ставить на огонь котлы с водой и молоком,— начальник бригады даже слегка зауважал хиловатого Овцовского: «Экая лиса! Не только у вороны кусок сыра перехватил. А ты, Валерка, у меня теперь на крючке: если что от тебя потребуется, мало ли что в жизни случается! — Так Тоньке намекну, что все-таки замужняя...»

И всех заинтересовало: отчего это Овцовский, ранее умеренный любитель пропустить вечерком с коллегами по паре стаканов червивки, вдруг стал баптистом-трезвенником? А Лука как-то с хохотком пояснил Смышляеву: «Тонька — бабенка серьезная и прогонистая, а Валерку с кирюхана* на высокую поэзию тянет и пенис мягис зачастую... Вот она и берет его на спалку только трезвого, зато, отпуская под утро, наливает ему за труды праведные стакан из своих припасов, ха-ха!»

И действительно, наутро после кухонного дежурства Антонины все завтракали с неохотой, сидели под навесом хмурые и несколько помятые, зато Овцовский с раскрасневшимся лицом так и сыпал интеллигентскими (при дамах ведь!) анекдотами про руководителей партии и правительства, что он, как человек осторожный, позволял себе только в приподнятом состоянии тела и души.

...Но сейчас к окончанию дружеского ужина с раскрасневшимися лицами появились Лева с Тамарой. Лева все порывался исполнить «Луку» под аккомпанемент соловьевского баяна, но Пируэтов вспомнил про свое членство в партии и не разрешил аморальщины при женщинах. Разбирали достархан и расходились по своим ложам заполночь.

◆ Андрей проснулся затемно, еще до общей побудки. Мучила жажда со вчерашнего обильного принятия «на грудь».

В сиротски освещаемом ночью контрольной лампочкой над входом клубном зале, спросонья — спали все, не раздеваясь — и тихо чертыхаясь, спустился с приступка своего с Соловьевым блатного ложа, натянул на ноги кеды и, стараясь не задевать за ноги ближнего спящего ряда, пошел на выход. Однако примеченный со вчерашнего дня бачок с питьевой водой и стандартной алюминиевой кружкой на унитазной цепочке оказался пуст и сух как арык в раскаленной пустыне. Вдругорядь чертыхнулся — мог же Пируэтов загодя назначить дневального в день приезда и распорядиться наполнить бачок: водопровод-то в клубе имелся, но где сейчас в полутьме искать кран?

Вышел на улицу — около кухонного домика летняя умывальня: несколько кранов над наклонным сточным жестяным желобом. Вышел — и вмиг после надышенной за ночь спиртовой теплоты зала охватило ознобом и мелко моросящим раннеутренним дождиком. Тянул зябкий ветерок. Вмиг остатки лета сдали свои позиции промозглой осени. Однако, подойдя к кухне, заприметил давешний молочный бидон, прислоненный к досчатой стене, а у крайнего умывальника стояла на доске кем-то забытая, явно аккуратистом, чистившим по изнеженной городской привычке на ночь зубы, полулитровая эмалированная кружка. Брезгливо, ибо и без того со вчерашнего достархана подташнивало до кишечных спазмов, помыл посудину под краном, подошел к бидону, открыв защелку, откинул прорезиненную по ободу крышку.

Ни к селу, ни к городу, а просто в голове с похмелья все прошлое и настоящее в памяти перепуталось, ясно представил себе лекционный зал на занятиях по патентно-изобретательскому делу. Преподаватель, пожилой и много чего знавший и повидав-

---

* Из сленга тех лет: кирять, кирка, кирюхан и пр.— пить (не воду!); пенис мягис (*no comments*!) — фривольно от имени популярного эстрадного певца-прыгуна (выступал всегда в кроссовках) из Эстонии. Чисто по созвучию...

ший в жизни, любивший разнообразить свои лекции всякими курьезами по части наших растяп-изобретателей и империалистических акул этого дела, как раз рассказывал об этих самых молочных бидонах с удачно придуманным запиранием крышек. Дескать, решил наш бидонный завод выйти на международный рынок, но никому в голову не пришло запатентовать эту свою тару... И вот в страну молочных рек — Датское королевство — прибыла груженая в лиепайском порту несколькими тысячами бидонов в экспортном исполнении, с полировкой алюминия, баржа. Прибывший для приема товара представитель датской фирмы восхитился простотой и качеством исполнения продукции, потом задумался и попросил нашего кэпа постоять у причала пару-тройку дней: нужно, мол, согласно порядкам нашего королевства, оформить кой-какие бумаги. А вы с командой отдохните, устроим вам экскурсию в замок Эльсинор с его тенью принца Гамлета.

Гамлета — не нашего рядового армянина, а ихнего, датского — наши мореманы так и не увидели, зато на третий день простоя явились на баржу тамошние таможенные полицейские и арестовали всю партию бидонов: дескать, вот вам... и справка вот, то есть выправленный по-стахановски всего за пару суток королевский патент на бидон со столь замечательной крышкой-заслонкой...

Отогнав прочь всплывшее в одурманенной голове воспоминание, на ощупь опустил кружку в бидон, даже не успев поразиться необычной тугости погружения посудины во вроде бы жидкое молоко. Однако во рту сухость превзошла все пределы, желудок заходился в спазмах, Андрей жадно заглотнул сразу половину содержимого кружки... И только тут дошло до него: за ночь молоко на всю глубину конического верха бидона перевоплотилось в свежайшую холодную сметану! Допив, вновь наполнил кружку, затворил бидон, опасливо оглядываясь, тщательно помыл под краном чужую посуду, поставил на прежнее место, отошел от места прегрешения и сел у входа в клуб на скамью под навесом.

Здесь случилось чудо: вместо противненьких спазмов брюхо благодарно заурчало и вовсе перестало о себе напоминать, видно, занявшись перевариванием почти литра сметаны высшего качества. А голова тотчас перестала пульсировать своими сосудами, память вмиг возвратилась к четкости мышления, но к ужасу освеженного Андрея надо всем начало довлеть одно: мучительно захотелось сжать в объятиях красотку Галочку, с которой он многозначительно переглядывался весь предыдущий месяц и очень обрадовался, увидев ее в толпе ожидающих автобусов у заводской проходной. Все последующее — конкретное, бесстыдное и усладительное — живо нарисовало воображение...

Опасаясь столкнуться лоб в лоб с поварихами, торопящимися затемно кухарить — а те все сразу поймут... по сметанной части, конечно,— Андрей заторопился на свое ложе, мигом заснул и к моменту общей побудки чувствовал себя космонавтом, но не во время полета, а именно в момент получения из рук Леонида Ильича геройской звезды. И опять все мысли о Галочке и ее прелестях, бесстыдно обнаженных. Не зря же Лева в заводской свой обед требовал на раздаче полный стакан сметаны!

◆ Надо еще пару слов сказать о пользе опохмеления в молодом возрасте деревенской сметаной.— Это обостряет дар предвидения. Так и случилось в отношениях Андрея и прелестницы Галочки. Если в городе, на работе они лишь понимающе переглядывались, то на третий день пребывания в селе, когда на час-другой перестал моросить противный мелкий дождик, а, не зная этого, Пируэтов объявил по поводу непогоды послеобеденную работу на поле отмененной, Андрей, задумчиво слоняясь около ограды, увидел Галочку, выходящую из этой самой школы:

— Ты что, Галь, решила школьный курс физики повторить?

— Нет,— чуть потупившись, но и серьезно ответила она,— скорее биологии с основами физиологии человека.— И как-то особенно рассмеялась.

Да, подумал Андрей, видно раскрепощенные Тонька с Тамаркой до полового кипения всех девок на сцене довели своими впечатлениями...

— А серьезно?

— Серьезно то, что в этой вот школе и эту же самую биологию с физиологией в старших классах ведет моя давняя школьная подружка. Она наш пед закончила и второй год отрабатывает по распределению свою обязаловку.

— Почему второй, ведь ты-то первый год трудишься?

— Сразу видно не нашего, не пентагонщика, что шесть лет учится.

— Да-да, запамятовал на природе. И как она? Страдает, небось?

— Вовсе и нет. Тылы у нее обеспечены: жених в двухгодичники* угодил, как вернется — и у нее срок закончится, а в Тулуповске у жениха квартира образуется: обещанный родительский подарок к женитьбе. Да и здесь проживает с мыслимыми на селе удобствами: по матери она как раз отсюда и живет у родной бабки сами-двое в большой избе. Бабка крепкая по-деревенски, еще шестидесяти нет — у них все рожали в восемнадцать лет,— работает в здешнем сельсовете зампредом и главбухом одновременно. Хи-хи, Ленка шепнула: бабка-то еще видная из себя, фигуры не потеряла, так главный агроном, тоже в умеренном возрасте, когда супруга на неделю-другую уезжает в райцентр внуков потетешкать, похаживает к ней в гости. Сначала, пока Ленка в школе, а потом и совсем просто. Бабка просила ее не распространяться своим родителям в Тулуповске. Сейчас вот только-только уехала по дармовой путевке на курорт помоло...

Галочка остановилась на полуслове и внимательно, чуть прикрыв длинными ресницами очаровательно-косоватые глаза с поволокой, откровенно посмотрела на недотепистого.

— Так может, мы как-нибудь сходим к подруге в гости? — осекшимся голосом с почему-то появившейся хрипотцой предложил Андрей.— Дошло-таки до него.

— Отчего же как-нибудь? Постой, я еще раз к Ленке загляну.

Вернулась она через пяток минут, зажимая в ладони маленькую связку ключей:

— Ленка лишних вопросов не задает. Можно и при ней в гости ходить — в доме четыре комнаты раздельных. Она не ханжа. Сегодня тем более у них педсовет до вечера. Пошли... милый мой, и чуть-чуть недогадливый!

Спускаясь со школьно-клубной горки, когда исчезли из видимости их крыши, а первые порядки сельских изб загораживали одичавшие яблони с не совсем опавшими листьями — напоминание о давней помещичьей усадьбе,— они начали целоваться страстно и нетерпеливо.

...Возвращались на свою горку уже в сумерках, не опасаясь никого и ничего, обнявшись. При всей этой идиллии, дисциплинированного по воспитанному характеру Андрея не покидали два вопроса. Женщину, тем более уже любящую и любимую, самый опытный мужик не проведет, что уж говорить о бесхитростном парне? Пару раз внимательно посмотрела она на чуть сосредоточенное лицо *своего* Андрея, приостановилась, всем телом обнявши, прижалась к нему, шепнула на ухо:

— Не думай о несущественном, малыш! Хотя и ценю твою заботу.

— Ты что, Галочка, мои мысли уже научилась читать?

— Конечно. Ответ на первый твой молчаливый вопрос: сегодня и в обозримую неделю у меня безопасные дни. Женщины, даже очень любящие, строго выбирают время. А дальше все от искусства, так сказать, зависит. На второй: ключи эти — от входной калитки и от дома — Ленка предоставила в наше полное распоряжение. Они у нее запасные.

---

* То есть по окончании института с военной кафедрой был призван два года служить в лейтенантском звании.

...В этот же дождливый вечер, попросив девушек-женщин на полчаса выйти в холл-предбанник клуба («там и поговорите всласть, не опасаясь наших нескромных ушей...»), Пируэтов дал отмашку Леве: давай своего «Луку»! Славка достал из футляра баян. Лева было заворчал, что на сухую глотку бас жидковат, но заботящийся о здоровье коллектива Валентин Иваныч вздохнул, порылся в своем рюкзаке и протянул артисту четвертинку «московской». Лева заулыбался, сорвал с бутылки «бескозырку», в три глотка ввел содержимое в организм, зажевал услужливо кем-то протянутым куском краковской колбасы, теребя пальцами кадык, взял пару-тройку нот нижнего регистра, посмотрел на Соловьева. Тот повторил их на баяне. И действие началось.

Лева читал нарочито заниженным басом бессмертные строки поэмы. Слушатели, не хуже пушкинских «арзамасцев», застыли в разных позах, восторженно глядя на исполнителя, а Славка уверенно новел на баяне подыгровку, акцентируя ударные строки навроде «...и вылил в глотку литр квасу» ревущими нижними нотами своего инструмента, дара русскому народу мастера Белобородова...

В тишине, воцарившейся в зале после Левиной концовки, прозвучал голос книгочея Овцовского: «А ведь граф Хвостов был отменным семьянином и кавалером российских орденов!»

— Потому и отводил душу на похабщине,— нравоучительно заметил Пируэтов, воспитывая коллектив,— что семьянин.

Слушая вокально-музыкальный дуэт, Андрей морщился: слишком резким оказался переход от только что случившегося трепетного откровения внезапно открывшейся любви, одновременно плотски страстного и упоительно нежного, к разухабистой гусарщине полуторавековой давности... А как же Пушкин слушал это? И вообще, как он сам сочинял свою «Гаврилиаду», одновременно изливая в лирических стихах все ту же, что сейчас переполняло душу Андрея, любовную нежность и трепетность? Непостижим человек в своих чувствованиях... Он даже чуть застонал: настолько сильное, неотгонимое желание уговорить Галчонка тотчас повторить путь под горку, сжимая в онемевших пальцах ключи от заветного дома. Главное, понимал: она может согласиться. И действительно, когда Пируэтов растворил дверь и галантно пригласил женскую половину: «Милости просим, сударыни, сейчас ваш номер на сцене»,— среди других вошедших с притворными хихиканьями, молчаливая Галочка посмотрела посерьезневшими глазами на *своего* Андрея и как-то неуверенно «да-нет-да...» кивнула ему, что значило: сам решай за нас обоих, *милый*.

Все же он унял нелепый в такое время и в такой ситуации порыв, тем более, что прямо под его с Соловьевым блатным лежбищем забухало-загремело. Они подозвали Пируэтова:

— А-а, не зря я сегодня полдня не отставал от завхоза, мол, пора отопительный сезон в клубе открывать, мерзнем. Это, ребята, котельная для клуба и школы в угловом полуподвале, прямо под вами. На солярке работает, в ритм войдет, так вообще не слышно будет, главное, чтобы истопник не перепил на ночь самогонки — на воздух весь угол взлетит! Шучу, шучу, пока, как завхоз говорит, до этого дела не доходило.

...Все же Соловьев, самое свое ценное — дедовский баян, по семейному преданию самолично изготовленный Белобородовым*, перенес в другой угол зала, рядом с входной дверью, где стояла задвинутая тумбочка билетерши. Поставил на нее инструмент со словами: «Береженого бог бережет. Вот тебе и блатное место!»

◆ Наутро, улучив момент по пути в кухонный навес на завтрак, нагнал Галочку, шедшую обочь женской стаи, обменялся с ней мысленным поцелуем и шепнул на ухо:

— Какую мысль мою вчера после концерта Левы со Славкой прочитала?

---

* Тульский создатель хроматической гармони и баяна.

— Прочитала, конечно, милый. Позвал бы — пошла. Но ведь основное-то удовольствие в ожидании?

— Умна ты не по годам и принадлежности к женскому полу.

Она на краткий миг прижалась к нему, полуразвернувшись, грудью и плечом, все также шепнула:

— К любви это не относится. Но — все впереди!

После рисовой каши, щедро сдобренной Тамарой (ее очередь ночью была спать на кухне...) маслом, и пионерского кофейного напитка «Дружба» на молоке все вернулись в клуб, переобулись в резиновые сапоги, надели телогрейки, на голову — кто во что горазд, и тронулись разношерстной ордой по моросящему мелкому дождику, которого уже не замечали, к мосту через речку, к которому притулился закрытый еще сельмаг, и далее разбрелись по свекольным буртам. Из-за леса сверху поля показались и два грузовика. Начались трудовые будни.

Будни же состояли в хватании левой рукой приглянувшейся свеколины и обрубании зажатым в руке правой местного изготовления мачете пожухлой ботвы. Затем готовая свекла бросалась в нарастающую кучу чуть поодаль. Когда подъезжала машина с умеренно опохмеленным водилой, мачете откладывались и буртовая бригадка зашвыривала свеклу в кузов. Вот и вся недолга. В первый день полевой страды пришедший агроном, воздыхатель Ленкиной бабки, поучал: «Рубите ботву, стараясь особо не обкорначивать, так сказать, жопку овоща. И ни в коем случае баловства ради не рубите хвостовики: в последней трети корневища самое большое содержание сахара — до двадцати процентов. Можете сами убедиться для пробы». Заинтересовавшиеся выбрали свеколки почище, отрубили эти самые хвостовики, соскоблили кожуру с грязью, зажевали. Действительно, не то чтобы сахар, но на сладость экономного столовского чая вполне тянет! Рассказав пару баек о свекле, матерый агрономище пошел в сторону Пируэтова — на легком матерном языке согласовывать норму дневной выработки.

В тот день, к неудовольствию всех тружеников, работали до отупения, уже не чувствуя тяжести тесаков-мачете, изготовленных из рессорных полос, весь день: дождик так и не разошелся до серьезного дождя.

После обеда с жирными щами и настоящими макаронами по-флотски (ох, удовлетворил же ночью принявший четвертинку Лева *свою* Томку!) отправились на законные полчаса полежать на своих тюфяках. Кто успел заснуть — того грубо будил Пируэтов: «Это вам не ракеты и пукалки всякие рисовать! На случай войны под Иваново-Вознесенском в складах в полной смазке хранятся с первой и второй мировых войн десять миллионов мосинских винтовок. Это у нас в стране уже традиция: как воевать, так с трехлинейками! А вот без сахарку безо всякой войны взвоете. Вставайте, Родина на поля зовет!»

По выходу — с легкими проклятиями и стенаниями — из клуба вновь тронулись к мосту через речку. Андрей вышел из последних: сон успел словить за эти полчаса сладостный, все о том же. Поэтому не удивился, что нарочито замедлившая свой обычный быстроногий шаг Галочка оказалась рядом и кивком головы попридержала его, чтобы оказаться в нескольких шагах от последних из впереди шедших.

— Спал и меня во сне ну-у, скажем, видел?

— От тебя и во сне не скроешься. А ты что так вот явно? Сама же говорила о маскировочном приличии, чтобы болтовни поменьше было...

— Уже не надо маскировки. Девки нас уже поженили.

— Откуда узнали? Вот чертовки глазастые!

— Деревня, даже если село. Еще не успеешь что придумать — всем известно. Ладно, как это Мопассан говорил?

— Насчет дела или тела? — поддержал Андрей Галкину игру в серьезность.

— Да-да, конечно, милый. Пока ты во сне мечтал о журавле в небе, я с Ленкой в школе о синице в руках договаривалась. Значит, так поступим. Как начнет темнеть — пойдем к ней. Не в школу, конечно. У нее сегодня только два урока и сейчас она домой направилась. Будет ждать нас.

— Фонарик возьму, а то в темноте возвращаться...

— Дуралей. С ночевкой идем.

— А тревогу не поднимут наши?

— Я уже говорила: бабы все в курсе, а к вечеру и твоим мужикам все обстоятельно расскажут. Для проформы скажи Пируэтову, что обнаружил в селе дальнего родственника и идешь к нему самогонку в меру пить. Он, конечно, не поверит, но будет спокоен. Славке же скажи как есть. Мы с ним в одной группе учились. И он тебя искать не будет.

В полном восторге обнял подругу, стараясь прижаться к ее роскошной груди.

— Тс-с, леди и джентльмены публично свои чувства не афишируют.

Здесь орда подошла к мосту. Сельмаг зиял гостеприимно растворенной дверью.

— Галчонок, надо для приличия что-нибудь взять с собой? Я на обратном пути вот сюда загляну.

— Не надо. Водка и червивка — это пошло. Шампанского здесь не держат, зато у меня НЗ приличный имеется. Ладно, я к женскому стаду побегу. Чао, мой милый!

Увлеченный столь занимательной беседой, Андрей едва не прозевал одноактную пьесу: на траверсе магазинной двери Лева отделился от коллектива и в три маршевых шага исчез в ее проеме, а через полминуты выскочил, на ходу засовывая в карман телогрейки четвертинку и пару твердокаменных баранок.

— Душа горит, начальник,— панибратски хлопнул он по плечу притормозившего Пируэтова,— еще один «Лука» за мной!

«А я вот не буду сегодня твоего «Луку» слушать»,— с некоторым даже злорадством подумал Андрей.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

Инженеры 70-х... Любительское фото. Зимний отдых в Закарпатье - 1

«ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК В ЦВЕТУ»*

◆ После ужина все вернулись в клуб: и так за целый день мелкий дождик смертельно надоел. Галочка, проходя мимо остановившегося в холле-предбаннике посмотреть на бильярдную игру Андрея, шепнула: «Через час будь готов, да особо не маскируйся — встретимся у школьной ограды».

На большом клубном бильярде уже началась крупная игра, руководил мастер этого дела Лева, на обратном с поля пути вновь заскакивавший в сельмаг. Впрочем, на этот раз далеко не он один. Андрей к катанью шаров относился равнодушно, тем более, что уже очередь на полдесятка партий образовалась. Покурил, глядя на мелькание киев, но мысли текли совершенно в другую сторону. Маясь от нетерпения встречи с Галочкой, вошел в зал и направился к своему ложу, но его попридержал недалеко квартировавший Овцовский, среди прочего, его коллега-библиофил. С восторгом воскликнул, доставая из большой дорожной сумки толстенькую, изящную старого формата книгу:

— Смотри, Андрюха, что я вчера в библиотеке отыскал!

...Клубная, она же сельская, библиотека располагалась справа от холла-предбанника и поразила приехавших своим нетронутым, то есть не очень-то востребованным местными, книжным изобилием. На второй день по прибытии они с Овцовским, усмехаясь, мол, здесь ничего кроме старых подшивок «Огонька» и «Сельской молодежи», да сказок Гайдара нет, дождались прихода библиотекарши, отомкнувшей дверь, и ахнули: в поместительном помещении размером в треть клубного зала на подпиравших потолок стеллажах стояли все мыслимые собрания сочинений, трех- и двухтомники и все остальное из художественной литературы, изданное за последние двадцать лет — со дня постройки клуба. Чего и в самом радужном сне не увидишь на полках городских библиотек: разобрано читателями, украдено библиоманами, «списано» расторопными библиотекаршами и просто хранившееся в отдельной подсобной комнате — для добрых читающих приятелей и приятельниц, родственников и их детей.

Юная, равнодушно-задумчивая библиотекарша, дочь колхозного зоотехника, только что окончившая школу и собирающаяся на следующий год поступать в Тулуповское культпросветучилище, кулек по-местному, с ненавязчивым интересом посмотрена на вошедших:

— Будете что брать? Тогда заполните анкеты и два рубля залога. Верну, когда будете уезжать и сдадите книги.

— А если нас срочно увезут и сдать не успеем? — сыронизировал Овцовский.

Библиотекарша пожала еще девичьими, не раздавшимися плечиками:

— Мне-то что, спишу на залог, а рубли ваши в колхозную бухгалтерию передам. Вся-то недолга. На следующий год приедете — снова запишитесь и залог уплатите вдругорядь.

— Красиво говоришь, дорогая,— восхитился подхалимно Овцовский,— образно, чисто по-русски! Величать-то как?

Библиотекарша уже с живым интересом посмотрела на невысокого, но хорошо сложенного, как-то по-спортивному, хотя этим делом он не баловался, худощавого, красиво подстриженного тулуповской знакомой парикмахершей Валерку:

— Верой меня величать, хи-хи, а говорю — так это я пьесы Островского сейчас читаю, готовлюсь в культпросвет поступать. Вас надолго сюда?

— До белых мух,— на всякий случай неопределенно ответил Овцовский,— так мы посмотрим книги?

---

* Название второй книги Марселя Пруста из многотомного романа «В поисках утраченного времени».

...Вышли они из библиотеки в разной «весовой категории»: Андрей взял двухтомник Томаса Манна «Иосиф и его братья», который давно хотел прочитать, и «Слова» Сартра — редкость, которую он не видел даже у знатных тулуповских книжных спекулянтов, что роились у городской «Буккниги». Овцовский же забрал стопу, что нес, прижав к груди обеими руками, сладострастно бормоча, что в его домашней библиотеке далеко не все полки заставлены...

— Так ты, Андрюха, понял диспозицию? Верке на все наплевать, ей надо перебираться в город, поступать в кулек и замуж удачно выходить. Так что, не торопясь, подбирай себе в дорогу что приглянется. Я — то же самое. Верка же залогом отчитается.

— Грех это, Валер, осла ближнего пожелать...

— Ну-у, Верка и колхоз нам далеко не ближние, тем более первая — у нас с тобой свои ближние здесь уже образовались... нечто не вижу, как ты Галочку обхаживаешь? Ну и насчет осла: некогда местному населению Сартра, что ты улещил, и Кафку, что у меня, читать. Вечная битва за урожай, так сказать. Нам же с тобой самый смак, ведь не отдавать же перекупщикам по ползарплаты за такие книжки?

А потом, знаешь, это ведь не кража, а почти честная купля-продажа: два целковых тоже деньги ведь. Кстати, даже сама кража книг есть интеллигентское воровство. Этот самый книгочей может быть кристально честным, копейки чужой не возьмет, но книгу — да! Даже обливаясь при этом слезами раскаяния. Пример из жизни: приятель мой — ты его не знаешь — жаловался: позвал на годовщину свадьбы лучших друзей своих и подруг супруги, тосты всякие, мол, вечное «горько», все на брудершафт пили, а, проводив последнего гостя, случайно взглянул на книжные полки, что заставили целую стену в прихожей и — пустой проем в ряду книг и на том самом месте, где роскошно переплетенный дореволюционный пятитомник Кнута Гамсуна стоял... Вот так-то, мой дорогой совестливец!

— ...Так смотри, Андрюха, что вчера, покуда ты вокруг своей Галочки увивался, я нашел в библиотеке в заднем углу, где свален всякий хлам на списание,— и Овцовский, сияя, как будто золотой клад отыскал, протянул коллеге старого издания книгу, источавшую кремовый затхлый запах, что аллергика укладывает вмиг на больничную койку, а истинному книголюбу еще на пару лет продлевает жизнь.

Андрей бережно, ловя при этом тревожный взгляд Овцовского — сродни материнскому, когда она на миг передает своего младенца на руки хотя бы даже и ближней родственнице, открыл книгу на титульном листе. Такого даже у столичных спекулянтов-перекупщиков на Новом Арбате не встретишь: первое и пока единственное на русском языке издание романа Марселя Пруста «Под сенью девушек в цвету», выпущенное в тридцатые годы ленинградским издательством «Художественная литература». Ни много ни мало! Андрей перелистывал на ощупь вроде как теплые страницы добротной веленевой* бумаги благородного цвета слоновой кости, что таковая приобретает со временем, любовался не поддающейся выцветанию высокой печати** буквами шрифта «Академический».

— Да-а, это вещь!

— Не вещь, но драгоценность, раритет. Кстати, недавно читал в «Книжном обозрении», что нынешняя «Художественная литература» готовится издать Пруста только в следующей пятилетке.

— Смотрю, даже штампа библиотечного нет. Как же она туда попала?

— Я Верочку спрашивал: все пожимает плечами. Сказал пару комплиментов про ее расцветающую красоту, даже стишок халявный тут же сочинил:

---

* Бумага высшего качества, изготовленная из тряпичного материала, что собирали старьевщики (*Second hand* по-нынешнему).

** То есть печать металлическими литерами — изобретение Иоганна Генсфляйша Гуттенберга, ювелира из Майнца...

Твой голос меня будит по утрам,
Как узник, я считаю дни и сутки,
Когда свиданье постучится к нам...

Для деревни сойдет. А она мне алаверды и подарила неучтенную книгу. Как бы Тонька не узнала про всякие там стишки — прибьет, с нее станется!

◆ Спускаясь в полутьме с заветной горки, Андрей правой рукой обнимал спутницу, чувствуя ладонью ровное биение-вздрагивание ее тугой груди. Даже стянутая свитером плотной вязки, под теплой курткой, она соответствовала своему высокому номеру — при девичьем еще стане и модельной талии... В левой руке он держал сумку-пакет, врученную Галочкой.

Не был он особо мнительным, но, обнимая *свою* Галочку, некстати вспомнил некогда слышанное, что-де роскошная грудь у незамужней, очень молодой женщины — верный указатель на активную половую юность. Тотчас испугался, вспомнив о сверхпроницательности подруги, у которой, по ее словам, вроде как прабабка слыла деревенской колдуньей-знахаркой, попробовал отогнать паскудное... но поздно уже.

— Андрюша, отвечу строками нашего с той любимого поэта:

Но для женщины прошлого нет,
*Разлюбила — и стал ты чужой.**

Нам ведь с тобой, милый, не по шестнадцать лет, а я к тому же на год старше тебя. Что было, то было. Да и было-то... так, студенческая жизнь.

— Не обижайся, любимая,— Андрей остановился, крепко обнял ее, податливую, крепко и долго целовались,— но все же объясни мне, как «физику, а не лирику», как ты угадываешь мои глупые мысли. Вот теперешний конфуз, а?

— Точно так же, как все колдуньи, гадалки, цыганки и новомодные экстрасенсы. Ты вот подумал про мою грудь, которую обнимаешь, а я почувствовала какую-то неуверенность в пальцах твоей ладони. Все это просто, но при условии: род надо вести от колдуньи-ведуньи... Пошли, мой сомневающийся во всем!

Андрей почувствовал в теле жар — прилив нежности к *своей* вещунье, но тут же озаботился иной докукой: как вести себя с хозяйкой дома, готового приютить их? Ответное не замедлилось:

— Не напрягайся, Андрюшенька. Ленка — девка правильная, не ханжа. Себе цену знает, но и в других изюминку приветствует. И очень целеустремленная. Знаешь, как она сюда попала?

— Ты говорила: распределение, у бабки своей почти как на вилле живет, сам уже дом видел...

— Не совсем так. По распределению в деревню посылают негородских и устойчивых троечников. А она с красным дипломом, сразу в заочную (звали в очную) аспирантуру поступила в своем педе, квартира родительская в Тулуповске в «сталинском» доме в центре...

— Вот это да-а! Но я ведь, в отличие от тебя, мысли читать не умею. Поясни, пожалуйста.

— Поясняю. Жениха ее, двухгодичника, отправили служить в Заполярье на шахтные ракетные установки. И спиться нельзя, и всяких женских соблазнов в большом радиусе не имеется. Ленка, как истинная жена декабриста, решила уравнять до свадьбы их статус-кво: попросила распределить на село, к бабке; в институте удивились, но пошли навстречу. Даже версия по институту пошла: собирается делать диссертацию по биологии на сельхозматериале.

В общем, все правильно. И диссер свой сочинит на этом самом материале: что-то,

---

* Иван Бунин «Одиночество» (далее по тексту стихи Бунина).

могу ошибиться, о влиянии трансгенеза на биологические и сельхозполезные показатели свиных приплодов.

— Где же она исходный материал по столь специфической теме берет... не в школе же?

— Не в школе, там нет парнокопытных. В соседнем районе образцово-показательный свинокомплекс с опытной станцией от сельхозакадемии. Туда она через отца, заведующего сектором в аграрном отделе тулуповского обкома, прикрепилась. Блат не блат, но по воскресениям туда регулярно ездит, то есть действительно делом занимается. А литературой снабжает мать — доцент в том же педе.

— И зачем это ей?

— Я же начала рассказывать: в равных условиях с женихом пару лет провести, вдали от городских соблазнов, но и без излишних бытовых трудностей. Потом она думает по стопам матери идти — преподавать в институте, а для этого ученая степень нужна. И себя проверить, и другим показать, что не финтифлюшка обкомовская, а человек с работающей головой.

— Н-д-да. Такие не дают возможности разочароваться в нынешней жизни.

— Да жизнь-то не стоит разочарований. Это все наносное, по нашей молодости. Наши потомки еще завидовать нам будут; вот увидишь, когда доживем. Да и *мы с тобой* не пальцем деланы, извини за эвфемизм, главное, не потерять себя и друг друга в суете жизненной, жить в доступную меру красиво и свободно, не в обузу другим людям, но в пользу.

— Мудрено, милая, говоришь, прямо по Гегелю Георгу Вильгельму Фридриху: свобода есть осознанная необходимость.

— А я, Андрюшенька, не только страстная, но и ученая девушка. В этом смысле ты за мною не пропадешь, не отчаешься... а я за тобой тоже. Заметил ведь еще с лета, как я к тебе присматривалась?

— Заметил, но маловато ведь времени прошло, чтобы полностью оценить?

— Это все в считанные минуты, а то и секунды природа за нас делает. Выбрала тебя — и все! Сам понимаешь, что выбирают всегда и только женщины. Закон природы все той же. А мужикам они великодушно не запрещают в ихних мальчишниках-пьянках похваляться: вот какую чувиху вчера снял — и тут же на станок уложил! Нет, дорогой мой супермен, это она тебя сняла и для проверки легла с тобой; на утро же вердикт: мой или не мой... Однако, Ленкин дом. Давай пообнимаемся-поцелуемся, с пару часов нужно вести себя комильфо — для знакомства с хозяйкой.

После долгого, обещающего пик страсти поцелуя Андрей прошептал ей на ушко вошедшие у них в обиход бунинские строчки:

Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой.

◆ Андрей из рассказа Галочки заранее составил мысленный портрет ее подруги. Получалось — должна она выглядеть среднего «девичьего» роста, как и Галочка, но только в меру полноватая — с крепкой статью, шатенка (все училки ему мнились шатенками) с короткой стрижкой. Не очень впечатлительный бюст и среднестатистические ноги дополняют этот абрис, скорее характерный для недавно вышедшей замуж молодой учительницы. Увы, как всегда ошибся во всем, исключая роста.

Войдя в незапертую калитку и пройдя до входной в дом двери — под навесом и с лестницей в несколько ступеней,— хотели нажать кнопку звонка, но выложенная дубовыми плашками дверь тут же приоткрылась, а яркий свет из прихожей вырвал фигуры гостей из уличной темноты.

— Входите, входите! Мой сторожевой кот вас загодя почуял и замяукал.

Андрей пропустил спутницу, вошел сам, все еще привыкая к свету. Солидного видом кота он хорошо разглядел в первый приход, но вот Лена... оказалась почти

копией Галочки, только бюст самую чуть малость скромнее и коленки не такие очаровательно круглые... Кой-какой жизненный опыт у него имелся, знал, что много мнящие о себе девицы выбирают — на контрасте — в подруги менее видных, даже дурнушек, но умные и знающие себе цену — ро́вней. Здесь имело место второе. Даже прически каштановых волос одного фасона. Девушки поцеловались.

Кратно представив ранее не знакомых, Галочка передала сумку хозяйке. Занялись разуванием — выбор домашних тапочек аккуратно, попарно занимал верхнюю обувную полку. Кивнув вослед уносящей сумку Лене, не то серьезно, а скорее в шутку шепнула:

— Смотри, дурашка, не влюбись в мое *alter ego**!

Отнеся сумку в соседнюю с прихожей кухню, Лена вернулась, встала рядом с Галочкой, обращая ее внимание на большое, старинное трюмо:

— Знаешь, Галина Николаевна, мы с тобой как-то не соответствуем церемониалу знакомства с интересным молодым человеком? Размеры у нас *почти все* совпадают, пошли-ка к гардеробчику. Андрей! Пройди, пожалуйста, в гостиную. Барсук составит тебе пока что компанию.— Это налево, если не совсем освоился с домом...— И подмигнула Галочке.

Еще в первый приход, хотя они с Галочкой «освоили» только гостевую комнатку, да на кухню Андрей попить заходил, он понял из ее слов, что дом этот некогда являлся правлением, но затем построили новое, двухэтажное здание под него. Ленкин дед, ныне покойный, председатель колхоза, перестроил бывшее правление под поместительный жилой дом, оставив почти все из прежней мебели — старинной и добротной, в свое время перенесенной из помещичьей усадьбы. Саму же ее до основания разрушили в войну: в окрестностях села шли тяжелые танковые бои.

...А бильярд достался вновь построенному клубу, где в эти минуты Лева давал урок профессионального владения кием.

Выложенный паркетом пол гостиной и потолок с лепниной говорили о былой славе передового хозяйства района, да и в области входившего в пятерку лучших. Но в полный восторг приводила бывшая помещичья мебель: книжные шкафы, напольные часы с боем, овальный обеденный стол, многопудовый кожаный диван, два таких же кресла, явно не ширпотребовские высокие стулья. Не то что дед-председатель хапуга был, но на бывшую правленческую мебель спроса в селе не оказалось: старье, мол, вот если бы нынешние румынские стенки? На маленьком пристенном столе, тоже дореволюционной фабрикации, под абажуром угадывались диссертационные книги и тетради хозяйки.

Но все же давили своим великолепием книжные шкафы под потолок. Овцовский, попади сюда, точно сошел бы с ума; такое Андрей видел только в большом читальном зале областной библиотека: полки плотно уставлены не столько хорошо подобранными современными изданиями, сколько помещичьим «конфискатом»: большие золоченые, в кожаных переплетах многотомные энциклопедии на французском, немецком и русском языках, в том числе полный Брокгауз и Ефрон, занимавший несколько полок! Конечно, французская «Ларусс» и «Британика»... собрания сочинений на языке оригиналов Вольтера, Гёте... Но здесь в гостиную вошли подруги. Андрей оглянулся, словно застигнутый на месте преступления, и ненарочито в восхищении только и мог что развести руками.

Вмиг подросшие каблуками туфель на десять сантиметров, Галочка в зеленом, Лена — в кремовом платьях одного фасона, со взбитыми и полаченными прическами, в умеренно-ярком макияже, подружки смотрелись бы в тон старинной мебели собирающимися на бал к предводителю, если бы не неприкрытые коленки...

---

* Второе «я» (лат.).

— Извиняемся, подпоручик (Андрей, как обучавшийся на военной кафедре, имел лейтенантское звание), в моем гардеробчике бальных кринолинов не сыскалось,— засмеялась хозяйка.

А он оторопел: неужели и она из потомственных колдуний-вещуний? Сам же смущенно посмотрен на свои мятые алжирские джинсы* и клетчатую рубашку, сдавленно извинился за сельскую простоту.

— ...И хватит нам извиняться. Мы — на кухню кухарить, а ты, Андрей — надеюсь, мы уже на «ты»?— займись музыкой, магнитофон и проигрыватель на угловом столике, где и телевизор.

Ушли, на первом шаге сделав синхронное вальсовое «па» с поворотом. Да, с холодком восторга подумал он, вот и оказался под сенью девушек в цвету...

◆ Обеденный стол на массивных гнутых дубовых ножках, рассчитанный на помещичью семью с приживалками и непременными гостями из соседних усадеб, то есть на полтора десятка персон, был накрыт с одной лишь стороны овала скатертью на троих. После сытной, но однообразной стряпни Тони и Тамары накрытый стол взыграл аппетит Андрея: яичница на сале, домашний паштет, порезанные тонкими ломтиками холодная телятина и сыр, огурцы из колхозной теплицы, шпроты, а к ним коньяк и только что освоенный Тулупувским ликероводочным заводом отменный ликер «Шартрез» (еще там делали «Бенедиктин» и даже виски) — что-то из этого и нес Андрей в сумке.

Лена восхитилась ликером — первый раз «Шартрез» пробовала:

— Ну и мастера-самоделкины на нашем ТЛВЗ! Помните, как на студенческих посиделках под гитару пели:

Тээлвээ — как мне понять
Твою аббревиатуру?
Тээлвээ, тээлвээ —
Несешь ты в массы
Горькую культуру!

Девушки начали вспоминать, как у них принято в таких случаях «под ликер», сразу обо всем: от судьбы общих школьных подружек до особенностей сельского житья-бытья. Андрей оценил их так: дают ему возможность, не отвлекаясь на дежурные комплименты, поесть от души.

Верхний свет в гостиной выключили сразу после сервировки стола. Ужинали в боковом освещении от торшера возле рабочего стола хозяйки. Прямо на книжках и тетрадках под абажуром разлегся кот Барсук, действительно, чем-то отдаленно схожий с этим зверем.

Заметив интерес гостя к коту, Лена пару раз провела язычком по тыльной стороне накрашенных в тон платью губ, что явно означала обдумывание некоей мысли:

— Можно с места в карьер? Я послезавтра должна на неделю уехать на опытную станцию в соседний район, я к ней по диссеру прикреплена. Приезжает с лекциями для сотрудников и «разбора полетов» профессор Эрнст, вернее уже член-корреспондент, из сельхозакадемии, главный там по генетике и селекции свиней. Он же мой официальный руководитель, которого я еще ни разу в глаза не видела. В школе уже решила все с переносом уроков, бабусе еще двадцать дней быть-стать в своем санатории-курорте. А вот Барсук? Соседей не хочется обременять, а вот вы...

— Согласны.

---

* В те годы Алжир, недавно освободившийся после кровопролитной войны от Франции, за советское оружие расплачивался бартером наливными танкерами довольно мерзкого сухого вина и джинсами кирпичного цвета стоимостью семь рублей сорок пять копеек. Настоящие “Levi’s” и пр. могли позволить себе только люди типа Левы.

По опережающему ответу Галочки Андрей мигом сообразил, что они уже все обговорили.

— Ну и замечательно, отдохнете от своей клубной конюшни. А как обращаться с АГВ, от которого отопление в доме и душ, я пока...

Здесь уже Андрей опередил:

— Я знаю. В Тулуповске живу в частном доме с таким же АГВ и отоплением. Только без душа.

— Вот и замечательно. Давайте еще выпьем и — танцы! Не зря же мы с Галкой туфли надели, вовсе не гармонирующие с деревенской осенью, но очень подходящие под этот римейк барского дома и ужина почти что при свечах... Кстати, соседей справа и слева — то есть все село будет в курсе — я предупрежу, чтобы у них лишнего любопытства не возникло: вы молодая супружеская пара, что, как я понимаю, не слишком далеко от истины, да? А своему бригадному начальнику и коллегам что-нибудь соврете.— Все одно не поверят, только что позавидуют. Андрей — тост!

Оговорившись — не кавказец я и не комсомольский функционер, Андрей взял рюмку с коньяком, встал и довольно складно — предыдущие две рюмки язык развязали — протостировал в том смысле, что невыразимо приятно оказаться под сенью девушек в цвету, забыть на миг о дождливой осени за стенами этого великолепного дома...

— ...Пью за вас, юных и очаровательных!

Выпили. Немного расшалившаяся Лена шепнула Галочке: «Пей, Андрюша, да дело разумей!» На что та ответила также на ушко с сережками: «Не сомневайся, Ленок, очень даже разумеет...» Несколько загадочно для Андрея подружки посмеялись чему-то своему, явно девичьему.

— Все, девочки-мальчики, танцы и только танцы,— обратилась хозяйка к Андрею,— давайте музыку, маэстро!

◆ — А под утро ненастного дня я кажусь тебе женой?

Андрею, под утро впавшему в бестелесный короткий сон, вопрос этот показался продолжением содержания сладостного сновидения, в котором явь переплетается с бесконечным повторением прошедшего и ожиданием еще более откровенного и волнующего. Но и сон минутный улетел, когда теплый, обволакивающий язычок Галочки пощекотал его ухо. Сразу сообразив, что вопрос вовсе не из сновидения, Андрей открыл глаза, в едва-едва забрезжившем за окном рассвете разглядел очертания наклонившейся над ним головы подруги, уже щекочущей его лоб, щеки и губы волосами рассыпавшейся за ночь прически, приподнялся, развернулся на локте и впился в припухшие губы Галочки, тотчас скользнувшей сухим разгоряченным, шелковистым телом под него. На секунду оторвался от губ:

— Уже не кажешься любимая, а стала ей...

Еще чуть посветлело за окном, когда через полчаса они разжали объятья и легли на спины, сбросив на пол излишнее в жарко натопленной комнате одеяло, а Галочка на ощупь включила низкое настенное бра. Слабый оконный свет тотчас обратился в темноту.

— Я согласна, любимый, и уже почувствовала себя твоей женой, а потому — слышу уже Ленкины шаги — надо и нам собираться, все вместе на горку нашу пойдем, как говорится, к первому уроку. Вечером — сюда же: завтра в это время проводим ее на рейсовый автобус и — вступим на неделю в права хозяев этого роскошного дома — пока своего нет.

...Не только неделю сам-двое, но и весь остаток колхозной эпопеи они провели у Лены, в зависимости от степени дождливости погоды отрабатывая свою свекольную барщину. Народ вежливо помалкивал, ибо новость перешла в обыденность, обсужда-

лись другие казусы: повариха Тоня побила Овцовского за легкую, деловую интрижку с клубной библиотекаршей Верой, но Валерка вымолил прощение. И был прощен по причине женской доброты и любвеобильности. И другие мелкие коллизии слегка развеивали наступившее осеннее уныние. Всем захотелось домой.

Первым звонком стал отъезд Левы: он поистратил на сельмаг все карманные деньги, да и вот-вот должна была прийти в Тулуповск очередная партия пластов от гамбургского (через Москву, конечно) Вадьки. Лева сходил в колхозное правление, заявил секретарше, что нужно срочно позвонить в Тулуповск родственнику-генералу и, попросив ошарашенную женщину оставить его одного, о чем-то долго говорил с дядькой.

На другой день под вечер на горку с трудом взобрался по раскисшей дороге милицейский уазик, из которого вышел старлей, подмигнул оказавшемуся рядом Леве, потребовал Пируэтова, откозырял и сообщил, что прибыл за гражданином Тепляевым — доставить того в город для прохождения двухнедельных курсов активистов добровольных народных дружин. Вручил оторопевшему Валентину Ивановичу повестку по форме: «Передадите по приезду в Тулуповск своему начальству!» К Леве в попутчики набился Овцовский с двумя сумками, затаренными библиотечными раритетами. Он еще вчера, услышав от Левы об отъезде на историческую родину, сходил в колхозный медпункт, симулировал перед тамошней фельдшерицей осенний приступ плечевого миозита и получил медицинскую справку-направление в лечебницу по месту постоянного жительства, где, кстати говоря, трудился его сосед по подъезду, тоже страстный книжный коллекционер. Овцовский для него приготовил роман Уильяма Фолкнера «Деревушка»— из клубной библиотеки, разумеется.

Дезертирство Левы и Овцовского больно отозвалось на всех. Оставшись соломенными вдовами, поварихи Тоня и Тамара тотчас утратили все свои кулинарные изыски и раздраженно наливали и накладывали в подставляемые алюминиевые миски осточертевшую молочную лапшу и макароны с ошметками сала вместо прежнего мяса. Правда, имелось оправдание от Пируэтова: учитывая низкую выработку из-за беспрерывных дождей, завхоз на мясной приварок стал выдавать одну лишь свиную брюшину...

А тут коллектив и вовсе обезглавили: срочно вызвали в КБ Пируэтова — принимать и руководить запуском в работу множительной техники. За себя Валентин Иванович оставил «варяга» Алдошина, слабо соображавшего в организационных делах.

Последнюю неделю пребывания народ, исключая проводящих медовый месяц Смышляева и Галочку, просто мучился: не столько физически, сколько нравственно. Футляр баяна Соловьева покрылся от неиспользования пылью. Ассатурьян, Петрищев и вечно хмурый лаборант Васюков, доселе не замеченные в злоупотреблении, по вечерам глушили сельмаговскую червивку.

День икс пришелся даже не на дождь, а подобие кары небесной, разверзшейся над селом и миром всеми хлябями и ветрами. Грунтовые дороги вздыбились. Понятно, на поле никто не выходил: ни приезжие, ни свои, сельские. В три часа пополудни прибыл вестовой из правления: «Собирайтесь мигом, у автобусной остановки на трассе две машины за вами прибыли. Водилы отказываются с асфальта съезжать! Да, молодых ваших, что квартируют у сельсоветовской зампредши, у внучки ее, уже по пути сюда предупредил. Не мешкайте, а то и стемнеет совсем...»

Андрей с Галочкой и вышедшей их проводить Леной стояли под крылечным навесом и наблюдали апокалипсическую картину. В сплошном прямом, секущем дожде, исторгаемом иссиня-черными тучами, захватившими все догоризонтное пространство неба, по развязшейся земле, в начавшейся темноте, среди замерших, обозначаемых только оконными светлячками домов, шла растянувшаяся колонна ны-

нешних павок корчагиных. Мат и все прочие разговоры заглушались стрекотом дождя и чавканьем сапог, перемешивающих разбухший суглинок того, что принято называть сельской улицей. Лена, как бы оправдываясь за свое село, сказала, что бабуся уже третий год все пробует заложить в бюджет асфальтирование хотя бы пары внутрисельских дорог.

Галя, обняв подругу и Андрея, что-то умиротворенно мурлыкала, как пригревшийся котенок, а сам Андрей все ломал голову: что за сюрприз обещан ему тотчас по приезду в город? — Прелестны девушки с загадками, но не дают расслабиться, так сказать, держат на коротком поводке...

Меж тем чавкающая дорожной грязью колонна, чем-то напоминающая кадры военной кинохроники — сдавшаяся в плен армия фон Паулюса,— поравнялась с домом. «Присоединяйтесь, молодые!» — махнул рукой возглавлявший шествие Алдошин. Остальные брели угрюмо и молча. Не до забав любовных, мол.

— Прямо Моисеево исшествие из египетского плена,— восхитилась Лена.

И действительно, Соловьев сгибался под двойной ношей: вещмешок и короб с баяном. Очень хозяйственный Логвинов, учившийся на одной специальности с Галочкой, только в другой группе, нес на голове, придерживая обеими руками, прикрытую от дождя куском полиэтиленовой пленки от мешка с суперфосфатом непочатую коробку макарон — не бросать же на опустевшей до следующей страды кухне! Страстный охотник Погорельский, тоже выпускник «пентагона», бережно нес на согнутых в локтях руках щенка гончей породы. Прикрытый все от того же дождя брезентовой попонкой, щенок с любопытством смотрел по сторонам. Первое в жизни путешествие ему явно нравилось. Щенка Погорельский сторговал за пять рублей и бутылку «Экстры» у местного тож охотника. Сама же эта порода, чудесным образом не смешиваясь с деревенскими дворнягами, сохранилась с помещичьих времен.

— Да, ни революции, ни коллективизация с раскулачиванием, ни война не извели эту густопсовую братию,— восхитился Андрей и со значением процитировал любимого поэта:

Что же, камин затоплю, буду пить.
Хорошо бы собаку купить.

— Не перепутай меня с Леной,— шепнула Галочка.

◆ — Однако, пора и прощаться,— Андрей вскинул на плечи свою котомку и взял в руки сумку подруги. Лена обнялась с Галочкой, у обеих скользнули по щекам слезы, что-то прошептали друг другу на ушко. Хозяйка полуобняла Андрея за плечи и дружески чмокнула.

— Идите, ребята, и... до встречи в Тулуповске или здесь же следующим летом! Еще надеюсь, Галчонок, погулять с тобой вволю в центральном парке — с колясками, конечно!

Погрустневшая от разлуки с Леной парочка догнала колонну.

Но обещанный Галочкой сюрприз опередил другой: по причине погоды и занесенных сельхозтехникой грязью районных шоссеек вместо автобусов завод прислал пару кунгов*: без окон и с лавками вдоль трех стен кузова. Ехать в кунге что в танке или в космическим корабле.— Кому какое сравнение больше нравится... Опытные инженеры предпочитают сокращать долго тянущееся время поездки и оторванность от окружающего пространства — свет и звук в кузов не проникают — слабо неуме-

* Военно-транспортная машина на базе ГАЗа или КАМАза с КУНГ'ом — кузов унифицированный герметичный, то есть короб со скошенным по углам потолком из многослойной толстой фанеры со специальной пропиткой — пуля не пробьет! — и с окантовкой по наружным углам металлом. Окрашен в защитный темно-зеленый цвет.

ренным употреблением водки с червивкой и россыпью анекдотов про руководителей партии и правительства.

Мигом сообразив насчет диспозиции посадки, Андрей повел подругу к чуть дальше стоявшей машине, еще без тихо матерящейся и женски ойкающей очереди. Поднявшись по жестко закрепленным рифленым ступенькам, заняли место в самом углу у торцевой стенки с входной дверью. Хотя здесь и сильнее всего дорожная качка, зато почти уединение. К тому же рядом сел Соловьев, деликатно отгородившись от парочки поставленным на скамью футляром с баяном.

Когда суета посадки улеглась, в дверь заглянул старшой Алдошин, пересчитал путешественников указательным пальцем, в уме сложил с ранее посчитанными в другой машине: «Все, поехали, я в шоферской кабине!» — и захлопнул тяжеленную, окованную стальными угольниками дверь. Наступила темнота, самую малость подсвечиваемая контрольной лампочкой в синем плафоне, забранном в решетчатую накидку — под потолком кузова на торцевой стенке за кабиной водителя. Впрочем, даже самый слабый отсвет от нее затухал на футляре баяна Соловьева.

Раскачиваясь, машина тронулась, поворачиваясь резко вправо-влево, выехала на шоссе и пошла ровно, а монотонное, как в кресле-качалке, «кивание» задника кузова сразу потянуло в полутьме в теплый сон. Андрей и Галочка, расстегнув свои куртки, крепко обнялись и замерли в долгом, непрекращающемся поцелуе. Она ровно, медленно дышала, казалось, уже спала, если бы не облизывающее движение ее язычка. Но ведь и это может быть в нечутком, расслабленном полусне? Но Андрея сон не брал — с новой силой вспыхнуло утоленное было под утро возбуждение, да еще после трех ночей не совсем полной, естественной близости: завершался женский месяц.

— Терпи, казак, атаманом скоро будешь,— шепнула она, на миг прервав нескончаемый поцелуй, тотчас вернувшись к нему. «Медовый месяц в швейцарской деревушке,— бессознательно подумал он,— а дальше что?» Она вновь оторвалась и поправила: «Не что, а где, мой друг и любимый. Подожди до конца путешествия в отсеке обитаемой космической станции». Не то чтобы не удивляясь, но даже не задумался о ее чтении мыслей. Привык за почти полный месяц. «Кругом шиповник алый цвел...»* — вспомнилось ему — и сон сковал их, навек обнявшихся, до конца поездки.

Машина остановилась с медленным разворотом так, что стало понятно: это не шлагбаум железнодорожного переезда, но именно окончание пути. Дверь со стальным грохотом распахнулась, послышался повеселевший голос Алдошина, радующегося окончанию его начальственной ответственности: «Все, господа колхозники, на выход! Напоминаю: два банных дня, а насчет отгулов — со своими руководителями решайте».

Разгрузившись, машины тронулись в сторону заводских транспортных ворот, а толпа прибывших на глазах начала таять: кто к ближней трамвайной остановке, другие по переулку к оживленной даже в слякоть большой улице с ее автобусами и троллейбусами, живущие неподалеку — в пешем порядке. Андрей вопросительно посмотрел на еще не отошедшее ото сна, но почему-то улыбающееся лицо Галочки: долгий трамвай на его городскую окраину следовал по рельсам вдоль заводского фасада, а Галю нужно провожать до троллейбуса. Она взяла Андрея под руку и действительно повела по переулку в сторону остановки. Но как-то уверенно вела, вроде не он ее провожает, а она ведет, явно не собираясь расставаться. Молчала, но глубоко дышала, как человек, делающий очень решительный шаг.

Нужный *ей* троллейбус подкатил тотчас.

— Поехали,— они поднялись, Андрей отыскал глазами свободное сиденье, но Галочка остановила его на задней площадке,— нам всего три остановки.

---

* И. А. Бунин «Темные аллеи».

Как-то все не сходилось, помнил из ее разговоров с Леной, что живут они вверху проспекта, а до него отсюда далеко не три остановки. К тому же этот троллейбус идет в противоположную сторону... Но она все молчала и молчала загадочно. Сошли на третьей остановке, вновь повела груженого вещмешком и сумкой Андрея, уверенно охватив его руку, в глубь квартала разношерстных домов старой постройки и нынешних «хрущевок», вскоре остановилась перед четырехэтажным домом о двух подъездах. Видно было, что верхний этаж когда-то был надстроен. Поднялись же на второй. Галочка остановила спутника перед обитой дерматином «под кожу» дверью, слишком широкой и высокой для современных строительств, щелкнула замком своей сумочки, достала ключ и открыла.

— Заходи, милый, теперь уже в *наш* дом! Да не столбеней ты, это загодя намеченный сюрприз. Он сюрпризом и для меня-то оказался за пару недель до нашего отъезда в колхоз. Давай, разоблачайся и осматривайся, а я на пару-тройку минут к соседям, позвонить домой, что прибыла с полей... и не одна.

— Представляю реакцию...

— Наконец-то отошел! Реакция будет нормальной, я у папы-мамы правильная дочь. И так уже из-за нашей с тобой одиннадцатилетки и моей шестикурсовки в «пентагоне» хотя и в шутку, но перестарком именуют. Раздевайся, вот *твои* тапочки, приду — поесть приготовлю, все спокойно за ужином расскажу.

— Так из чего ужин-то готовить, давай я в магазин схо...

— Обратил внимание на тяжесть сумки, что нес? Ленка еще более хозяйственная, чем я, припасов на пару-тройку дней всучила, а у моей бабули, теперь номинальной ответственной здесь квартиросъемщицы, всегда что-то припасено — и на маленькую свадебку достанет! Впереди два банных дня, так что успеем с твоими и моими родичами взаимно перезнакомиться. Поставим, как любит говорить Трибелин, перед свершившимся фактом... Я пошла, а ты осваивайся.

Все еще ошеломленный скорее от быстроты смены кадров событий, Андрей, впервые в жизни попавший в старинный дом с полнометражной высоты потолком, осмотрелся: большая комната после широкой, основательной прихожей с двумя дверями — ванная отдельная, за ней, явно отгороженные от той же комнаты, маленькая спаленка и напротив ее кладовая. Еще одна дверь из большой комнаты — на кухню, тоже поместительную. Мебель, конечно, не чета Елениной, но с уклоном в почтенные годы. Много книг.

Все же задумался: если это старой, скорее всего дореволюционной, постройки дом, то разве тогда условные однокомнатные квартиры имели место быть? Вошла Галочка, сразу ответила на его молчаливое недоумение:

— Это бывшая, дореволюционная то ли финансовая, а может какая-нибудь налоговая губернская управа. Дважды перепланировывалась и переустраивалась: в конце двадцатых годов и в пятидесятых. В основном, дробилась на квартиры и квартирки, достраивалась четвертым этажом. Спаленку отгородили от доставшейся при переустройке большой комнаты, еще когда меня в проекте не было, а только что поженившиеся мои родители здесь же проживали.

Иди, прими ванну, я сейчас колонку на кухне включу, стряпней пока займусь. И дождись меня там же... свою любимую искусительницу!

...За ужином под бабушкины кагор и графинчик настоенной на апельсиновой корке водки, причем Андрей барствовал в кожаном кресле, запахнувшись, не хуже Левы в колхозном клубе, в наследственный бухарский халат, выслушал Галочкину диспозицию.

Сама она доселе жила с родителями и семьей брата в трехкомнатной квартире, а бабуся, очень известная в городе учительница, здесь, одна после кончины дедушки.

Теперь, когда золовка вышла на работу, бабуся по своей воле переселилась туда тетешкать и воспитывать внучку, а Галочку определили на постой сюда, учитывая будущее... теперь уже свершившееся обретение второй половины.

— ...Чокнемся за наш бурно начатый роман! Кстати, это уже из только что состоявшегося телефонного разговора,— как раз учитывая скоротечность романа, моими строгими, но справедливыми родителями, а особенно педагогической бабусей, велено нам год прожить, так сказать, в морганатическом браке, без официальной регистрации, а они будут держать руки на пульсе: разбежимся или нет? Я за второе, а ты? Шучу-шучу, конечно. Нас уже на небесах повенчали, хотя и стоим на учете в комсомоле... Ничего, что я так бесцеремонно все наперед по полочкам раскладываю? Я, как сумел за месяц заметить, вообще-то особо романтичная, хотя и сугубая однолюбка, поэтому лучше сейчас один раз обговорить все, так сказать, о быте и буднях, чем все время это обмусоливать. Через год официально поженимся, пропишем тебя в родительскую квартирку и, с учетом справки о моей тогдашней начальной беременности, по квадратометрам нас поставят на жилищную очередь... ладно, не задумывайся, пойдет баиньки на новом, надеюсь, долгом месте.

В ту первую ночь в *своем* доме они установили личный рекорд. Истинно говорится: на новом месте сон не идет.

...Так по росписи Галочки все и произошло за одним исключением: новость о своей беременности она сообщила Андрею, не дотянув несколько месяцев до года: в середине жаркого лета вскоре после знаменитой истории с окрошкой. Тотчас уехали в отпуск в Крым, а вернувшись, официально поженились.

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

Инженеры 70-х... Любительское фото. Забыв на время о ракетах, учимся жизни в Литинституте

Ольга Несмеянова
(г. Санкт-Петербург)

СВЯЗНОЙ

Окончила Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работает в области международных морских грузоперевозок. В 2013 году окончила курсы «Мастер текста», организованные редакцией «Астрель» в Санкт—Петербурге. Начинающий автор. Повесть «Связной» — первый серьезный дебют для широкого читателя. В ноябре 2015 года повесть вошла в лонг-лист лучших произведений молодых авторов России, на конкурсе «Литконкурс. Стихи и проза», объявленным Литературным Институтом им. А. М. Горького, при поддержке Федерального Агенства по печати и массовым коммуникациям.

Глава 1. Гусь в яблоках

Лето 1942 года. Северная Ладога. Карелия.

— Эх, ты ж, екарный бабай! — выругался Петр Иванович. Отвлекшись, он промазал мимо полена. Топор, жалобно взвизгнул, и впился в пень почти на треть. Полено гулко хлопнулось о траву. Петр Иванович уперся сапогом в основание пня, и потянул древко наверх. Обожженные руки еще болели и плохо слушались хозяина. Рядом снова раздался шум возни, пыхтение и приглушенный детский смех. Петр Иванович опять невольно посмотрел в сторону курятника.

— Ишь, ты! Увалень какой, чтоб его! Мотя! Ты его не задуши там! Вы, прям как два богатыря, только енто, карликовые! — Петр Иванович почесал непривычно короткую, чернявую бороду.

— Как же, задушишь! Он-то, вона какой — здоровенный! — отозвался четырехлетний крепыш Матюшка. Он шумно сопел, пытаясь уцепиться за гладкое, кургузое тело, и завалить непокорное животное набок. Наконец, изловчившись, мальчик повис на его крепкой, длинной шее. В этот момент, перепончатая лапа просунулась между Матюшкиных ног, и ловко подсекла его. Оба, слившись в один увесистый клубок, покатились под горку, в сторону зарослей крапивы.

— Ой-ей! Как жжется! — раздался оттуда истошный Матюшкин крик — Маам! — Мальчик уже ревел в голос. Петр Иванович кинул освобожденный, наконец, топор и поспешил на помощь к сыну.

— Говорил же тебе, осторожней с гусем этим, будь он неладен. Сильно обжегся?

Матюшка от души голосил, размазывая по толстым щекам слезы, сплошным потоком, бежавшие из маленьких, почти черных, как у отца, глазок. На его руках и лице уже начинали набухать розовые, крапивные волдыри. Виновник происшествия был неподалеку. Он робко перетаптывался с лапы на лапу, смешно вытягивал шею, и пытался заглянуть прямо в глаза мальчику. При этом он шумно дышал, надувая толстые, мягкие ноздри.

— Да уйди ты! Ирод! — Петр Иванович с силой отбросил увесистую тушку в сторону. Животное громко, со стоном, выдохнуло. В его больших, миндалевидных глазах, как будто, отразилось сочувствие.

— Ишь ты! Жалеет тебя, никак! Ну, иди-ка посмотрю.— Выбежавшая на крики мать, обтерла руки о передник и заботливо нагнулась к сыну.

— Ну-ка, тихо! Тсс! Перестань реветь! — Рука отца крепко зажала Матюшке рот.

Во внезапно наступившей тишине, отчетливо послышался рокот моторов. Звук приближался.

— Вот черт! Близко уже! — В голосе Петра Ивановича послышалось беспокойство.

Мария, его жена, побледнела так, что это было заметно даже через смугловатую кожу. В ее типично карельских, глубоко посаженных, темных глазах застыл безмолвный страх.

— Петь, что будет то, что будет? Никак все напасти на нас разом решили навалиться? — Она прижала к подолу Матюшку. Мальчик все еще всхлипывал, размазывая слезы по раскрасневшемуся лицу. Черные, как смоль, волосы Марии сливались воедино с таким же, черным шерстяным платком. Одежда тоже, вся была темного цвета. От этого совсем еще молодая женщина казалась намного старше своих лет.

— Чему быть, того не миновать. Мотя! А ну-ка бери гуся и в курятник. Там его в загончик, к гусыне запихни. А сам в углу, в сене спрячься, от греха подальше — и ни гугу чтоб! Если спросят, скажи — курей загонял,— Петр Иванович легонько подтолкнул сына: «И не реви уже, от крапивы еще никто не умирал! Заживет!»

— Так заклюет же, гусыня! — Волдыри на лице Матюшки начали краснеть.

— Он сам, кого хочешь... А ты, будь мужиком! Негоже мужику гусыни бояться! — Звук моторов был уже совсем близко.— Быстро беги, не разговаривай! Маша, пошли отсюда! Не привлекай внимания! — Он потянул остолбеневшую от растерянности жену, в сторону от курятника.

— И это, сними ты платок этот! А то, как на похоронах, ей-богу!

— Да как ты можешь! — всхлипнула Мария. Глаза ее заблестели от внезапно нахлынувших слез.

— Цыц, у меня! — рявкнул Петр Иванович и решительно сдернул платок с головы жены. Затем, вдруг мягко обнял ее за плечи: — Идем, Маша! Идем. Ничего не вернуть уже...

Отвернувшись в сторону, чтобы не слышала жена, он чуть слышно прошептал: «Прости ты нас, сынок! За ради Бога, прости!»

* * *

Два мотоцикла с коляской и блестящая на солнце, черная с хромом легковушка, грузно перевалившись через последние ухабы, остановились возле лесного домика.

Автоматчики заглушили мотоциклы и подобострастно выстроились возле автомобиля. Водитель открыл дверцу, и вежливо поклонился. Сверкая глянцем начищенных сапог, из машины появился манерный офицер в красивой, серой шинели. Кроме обычных знаков различия, на ней были нашивки виде меча, перехваченного петлей, и знаки, похожие на гусиные лапки на рукавах. Петр Иванович никогда не видел в поселке ничего подобного. У финнов была другая форма. А эсэсовцы, те, что охраняли лагерь, выглядели гораздо проще, и форма у них была черная. «Может, это кто-то из старших офицеров? Что ему надо? Может, кто донес? Да нет, прошло уже две недели. И ни до, ни после, тут никого не было. А медведи, слава Богу, говорить еще не научились».— Петр Иванович успокаивал себя, как мог, стараясь ничем не выдавать внезапно нахлынувшего волнения.

Офицер, надменно посмотрел на Петра и Марию. Мария испуганно опустила гла-

за. Мохнатый желто-черный шершень, видимо, засмотревшись на необычных для этих мест посетителей, с громким жужжанием чуть не врезался в кокарду на фуражке офицера.

— Шайсе! — завизжал немец и, вынув из кармана платок, с брезгливой гримасой отмахнулся от насекомого. На безымянном пальце его белой холеной руки красовался массивный черный перстень со сдвоенной молнией посередине.

«Видать, лес-то для него непривычное место. Даже белый платочек достал, от мошки отмахиваться. Глупый. Она, мошка-то, на белое как раз и налетит. И чего ему, такому важному, тут понадобилось, в глуши? И что это у него с руками? Тоже, что ли, обжегся?» — размышлял про себя лесник, пытаясь угадать, как себя лучше вести с необычными гостями и что именно им известно.

— Идти в дом! Будем говорить! — взяв себя в руки, громко провизжал офицер на ломаном русском и уверенным шагом направился в избушку. Автоматчики затолкали туда и оробевших хозяев.

Гауптштурмфюрер СС Гюнтер фон Шлессер был в дурном настроении. Он искренне не понимал, для чего его, кадрового офицера элитного подразделения «Аненербе», выдернули из лаборатории в уютном тихом Грюнвельде. И почему вместо того, чтобы пить по вечерам после службы ароматный густой какао, что так вкусно готовила для него сдобная толстушка Гретхен, он должен опрашивать этих негостеприимных угрюмых людей.

Где настоящая работа, для которой он был так спешно вызван сюда? Для пустых бесед с этими варварами, лучше было послать сюда кого-нибудь из ребят Грюнхагена. Хоть отдела уже нет, но можно было найти кого в помощь, то есть из тех, кто уже был здесь и лучше знает, как с ними общаться. Хорошо еще, что жителей тут не много, иначе он бы сошел с ума.

Его до сих пор передергивало от отвращения, когда он вспоминал вчерашний вечер. Вросшая в землю избушка, наполненная смрадным запахом, исходившим от пучков травы, что сохли возле печи. Тут же висели, привязанные к потолку птичьи лапки. И хозяйка! Б-р-р! Он испытал какое-то необычное волнение от встречи с ней.

Этой Таппи Халоннен место в лагерной печи, как генетическому браку. А она еще пыталась строить глазки ему и его людям. Даже хотела напоить всех какой-то бурдой, которую называла чаем. Жаль, не за что было ее арестовать. Его люди осмотрели весь двор — ничего подозрительного. Если, конечно, не считать таковым серое каменное изваяние на утесе, и, бурлящее в котле, над очагом, вонючее зеленое варево. Интересно было бы узнать, сколько шнапса принял Грюнхаген, перед тем как написать в отчете: «Дама средних лет приятной наружности».

Фон Шлессер не был кровожадным мясником, как некоторые из их ведомства. Его интересовала исключительно наука. Лишь в составе СС,

«Аненербе» получила мощнейшую поддержку и максимальное финансирование всех научных разработок. Образ одноглазой горбатой женщины с вывороченными губами, протягивающей свои огромные руки-грабли прямо к его белоснежному воротничку, был ему вчера настолько омерзителен, что он бы, не раздумывая подписал ей приговор, если бы нашел причину. Но причины не было. Более того, сам Грюнхаген, как главный специалист по местным дикарям, во время еще довоенной экспедиции отметил, что она лояльна и обладает ценными знаниями, которые возможно могут пригодиться в будущем. Эх, не надо было ему хвастаться в анкете, что знает финский и русский.

Он так уже привык к чистой тиши кабинета и четко выстроенному графику. К тому же он не ожидал, что придется тут, практически в одиночку общаться с этими странными, угрюмыми людьми. Это раздражало его. К тому же, он умудрился под-

хватить чесотку после одной из экскурсий в детский отсек местного лагеря. Всю неделю он истово мазался всеми доступными медикаментами. Инфекция прошла. Но небольшая краснота между пальцев еще оставалась. Туда, в лагерь, его «любезно» пригласило местное начальство сразу по прилету. Одичавшие животные! Как они могли подумать, что созерцание немытых больных детей может доставить ему удовольствие? После этого, уже сидя в ресторане, он даже не смог в полной мере насладиться поданной ему свиной отбивной. Ему мерещились дети за темным глянцем оконного стекла. Казалось, все они стоят там, на дождливой мостовой, и жадно смотрят прямо ему в рот.

Фон Шлессер достал из мягкой, черной папки, которую услужливо протянул ему водитель, хрустящий лист бумаги: «Так. Вот Они. Последние. Смирновы. Петр, Мария. Он — лесник, жена не работает. Так. Что там еще. Двое детей. Иван, семи лет и Матвей — четырех. Всего четверо. Ну, поехали...»

— Ты видеть взрыв? — Фон Шлессер грубо ткнул аккуратно отполированным ногтем прямо в грудь Петру Ивановичу.

— Нет, господин, офицер,— Петр вытянул руки по швам, заодно спрятав за широкие галифе обожженные ладони,— Мы же в протоке живем, нам до Ладоги два поворота. Слышать слышали, громко было. И зарево опять же, а взрыва самого — нет, не видели. А что взорвалось-то?

— Тебе не положено знать! — напыщенно провизжал офицер.

— Находить что-то необычное? Ты! Говорить! — Он махнул своим белоснежным платком в сторону Марии. Та похолодела и больно сжала руку мужа.

— Говорить! — Он так близко подошел к Марии, что она ощутила не только, из каких продуктов состоял его дневной рацион, но и остатки запаха зубного порошка, которым с утра тот чистил зубы.

— Нет, нет, ничего не находили,— Мария уверенно замотала головой.— Нет!

В этот момент, из-за печки раздался протяжный стон. Мария обмерла и инстинктивно прикрыла рот рукой. Офицер резко обернулся и что-то громко крикнул автоматчикам. Те, передернув затворами, бросились за печку.

За печкой была дверь, ведущая еще в одну комнату. Посреди нее стояла большая, прямоугольная лежанка, заваленная ветошью и одеялами. В куче тряпья, лежал с закрытыми глазами худенький, очень бледный мальчик, лет семи. В изголовье лежанки были разложены испачканные сажей камни. Их было три. Размером каждый из них был чуть меньше детской головы.

«Интересно, для чего они нужны? Греют голову ему, что ли, безумцы?» — удивился фон Шлессер.

— Это сынок мой, болеет он. Без сознания! Господин офицер, пожалейте. В бреду он! — засуетилась Мария, пытаясь протиснуться вдоль стены к ребенку. Но офицер не пропустил ее.

— О! Эти русские фрау! Какой глупый ты, лесник! — Офицер противно захихикал, указывая пальцем в сторону подушки. Хрупкий белобрысый мальчик был совсем не похож на своих коренастых черноволосых родителей. Мария опустила глаза.

В памяти фон Шлессера возникли белые, мягкие плечи Гретхен. Интересно, как она там, без него? Вот ведь существа! Надо же! Такая невзрачная карелка. Живет в глухом лесу. А ведь тоже умудрилась найти себе развлечение! Да что эта — даже та, вчерашняя уродина, и то призывно улыбалась! А что уж говорить о его красавице Гретхен в окружении целого подразделения свободных молодых офицеров? Эх, надо было сделать ей предложение, перед отъездом.

Офицер пошло подмигнул Марии и протянул руку, чтобы приподнять ветошь, накрывающую кровать. Он размышлял, стоит ли отражать этот факт в отчете. Голод-

ные оборванные дети, которых он видел в лагере, грубо вторглись в приятное общение с Гретхен в его голове. Фон Шлессер невольно поморщился. В конце концов, мальчишка скоро сам сдохнет, судя по его бледному виду.

Он медленно потянул за простенькое одеяльце. Из-под края одеяла с той стороны, где стояли Петр и Мария, показался какой-то слишком гладкий остов лежанки, с легким розовым отблеском.

Петр положил руку на плечо жены, пытаясь хоть как то успокоить ее. Мария все еще стояла, потупив глаза. Все тело ее дрожало.

В это время со двора послышались крики. Офицер отдернул руку и обернулся. Из коридора раздавались звуки возни. В дверь втолкнули испуганного, шумно сопящего, Матюшку. Растолкав всех, автоматчик пропихнул его вперед, к манерному офицеру. Голова мальчика была вся в сене. Ожоги крапивы на лице, шее и руках превратились в ярко красную сыпь. Растерявшийся от такого количества людей и громких криков Матюшка, не найдя ничего лучшего вдруг прыгнул на кровать к уже лежащему на ней бледному мальчику и судорожно затряс его голову, разразившись при этом, громкими рыданиями.

— Братан! Братан! — закричал Матюшка сквозь слезы, прижимаясь к единственному близкому ему человеку, до которого смог дотянуться.

— Это мой сыночек! — вновь заголосила Мария, простирая руки к офицеру,— Пожалейте!

— Дяденька! Пожалейте! — Матюшка, оторвавшись от постели брата, вдруг бросился в ноги к офицеру.

Фон Шлессер отшатнулся, затем резко прижал к носу свой накрахмаленный платок и кинулся прочь из комнатушки.

Протискиваясь мимо голосящей Марии, он остановился на мгновение и взвизгнув своим противным высоким голосом: «Плохой русский матка! Больной дети! Совсем больной!» — быстро выскочил на улицу.

Нервным шагом он направился прямо к курятнику. Сердце Петра Ивановича в очередной раз больно сжалось. Через мгновение офицер вышел обратно, вновь брезгливо обтер нос своим белоснежным платочком и быстро сел в автомобиль, подав своим людям знак закругляться.

Еще немного побродив по двору и заглянув во все нехитрые постройки, автоматчики вслед за ним взгромоздились на свою рычащую технику и убрались восвояси.

Петр Иванович, облегченно выдохнул, хотя поведение офицера было ему и не совсем непонятно. Оставив возле постели больного рыдающих Марию и Матюшку, он отправился загонять в сарай испуганно разбежавшихся по всему подворью птиц.

В дальнем углу курятника, уткнувшись свернутой головой в опилки, лежала мертвая гусыня. Из-под грузного ее тела, нелепо торчали красные, перепончатые лапы. Крепкая деревянная дверь загона была разнесена в клочья. В стене зияла дыра.

— От ты! Гать худая! — в сердцах хлопнул кулаком по стене Петр.— Мария! Хватит там сырость разводить! Затапливай печку, будем гуся готовить!

— Какого еще гуся? — удивленно спросила жена, высунув в дверь заплаканное лицо.

— В яблоках, мать его! — Он смачно сплюнул под ноги и нервно принялся ощипывать, совсем еще теплую, птицу.

(Продолжение следует)

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ. ПРИТЧИ

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

АПОКАЛИПСИС XXI ВЕКА*

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амире Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек уходит за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра» и в журнале «Приокские зори».

КАПИТАЛИЗМ И СВЯТАЯ РУСЬ.

Мудрец сказал:
— Святая Русь и Капитализм — смертельные враги!..

Капитализм — это рынок... базар... торжище!..
Капитализм — это Бред древних финикийцев-бездельников... торговцев...

---

* Окончание; начало см. в «ПЗ» № 1, 2015.

И вот этот провинциальный Бред — победил весь мир! победил Человечество!..

Всемогущие Банки, как Вавилонские Башни, стоят по всему миру и пьют Его кровь...

Это Тромбы Человечества...

Но мы знаем, что стало с Вавилонской Башней...

И это станет с банками-кровососами...

Скоро... при дверях...

На Уолл-стрит уже стоят Всадники Апокалипсиса...

Ждут Знака с Небес...

Далай-лама сказал:

— Когда Колесо придет в мир — мир погибнет...

Когда торговцы на колесах завоюют мир — мир погибнет...

Иисус Христос — а Русь Святая живет по Христу — изгнал торговцев из Храма...

Но на Руси торговцы пришли к власти и разрушают Храм Святой Руси...

Капитализм — смертельный Враг Русского Государства, которое в течение тысячи лет строили Русские Цари и Русский Народ в кровавых битвах и в междоусобных бранях...

Капитализм — это слепые Князья Междоусобицы, которые вновь вышли из могил...

Капитализм гонит русский народ на погосты...

Капитализму не нужен русский беззащитный неторговый народ...

А русский человек, а Русская Тысячелетняя Православная Душа — не приемлют капитализм...

Русскому соборному стыдливому человеку — даже в маленькой частной лавке — чудится что-то воровское... грешное...

В этой дьявольской тайной Битве (а Она пострашней Куликовской и Сталинградской битв) между Святой Русью и капитализмом — пока побеждает Капитализм, соблазняя многих иуд тридцатью сребрениками...

И посылая миллионы безвинных смиренных русских людей на кладбища досрочные неоглядные...

В этой смертельной Битве не может быть мира, как между убийцей и жертвой!..

Воистину!..

Горят нынче над смиренной Русью Святой, как звездное, полыхающее падучими звездами небо августа-звездопадника, Слова Христа: Я принес не мир, но Меч!..

В этой Страшной Войне Капитализм ходит с Мечом, а Русь Святая — со смиренною Молитвой...

Не мало ли?..

Доколе?..

До погоста, уготованного Капитализмом всему Русскому Народу?..

...О, Спаситель!

А ведь Ты говоришь о смирении перед Богом, а не перед сатаною...

Доколе?..

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ.

Мудрец сказал:
— Жизнь человека повторяет Историю Человечества...
Жизнь человека похожа на Движенье Мировых Религий...

Детство — это Язычество... Сладкая жизнь тела... Господство милой юной плоти... Многобожие...
Одному Богу трудно уследить за многими греховными человеками...
А Многим Богам — можно... уследить за обильным человечеством... за каждым человеком...

Юность — это Иудаизм... Страсти плоти и жизнь Души... и Духа...
Искусство жить средь людей... Око за око... Зуб за зуб...
Искусство любить свой народ более других, ибо Бог дал тебе твой родной народ...
Бога нельзя увидеть...
Но вот твой родной народ плещется окрест тебя...
Это и есть Бог... Зримый... Живой... Многоликий...
Старцы говорят, что у Бога — много Ликов...

Зрелость — это Христианство и Ислам...
Борьба с греховной плотью...
Жизнь Духа...
Поиски Бога...
Любовь к ближнему...
Искусство умирать за други своя...
Смиренье перед Богом, а не перед сатаной...
Голгофский Крест — это Меч, вонзенный в землю...
И должно вырвать этот Меч из Голгофы и посечь Им бесов...

Старость — это Буддизм...
Возвращенье... растворенье во Вселенной...
Нирвана исхода... Сладкое Искусство Смерти...

Итак, жизнь человека — это смена всех Великих Религий...

Но Любовь — выше всех Религий...
Любовь — это Вечность Всех Жизней... Океан Всех Религий...

...О, человече! Люби всех людей...
И, значит, люби Бога...

Можно не знать ни одной Религии — а любить землю, Вселенную, всех людей, всех зверей, всех стрекоз...

И тогда Ты узнаешь Бога, который любит Всех...

И вот в каждом человеке живут переплетаются Все Четыре Религии... и многие другие...

...И вот я выхожу ранним утром лазоревым из своей одинокой саманной кибитки — и меня уже ждут улыбчивые родные: Моисей на огненном коне, Будда на белом слоне, Иисус Христос на белой ослице и Мухаммад на золотой верблюдице...
И Они сопровождают меня до гроба...
И за гробом...

...Дервиш сказал:
— Всякий человек на земле — Четырехгорбый Верблюд...
Он носит на себе Четырех Пророков...
И многих Других... Чьи Имена в забвении...

А Всевышний — носит Всех...
И никого...

О, Необъятный!..
О, Всемогущий!..
О, Всевольный!..

О СМЕРТИ.

...О, Боже!.. О, Необъятный!..
О, Вселенная — лишь Соломинка... Паутинка Кочующая Твоя!..

Мудрец сказал:
— Истинно Мудрый умирает на Тропе Одиночества... беседуя с Богом наедине...

Впрочем, так умирает каждый человек на земле...
Только мудрец всю жизнь готовится к смерти, а слепец — в последний миг...
Но, может быть, и это мудрость...
Ибо постоянная мысль о смерти — отравляет блаженно слепую жизнь...

Истинный Поэт умирает на ложе любви... на лоне жены — и долго не остывают его одеяла с рыдающей последней возлюбленной его...
Она думала, что встретила любовь — а это смерть в одеялах...
Но так мечтает умереть каждый человек... не только поэт...

Истинный Воин умирает на поле брани...
И сладки, не иссякают в веках — святые победные раны его...
Кровь героев вечно струится...
Но редко кто хочет такой смерти...
А это ведь Святая Смерть за «други своя»...

Истинный Властитель умирает в сумасшедшем доме, устав от состраданья к бедам и язвам народам своего...

Никто не хочет такой смерти...
Но каждый хочет такой жизни...

Придет время, когда истинные Властители-Пастухи будут избегать народа своего, боясь сумасшествия от любви к Нему...
И тогда волки будут пасти стада человеков...
И уже пасут...

Пришли Времена Волков-пастухов, которые пожирают стадо, а не пасут...

О, Боже...
И где же любовь... и сострадание... и служение народу своему...

Уиииюю!..

ПЧЕЛА.

Мудрец сказал:
— Пчела, укусив человека — издыхает в траве...
А клеветники, завистники, убийцы — обидев, уязвив человека, живут, не страдая...
А страждет человек, которого они укусили, обидели, убили...

И что же пчела благородней этих человеков?..

СОБАКА.

Мудрец сказал:
— Мудрость собаки в том, что она служит, любит, подчиняется хозяину...

А мудрость человека — в служении, в любви к Творцу...
В сладкой покорности Его Воле!..
Да!..

Тогда человек выше собаки...

К 700 — летию Сергия Радонежского

Гимн I

В далеком заброшенном кишлаке —
Мне чудится, снится родная Святая Россия...

Ветер сиверко вольно гуляет над согбенными, многокровавыми,
Но не покоренными русичами
И над златыми душецелительными святыми смолистыми дубравами и борами...

Ветер, ветер — древний родной ветер веет — над древними родными русскими головами и борами...

А на холме золотом некошеном
Стоит ситцевый хлебный телячий ржаной овсяной льняной улыбчивый орлиный мальчик
С пшеничными, летучими, взволнованными, вьющимися, как у курчавого агнца, власами многодальными
И синеструйными, аки живые фригийские синь-васильки глазами очами.

Вот-вот от бешеного северного ветра прольется, изольется, расплещется их нежно-влажная синь —
Да не проливается
Святая живая...

Бог не даст сим Очам проливаться...

Это Отрок Варфоломей —
Грядущий Спаситель Святой Руси — Сергий Радонежский,

И в руках у Отрока — плещется на всю Русь Всепобедное Русское Знамя.
А на Знамени —
Святовитязь Святоратник
Дмитрий Донской

И Генералиссимус Иосиф Сталин...

И вечный древнерусский Ветер
Колышет, колеблет, оживляет Бессмертное,
Вечноживое необъятное Многокровавое Вечнопобедное Имперское Русское Знамя...

Блаже!..

А еще
На Знамени,
Как на Плащанице,
Лик Христа

Проступает...

Гимн II

Чингисхан с тюменями...
Наполеон с гвардией...
Гитлер с армиями...
Американец с ракетами...

Смертельно хищно кровососно стоят у Русских Пустынных Смиренных Ворот,

А Церковь херувимскую льстивую Песню о Мире поет...

И только семисотлетний Сергий Радонежский

Ковыляет к Воротам, распахнутым настежь...
С горящим Мечом

И шепчет на всю спящую Русь беззубым ртом:
«Я принес не мир, но Меч,
И те — иуды, кто в Сей Час Роковой не с Мечом...»

Бог Христос по Руси нынче ходит с Крестом, как с Мечом...

Крест — се Меч посеянный, вонзенный в землю!..
Вырви! Выдерни Его из всех миллионов русских Голгоф!

И рази бей кишащих врагов у смиренно вопиющих Русских Ворот...

ЮРИЙ ХАРЛАМОВ — ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ СКАЗОЧНИК...

...В далекой ростовской, почти безымянной, деревне,
Средь грядок картошки и лука,
В седом одиночестве
И в унизительной смиренной бедности
Ушел от нас в вечность
К своей возлюбленной Свете-Светлане
Последний русский сказочник —
Русский улыбчивый Антуан де Сент-Экзюпери —
Юра, Юрий Харламов,
Самый нежно душевный, хрустально херувимски прозрачный, щедролюбивый человек
Из тех, кого я знал на земле...

Но Антуан улетел в небеса на самолете,
А Юра улетел, ушел, взошел к звездам,
Где ждет его Света —
От картофельных грядок и зарослей изумрудного укропа и лука...

Он не успел собрать урожай небогатый,
И вот мы собираем картошку и лук
На Его деревенских поминках...

Он завещал нам картошку и лук
И небесные крылатые вечные сказки —

А нас на земле осталось так мало —
Так мало любителей юриных пленительно детских доверчивых, как кружева невесты, сказок...

И вот мы пьем поминальное вино и тихо рыдаем
На опустевших грядках...

Ах, жаль, что без Юры... течет этот праздник загробный печальный...

А Юра нам кротко нежно улыбается
Из Небесного Царствия —
Как будто и он повинен, что Смерть на земле — хозяйка...

И шепчет: Ребята... родные... земные...
Не плачьте...
Я жду вас под вечноцветущими яблонями...
А Света накрыла стол
С молодой картошкой, посыпанной изумрудным укропом и луком,
Которые вы только что собрали, сорвали...

...Так блаженно уходят из мира сказочники...
Так они нежно улыбчиво переселяются в Небесное Царство...

Так мы блаженно рыдаем на поминальных грядках...

Господь! Помилуй нас, грешных и невиноватых...
На грядках... на грядках...
На опустевших грядках...

НА СМЕРТЬ ЮРИЯ ХАРЛАМОВА...

...Ах, я бреду в осеннем русском поле, поле, поле...
И собираю, вспоминаю в поле некошеном урожай покошенный друзей моих усопших.

Ах, в русском поле, нынче брошенном, только Смерть с косою ходит, косит...

Ах, в старости ты бродишь средь гробов — а не средь колосьев отягченных...
А нынешняя Русь — на кладбище бескрайнее похожая...

Ах, скоро-скоро я один споткнусь, останусь в вечножуравлином русском поле непокошенном,
Где нынче лишь стоит, царит бурьян
И нет ни колоска живого,
Ни козы
И ни травинки,

Лишь одинокий Спас в забытой русской петушиной косоворотке
Да в яловых сапогах —
Ведь поле русское — вечноползущее, вечнодождливое, вечнопромоклое,
Хотя вечнорыдалисто-родное, как дите промозглое косое
Навстречу мне грядет и молвит:

...Сыне... сыне...
Нынче ты стал одиноким в русском поле беззащитно неповинно одиноком,
А я уже две тыщи лет брожу по миру Одиноким
И с упованием спасаю, утешаю одиноких,
А их, как звезд в ночном небесном поле...

О поле русское...
Пустыня...
Завыть бы волком — да не ходит волк в пустыне...

Один бурьян...
Ни колоска живого...
Ни козы
И ни травинки...

И лишь тоскующий от одиночества Вселенский Бог
Отеческою Дланью
Убирает нежно со щеки моей слезинку...

Николай Макаров
(г. Тула)

НАШИ В АФРИКЕ

Наш постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и региональной литературной премии им. Л. Н. Толстого.

МОЙ КОМБАТ

Буй Анатолий Филиппович,
родился 05.03.1949 в селе Новоселовка
Пологовского района Запорожской области
Украинской ССР

Биографическая справка.

Гвардии полковник в отставке.

В 1966 году окончил среднюю школу, в 1969 году — Одесское военное артиллерийское училище, в 2005 году — Международный юридический институт МЮ РФ. С 1972 по 1982 год прошел путь от командира взвода до командира батальона в 51-м гвардейском парашютно-десантном ордена Суворова 3-й степени полку 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

С 19. 01. 1982 по 22. 03. 1985 год — советник командира парашютно-десантного батальона в Эфиопии, участник боевых действий.

С мая по октябрь 1985 года и с июля 1988 года по декабрь 1992 года — старший помощник начальника оперативного отделения дивизии, с октября 1985 года по июль 1988 года — заместитель командира 51-го гвардейского парашютно-десантного полка. В 1993 год — уволен в запас.

Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу на пожаре», другими медалями.

В настоящее время является заместителем председателя Центрального Совета «Союза десантников России».

Из воспоминаний гвардии подполковника в отставке Николая Алексеевича Быстрова об Эфиопии, где он одновременно находился с гвардии подполковником (в то время) Буем:

«...— В восемьдесят втором на три года, стечением невероятных обстоятельств (о них, этих обстоятельствах — как-нибудь в другой раз, да и не интересно это), отправили меня военным советником командира парашютно-десантного батальона аэромобильной бригады в Эфиопию.

— Первые дни в Эфиопии чуть не завершились международным скандалом и тюрьмой. Вышли на берег озера, а там до воды метров сорок-пятьдесят — сплошная дичь: от фламинго до банальных чирков. Ты же знаешь Буя — мгновенье и выстрел из пистолета заваливает огромного гуся.

— Из-за гуся, что ли, международный скандал?

— Из-за него родимого: выдернули перья, выпотрошили, поставили котелок на огонь. И приплыли, вернее на джипе пожаловало все командование бригады с их, так называемыми, егерями. Нам просто погрозили пальчиком и пожурили, сказав, что если бы мы были предупреждены о «браконьерстве», то сидеть нам по два года в их тюрьме за этого убитого гуся.

— Что — с первых дней так оголодали?

— Как тебе сказать? Наши «великие» стратеги из посольства отказались от дополнительного питания для советников, от дополнительной экипировки. Они же, то есть мы — все идейные, все партийные, коммунисты, большевики, и им, то есть нам излишества совсем, совсем ни к чему.

— И выход — какой?

— Раз в месяц на джипе делегация выезжала в Аддисс-Абебу на базар за продуктами. Заодно и повидать семьи, пересчитать детей у кого они имелись.

— Наверное, отрывались по полной в таких поездках?

— В эфиопских барах спиртное за один раз из бутылки выливалось в стакан по тридцать грамм.

— Что для нашего брата категорически противопоказано.

— Обычно фирменный «трюк» проделывали перед отъездом из столицы. Просили налить джина — самый крепкий напиток в тридцать градусов — грамм двести, выпивали, расплачивались, остальные пять-шесть стаканов оплачивали местные завсегдатаи, восхищаясь от зависти нашими русскими организмами. Местным один наш граненый стакан — смертельная доза.

— А кубинцы как?

— Нет, кубинцы — крепкие ребята, пили наравне с нами, не уступая. Хотя в корне отличались своим поведением. Приходили в любое питейное заведение, бросали пистолет на стол и их обслуживали не только без очереди, но и совершенно бесплатно. А нам в город запрещалось носить оружие.

— Это в столице, а в поле?

— На «зимних» квартирах охотились на кабанов, ловили сомов в озере — какой-никакой, а подручный этот харч нас очень выручал. На боевых — совсем другое дело. Порой несколько дней подряд все питание сводилось к одному-двум початкам кукурузы в день. Чаше — в сыром виде. Иногда меняли значки с изображением Ленина у местных мальчишек на два вареных початка все той же кукурузы. А экипировка чего стоила! Одно одеяло, одна плащ-палатка и одна американская фляга с водой на троих. На меня, на Буя и переводчика. И в такие дни вопрос стоял не какое количество выпить воды, вопрос стоял о том, как будем решать — жребием или голосованием — один или полтора колпачка от фляги воды принять на душу населения.

— Войска как обходились?

— Они в своей пустыне находили какие-то болота, какие-то лужи и притаскивали «цинк» — это где-то ведро воды с осадком ила в половину объема — и нам первыми давали пить. Пьешь эту жижу, зная, что она на все подразделение, и каких усилий стоило оторвать губы и зубы, да, да зубы, которые мертвой хваткой вцеплялись в край «цинка». Выжили.

— Чем вы-то там конкретно занимались?

— Готовили правительственные войска воевать «настоящим образом». Из Союза каждый тащил всяческие устаревшие наставления, учебники, уставы, разработки. Отрывали обложки, первые страницы с печатями и надписями «для служебного пользования» — по ним и учили местный контингент. Но привезти нужную литературу оказалось мало: по каждой теме должны быть написаны конспекты. Эти конспекты — на бумаге с водяными знаками! (я такую бумагу в Союзе и в глаза-то не видел) — мы «верхнему» военному советнику сдавали на вес.

— На вес?

— Приносили наши опусы к нему в кабинет. Он протягивал руку, и мы на ладонь осторожно водружали эти экзотические листы бумаги с водяными знаками и нашими записями. Начальство многозначительно взвешивало, не читая, и если вес не соответствовал его представлению о качестве написанного, оно, то есть начальство, возвращало конспект на доработку.

— Воевали эфиопы?

— Посылаешь в ночную разведку, утром приходят выбритые, выглаженные, на чистых ботинках роса — все понятно, где были эти разведчики. Буй, тоже советник командира парашютно-десантного батальона, он подполковником был в то время, разрабатывает план боевой операции с высадкой ночного вертолетного десанта в глубокий тыл сепаратистов. План великолепный во всех отношениях, верх военного тактического искусства, а эфиопы, эфиоп иху мать, банально струсили и отказались от этой операции. Да, что там, операции — почти каждую ночь двое-трое с нашей стороны уходили к противнику. Или другой пример: целый день эти вояки из пушек пытались сбить пулеметчика сепаратистов с господствующей высоты и все без толку. Буй, вспомнив свое артиллерийское прошлое, предварительно произведя расчеты, с первого залпа накрыл пулеметчика...».

Отрывок из книги «Записки батальонного врача»:

«...Буй. Анатолий Филиппович Буй. Гвардии подполковник. Мой крайний, перед моим уходом в медсанбат, командир батальона в 51-м полку. Мой ровесник. Мой друг. Мой товарищ. И...

...Батальонные стрельбы на полигоне. Дневные стрельбы. Вдруг перешедшие в ночные. А жена не предупреждена — обещал вернуться к вечеру: сын только месяц назад родился: то да се, короче — вагон и маленькая тележка неотложных домашних дел. И стрельбище не покинуть. Нет такого права. Черным по белому написано (в краткой интерпретации): стрельбы без дежурного врача проводить запрещено!

А ночные стрельбы плавно переходят опять — в дневные. Так что домой появляюсь к вечеру вторых суток. И начинается тихий (ребенок спит) разбор «полетов».

Где? С кем? Был?! Доброжелателей-то у нас полным-полно во все времена были, есть и будут. На мои попытки оправдательных словес (честных оправдательных) — никакой реакции. Тебя, дескать, видели в городе. В той-то квартире. В такое-то время. С такой-то бабой (то есть с женщиной). И т. д. и т. п. Пошло мочало — начинай сначала.

Пришлось привозить комбата, замполита, начальника штаба батальона, а заодно — и купленное пианино дочери (на лошади, на телеге!), чтобы прекратились женские инсинуации в мой адрес...

...Мое дежурство по полку — суточное. С девяти утра. До девяти утра следующего дня. И где-то около десяти вечера, в конце рабочего дня (а раньше и не заканчивал свои трудовые, вернее, военные бдения) ко мне в медпункт заходит комбат, подполковник Буй. И между делом, т. е. разговорами за рюмкой чая, сообщает

о том, что завтра он «со сранья», с раннего утра, то бишь, поднимает батальон по учебной тревоге. А за тобой (т.е. за мной) он зайдет в пять утра. Чтобы вместе посмотреть на свои войска. Как они будут действовать по сигналу, а главное — как четко и слаженно пройдет это учебное мероприятие. На том и разошлись. Напоследок я его предупредил.

— Филиппыч! Тебе утром сдавать анализы натощак, так что в твоих кровных интересах разбудить меня завтра в пять утра...

Как обычно, на дежурстве, я просыпаюсь в полшестого утра. Чтобы идти в столовую. Контролировать приготовление солдатского завтрака. Выхожу из медпункта. Иду в столовую. И вижу... Вижу в середине плаца комбата с двумя секундомерами и его непонимающий, слегка обескураживающий взгляд в мою сторону. Сориентировался он моментально.

— Братан, извини! Забыл! Пулей к дежурному по части. Звони домой. К тебе посыльный вот-вот должен подойти.

В трубке раздается заспанный голос жены и, не успев ей ничего сказать, слышу в трубке трели дверного звонка и ее слова:

— Кто-то звонит такую рань — пойду, посмотрю...

Жду. И слышу ее голос. Не заспанный. С нержавеющим металлом в каждом слове.

— Там, за тобой посыльный пришел. У вас — тревога! И на каком же, интересно, это ты дежурстве?

Опять с комбатом, замполитом, начальником штаба (но теперь, ясное дело, без пианино) и шампанским едем ко мне...

Вот так на пустом месте, из ничего и рушатся ненадежные семьи. Если нет надежных командиров и начальников. Если нет надежных товарищей.

...В полку появился тренажер, на котором обучаются пускам ПТУРСов (ПТУРС — противотанковый управляемый реактивный снаряд). И что-то у солдат никак на этом тренажере учебные пуски не «пошли». Мимо. Опять мимо. И у офицеров почти такой же результат. Тогда Буй, в то время еще командир батареи этих самых ПТУРСов, в сердцах и говорит:

— Да, я одной левой... ногой завалю этот танк на экране.

Опять скептики (где их только нет!):

— Вот, если бы из настоящего ПТУРСа...

Вскоре представилась и такая возможность. Стрельба из ПТУРСа штатным снарядом по движущемуся танку Т-34, еще военного выпуска.

— Ящик коньяка... и одной левой... ногой уделаю этот танк.

И уделал. И без ящика коньяка бы уделал...».

ВОСПОМИНАНИЯ АРТИЛЛЕРИСТА — «ЖИВОТНОВОДА»

Колесников Юрий Сергеевич,
родился 11.11.1949

У подполковника запаса Юрия Колесникова нет удостоверения «Участника боевых действий». И в личном деле никаких записей о его заграничных командировках не имеется. Естественно, и никаких льгот ему не полагается.

— Самозванец, как Гришка Отрепьев, — смеется он вместе со мной.

...В начале семьдесят пятого года прошлого века вызывают лейтенанта-артиллериста в надлежащие органы и инстанции и предлагают командировку в стра-

ну с очень жарким и очень влажным климатом. Беседы, инструктажи, медицинская комиссия, прививки от всяческой тропической заразы.

— Знал, что лечу в Африку, но в какую страну конкретно мне сказали только в ЦК КПСС, — продолжает вспоминать Колесников. — Партия вам доверяет оказать помощь молодой африканской стране Сомали, вставшей на путь строительства социализма. А вы, товарищ Колесников, зря поспешили вступить в кандидаты члена КПСС (*справка: кандидатский стаж на время командировок по линии ЦК КПСС прерывался — членские взносы-то некому платить*).

— Приплыли, как говорится. Однажды моя беспартийная принадлежность...— хотя, об этом чуть позже. Сдал кандидатскую книжку, сдал удостоверение офицера, все документы, касающиеся моей принадлежности к Вооруженным Силам Советского Союза, сдал. Взамен получил... «ксиву», в которой недвусмысленно было написано, что в Сомали направляется один из лучших специалистов по африканскому сельскому хозяйству в области животноводства. И документ выдали вдогонку первому, что данный молодой специалист ко всему прочему — активный член (а как же — без членства-то обойтись?) профсоюза сельхозработников. А если этот самый долбанный животновод будет уличен международными наблюдателями в чем-нибудь предосудительном (например, в обучении аборигенов в меткости стрельбы из пушек, а не в увеличении поголовья верблюдов и страусов), то этот гад ползучий пусть рассчитывает только сам на себя и на других таких же гадов ползучих, кои в изобилии представляют фауну страны. И контракт — в зубы: даже маковой росинки в эти самые зубы не было оговорено в этом контракте. Посоветовали брать пример с чукчей: они, что увидят, о том и поют; а так как вы и петь-то толком не мастаки, то, что увидите и добудете, то и будет вам и первым, и вторым, и третьим, и какавом с чаем.

— Пошли мы получать спецодежду в спецраспределитель,— он заразительно смеется. — Представляешь? И нам выдают... тройки из чистой шерсти и зимние пальто. Инструкция, понимаешь. Вдруг там, в Сомали, резко, без разрешения и утверждения свыше, наступит Ледниковый период — и кто нам, бедолагам, тогда поможет (*справка: вся эта гражданская одежда не от щедрот высшего органа партии, а в замен, полагающейся по нормам вещевого довольствия, военного обмундирования. Поэтому по возвращении из Африки «животновод» донашивал еще один срок лейтенантскую, выданную в училище по выпуску, протертую чуть ли не до дыр, форму одежды*).

Все когда-то кончается. Кончились и у нашего героя предотлетные мытарства. С такими же специалистами по сельскому хозяйству он в самолете Аэрофлота на пути в Могадишо — столицу Сомали, будущей его родины. Посадка в Каире на дозаправку.

— Выходим из самолета и... мордой — по бетонке. Вокруг вооруженные до зубов арабы. Невозмутимые, как их достопримечательный Сфинкс. Обращаюсь к ближайшему по-арабски с тульским акцентом — знал пару десятков фраз на их тарабарщине: «Что же вы, сукины коты, забыли семьдесят третий, забыли войну Судного дня, когда мы вам, сукиным котам, помогали?». Залопотал, сукин кот, в ответ: «Камарада, без обид, ничего, мол, личного, политика, едрит твою под корень: сегодня дружим с вами, завтра — с другими, а послезавтра — хрен его знает с кем. Без обид».

Первое лирическое отступление.

В 1973 году, через три каких-то месяца после окончания тульской «артухи», молодой лейтенант в октябре оказывается в гуще грандиозного танкового сражения, по масштабам не уступающее битве на Курской дуге 1943 года. Лучшим из лучших шестерым советским лейтенантам-ракетчикам (под охраной и прикрытием шестисот коммандос — элиты египетской армии) приказано произвести испытательно-боевой пуск из секретных на то время трех ракетных установок, залп по дви-

жущейся колонне израильских танков. Стрелять не абы куда, стрелять не по площадям — вот вам, салажня, снимок из космоса в реальном времени, вот, вам, салажня, через полчаса, второй снимок из космоса. А это — вам, дорогие израильские господа хорошие, три выпущенные ракеты: в начало, середину и арьергард колонны. Более семидесяти уничтоженных танков — салажня и не на такое способна, вот, вам еще через полчаса тому подтверждение на снимке из космоса.

Через две недели пребывания на израильско-арабской войне Судного дня шестерым молодым лейтенантам, стоящих по стойке «смирно» перед высоким начальством из Москвы, дают команду:

— Коммунисты, шаг вперед!

Не оказалось среди них таковых — одна комса недозрелая. Поэтому советниками после окончания войны вместо них в Египте остаются подполковники и полковники старой партийной закалки, закваски и розлива.

— На таможне в Могадишском аэропорту трясут беспощадно: два блока сигарет и две бутылки спиртного. Ни крошки табака лишнего, ни лишней капли спиртного. — Продолжаются воспоминания.— А у меня, наряду с другими вещами, два огромных чемодана: один под завязку набит бутылками с водкой, другой — блоками сигарет. С кем они, эти сомалийские папуасы, вздумали тягаться, с потомками Левши? Содержимое этих чемоданов со всех сторон было упаковано плотной портяночной тканью, а сразу под крышкой каждого чемодана, на виду, без упаковки, во всей первозданной красоте, лежало по огромному шмату копченого хохляцкого — пальчики оближешь — сала. Наш пролетарский ответ их мусульманским предрассудкам.

— Экзотика навалилась с первого дня. Мне сразу выдали стек, которым полагалось наказывать за нерадивость и тупорылость всех обучающихся в их учебном центре, кроме одного — начальника этого центра. Приходила группа — привозили образцы пушек и через отведенное для обучения время каждый попадал с расстояния в километр в дерево. Приходила другая группа — привозили другие марки пушек и процесс обучения продолжался. Однажды попросил меня их один высокий начальник перевести наше наставление по топографии и геодезии объемом в триста с лишним страниц на какой-нибудь другой язык, но чтобы наставление для их армии уложилось на десяти страницах. А лучше — на пяти. В идеале — на одной странице. Перевел им с русского на русский, но на десяти страницах. Или, другой случай — прислали нам опытные сверхсекретные по тем временам четыре установки «Град». Через неделю отлучаюсь в Могадишо по служебным делам на два дня. Приезжаю — меня чуть кондратий не хватил — нет одной машины. В ходе расследования выяснилось, что сомалийцы не смогли ее завести и с помощью дюжины верблюдов оттащили на свалку. Да, дело, явно, было не в бобине. Зачистил клемму на аккумуляторе (песок попал) и пригнал машину обратно своим ходом.

Второе лирическое отступление.

В Могадишо старший лейтенант артиллерист-ракетчик Юрка Колесников встретился со старшим лейтенантом медицинской службы провизором Стасом Рагулиным. Вторая их встреча произошла ровно через двадцать лет в 1995 году в Туле, куда их привели неисповедимые армейские пути-дороги. Узнали, узнали они сразу друг друга через столько лет. Сейчас дружат семьями, помогая друг другу в нелегкое наше сегодняшнее время.

— Еду и воду добывали сами. Основной пищей были бананы — с тех пор на бананы даже смотреть не хочу. Охотились за страусиными яйцами. Выслеживали в бинокли, где страусиха сделала кладку. Два-три дня хронометрировали ее поведение. С подветренной стороны километров с четырех перебежками продвигались ближе, а последние четыреста метров передвигались исключительно по-пластунски. Быстрее

паровозного свиста выкапывали из песка по яйцу, опять закапывали кладку. И, что было сил, удирали обратно. Однажды наши проделки все-таки засекла мамаша-страусиха и кинулась за нами в погоню. Всегда охотились вчетвером (нас и в команде-то было только четыре человека — советских спецов) — трое несут по яйцу, а четвертый прикрывает с карабином. Выстрел — мимо, выстрел — мимо, выстрел и мы успеваем укрыться в машине. Но никто из нас, даже под страхом быть насмерть забитым разъяренной мамашей, не бросил свою драгоценную добычу. Нет, страусиного мяса мы не ели — за убитого страуса полагалось по сомалийским законам вплоть до высшей меры. Охотились за кабанами, ловили рыбу в Индийском океане, не брезговали и змеями. О холодильниках и электричестве и не мечтали. Спали на земле на соломенных тюфяках, раздевшись догола — накрывались пологом из противомоскитной сетки и вокруг нашего пристанища раскладывали веревку из овечьей шерсти от змей. Самый большой дефицит у нас считалась ложка и вилка. Это все — лирика. Дальше — проза.

Приезжают проверяющие из Москвы.

— Почему нет наглядной агитации? Почему нет плакатов?

Ну как, как им было доказать, что о какой может быть наглядной агитации, если у них в стране нет даже письменности. На каком языке им все наглядно агитировать. И — за что агитировать?

Третье лирическое отступление.

По возвращении из Сомали в октябре 1976-го Колесникова вызывает к себе начальник политотдела ракетной бригады и требует предъявить законспектированные гениальные работы дорогого Леонида Ильича и сдать по этим работам зачето-экзамен. Доказывать, что газеты и письма от родных приходили к ним с полугодовой задержкой, было бесполезно. И что, в конце концов, там надо было выполнять боевую задачу, а не заниматься всякой галиматьей. В результате его политической отсталости и безграмотности начальник политотдела приказал начальнику отдела кадров без высокого соизволения не носить к командиру бригады документы на подпись об очередном воинском звании. Пока этот, эфиоп его мать, не сдаст ему лично надлежащий зачето-экзамен. На полгода было тогда задержано присвоения очередного звания.

— О местном колорите расскажи — что тебя больше всего поразило?

Он призадумался.

— Сомалийки — очень красивые женщины. Высокие, тонкогубые, с правильными чертами лица, стройные. Очень храбрые — каждая сомалийка может одна с ножом пойти против льва. И чаще побеждает именно она. Но, к сожалению, они все — фригидные женщины. Им с детства удаляют клитор, а в возрасте восьми-десяти лет зашивают большие губы, оставляя небольшое отверстие. Так сказать — двойная девственная плева... За сбитую машиной бездомную женщину (бомжиху, по нашему, а таких — большинство населения) штрафуют на 20 сомалийских шиллингов, за такого же бездомного сомалийца — на 40 шиллингов, за задавленного осла — на 100 шиллингов... Вообще, сомалийцы очень храбрые и воинственные люди. Недаром они гнали эфиопов, как наши шведов под Полтавой. Конечно, и наша выучка пришлась им кстати. Уличение сомалийца в трусости опускало его до уровня женщин. Нет, его не переделывали в «голубого» — об него просто после каждой еды (еду брали исключительно только руками) все вытирали руки... В стране — сухой закон. Мусульмане, что с них взять, ни водку не пьют, ни сало не едят. За спиртным ездили в соседнюю Кению — доедешь до первого бара и затаривайся сколько душе угодно.

— На исходе семьдесят шестого года нас (всех советских специалистов по сель-

скому хозяйству) объявили персонами нон грата и приказали покинуть страну в сорок восемь часов. И только благодаря военным морякам и батальону морских пехотинцев мы благополучно, через пакистанский Карачи, добрались до Шереметьева. Выезжая из аэропорта, попросил таксиста остановиться у первого гастронома. Вылез. Купил круг «краковской» колбасы, батон, литр молока. И все в одночасье, с огромным ностальгическим аппетитом умял на ближних подступах к столице.

— И ни какой награды у тебя ни за Египет, ни за Сомали нет?

— Какая награда? Там же наших военных специалистов не было. — Он опять заразительно смеется.— А медаль «За освоение целинных земель» специалистам по животноводству не полагалась.

Нет, не потерял чувство юмора подполковник запаса Юрий Сергеевич Колесников, артиллерист-ракетчик, по совместительству иногда исполнявший обязанности специалиста по животноводству...

АРТИЛЛЕРИСТЫ, НАДЕНЬТЕ ОРДЕНА!

Елена Аверьянова
(г. Архангельск)

МОИ ДНИ РОЖДЕНИЯ

По образованию экономист. Окончила ВЗФЭИ (Архангельский филиал). С 1996 года занимается живописью в художественной студии Сверчкова А. С. при музее ИЗО города Архангельска. В 2003 году организовала и провела в Доме культуры «Химик» Щекинского района Тульской области выставку своих работ, посвященной светлой памяти своего отца — кинорежиссера Бориса Константиновича Шера.

Предлагаемые вашему вниманию рассказы автобиографичны.

Отцу — Борису Константиновичу Шеру
посвящаю эти рассказы

ВЕЛОСИПЕД

День рождения яркий, особенный, личный, веселый и самый любимый праздник детства. Это потом с годами к нему относишься с настороженностью и поджидаешь его с пристальным всматриванием в зеркало. А тогда, в детстве, это самый лучший праздник, и ждешь его с нетерпением в ожидание чуда.

День рождения у меня тринадцатого мая, в это время, как я помню, всегда была уже теплая весна с сочной молодой зеленой листвой и ярким солнцем, что придавало моему празднику особую теплоту и торжественность. Праздник действительно всегда был именно моим праздником. Родители старались сделать его веселым, интересным и незабываемым. Взрослых гостей не было, а вот право пригласить моих сверстников полностью доверялось мне. И поэтому после уроков я, радостная в предвкушении праздника, бежала домой, где меня ждал подарок. Подарок мне дарили утром, но не спеша и внимательно я его рассматривала, придя из школы. Подарки были незамысловатые: настольные познавательные игры, бадминтон, хулахуп. Один раз мне даже подарили большой водный пистолет, по тем временам редкая игрушка, да еще и для девочки. Какое это было счастье получить нужный для себя подарок. Я всегда удивлялась, как родители угадывают с подарком, потому что думала, что именно в этот день рождения мне именно такой вот подарок и хотелось.

Когда мне исполнилось десять лет, утром, как обычно, я подарка не получила, но это ни сколько не испортило мне праздничного настроения, и я, счастливая в ожидание праздника, ушла в школу. После школы в назначенное время ко мне пришли мои гости и начался любимый мною праздник. Были шутки, веселье, интересные игры, в которых умело и ненавязчиво направляла нас мама. Мы играли, хохотали, а я все посматривала в сторону коридора и поджидала папу, потому что я знала, что он при-

дет обязательно с фотоаппаратом, и мы будем фотографироваться, и папа чем-нибудь нас развеселит. И вот, наконец, пришел папа, вежливо со всеми поздоровался, а потом обратился ко мне:

— Лена, а что это на площадке у нашей двери стоит?

Я немного растерялась, стала вспоминать, что я могла забыть в коридоре, потом решила, что это из гостей кто-то что-то оставил, и быстрей побежала наводить порядок. Выбежав на лестничную площадку, я опешила: передо мной стоял новенький, зеленый велосипед «школьник». Я в недоумение смотрю на папу и говорю:

— Это, наверное, кто-то из гостей ко мне приехал и сюда поставил, ничего, потом уберут, пусть пока постоит.

Папа улыбнулся, вернулся вместе со мной к гостям и спрашивает:

— Ребята, а чей велосипед стоит у нашей квартиры?

Гости переглянулись, пожали плечами и хором ответили:

— Не-а-а-а, не мой.

И тогда до меня начало доходить: велосипед новенький и не гостей и стоит у наших дверей, а утром подарка не было, значит?.. И широко открытыми от удивления глазами смотрю на родителей, в глазах вопрос в устах молчание. Здесь родители уже не смогли сдержать свои эмоции. С широкой и доброй улыбкой на лице они в один голос ответили на мой безмолвный вопрос.

— Да, да, Лена, это твой велосипед.

Я еще какое-то время не могла осознать всего происходящего. Да, конечно, я мечтала о велосипеде, потому что на старом маленьком велике, переделанного из трехколесного, у меня коленки задевали руль, и было очень неудобно ездить, но я никогда не просила нового велосипеда. И опять я удивилась, как родители угадали с подарком, потому что именно о велосипеде я и мечтала.

Наконец, придя в себя и осознав, что у меня теперь есть большой, настоящий велосипед я попросила разрешения его обновить. Получив согласие, мы всей дружной гурьбой побежали во двор его обкатывать. Папа вынес нам, теперь уже мой, новенький велосипед, и мы по очереди катались на нем. Какое это было счастье, а сколько радости, все эти эмоции переполняли меня.

Кульминацией праздника, конечно же, было фото на память. Как я и ожидала, папа принес домой фотоаппарат и, дав нам возможность вволю покататься на велосипеде, он снова вышел во двор уже с фото и кинокамерой. Сам процесс съемок это тоже маленький и необычный праздник, в котором каждому уделяется внимание, забота, понимание и каждый находится в центре событий и чувствует себя самым необходимым, важным, значимым. Этот процесс доставлял мне массу удовольствия и на правах уже «опытного» помощника фотографа я суетилась и помогала папе, подсказывала ребятам, что когда жужжит кинокамера надо двигаться, а не стоять на месте. Вот таким мне и запомнился мой первый юбилей. Безмерно люблю родителей за их неутомимый энтузиазм и уникальную способность дарить людям праздник.

КИНО

Каждое первое сентября, начиная с первого класса 1967 года, папа снимал меня и наш класс кинокамерой. Весь отснятый материал мы всей семьей смотрели дома на импровизированном экране из белой простыни, которая вешалась на лентяйку, а лентяйка в свою очередь крепилась на трюмо. Затем на стол ставилась табуретка, на нее кинопроектор. Папа умело и сноровисто заправлял его пленкой, и мы рассаживались вокруг стола, мама выключала свет, и под жужжание кинопроектора начинался просмотр семейного кино в нашем домашнем кинотеатре. Мама и бабушка знали почти всех моих одноклассников, поэтому всматриваясь в экран, они отмечали, кто из ребят подрос, похорошел, повзрослел, возмужал, а я в свою очередь только и успевала говорить взахлеб скороговоркой: смотрите, смотрите, это у нас новый стенд, смотрите, смотрите, это у нас новые парты, смотрите, смотрите, это у нас...

Трудно словами передать ту атмосферу семейного умиротворения, которая царила в эти минуты у экрана. Для меня это были минуты счастья, радостные эмоции от того, что я видела на экране, распирали меня изнутри, мне хотелось тут же все это показать моим одноклассникам. На мой вопрос: можно ли показать фильм ребятам, папа отвечал, что он обязательно покажет, но по окончанию десятого класса. Отснятый материал каждого первого сентября он монтировал, создавая фильм-летопись о нашем классе, который планировал показать на выпускном вечере. Но мне иногда в свой день рождения удавалось уговорить папу показать гостям ну хоть что-нибудь из нашей школьной жизни. Папа соглашался и показывал только последний отснятый материал, я и этому была безумно рада.

Мне тогда исполнилось двенадцать лет, день рождения как обычно проходил интересно и весело, папа согласился показать нам фильм и ушел готовить кинопроектор в маленькую комнатку, переделанную из кладовки. В комнатке не было окна, и поэтому она идеально подходила для просмотра фильма в дневное время. Мы продолжали веселиться, но с любопытством поглядывали на дверь в комнатку и ждали папиного приглашения, что бы окунуться в волшебный мир кино, где мы были главными действующими лицами. И вот долгожданный момент настал, папа вышел из комнаты и шутливо сказал: «Занимайте места, фильм начинается». Ребята поспешили в комнату, но в дверях застыли, вопросительно глядя на папу. Дело в том, что в этой маленькой комнате было две кровати — моя и бабушкина, больше туда ничего не помещалось. Папа посмотрел на ребят, улыбнулся и сказал, чтобы занимали места на кроватях, и мы в предвкушение чуда в одно мгновение уселись на них, затаив дыхание и впившись глазами в белую простыню на стене. Свет погас, и на экране появились мы, нарядные с цветами. Вот мы стоим на общей линейке, а вот идем в класс, и вот уже сидим за новенькими партами, наша классная руководительница что-то нам объясняет. Реакция на увиденное у моих гостей была разная, кто стеснительно захихикал, кто, толкая соседа в бок, радостно выкрикивал, смотри, а вот там я, а кто-то просто от удивления сидел с открытым ртом. Неожиданно раздался звонок в дверь, через минуту в дверях комнатки появилась мама и сказала, что там вызывают кого-то из гостей, а на настойчивое приглашение пройти, отказываются. Папа остановил просмотр фильма, гостья вышла выяснить, в чем дело, но очень скоро вернулась со словами:

— Гулять звали. Да не пойду, я сказала, что лучше кино про нас смотреть буду. А Ира сейчас придет, только сбегает, девчонкам скажет, что мы гулять не пойдем. И посмотрев на папу, добавила:

— Тетя Капа ее пригласила.

Иру долго ждать не пришлось, уже через мгновение мы пододвигались на кровати, освобождая ей место. Но не прошло и пяти минут, как в дверь снова раздался зво-

нок, и мама, уже никого не вызывая, провела новую гостью в наш крохотный кинозал. Не буду долго описывать, сколько раз раздавались звонки в дверь, и на вопросы:

— А Ира у вас? (Или: — Марина у Вас?)

Мама отвечала:

— Да, у нас,— и гостеприимно приглашала в квартиру, затем проводила к нам в комнату.

«Сарафанное радио» сработало оперативно, новость, что у Лены Шер, сейчас кино про нас показывают, разлетелось среди одноклассников со скоростью ветра. Буквально через полчаса больше половины класса уже уютно утрамбовалась на двух кроватях. «В тесноте, да не в обиде» мы продолжали смотреть фильм. Досмотрев фильм до конца, мы просили папу показывать все сначала, для вновь приходящих гостей. Папа вновь и вновь перематывал пленку, перезаряжал кинопроектор, успевая еще шутить с нами, мама постоянно носила нам стаканы с компотом, а мы громко наперебой делились впечатлением от увиденного и хохотали до слез от своих и папиных шуток. Закончив просмотр фильма, нам не хотелось расходиться, не хотелось, чтобы заканчивалось чудо. И опять папа нас удивил. Как по мгновению волшебной палочки у него в руках оказались бабины с мультфильмом «Ну, погоди». Что тут произошло, передать трудно, в буквальном смысле «взрыв эмоций». Дружное «ураааа» от такой огромной компании в малюсенькой комнате заставило вздрогнуть даже стены. Испуганная, к нам в комнату заглянула мама, но папа ее успокоил.

— Капочка, не волнуйся! Все в порядке, мы продолжаем смотреть кино, вернее сейчас уже мультфильмы.

И снова погас свет и опять мы оказались погруженные в атмосферу счастья под названием «кино».

Прошло уже сорок с лишним лет, а я этот праздничный «киносеанс» вспоминаю с душевной теплотой. Сколько было радости, позитива, шуток, мне было очень приятно видеть своих одноклассников веселыми и такими счастливыми. Я была рада тому, какие замечательные мои родители, которые из всего могли сделать праздник.

СОВЕРШЕНОЛЕТИЕ

Приближалось тринадцатое мая 1978 года, приближалось мое совершеннолетие. К этому времени заканчивался мой первый год обучения в Тульском экономическом техникуме, а на следующий год я должна уехать на три года в другой город работать по распределению. В какой именно город, мы еще не знали, и будет ли возможность приехать мне домой в мае 1980 года на кругленькую двадцатилетнюю дату, тоже было неизвестно. Поэтому родители хотели как-то по-особенному отметить мое совершеннолетие. Вечерами за ужином частенько обсуждалась эта тема, но лично мне ничего особенного и оригинального в голову не приходило, а просить родителей думать о моем празднике мне не хотелось. Я предложила не мучиться в думах и отметить мое совершеннолетие в дружном семейном кругу, тем более атмосфера этого дружного семейного круга меня вполне устраивала. У нас даже обыкновенный ужин иногда превращался в семейный вечер с очень интересными беседами, воспоминаниями, рассказами, хорошим, добрым юмором с отличным, позитивным настроением.

Родители вначале согласились со мной, но потом решили, что поедем в Тулу, погуляем по парку «культуры и отдыха» и в каком-нибудь кафе съедим мороженое, тем более 13 мая выпадало на субботу, и в парке должно было быть интересно. На этом варианте мы и остановились.

И вот оно, долгожданное мое совершеннолетие. Утром, как обычно, родители поздравили меня с праздником, пожелали всего самого наилучшего, и я пошла в тех-

никум, а родители на работу. После обеда мы с мамой и тетей, радостные в предвкушении праздника, готовились к поездке и поджидали папу, что бы всем вместе отправиться в Тулу. Но вскоре раздался телефонный звонок, и папа сообщил, что бы мы его не ждали, одевались по наряднее и ехали до конечной остановки щекинского автобуса, а не выходили на остановке у парка «культуры и отдыха». На все мамины вопросы папа отшучивался и отвечал, что он нас встретит и все объяснит. Мы терялись все в догадках, высказывали разные предположения, продолжая наряжаться и наводить марафет. Не знаю, как взрослые, но я вся светилась от счастья с моего лица не сходила радостная улыбка, а в голове все крутились мысли, что же придумал папа? Особых нарядов, чтобы выбирать у меня не было, поэтому я надела свое голубенькое кримпленовое платье с выпускного школьного вечера, немного подкрутила кончики волос и была готова к своему праздничному мероприятию. Нарядные и все в догадках, мы отправились в Тулу.

Конечная остановка автобуса из Щекино в то время была на площади Челюскинцев и называлась «Фабрика-кухня», потому что автобусы останавливались во дворе этого здания, там находилась автостанция. На фоне старинных невысоких рядом стоящих домов здание «Фабрики-Кухни» выглядело величаво и торжественно. По тем временам это было огромное здание; в нем, как рассказывали мне родители, размещались несколько просторных столовых залов, ресторан «Упа» с банкетным залом, магазин кулинарии, пирожковая и большой кондитерский цех. Когда из Тулы в Щекино мы уезжали с конечной остановки, то обязательно заходили в кулинарию и мне покупали молочный коктейль, который взбивался на моих глазах, и от этого он мне казался самым наивкуснейшим лакомством, я пила его медленно, наслаждаясь и напитком, и тем местом, где нахожусь. Помещение кулинарии было просторное, с высоким потолком, большими окнами. Все это мне очень нравилось, и я представляла, как должно быть красиво в столовых и в ресторане.

Сделаю небольшое отступление. Площадь Челюскинцев и здание «фабрики-кухни» были показаны в советском кинематографе в фильме «Евдокия» (советская мелодрама 1961 года Татьяны Лиозновой по одноименной повести Веры Пановой).

Вот мы и в Туле, выходим на конечной остановке, нас встречает папа с цветами в праздничном костюме. Подарив мне цветы, он приглашает нас в ресторан. Мы от такого предложения немного растерялись, ведь попасть в один из лучших ресторанов Тулы да еще в субботу практически не возможно. Папа нас успокаивает, и говорит, что нас там уже ждут. Я, конечно, была растеряна, потому что первый раз в жизни иду в ресторан, да еще в тот, обстановку которого так часто представляла в детстве в своих фантазиях. Теперь я шла туда и думала, что откроется моему взору? Мы вошли в просторный, светлый вестибюль, поднялись на третий этаж, перед нами распахнулись массивные, красивые двери и я очутилась в сказке. Моему взору открылся в великолепном убранстве зал, шикарные гардины на окнах, до блеска начищенные кафельные полы, люстры, которые придавали всему помещению значимость и торже-

ственность. Все это привело меня в восторг, от которого я стояла с широко открытыми глазами от изумления. К нам тут же подошел официант, ничего не спрашивая, сразу провел нас к столику, очень вежливо сказал, чтобы мы располагались, и пожелал приятного вечера. Все еще находясь под впечатлением, мы расположились за столиком, который находился у самой эстрады и был изыскано сервирован. Через минуту к нам снова подошел официант с шампанским и с присущей ему легкостью и непринужденностью наполнил наши бокалы. Родители поздравили меня с совершеннолетием и снова удивили меня, подарив золотое колечко. Подарок был для меня очень дорог и потому что это было золото, и потому что достать его в годы повального дефицита было очень сложно. Я сразу представила, как мама неоднократно ездила в Тулу выстаивала жуткие очереди, а потом в переполненном автобусе возвращалась домой.

Вскоре пришли музыканты, заиграла музыка, зазвучали песни, мы стали танцевать, я немного скованно и растерянно чувствовала себя в новой для себя обстановке, но это быстро прошло, ведь я была с родителями, и это всегда придавало мне силы и уверенность. Великолепный праздник моего совершеннолетия прошел радужно, весело, счастливо. Все хорошее рано или поздно подходит к логическому завершению, но остается в памяти на всю жизнь как самое светлое событие в жизни.

Домой возвращались довольные и удовлетворенные удачно прошедшим вечером. Всю обратную дорогу из Тулы до Щекино я продолжала находиться в каком-то непонятном для себя состоянии: с одной стороны все происходившее было интересно, красиво, радостно и очень приятно, а с другой стороны появились какие-то новые чувства и ощущения не совсем понятные для меня.

Мой праздник юности крылатой
С утра разбередил семью.
Всем снова стало 18,
Все счастливы, как будто мы в раю.
Вливаюсь смело в «Лигу взрослых»
Теперь могу творить, дерзать, вершить судьбу.
Увы, дни детства уже в прошлом,
О жизнь! Я начинаю лишь свою.

Да, это были чувства смятения, я стояла на пороге новой взрослой, самостоятельной жизни, через год предстояло выпорхнуть из родительского, такого любимого, уютного, теплого, светлого гнезда, а что там впереди волновало не только меня, но и родителей. Наверное, поэтому они решили сделать мне яркий праздник, чтобы я знала и помнила: меня здесь любят и всегда ждут.

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

ЭКЛЕРЫ

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Опубликовано свыше сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», литературном сборнике «Иван-озеро», журнале «Приокские зори» — наш постоянный автор.

С воскресной дневной тренировки шли не торопясь Юрка и Сережка: первый налегке, второй — с небольшой спортивной сумкой на плече. Настроение чудное: скоро летние каникулы, несколько футбольных турниров и столько всего! Перебирали азартно интересные моменты игры, которую тренер по обыкновению оставил на конец. Финальная эта часть тренировки была для мальчишек самой желанной, казалась скоротечной. С удовольствием гоняли бы мяч все время вместо скучных силовых упражнений, разборов игровых ситуаций, прочих занятий. Вот и теперь, не наигравшись вволю на поле, то и дело затевали на ходу перепасовку мелкими тротуарными камушками, принимали поочередно воображаемый мяч на грудь, били его головой, крутили с ним финты, мешая прохожим.

Учились мальчишки в разных школах, друзьями не были, встречались и общались только на тренировках, соревнованиях да еще изредка возвращались вместе со стадиона: кто-то из родственников Юрки жил недалеко от Сережкиной многоэтажки.

Приближался хорошо знакомый кондитерский магазин «Сдоба», аппетитно пахнущий издали, соблазнительный, манящий. У Сережки имелась заначка, и он сказал Юрке: «Зайдем». Тот сглотнул голодную слюну, хлопнул руками по карманам: «Я пустой».

— На пару коржиков у меня есть,— успокоил Сережка.

В просторном светлом павильоне со стеклянным фасадом не было никого, кроме пышной симпатичной продавщицы с благодушным лицом, идеальной хозяйки этих изобильных витрин, предлагающих торты песочные, бисквитные, торты-безе, пирожные «корзинка», «эклер», «картошка», «буше», коржи разных видов и форм — благодать для сладкоежки. Несколько лотков с пирожными и коржами были выставлены поверх витрин.

Стоя за витринами, продавщица говорила с кем-то через приоткрытую во внутреннее помещение дверь.

— Что берем, мальчики? — повернулась она к ним, приветливо улыбнувшись.

— Пару коржиков-уточек, наверное,— сказал Сережка, пересчитывая мелочь.

Продавщица опять обернулась к двери, что-то спросила. Потом скрылась за нею, предупредив громко: «Я мигом».

— Сумку открой,— процедил неожиданно Юрка.

Сережка машинально расстегнул, а Юрка стремглав кинулся к дальнему лотку с пирожными, схватил проворно три эклера и сунул в сумку. Сережка оторопел: в ушах зашумело, сердце загрохотало во всех сторонах, перехватило дыхание. Очнувшись через секунды, стал доставать назад пирожные.

— Ты, что! Застукает,— вцепился в его руки Юрка, с трудом удерживая их.

Сережка рывком высвободился, полез опять за эклерами, как тут послышались быстрые шаги, и в павильон вернулась продавщица. Сережка застыл, вытянувшись столбиком.

— Ну что, мальчики, выбрали?

Похоже, ее все еще занимала нужда, отвлекшая во внутреннее помещение. Взгляни она в Сережкины глаза, из которых били растерянность, испуг, негодование, наверняка почуяла бы: что-то не то.

Юрка поспешно кивнул: «Ага. Дайте две уточки». Пока женщина заворачивала коржи, он прошептал недвижному Сережке: «Деньги давай, и уходим». Тот пудовыми руками покорно отдал монеты продавщице, а Юрка взял коржи, вежливо поблагодарил и потянул Сережку к выходу.

За дверями Сережка разгневанно напустился на Юрку, толкнув его с силой в плечо: «Ты гад, Юран! Это же воровство! Пошли, вернем». Оскорбленный Юрка покрутил у виска пальцем: «Сам ты гад! Куда пошли? Не заметила же. Хочешь, чтобы шум подняла. Когда хватится, нас и не вспомнит... Да они сами лопают и списывают: просрочено там или еще чего. Нашел воровство. Ешь пирожное — повкуснее коржика». Он ловко выудил из приоткрытой Сережкиной сумки эклер, принялся смачно уплетать его.

Шума Сережка не хотел. С ненавистью глядел на Юрку, торопливо доедающего пирожное, роняющего крем на тротуар и себя. Не выдержав этой картины, выхватил два оставшихся эклера, сунул их в руки изумленному Юрке: «На, жри!» — и пошел быстро прочь. Шагал, плохо разбирая дорогу, костерил всяко Юрку, а заодно его родню, что проживала поблизости и одарила таким попутчиком. Потом раз за разом воспроизводил в сознании происшедшее, и на душе становилось еще тяжелее, мысли мешались. Но одна стала пробиваться отчетливо: «А ты-то, ты! Такой же воришка! Мелкий трусливый воришка!.. Рядом стоял? Стоял. Сумку подставлял? Подставлял. Юрана не остановил? Нет. Воришка! С почином!»

В горячих висках лихорадочно застучал вопрос: «Как быть?! Как?!»

Несмотря на смятение, удивительно скоро нашелся обнадеживающий выход: «А так! Достать надо срочно денег — больше, чем стоят три эклера хотя бы раза в два — и отдать продавщице, повиниться, прощения попросить. Это, мол, за эклеры и штраф как бы... К маме за деньгами не пойду. Продам серию кубинских марок «Африканские хищники» — Ванька ее давно хотел, заплатит сразу... Спрашивать начнет продавщица — что да как — скажу просто: сами не знаем, как так вышло, простите — бес попутал. Пожурит, погрозит, не без этого, и отпустит. Чего ей шуметь — деньги вернули с лишком». Сережка с облегчением поверил, что так оно и выйдет, не мешкая, взялся за исполнение задуманного.

И вот меньше чем через час с деньгами, полученными за марки, он уверенно направился к цели, широко вышагивая. Как не силился отбрыкиваться от сомнений, опасений по поводу своего решения, они таки прорывались, допекали, замедляли шаг и, добившись своего, остановили за несколько десятков метров до «Сдобы». «Ну, зайду я,— рассуждал Сережка,— и выложу, что придумал, а она все ж возьмет и поднимет шум, хоть и милаха: Денег принес больше, чем пирожные стоят! Откупиться хочешь, хитрец! Нет, касатик. Это воровство! Мелкое, а воровство. И по закону ответишь. Дружка нет, один ответишь. Милиция разберется — по какому закону.

И в школе покраснеешь, как положено, и перед родителями». «Так и будет,— похолодел, сник мальчишка.— Мама еще поймет, а отец! А школа!»

Он прошел мимо злополучного магазина, прибавил шагу. Брел и брел по хмурому, душному городу, по самым отдаленным улицам и пыльным переулкам, волоча за собой тяжкий груз, пока совсем не устал. Упал на облезлую скамейку, вытянул гудящие ноги. Напряжение основное схлынуло, и возникли спасительные размышления: «Все ж было, как снег на голову. Я никак не ожидал, представить такого не мог... И пытался вернуть пирожные на витрину, да помешал этот... И швырнул эклеры этому... Что, надо было выложить их прямо перед продавщицей? И объяснить потом, что не верблюд?.. Короче, пирожные я не тырил, не жрал. Нечего и стыдиться, изводить себя».

Приободрившись, отправился скорей в свой двор, к ребятам. Те собирались в кинотеатр. Обрадовался случаю отвлечься, присоединился к ним. Смотрели старый фильм о войне, о партизанах, среди которых было несколько мальчишек — пионеров. Смышленые пацаны, вооруженные не хуже взрослых, бесстрашно подрывали фашистские поезда, обстреливали вражеские автоколонны, ходили в разведку в окрестные деревни, где располагались гитлеровцы, получали ранения, а одного даже убили в бою. Сережка и другие дворовые ребята не раз уже видели эту картину, и она им не надоедала. После просмотра обычно проходились по ярким эпизодам, фантазировали, как бы сами на месте героев фильма дурили и мочили фрицев, придумывали собственные ходы. Завидовали юным партизанам и непременно похвалялись, что, доведись партизанить, себя бы уж показали, без наград не остались.

Сережка незаметно ускользнул из кинозала перед окончанием фильма и побежал к «Сдобе». До закрытия оставалось немного. Дождавшись терпеливо, когда павильон опустеет и продавщица останется одна, он вошел, стиснув в ладони приготовленные деньги. Минут через пять с сияющим лицом, эклером в руке, появился на низком крыльце павильона, шагнул с него и полетел над уютным, воздушным городом.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

КРАЖА
Рассказ-быль

Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2009 г.).

Полицейский* урядник Николай Иванович Сидоров еще раз внимательно осмотрел место происшествия и вышел на улицу. Затем попросил потерпевшего рабочего завода «Товарищество Гилль» Ивана Полунина закрыть изнутри дверь своей комнаты на задвижку, а когда тот выполнил его распоряжение, Николай Иванович сдвинул в сторону на двери доску и просунул в образовавшуюся щель руку. Нащупав на внутренней стороне двери засов, сдвинул его в сторону и открыл дверь.

— Вот так, Полунин, и проник вор в твою комнату,— сказал он. Затем вздыхая и чертыхаясь, достал чистый лист бумаги и чернильницу.— Ты, Иван Семенович, говори, что у тебя украли, а я с твоих слов буду записывать,— приказал полицейский.

Вспоминая лежавшие в сундуке вещи, Полунин сморщил лоб.

— Баба моя мне вещи собирала, а я теперча уже и не упомню всего,— посетовал Полунин.

— А ты память-то напряги свою и вспомни,— ухмыльнулся полицейский.

Полунин вновь сморщил лоб и, перечисляя в уме украденные вещи, зашевелил губами.

— Три скатерти, четыре расстегая ситцевых, четыре фартука, из них два шерстяных и два ситцевых, две полушапки, десять аршин плиса, полусапоги, четыре ситцевых рубахи, суконные брюки, пятьдесят аршин ситца в четырех кусках, две пары суконных чулок, аттестат,— наконец-то начал перечислять он свои вещи.

— Все? — спросил Сидоров, увидев, что Полунин замолчал.

— Вроде бы,— кивнул тот головой.

Подсчитав похищенные вещи и сверив их стоимость, Сидоров установил, что Полунину причинен ущерб на сумму сорока рублей.

— Что-то ты, Иван, вещей с собой набрал, будто бы в Сибирь собрался,— усмехнулся Николай Иванович.

— Да это все баба моя насобирала. И то возьми, и это, а я сам-то и не хотел столько вещей набирать. Баба это все... а я в ночную смену работал, а утром пришел с работы, а тут такое,— в который раз уже стал объяснять Полунин полицейскому уряднику и стоявшим рядом с ним понятым.

---

* Не путать! Сейчас время уже третьего дежавю в названии охранителей общественного порядка: царские полицейские, полицаи времен Великой Отечественной войны (что были развешаны по деревьям в 1943—44 гг.) и нынешние. В рассказе речь идет о первых.— Прим. ред.

— Да слышал я, слышал,— махнул рукой Сидоров, оборвав Полунина на полуслове.— Будем искать твои вещи, Иван.

— А мне теперча что делать?

— Тебе-то? — Сидоров усмехнулся и внимательно взглянул на Полунина. Тот съежился под его взглядом и заморгал красными из-за бессонной ночи глазами.

— Ложись спать, Иван, а мы с управляющим вашим Николаем Михайловичем на улицу выйдем, свежим воздухом подышим,— распорядился урядник и, не дожидаясь ответа управляющего, взял его аккуратно под локоть и слегка подтолкнул к двери.— Как давно этот Полунин работает на заводе? — спросил он у управляющего после того, как они вышли на улицу.

— Работает около месяца, если нужно точнее, то нужно посмотреть в учетной карточке,— ответил тот.

— А как давно он в комнату заселился?

— Всего несколько дней тому назад, до этого жил вместе со всеми в людской избе.

— А почему из людской ушел? С рабочими не ужился?

— Отнюдь, Николай Иванович, с рабочими у него как раз все хорошо складывалось.

— Тогда в чем же причина его перехода из общей избы в отдельную комнату?

— Хороший работник, специалист в своем деле, да и вещей у него много, вот мы и решили ему временно комнату выделить.

— Все понятно,— кивнул головой урядник. Они неспешно шли по территории завода в сторону правления.— Скажи, Николай Михайлович, а кто раньше в этой комнате жил?

— Жил один... насилу избавились от него,— управляющий ухмыльнулся и покачал головой,— сначала он себя хорошо зарекомендовал, а потом начал пьянствовать и на работу прогуливать, да и дебоширом к тому же, оказался, вот мы его и прогнали с завода. Коновалов его фамилия, а зовут Родионом.

— И давно вы этого Коновалова уволили?

— Недавно, несколько дней тому назад, если нужно точнее, то можно посмотреть в учетной карточке.

— А комнату он, когда освободил?

— Как мы его прогнали, так он комнату сразу и освободил.

— Откуда этот Родион будет? Не наш ли? — спросил урядник.

— Он из Богородицка,— ответил управляющий.

— Семейный?

— Нет, не женат, одинокий.

— А как он выглядит и где сейчас может находиться?

— Родя высокого роста, худощавый, лохматый и с большой бородой, а где сейчас может находиться, я не знаю,— развел руками управляющий.

Попрощавшись с управляющим, урядник поговорил с рабочими завода, но новых сведений о Коновалове от них не получил. Объехав питейные заведения и предупредив их хозяев о совершенной краже, он приехал на железнодорожную станцию Ясенки. День был жарким, и стоявшее в зените солнце разогрело землю. Над железнодорожными путями витало марево, пахло креозотом и мазутом. Привязав лошадь к коновязи, Сидоров направился в станционный трактир принадлежавший купцу Прянчикову. В помещении было немноголюдно, всего несколько посетителей пили чай. Хозяин заведения стоял за барной стойкой и протирал полотенцем чашки.

— Был такой нынче поутру. В аккурат как вы, Николай Иваныч, говорите — в красной рубахе, лохматый и бородатый,— начал рассказывать Прянчиков.— Зашел,

заказал чаю. Пил не спеша, все на постояльцев поглядывал, а после того, как литер подошел, вышел на улицу. Поезд, должно, ожидал, — высказал предположение Прянчиков.

— Уехал, стало быть,— задумчиво проговорил Сидоров.

— А кто его знает? — пожал плечами Прянчиков, наливая кипяток в чашку и протягивая ее Сидорову.— Чайку пожалте, Николай Иваныч,— любезно предложил он.

— А не обратили ли вы, Антип Фролович, внимание, были ли при нем какие-то вещи? — задал вопрос Сидоров, отпивая из чашки горячий напиток.

— Были. При нем был мешок с вещами.

— А что за вещи были в мешке?

— А пес их знает? Какие-то материи. Он их из мешка доставал и предлагал кучеру.

— Какому кучеру?

— Андрею Мягкову, кучеру из Крапивны. Они вон за тем столиком сидели,— Аким указал рукой на крайний от входа стол.— Поезд из Тулы ждали. А этот в красной рубахе материю из мешка достал, показывать начал, но что именно показывал, я не знаю, мне отсюда не видать было, далече. А как поезд пришел, так они поднялись оба и ушли.

Поблагодарив Прянчикова, Николай Иванович выехал в Крапивну. Он уже давно собирался съездить в управление, чтобы получить для себя входящую почту и сдать в канцелярию исполненные документы, но все никак не мог собраться, и вот наконец-то ему подвернулся случай выехать в Крапивну.

Кучера Мягкова Сидоров допросил в полицейском управлении.

— Я чай сидел пил и ждал поезда, собирался отвезти кого-нибудь из пассажиров в Крапивну, а ентот подсел ко мне и стал предлагать купить у него вещи, достал ситец, а как я отказал ему, так он опять сунул ентот ситец в мешок,— рассказал кучер.

— А еще он предлагал вам что-либо кроме ситца? — спросил у него Сидоров.

— Нет, кроме ситца, боле ничего не предлагал.

— Что потом было?

— А опосля, когда я барина одного в Крапивну повез, увидал, как мужик ентот по дороге в сторону Колпны пошел.

«Значит, Родион Коновалов с поездом не уехал, а пошел по дороге в сторону Новой Колпны. Почему же он не уехал? Что его здесь держит? Хочет сбыть ворованные вещи, а затем уехать? Или он вообще не собирается отсюда никуда уезжать? Снимает у кого-то квартиру? Управляющий заводом говорил, что Родион не женат, а потому может прижиться у какой-нибудь женщины? У кого же он может находиться? Да, женщина! Его здесь может держать только женщина. Возможно сообщница, а значит, либо он, либо она будут пытаться продать ворованные вещи. А почему собственно — продать? Такие вещи могут и самим сгодиться»,— рассуждал Сидоров, возвращаясь из Крапивны в Колпну. Вечерело. Солнце уже успело остыть и усесться на верхушки деревьев стоявшего за полем леса. Укатанная сотнями повозок крапивенская дорога, петляя между редкими рощицами и полями, то поднималась в гору, а то резко шла вниз к бежавшим под бревенчатые мосты журчащим речушкам. В низинах уже улегся вечерний туман, и когда урядниковая лошадка сбегала вниз, от тумана и речной воды начинало потягивать прохладой. Николай Иванович поеживаясь, подстегнул лошадь. «А ну пошла, милая»,— вполголоса произнес он. «Но, если Родион уже пытался продать краденые вещи, и ему это пока не удалось, то он наверняка попытается это повторить. Нужно предупредить трактирщиков»,— вновь начал рассуждать урядник.

В Новую Колпну он въехал, когда солнце уже скрылось за косогором и на улице начинало смеркаться. Подъехал к трактиру Зябрева и осадил лошадь. Соскочил с

пролетки, привязал лошадь к коновязи и вошел в помещение. В питейной избе было многолюдно и шумно. Старые и молодые, обросшие бородами мужчины и безусые юнцы, пили вино и пиво, закусывали солеными огурцами и квашеной капустой. Над потолком витал сизый табачный дым, пахло табаком, пивом и прокисшими щами. Между столами лихо летал с подносом работавший в трактире официантом мальчик лет двенадцати, разнося посетителям графины с водкой и миски с огурцами. Николай Иванович прошел в комнату хозяина заведения, где еще раз напомнил трактирщикам приметы Коновалова и похищенных вещей.

— Думаете, Николай Иванович, он придет? — хитро улыбаясь, спросил у Сидорова Зябрев.

— Придет,— кивнул головой Сидоров,— обязательно придет, я уверен.

— Ну, пока мы его будем ждать, не соизволите ли откушать? — предложил трактирщик.

— Давай,— махнул рукой урядник.— Только не просмотреть бы его,— озабоченно произнес он.

— Не извольте беспокоиться, господин урядник, мальчик, что между столами с подносом бегает, обязательно предупредит нас о его появлении,— уверенно произнес Зябрев и Сидоров, поверив ему, успокоился.

Но не успели они выпить по фужеру вина, как в комнату вбежал мальчик.

— Пришел! — выпучив глаза, сказал он.— Вон там, у буфетной стойке стоит.

Сидоров и Зябрев слегка приоткрыли дверь комнаты и незаметно взглянули в зал. Да это был он — Родион Коновалов. Только поверх красной рубашки-косоворотки на нем был надет жилет.

— Ну что, Николай Иванович, будете брать его? — спросил Зябрев.— Могу дать в помощь своих рабочих,— предложил он.

— Ни в коем случае,— ответил урядник.

— Как же так?! — неподдельно удивился Зябрев.

— Вещей при нем нет никаких, какой смысл его сейчас брать? Он отопрется от всего, а где вещи спрятал не скажет, и я буду вынужден его отпустить, а уж тогда мы вещи точно не найдем никогда, он их либо спрячет, либо уничтожит. Поступим вот как...

Сидоров и Зябрев ждали долго. Коновалов пил вино и закусывал неспешно, долго разговаривал с сидевшими с ним за столом посетителями, раскуривал папиросы. Наконец он, насытившись, поднялся из-за стола и слегка пошатывающейся походкой, направился к выходу. Следом за ним незаметно вышел один из рабочих трактира. Спустя полчаса он вернулся.

— Все, можно идти, я покажу дом, в который он зашел-с,— доложил он.

— А предупредил ли ты управляющего завода Головтеева, о чем я тебя просил? — задал ему вопрос Сидоров.

— Да-с. Они все будут ждать вас, господин урядник, подле вашей лошади,— ответил тот.

На улице уже стемнело, и лишь при свете бледноликой луны были видны очертания деревенских изб. На черном ночном небосводе мерцали звезды. У указанного Петруней дома, урядник остановил лошадь.

— Так вот он у кого скрывается, у Елизаветы Васильевны! Ах, Лиза, Лиза! Вот я ж тебе задам! — в сердцах проговорил Сидоров.— Ты, Петруня, иди. Не нужно, чтобы они тебя видели,— распорядился он и, следивший за Коноваловым парень, скрылся в темноте.

К дому подошли под неистовый лай собаки. Света в доме не было, и волостной старшина Дудин постучал в окошко. Вскоре в оконном проеме показалась освещенная керосиновой лампой взлохмаченная женская голова.

— Кто там? — послышался из-за стекла ее приглушенный голос.

— Лиза, позови Родю, у меня к нему дело,— произнес Дудин, отодвигаясь от направленного на него света в глубину палисада.— Родю! — вновь повторил он.

Елизавета отошла от окна и на прижавшихся к стене людей вновь наползла темнота. Словно предупреждая хозяев об опасности, неистово лаяла собака. Ее лай подхватили собаки от соседних изб. Наконец-то сквозь громогласный собачий хор в сенцах послышались шаги, громыхание ведра, скрип дверного засова, после чего отворилась входная дверь, за которой прятался полицейский урядник. Вышедшего Коновалова скрутили быстро. Связали ему за спиной руки, затащили в дом и усадили на лавку у печи, добавили огня.

— Он это, Коновалов,— произнес Головтеев, освещая лицо Родиона лампой.

— Так, Лизавета, гостя твоего, Родиона, мы с собой забираем, а ты давай неси нам его вещи, с которыми он к тебе пришел,— распорядился Сидоров.

— Это которые? — спросила растерявшаяся от произошедшего Елизавета.

— Которые он в мешке хранит,— подсказал ей Сидоров.

— Так вон они в сундуке лежат,— указала Елизавета рукой в сторону стоявшего в углу комнаты сундука.

Сидоров подошел к сундуку и, открыв крышку, достал из него вещи.

— Мои! Это мои вещи! — закричал обрадованный Полунин.

— Эти вещи не мои! Я к ним не имею никакого отношения! — крикнул Коновалов и заерзал на лавке.

— Не твои? Стало быть, эти вещи принадлежат Лизавете? — спросил Николай Иванович.

— Не знаю,— Коновалов отвернулся и стал отрешенно смотреть в сторону темного окна.

— Выходит дело, это ты, Лизавета, вещи своровала вот у этого господина,— обратился Сидоров к Елизавете, указав рукой на Полунина.

— Да ты что, Николай Иваныч?! Я солдатка вдовая, а не воровка! Мужика могу в дом привести, а чтобы своровать у кого?! Ты в своем ли уме, Николай Иваныч?

— Тогда, чьи эти вещи?

— Это его вещи,— Елизавета кивнула в сторону Коновалова.— Это он их ко мне в дом принес.

— Ты вот что, Лизавета, собери-ка нам все его вещи, которые он принес к тебе в дом, мы их с собой возьмем, а ты сама назавтра придешь ко мне в участок, я с тебя показания снимать буду,— распорядился урядник, и Елизавета, кивая головой, начала собирать в мешок вещи.— Ну, а ты, Родион Коновалов, поедешь с нами,— повернулся он к Коновалову.

В участке Николай Иванович посадил Коновалова под замок в арестантскую комнату, поблагодарил за помощь заводского управляющего Головтеева и волостного старшину Дудина и после подписания ими протокола отпустил их домой.

— А ты, Иван Семенович, просмотри все свои вещи, какие имеются, а какие отсутствуют, а я пока буду протокол составлять,— обратился Сидоров к Полунину, а затем взял чистый лист бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, начал писать: «1899 года августа 17 дня полицейский урядник Сидоров составил настоящий протокол в следующем: крестьянин деревни Сорочинка Ржавской волости Крапивенского уезда Иван Семенов Полунин, живущий на заводе «Товарищество Гилль» при Новой Колпне Ясенковской волости, заявил, что ночью на 27 августа сего года из сундука, находившегося в чулане при его квартире, причем сундук был не заперт, совершена кража имущества принадлежавшего Полунину. Дознанием и розыском обнаружен подозреваемый крестьянин Коновалов, который 17 августа был в постоялом дворе

при станции Ясенки и предлагал купить у него кусок ситца крапивенскому кучеру Андрею Мягкову живущему в Крапивне, но Мягков купить отказался. Кроме ситцу у Коновалова был еще мешок с какими-то вещами. Затем Коновалов возвратился в Колпну, где был позже и задержан. Опрошенный подозреваемый в краже крестьянин села Новоселок, Курапинской волости, Богородицкого уезда Родион Коновалов в краже не сознался. По осмотру помещения, где хранились вещи потерпевшего Полунина, в присутствии управляющего завода «Товарищество Гилль» Николая Михайловича Головтеева оказалось, что они хранились в сундуке. Постановил: о сем записать в протокол, который передать на рассмотрение Ясенковского волостного суда».

Уже на следующий день управляющий завода «Товарищество Гилль» Николай Михайлович Головтеев в виду серьезности произошедших событий предоставил рабочему завода Ивану Семеновичу Полунину отгулы за свой счет, и тот немедленно выехал в Сорочинку. Он решил отвезти домой неожиданно утраченные и чудом возвращенные свои вещи. Возница, бородатый сорочинский крестьянин, приезжавший в Колпну на ярмарку, и согласившийся подвезти Полунина домой, подгонял вожжами свою и так резво бежавшую лошадку и рассказывал ему о своей жизни, но Иван его не слушал. Он лежал на соломе и, закинув руки за голову, смотрел в небо. Иногда он поднимал голову и смотрел на лежавший рядом с ним мешок с вещами, словно вновь боясь потерять его, а убедившись, что мешок на месте, ощупывал его, после чего вновь закидывал руки за голову. Он уже знал, что обязательно расскажет своей любимой жене Марии о своих приключениях. Обязательно расскажет ей о полицейском уряднике Сидорове, который вернул ему его похищенные вещи и о воре Коновалове. Затем в сердцах и беззлобно поругает жену для порядка за то, что слишком много наложила ему с собой в Колпну ненужных вещей, ну а потом, конечно же, обязательно прижмет к себе свою ненаглядную, и они порадуются вместе за то, что все так хорошо закончилось. Впрочем, это уже совершенно другая история.

Петр Любестовский
(г. Сельцо, Брянская область)

В КУПЕЛИ БЕЛЫХ ЧЕРЕМУХ

Родился в 1947 году на Смоленщине, в деревне Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Работает учителем истории и права в школе-интернате. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Молодая гвардия», «Север», «Дон», «Искатель», «Странник», «Сельская новь» и др. Лауреат литературного конкурса журнала «Милиция» (2007), Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (2014), Лауреат Международного литературного конкурса военных писателей и журналистов «Свет Великой Победы» (2015). Финалист IV Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (номинация «Литература для юношества») (2013). Автор семи сборников прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Член Правления Брянской областной писательской организации.

Весна вихрем ворвалась в город. На исходе марта установились погожие дни, и щедрое солнце усиленно сушило вешние воды, отогревало землю, оживляло природу.

Так длилось весь апрель, а в начале мая все вокруг окрасилось в яркие зеленые цвета. За городом, в пойме реки Десны, на зеленом луговом ковре вспыхнули желтые огоньки одуванчиков. А по-над рекой закучерявились молодые ивы, распустили длинные косы березки, в белые одежды облачились кусты черемушника, расточая на всю округу дурманящие запахи.

Заядлый рыбак Федор Асмолков, тридцатилетний хорошо сбитый мужик с добрыми светлыми глазами, цвета вешней воды, все свободное время проводил на реке. В пору цветения черемухи хорошо шла на удочку белая рыба — язь, плотва, елец, голавль, уклейка.

Едва река входила в берега, Федор, захватив свои нехитрые снасти — телескопическую удочку, набор крючков, грузил, поплавков и небольшую подхватку, чуть свет направлялся к мосту через реку, чтобы перебраться на другой берег, густо поросший лозняком, ивой и черемушником.

В то погожее майское утро Федор встал по обыкновению рано, наспех перекусил и хотел тайком улизнуть из дома. Но жена проснулась и добродушно спросила:

— Опять на весь день — от зорьки до зорьки? А я все одна и одна...

— Надюша, сегодня обещаю вернуться пораньше,— заверил жену Федор.

За рекой, на высоком взгорье, виднелось большое старинное село Покровское, с полуразрушенной церковью — памятником архитектуры семнадцатого века. Федору

доводилось бывать в этом живописном селе. Из Покровского была родом его жена, рано оставшаяся сиротой.

Окончив ПТУ, Федор был призван на Северный флот. А после увольнения в запас устроился на завод токарем. Там и положил бывший моряк глаз на молодую станочницу Наденьку Тихомирову, стройную, как осинка, блондинку, с косой по пояс, в руках у которой работа спорилась.

Федор долго любовался девушкой издалека, а когда осмелился и проводил домой, то немало узнал о ее нелегкой судьбе. Мать Нади тяжело болела и ушла рано, когда девочке не было и десяти лет. Отец попытался заглушить горе вином. Возвращаясь с работы в сильном подпитии, свалился с моста в ледяную воду и утонул в реке. Надю, оставшуюся сиротой, направили в детский дом, где девчушка хлебнула горя по самые глаза.

Федора глубоко тронула судьба девушки и в его сердце закралась жалость к ней, а она, как известно, первый признак настоящей любви. Надя жила на частной квартире, скудно питалась, одевалась скромно. Федор решил, что отныне ответственен за благополучие девушки, судьба которой оказалась так немилостива к ней. Парень был предельно внимателен к Наде, на каждое свидание приносил ей сладости, а с получки небольшие подарки, чем еще больше расположил девушку к себе.

Асмолков все чаще задумывался, как в дальнейшем облегчить Надину жизнь. Но о женитьбе пока не помышлял — сам еще не встал, как следует, на ноги. Однако, видя, как за красавицей Надюшей увиваются ребята в цеху, Федор, боясь потерять девушку, все же решился на ответственный шаг, будучи уверенным в том, что без Нади ему не прожить.

Мать Федора — Тамара Михайловна, не одобрила выбор единственного сына — бесприданница невестка ее не устраивала. И Федор, опасаясь, что Наде тяжело будет ужиться со сварливой свекровью, принял решение сразу же после свадьбы уйти с женой на частную квартиру.

Трудно пришлось молодым в первые годы совместной жизни. За непослушание, родители помощь сыну не оказывали, и молодоженам приходилось рассчитывать только на себя. А своих средств едва хватало, чтобы свести концы с концами.

Но тут умерла бабушка Федора — Дарья Семеновна, горячо любившая внука. Как это ни прискорбно звучит, но старушка, уйдя в иной мир, облегчила участь молодой семьи, оставив в наследство внуку свою хибару.

Федор сумел потихоньку наладить старую избу — благо руки у него были хозяйские: подвел новый фундамент, заменил подгнившие бревна, сменил подоконники и лутки, вставил новые рамы, обшил стены вагонкой, перекрыл шифером крышу. И дела у Асмолковых пошли на лад.

Теперь можно было подумать и о первенце. Но тут у Надюши раз за разом случилось два выкидыша. А потом она долго лежала в отделении гинекологии городской больницы, надеясь с помощью врачей все исправить. Но при выписке слова лечащего врача не оставили никаких надежд: «Весьма сожалею, но у вас нет шансов, чтобы иметь своего ребенка...»

Надюша тайком плакала, виновато прятала глаза, а Федор всячески успокаивал жену и убеждал, что следующей весной аист обязательно принесет им первенца. И сам свято верил, что в их доме рано или поздно зазвенят детские голоса и их жизнь наполнится новым смыслом. Однако время шло, и с каждой весной их надежды на первенца таяли как прошлогодний снег. Надюша, чувствуя свою вину, замкнулась и все больше уходила в себя, постепенно отдалялась от мужа. А Федор не знал, как ее утешить, как облегчить ее страдания.

Чтобы не видеть Надиных глаз, полных отчаяния и тоски, Федор уходил на реку.

Там он был в своей стихии и на время забывал о беде, о глубокой печали в глазах жены, а если и вспоминал, то с верой в то, что все непременно наладится. «Если жить правильно, по совести, то всегда можно надеяться на перемены к лучшему,— утешал себя Федор.— Врачи ведь тоже люди и тоже ошибаются...»

На реке Федор давно облюбовал себе укромное место и с той поры старался его не менять. Особенно хорошо здесь было по весне, в дни обновления природы и буйного майского цветения.

Устроившись на старой поваленной раките, среди белых, словно заснеженных ветвей черемухи, Федор, налаживал снасти, готовил наживку и забрасывал удочку под пышный ивовый куст, купающийся в тихой заводи.

Цветущая черемуха искрилась на солнце белыми хлопьями, пьянила и дурманила сладким ароматом, навевала светлые мысли, вызывала приятные воспоминания о первых свиданиях с Надей, о первом поцелуе...

Но предаваться воспоминаниям мешала поклевка, которая в это яркое весеннее утро была на редкость отменной. Федор едва успевал снять блеснувшую на солнце чешуей плотвичку и наладить новую наживку, как поплавок вновь уходил под воду. Федор резко подсекал, и над водой извиваясь и блестя серебром, взмывала новая рыбешка. Федор наблюдал, как в чистой заводи играла стая юрких рыбешек, мелькая темными спинками и красными плавниками, ловко заглатывая при этом его подкормку.

Федор так увлекся, что не сразу услышал, как в зарослях черемушника, кто-то тихо пропищал. Федор прислушался. Писк повторился. «Не могу понять, что это? Птица — не птица?» — подумал про себя рыбак и вновь прислушался. Теперь ему показалось, что этот звук принадлежит младенцу.

Федор обернулся и вновь прислушался — слабый писк повторился. «Может, от черемухового дурмана моя голова пошла кругом?» — мелькнула догадка у рыбака.

Федор встал, воткнул в землю удилище и направился в зеленую чащобу. Не пройдя и десятка шагов, под старым раскидистым деревом, на белой простыне из опавших лепестков черемухи, он заметил розовый сверток.

Федор подошел поближе и увидел грудничка. Судя по всему, это была девочка. Она смотрела на него, не мигая, широко распахнутыми глазами. На пухлых щечках ребенка блестели прозрачные бусинки слез. В одной из этих бусинок барахтался маленький коричневый муравей. Рядом лежала пустышка.

Федору послышалось, что неподалеку кто-то прошел, хрустя валежником. Он сорвался с места и, раздвигая ветви кустарника, бросился в сторону тропинки, петляющей вдоль реки. Тропинка была пуста. «Наверное, показалось»,— подумал рыбак.

Асмолков вернулся назад и заглянул под куст черемухи, укрытый крупными белыми гроздьями. Сверток лежал на прежнем месте. Лицо девочки было красным. «Видимо, от крика», - подумал Федор. Девочка вновь пискнула. Федор робко шагнул к ней, поднял сверток на руки. Подолом рубашки осторожно вытер лицо девочки, затем вытер и поднес к губам пустышку. Девочка приняла ее и сделала несколько сосательных движений.

Федор чуть отвернул краешек одеяла, закрывавший лицо девочки и оттуда выпала записка — тетрадный лист в клеточку, сложенный вчетверо. Федор поднял записку, развернул. На листке небрежно было нацарапано: «Мне ребенок не нужен. Я от него отказываюсь. У меня он все равно погибнет. А утопить его я не могу». Внизу стояла неразборчивая подпись.

Некоторое время Федор стоял молча, смотрел на девочку и о чем-то размышлял. И вдруг рукой почувствовал, что одеяло девочки снизу мокрое.

— Описалась, бедняжка! Надо скорее бежать до дому,— вслух произнес Федор, словно подав себе команду.

Он решительно сунул записку в карман, вернулся к заводи, смотал одной рукой удилище и стал пробираться сквозь густые кусты, оберегая розовый сверток, словно драгоценную хрупкую кубышку, готовую рассыпаться от любого неловкого движения.

Встречные прохожие с удивлением смотрели вслед рыбаку, когда он с удочкой на плече шагал в сторону города, прижимая к груди сверток с младенцем, закутанный в куртку-ветровку.

— Вот Надюша, нам Господь послал за наши страдания,— протягивая жене сверток, с дрожью в голосе произнес Федор и смахнул рукавом пот со лба.

— Откуда это? — всполошилась Надя, принимая сверток и глядя на мужа встревоженным взглядом.— Где ты взял это милое глазастое существо?

— Все потом объясню,— сказал Федор.— Сейчас надо перепеленать — она вся мокрая, а то не ровен час, еще заболеет...

Надюша засуетилась, уложила ребенка на кровать среди пухлых подушек, дрожащими руками достала из комода припасенное детское белье — пеленки, распашонки, пинетки, шапочки. Быстро приготовила ванночку с теплой водой, распеленала девочку. Вместе с Федром искупали крошку. После водной процедуры Надюша укутала малышку в вафельное полотенчико, тщательно вытерла, переодела, дала пустышку. А Федор тем временем хлопотал у плиты — готовил кипяченое молоко.

Девочка слегка попискивала, но все процедуры перенесла терпеливо, а когда напилась тепленького молока, тотчас уснула среди пуховых подушек.

Надюша присела рядом на кровать, стараясь не дышать на ребенка.

— Ну и где ты нашел эту кроху? — вновь взволнованно спросила она, не отрывая взгляда от нежного лица девочки.

— Там, на берегу, в зарослях белых черемух,— показал рукой Федор в сторону реки.— Поначалу глазам своим не мог поверить. Думал, что это галлюцинации от сладкого черемухового дурмана, на котором настоян воздух у реки. Потом попытался отыскать того, кто оставил ребенка на произвол судьбы. Но где там. Этого бессердечного человека след простыл...

— Ой,— воскликнула встревоженная Надюша.— И я не могу поверить! Такую кроху на произвол бросить. А к нам не предъявят претензий? — испуганно посмотрела она на мужа. Вдруг обвинят в краже чужого ребенка. Как мы тогда докажем свою невиновность?

— Не волнуйся понапрасну. Никто нас не тронет. Я всю дорогу думал о том, как могло случиться, что именно нам, бездетным, ребенок будто бы с небес свалился. И пришел к выводу, что кто-то сделал это преднамеренно — подбросил ребенка, заведомо зная, что своих детей у нас нет. И зная нас, был уверен, что мы его не оставим, обязательно подберем, вырастим и воспитаем это милое дитя...

— Неужели следили за тобой, изучали места, где ты бываешь? — с изумлением посмотрела Надюша на Федора.— А ведь могли поступить и по-другому — например, положить сверток с девочкой нам на крыльцо, но, видно, испугались, что здесь их кто-то заметит.

— Вполне возможно. Но все это могло произойти и случайно — так, видно, бог повелел. Но теперь это не важно. Главное, что ребенок не пропадет — он в надежных руках.

— Но ведь могут отобрать — не поверят, что все так вышло,— с горечью сказала Надюша.

— А у нас, на этот случай, имеется охранная грамота,— загадочно улыбнулся Федор.

Одним движением, словно фокусник, Федор извлек из кармана записку и протя-

нул жене. Дрожащими руками Надюша развернула листок, быстро пробежала глазами неровные строчки и заплакала.

— А вот это зря,— обнял жену Федор и прижал к своей широкой груди.— Не надо плакать, а то дочка проснется. Лучше подумай, как мы ее назовем. Я предлагаю назвать Майей. Очень красивое, светлое, весеннее имя. Ты не против?

— Нет, не против,— прошептала Надюша, одарив Федора ласковой, благодарной улыбкой.

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

СОЛНЕЧНАЯ

Врач-кардиолог. Литературной деятельностью занимается с 2011 года. Автор свыше 270 литературных публикаций в периодике России и русскоязычных изданиях Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Финляндии, Германии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Израиля, Чешской Республики с тиражом около 4000000 экз. Серебряный лауреат Второго Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка». (2006 г.) Серебряный призер литературного конкурса журнала «Нива» город Астана, Казахстан. (2010 г.) в номинации: короткий рассказ.

«Когда я увидел тебя, я влюбился.
А ты улыбнулась, потому что ты знала»

Вильям Шекспир

Существует догадка, лишь предположительная и далеко не полно все объясняющая, что душа — это электрохимическая песня сомы, тела человеческого. Тогда любовь — нечто иное, как песнь самой души. Но, как ни крути, тело механистично, хотя и не тупо примитивно, оно очень сложная саморегулирующаяся система, загруженная готовыми генетическими программами на все случаи жизни. Любовь — одна из них, не самая простая, даже, скорее, наиболее труднообъяснимая, но, одновременно и самая прекрасная. Вожделение, страсть, желание приблизить к себе не только тело, но и душу полюбившегося человека — лишь отдельные составляющие ее великой сущности. Нужно сочетание определенных редчайших, никому не ведомых условий, квадратура круга или чаша Грааля, чтобы программа любви включилась по полной, а не в демо-версии. Если фрагментов мозаики не собирается достаточно — любовь оказывается ущербной, но обладатель этой сбившейся программы, вряд ли сможет догадаться о ее неполноценности. Ведь в этом случае, даже частично собранные пазлы вполне могут дать своему составителю ощущение счастья.

Они несколько раз встречались на одном и том же месте, словно такое странно повторяющееся столкновение незнакомой прежде пары было хитро задумано и воплощено в жизнь скрытым от их глаз режиссером. Он спускался с верхнего пролета лестницы, предвкушая пару свободных суток после очередного дежурства, она шла на работу, далеко не в лучшем настроении, но, завидев его, непроизвольно улыбалась. Ее внешне беспричинная улыбка выглядела искренней и милой, улыбкой ни в чем ни от кого не зависимого человека, тем более, от того, кому она сейчас адресовалась. Не ответить на такое приветствие никак не представлялось возможным.

Они встречались снова и снова на узорчатом полу прямоугольной площадки, ко-

гда она заворачивала к последнему пролету широкой каменной лестницы со старинными литыми перилами. Из огромного окна за ее спиной солнце низвергало вниз водопад слепящих лучей, лишь слегка ослабленный непрочной преградой в виде редкой кроны растущего снаружи вяза. Они падали на девушку сзади, обтекали волосы, плечи, всю фигуру, образуя единую сияющую ауру вокруг контуров тела. Смотрящему на нее против солнца казалось, что он видит лучистый нимб, наподобие изображаемых на церковных иконах, только разросшийся и перешедший с головы на плечи, руки, до самых мизинцев загорелых ступней в открытых летних босоножках. Солнечные брызги оставались в ее темных волосах с легким медным оттенком, то ли природным, то ли полученным от недавно использованного шампуня, Для него не имело никакого значения, что послужило тому причиной, но частицы падающего света, сливаясь на краткий миг с этим красноватым отсветом, придавали переливам волос недолгое сияние подлинно червонного золота. И вся она выглядела в эти чудесные мгновения светлой, легкой, светящейся, абсолютно солнечной девушкой.

На тонком безымянном пальце зеленовато поблескивало маленьким изумрудом изящное золотое колечко, не какая-то поделка со стекляшкой. И пальцы оканчивались тонкими, ненавязчиво, не броско, но аккуратно наманикюренными ноготками, один вид которых по неизвестной причине всякий раз почему-то вмиг заставлял сжиматься его сердце.

— Привет!

— Привет!

— Как дела?

— Ничего. Спасибо. А у вас?

Вот из таких незамысловатых высказываний обычно и состоял весь их короткий диалог на массивных каменных ступенях старинного трехэтажного здания.

Если мимо проходил кто-то третий, они, не сговариваясь, использовали иные разговорные средства, недоступные тем, кому их разговор не предназначался:

— How are you?

— Well... Thanks. And you?

— Me too...

— I am glad...*

Когда он впервые при появление вблизи лишних ушей обронил английскую фразу, солнечная девушка нисколько не удивилась и моментально ответила тем же. Его бытовой разговорный инглиш оказался вполне понятен и доступен для нее, это стало приятным сюрпризом и сблизило их, независимо от смысла или бессмысленности произносившегося.

Так и происходило снова и снова. Эти редкие случайные свидания на лестнице, вроде бы ничего не значили, и не могли ничего значить, но для него каждая из нескольких минут, когда перед ним оказывалась солнечная девушка, надолго отпечатывалась в памяти ощущением светлого праздника. Ни он, ни она поначалу даже не интересовались именами друг друга, совершенно не ощущали такой потребности. Поэтому и познакомились только на третий или четвертый раз, чтобы как-то обращаться при новых встречах, на которые оба неосознанно надеялись.

К сожалению, время их работы никогда не совпадало, и с этим, похоже, ничего нельзя было поделать. Он опасался, что любое приближение к солнечной девушке обязательно разрушит незримо установившееся между ними в короткие нечаянные

---

* — Как дела?
— Хорошо... Спасибо. А у Вас?
— У меня тоже...
— Я рада. (англ.)

рандеву на ходу, хотя никогда прежде не испытывал робости или нерешительности ни с одной из женщин. Огромная разница в возрасте представлялась для него главным и совершенно непреодолимым препятствием.

Но ей виделось совершенно иначе, и она сама сделала первый шаг навстречу. Однажды вместо ответа на привычный, ставший для них ритуальным вопрос девушка попросила его подождать на выходе.

— Я сейчас, мигом. Только заберу документы...

— Что так? — удивился он.

— Поступила в институт на очное...— пояснила она с безмятежной улыбкой, моментально растопившей его надуманную тревогу.

Он дождался ее возвращения, и этим утром они впервые пошли вместе, чтобы уже не расстаться. И никогда об этом не пожалели даже спустя дюжину лет. Солнечная девушка на самом деле оказалась его любимой и неповторимой солнечной женщиной, сохранившей свет даже в самые ненастные дни.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ЭМИГРАНТЫ ЗЫБУЧЕГО ВРЕМЕНИ

Главы из романа нашей жизни (1914—2014)
с фрагментами авторских очерков, эссе и рассказов

«Правды об Израиле не существует, существует две правды об одном Израиле»,— написал я вскоре после прибытия в страну в 1978 году, и с этим, читая свое давнее эссе, обнаруженное в архиве, готов согласиться даже сегодня.

ДВЕ ПРАВДЫ

Коль скоро каждый еврей имеет два мнения, почему бы ему не создать — про запас, на всякий пожарный случай — две правды об Израиле.

Правду устремленных на Землю обетованную.

И правду устремленных с Земли обетованной в Соединенные Штаты, Германию, Австралию, на Маркизовы острова, Марс, Юпитер.

Зачастую обе правды гнездятся в одном, распухшем от Сократовых дум мозгу. В каждом полушарии — своя.

Эти обе правды мирно сосуществуют, как наша Вселенная с Антимиром.

Эти правды сообщаются через кровеносные сосуды, очищаясь при помощи незримых катализаторов, как действительность советского образа жизни от газетно-журнальной интерпретации.

И потому птенец, выношенный мозговыми полушариями, не летает, не ходит, не ползает. Питаемый слухами, он только болезненно шебуршит в черепе, под лобовой, танковой прочности костью. И попискивает на два голоса: «а что я говорил тебе!» — когда репатриант удачно вписывается в новую жизнь. Или то же самое: «а что я говорил тебе!» — но с иной интонационной окраской, когда ему худо, а родственник либо приятель присылает из благословенной Америки эпистолярный гимн во славу своих материальных потребностей и фотку, на которой изображен рядом с шикарным «фордом» последней модификации.

Человек раздваивается. И в зависимости от того, как аукнется на нем последнее повышение цен на бензин, выкладывает своей честной компании очередное мнение об Израиле, порой противоположное вчерашнему. А через день, удачно сыграв на бирже, он возвращается на исходные позиции. Но будет день, и будет ночь, и послезавтра окажется выбитым в результате психической атаки базарного торговца, отстаивающего до последней капли крови, выпитой у репатрианта, названную цену на апельсины, бананы, манго, гранаты, птичье молоко.

— Ну и страна! — заверещит в мозгу птенец.

— Нет, этот балаган — не Америка! — перейдет он на второй голос.

И будет прав с точки зрения человека, ибо человек живет не собой, а восприятием упитанного, как мозговая опухоль, птенца.

— Что за жизнь, когда жизни нет!

А жизнь — штука древняя. Не сегодня придумана, не завтра превращается в сказку, в особенности, если только ради нее человек перевалил через границу, провезя в куче сомнений жемчужное зерно надежды.

Человек идет по жизни. Под ноги не смотрит — потому что счастье на дороге не валяется.

Человек смотрит вдаль.

Можно подумать, там он различит свое счастье.

Однако и там он ничего не различит, кроме горизонта.

«Горизонт отходит. Я за ним», — написал, будто напутствуя, Михаил Светлов.

Как часто мы поступаемся реальной жизнью ради эфемерного будущего.

Мы не умеем жить, чтобы жить. Жить изо дня в день, ежечасно. Радоваться солнцу, воздуху, удачной фразе. Все это для нас не жизнь.

Жизнь для нас начинается за новым поворотом.

Вот и кружимся, кружимся, не сознавая, куда идем по кругу.

Вспомним Асеева:

Был ведь свод небес голубой?
Бил ведь в скалы морской прибой?
Будь доволен своей судьбой —
Оставайся самим собой.

Быть самим собой?

Как нам быть самими собой, когда мы — рабы мимикрии — все еще советского образца?

Нас тянет извратиться-превратиться — каждый во что горазд. Лишь бы держать экзамен на аттестат зрелости перед другими, не перед самим собой.

Две тысячи лет мы держали экзамен перед другими.

В Израиле нет других.

Две тысячи лет мы плутали по лабиринту, всячески избегая ловушки.

И вдруг как бы сами себя загнали в ловушку — быть самими собой.

Уходить от себя — пожалуйста.

Основывать новую религию — это мы можем. Вот вам Иисус Христос и первые его последователи-апостолы.

Открывать Америки — всегда рады. Вот вам Колумб.

Ломать привычные догмы — будьте любезны. Вот вам Барух Спиноза.

Создавать революционные теории — со всей охотой. Вот вам Карл Маркс.

Все на благо прогресса, все на благо миру.

Уходить от себя...

А приходить к себе?

Разучились!

Быть самим собой — это видеть себя наяву. Своими глазами.

Мы настолько привыкли быть не целым, а частью, что и здесь, в Израиле, облачаемся в одеяния национальных меньшинств.

Но и этого мало. Дробимся дальше — на американцев, французов, марокканцев, русских. Русские еще — на грузин и бухарцев, а после этого на землячества — украинское, латвийское, аргентинское...

Достаточно? Нет, микромир — тот же беспредельный космос. И создаются сообщества — московское, питерское, рижское, минское, киевское...

Репатрианты превращают себя в эмигрантов. Настойчиво. Целенаправленно. Продуктивно.

Иначе еврею невозможно. Две тысячи лет он был эмигрантом. Как же ему уйти от застарелых привычек?

Пусть Израиль хоть сто раз назовет себя исторической родиной. Это ничего не меняет. Паспорт не превращает галутного еврея в израильтянина. Он только способствует переходу к самому себе.

Жизненный путь... Сами ли мы его выбираем? Не чаще ли он выбирает нас?

Легко воскликнуть: «Убей в себе эмигранта!» А легко ли убить, если над ухом назойливый гудеж из толков и пересудов?

— Вы знаете, Софа...

— Да. А что?

— Чтоб мне с места не сойти, Америка действительно страна неограниченных возможностей. Миша поехал туда...

— И не прогадал?

— Вы знаете...

— Да. А что?

— Он работает у Форда. Так и написал: «Я работаю у Форда».

— Кем? Если скажете: «главным инженером», я умру на месте.

— Не умирайте, Софа! Миша не написал, что главным инженером. Он написал, что работает...

— Хорошо, пусть не главным инженером. Но у Форда! А мой шлемазл как открыл магазин электротоваров, так и не выбился с ним до сих пор в люди.

Конкретный мир, в котором мы живем, никогда не может быть лучшим из миров. Хотя бы по той причине, что мы знаем его как облупленный. Этот — не лучший из миров — наш.

Уже потому он не достаточно совершенен.

Мир, лежащий за горизонтом наших познаний, всегда лучше.

Когда я жил в Риге, то видел воочию все минусы советской жизни.

Теперь, когда с 1978 года живу в Израиле, я вижу все минусы израильской жизни.

В свое время нас отучали видеть в увиденном — реальность. Предполагалось: реальность — лишь видимость, а розовые краски — подсветка или ретушь. Нас приучали к мысли, что правда не существует сама по себе, а живет только в обнимку с ложью, что позволяло не прислушиваться без доли скептицизма к чужому мнению.

На первых порах в Израиле, году в 1979-м, мне представлялись сомнительными заверения репатриантов, что они при общей своей неустроенности счастливы здесь.

Без квартиры? Без машины? На пособии по безработице? И счастливы?

Впрочем, и у меня была такая же ситуация, и я ни минуты не жалел, что уехал из брежневского Союза. Но я — это я. Я себе доверяю, а вот чужое мнение беру под сомнение: не подстраиваются ли люди под меня, под журналиста, который, так сказать, «пропишет» их в газете или «озвучит» по радио?

Получалось, я не понимал людей.

В Риге 1978 года, до отъезда, было наоборот.

Я понимал людей. Они не понимали меня.

Я понимал, почему они собираются в Соединенные Штаты.

Они не понимали, почему я еду в Израиль, ведущий бесконечную войну с арабским миром. Считали, что скрываю свои истинные намерения.

Юра Молокандилос, переводивший для нотариальной конторы мои документы на английский, так и сказал: «Не думаю, что ты едешь в Израиль. Зачем Израилю документы на английском?»

Мой приятель Сол — художник, сидящий со мной за одним столиком в кафе «Росток», готовился тоже к перемене мест. И намечал свидеться со мной в одном из баров Нью-Йорка.

— Но я ведь еду в другую сторону.

— Не темни. Если дан приказ тебе на запад, то все там будем, в городе Большого Яблока — the Big Apple.

Почему? Хотя бы по той причине, что в Израиле, по Солу, негде развернуться: вся страна — на пролет пули из снайперской винтовки. И кругом враги. А это страшно.

Вот оно — ключевое слово: «Страшно».

В Израиле жить страшно.

Страшно за себя. За детей. За будущее.

Одна война позади, другая впереди, и так будет всегда.

Страшно?

Страшно!

Но живем. И жить будем. Над нами Всевышний. А с нами творчество.

* * *

Первого июля 1998 года, 18 лет спустя после публикации очерка «Дерево моего сына» в русскоязычной газете Израиля «Наша страна», моего Рони призвали в армию. Он уходил на курс молодого бойца, интенсивный и очень тяжелый, в боевые части и — вспыхни очередная война — должен был оказаться на линии фронта, в боевых порядках царицы полей.

Я, солдат двух армий, советской и израильской, понимал, что должен что-то сделать, и не просто морально поддержать сына, но быть готовым, случись что-то, встать в строй вместо него.

Именно так — встать в строй вместо него.

Однако что я представлял из себя в 53 года? Отработанный, я бы сказал, материал. При росте 1 метр 63 сантиметра 70 килограммов веса, из них до десяти «социальные накопления» — приметный животик, вялые мышцы, одышка.

Режим я, понятно, не соблюдал. Мой ежедневно рацион — с десяток чашек кофе, три пачки сигарет, сто-двести граммов коньяка. Словом, я был по уши погружен во все прелести творческой жизни, не замечая, что превращаю себя в живой труп. Дальше так продолжаться не должно было, если мне предстоит снова встать в строй. И тогда я решил вернуться в бокс, чтобы возродить утраченную мощь организма.

Первого июля 1998 года я выпил последнюю рюмку коньяка и дал себе зарок, что больше не прикоснусь к бутылке до того момента, пока Рони не отслужит все три года и вернется домой невредимым. Затем я начал голодовку, которая продолжалась ровно месяц, до 1 августа. Все это время я не ел ничего, пил только кипяченую воду и в результате согнал 16 килограммов. Впоследствии бросил курить: хватит занавешивать легкие дымовой завесой, три раунда кулачного поединка — это не прогулка на свежем воздухе.

Теперь, обретя боевой вес легчайшей категории 54 килограмма, я мог смело приступать к тренировкам. И тут — надо же какое совпадение! — в торговом центре иерусалимского района Гило неожиданно встретил Гришу Люксембурга, моего старого друга, в прошлом известного боксера, а ныне тренера общества «Маккаби».

— Гриша! Я хочу вернуться в бокс.

В душе я волновался, полагая, что он ответит:

— В твои годы лучше сидеть с удочкой где-нибудь на бережку реки.

Но он сказал:

— Приходи. Через месяц у нас намечается первенство Иерусалима.

В результате, уйдя с ринга в 35, в том самом 1980 году, когда родился Рони, я вернулся сюда снова через 18 лет, сразу же после его призыва в ЦАХАЛ. Будто повестка, которая позвала моего сына в армию, одновременно с ним кинула и меня в бой, чтобы наступающее «старикачество» было унесено боксом.

АВТОР ЖУРНАЛА «ФЛОРИДА» — МИРОВОЙ РЕКОРДСМЕН!

Всем, кто читал в февральском номере «Флориды» очерк «Закон бокса», наверняка запомнился его герой, он же автор — Ефим Гаммер, мужественно преодолевший травмы и вновь вернувшийся на ринг.

Ефим Гаммер, известный иерусалимский русскоязычный писатель, журналист и художник, в прошлом — победитель первенств Латвии, Прибалтики и Израиля по боксу — установил небывалый мировой рекорд: в 25-й раз подряд стал чемпионом столицы Израиля. И это за день до своего 65-летия. Такого в истории бокса еще не было.

Произошло это 15 апреля 2010 года в Иерусалимском боксерском клубе братьев Люксембург «Маккаби». Здесь прошло открытое первенство города, посвященное памяти Сиднея Джаксона — американского еврея, ставшего после революции в России родоначальником бокса в Ташкенте и воспитавшего сотни именитых спортсменов, среди которых и братья Люксембург — Эли, Гриша и Яша.

В соревнованиях приняли участие около ста боксеров из разных городов Израиля — Иерусалима, Ашдота, Лода, Эйлата, Натании. Командную победу одержал иерусалимский боксерский клуб.

От имени всех читателей нашего журнала поздравляем вечно молодого писателя, художника и спортсмена Ефима Гаммера с юбилеем и замечательным спортивным достижением!

Александр Росин, редактор журнала «Флорида», США, 1 мая 2010 года.

После публикации этой заметки прошло три года, которые принесли мне четыре золотые медали. Настала осень 2013-го, а с ней и 15-летний юбилей моего возвращения на ринг, когда я впервые после огромного временного промежутка завоевал звание чемпиона Иерусалима среди боксеров обычного возраста не старше 34 лет.

Выиграю ли я и сегодня? Не будем загадывать. Ринг покажет.

А пока что, в предвкушении боя, я собираю вещи в спортивную сумку.

Укладываю перчатки, маску, бинты, пластмассовую коробочку с капой.

Выхожу во двор.

Сажусь за руль.

И с ветерком по Иерусалиму — туда, вперед, в Иерусалимский боксерский клуб братьев Люксембург «Маккаби», на манящий звон медного гонга, служащий мне надежным ориентиром в жизни.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

НЕ УХОДИ!

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 году. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. С 2007 г. публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова.

Катя таяла на глазах.

Вообще-то она казалась полненькой, только когда надевала слишком обтягивающую одежду. И когда шла впереди, было заметно, что фигура ее наделена округлостями несколько избыточно по сравнению с девушками, ее одногодками. Но недостатком это не считал. Обнимать ее было одно удовольствие. С ней было легко. Характер у нее был на редкость ровный и спокойный. Она много знала из литературы и музыки, охотно говорила о книгах и музыкантах.

Синим чулком не была. Любила вечеринки, охотно принимала приглашения посидеть в кафе. Умела целоваться так, как показывают в современных фильмах.

И вот что-то случилось.

Первой это заметила ее мама.

— У вас с Катей все в порядке? — как-то спросила она.

— Да, все в порядке,— пожал я плечами.— А, что?

Наверное, все мамы обеспокоены одной и той же мыслью, когда юная особа начинает интересоваться молодыми людьми и дружба с одним из них становится слишком продолжительной. Я часто бывал у них, Катя приходила к нам. Мы не таились. Да и скрывать было нечего.

Случилось так, что она увлеклась то ли йогой, то ли какими-то другими модными теперь упражнениями. Записалась в группу. Свидания стали откладываться, если совпадали с занятиями.

Меня это не напрягало, потому что на наши отношения, то есть увлеченность друг другом, это никак не влияло. Мы виделись часто. В группы «по интересам» ходят не только пенсионеры и пенсионерки. Бывают там и парни с девчонками. Нередко именно там завязываются «отношения». Но по Кате не было заметно, что у нее появился «интерес».

— Я похудела? — спросила Катя через месяц занятий в группе.

Стало быть, вот в чем дело.

Тоже объяснимо. По ящику и в интернете, каких только систем для похудения не втюривают населению. И модно и полезно.

— Есть немножко,— сказал, обнимая Катю.

— Не немножко, а пять кило.

А спустя еще пару месяцев стало десять кило.

Это и забеспокоило Наталью Петровну, Катину маму. «Сохнет» дочка. Может, что-то в наших отношениях разладилось, наверное, думала.

Да, фигура Кати заметно изменилась. Она сильно худела. Обнимать стало почти нечего.

— Что с Катей? Она не заболела? — спросил Наталью Петровну.

Она заплакала.

— Да, заболела. Болезнь что-то странная.

Всхлипывая и утирая платком слезы, она рассказала.

Дочь стала считать каждый грамм еды. Ничего мучного, сладкого. Взвешивается каждый день. Нашла в аптечке таблетки слабительного. Таблетки для подавления аппетита. На вопрос, зачем тебе это, отвечает раздраженно, ничего не объясняя. Часто слышу, как ее в туалете рвет. Думала, отравилась чем. Но часто и давно уже. Бегать стала. Упражнения дома какие-то делает.

— Беда, беда, Леня, что делать? — говорила Наталья Петровна плача.

— Надо обратиться к врачу. Может у нее...— но тут же осекся, не сказал страшного слова — «рак».

— Что ты, Леня. Говорила. Ни в какую. Никаких врачей не хочет.

— Я с ней поговорю.

Вспомнил, что в самом деле в кафе Катя ела мало, больше просила заказать что-нибудь попить. Перед тем, как уйти из кафе, бежала в туалет.

— Я толстая? — как-то спросила она после того, как мы побывали с ней на показе мод.

— Для меня в самый раз,— был мой ответ.

Значит, речь об «идее фикс» — похудеть любой ценой. Но теперь, кажется, она перебрала. На ум пришло сравнение циркуль. Ходячий «циркуль». Она не стеснялась своей худобы, которая могла бы испугать при неожиданном взгляде на нее. На пляже она спокойно расхаживала между загорающими. Стала любить наряжаться. Что-то детское появилось в ее поведении.

— Зачем тебе это?

— Ты о чем? — раздраженно сказала она.

— Так сильно худеть?

— Ты ничего не понимаешь. Быть толстой сейчас неприлично. Это все равно, что быть неопрятной.

— Смотри, уморишь себя.

Как странно сейчас вспоминать эти слова.

* * *

Катю положили в больницу. Ее обследовали, но какой-либо болезни в теле не нашли.

Дело дошло до психиатра. Перевели в психиатрическую.

По коридорам ходили странные люди. В серых халатах. Неопрятные. Улыбались невеселой улыбкой. Разговаривали сами с собой. Смотрели на тебя странными глазами. Молодая девушка, тщательно накрашенная и причесанная, подошла ко мне и заигрывающе улыбаясь, сказала:

— Ты ко мне пришел, красавчик? — и потянула меня за рукав.

Катя никак не реагировала на пристающую ко мне больную.

— Я не могу здесь. Заберите меня отсюда.

Катя тоже в сером халате, подпоясанным по талии. В этом халате она не казалась

худой, но подпоясанная талия была тонкой. Странно было вдеть ее не причесанной, как обычно, тщательно. Лицо было бледное, без макияжа. Глаза запали, грустные.

— Как ты, Котик? — спросил как можно ласковее.

— Я не могу здесь быть. Возьмите меня отсюда, или я убегу.

Мы присели. Я взял ее руку себе на колени. Она была холодная и сухая. Ее рука не стала теплее от моей руки.

— Как лечение? Тебе лучше?

— Это варвары. Кормят насильно. Если отказываюсь, засовывают в рот резиновую трубку и вливают еду. Противно. И чего-то колют, колют.

Голос срывался на крик, почти беззвучный, как когда долго не пьешь или долго не говоришь.

— А еще привязывают на кушетке и чего-то вводят в вену. Я не могу здесь. Заберите меня.

— Мама приходит?

— Да. А толку? Не хочет меня забрать.

— Аппетит есть?

— Ты что, насмехаешься!

Катю было не узнать. Характер изменился еще до больницы. Ее нельзя было соблазнить предложением пойти в кино ил посидеть в кафе, если на это время приходилось занятие в группе. Воля была железная.

Лечащий врач, сухая высокая женщина, прежде чем ответить на мои вопросы, задала свой.

— Вы ей кто будете?

— Жених.

— Жених, значит.

После небольшой паузы, как бы взвешивая слова.

— Ищите другую,— и, увидев мое несдержанное протестующее движение,— выздоравливают они редко. Здоровье подрывают на всю жизнь. Мать будет никакая.

В каждое мое посещение картина не менялась. Все такая же, с серым осунувшимся лицом. Те же просьбы, забрать из больницы. Те же жалобы на варварское лечение.

Цветы, белые астры, вызвали у нее слабую улыбку впервые за две недели. Но только один раз. Она была живая, но как мертвая.

Только однажды ее врач сказала ободряюще — «прибавила кило».

Но эффект был кратким.

— Опять съехала на 20 килограмм,— раздраженно сказала она.— Знаете что, забирайте ее домой. Пишут, что лечение на дому дает лучший эффект, чем в стационаре. Будьте к ней внимательнее. Не заставляйте есть, а ешьте сами в ее присутствии. В доме чтоб не было слабительных средств. Уберите из аптечки, если есть, мочегонные средства. Следите, чтобы не вырывала после еды.

Еще много чего советовала пожилая сухопарая женщина.

Слушал ее, а сам думал о том, что нас ждет.

— Это лечится?

— Лечится, но излечивается не всегда.

— У нас есть надежда?

— Надежда должна быть всегда. Боритесь за нее. Многое зависит от семьи.

* * *

Нести Катю к машине было легко. Ощущение, что несу ребенка. Глова запрокинулась, волосы, ставшие редкими и сухими, свешивались с моей руки. Наталья Петровна шла рядом и тихо плакала.

В машине Катя уснула. На ее лицо с закрытым глазами смотреть было страшно. Казалось, она не проснется.

Дома уложили в приготовленную чистую постель. Положили грелку к ногам и укрыли еще одним одеялом. Ей было холодно.

Потянулись дни ожидания хоть какого-нибудь, хоть маленького успеха.

Каждый раз Наталья Петровна говорила мне, что Катя ест. Понемногу, несколько столовых ложек, но ест. Как-то при мне тоже поела блюдечко каши и половинку вареного яйца. Когда уходил, услышал, как в туалете ее рвет.

— Ты меня еще любишь? — спрашивала она. К моему приходу надевала что-нибудь яркое, но просторное. Халат в больших красных цветах с широкими короткими рукавами, в которых ее руки казались неестественно тонкими. Чаще Катя лежала. Но иногда заставал ее за упражнениями.

— Почему бы нам не сходить в кино,— предложила она как-то.

Признаться, мне показалось неловко, появиться на людях с девушкой ... не могу подобрать слово, как сказать, но что на нее обратят недоуменное внимание, было наверняка.

Туда и обратно брали такси. Перед сеансом в фойе было тесно, никто друг друга не разглядывал. Так же тесно было на выходе и после сеанса.

Катя очень устала. Из такси пришлось взять ее на руки и внести в квартиру.

На другой день у нее поднялась температура. Она тяжело и часто дышала.

Видимо, внешний вид Кати произвел на врача впечатление.

— Онкология? — спросила она и стала выслушивать Катину грудь и спину.— Фонендоскоп толком не поставишь, одни ребра,— тихо ворчала докторица.

— Пневмония,— закончив осмотр, сказала она, поднимаясь со стула.— В больницу теперь таких не берут. Лечат на дому. Будет приходить медсестра, делать инъекции. Купите кислородную подушку.

Состояние Кати ухудшалось быстро. Конечно, организм ее был ослаблен голоданием. Сил бороться не было, это было понятно без и объяснений врача.

И все-таки мы с Натальей Петровной еще надеялись, что Катя выздоровеет. Но она прожила только три дня после посещения кинотеатра.

В тот день она умерла у меня на руках. Наталья Петровна вышла в магазин.

Глаза были закрыты. Она еще дышала. Но все реже. Я держал ее руку и считал пульс. 50. 45. 40. 20. Она открыла глаза и посмотрела на меня. В них была тоска.

— Котик, не уходи,— прошептал я.

Пульс перестал определяться.

Не знаю, услышала ли она эти слова.

* * *

На девять дней я пришел к Наталье Петровне. Она была одна. Мы помянули Катю.

— Вот, возьми. Это тетрадь с записями Катеньки.

Тоненькая тетрадь, белые листы которой исписаны мелким четким почерком.

«Что со мной происходит, я не знаю. Все тревожит меня. Боюсь, что Леня разлюбит меня. Он красивый, веселый, остроумный. На него заглядываются девчонки. Я толстая и неуклюжая. Говорят, чтобы узнать, какая девушка будет с годами, надо посмотреть на ее маму. Если она тонкая, то и ты будешь тонкой. А если толстая, ты и ты будешь толстая. Я буду толстая.

———

Леня сказал — я люблю полненьких. Это когда я спросила его — я толстая? Просто не хочет меня обидеть.

Если он меня бросит, я умру. Как Виолетта. Или как Мими. Мими была худая, а Рудольф все равно ее бросил.

——

Я похудела на пять кило. Но совсем это не чувствую, и не вижу. Немножко кружится голова, есть хочется, но я добьюсь своего. Он пока этого не замечает. Значит, мало.

——

Йога интересное дело. Когда сидишь в позе, есть совсем не хочется. Надо заниматься два раза в неделю.

——

Странное дело, я почти не испытываю чувство голода. Есть почти не хочется. Хочется, но бывает достаточно кусочка хлеба, стакана воды. Пить всегда хочется, но от этого полнеют. Атлеты, чтобы сбросить вес перед соревнованиями, всегда принимают мочегонные или парятся в бане. Значит, помогает.

——

На пляже на меня пялятся. Идиоты. Противно смотреть на бегемотские туши, у которых из купальников вываливаются части тела.

——

Мама беспокоится. Думает, что у нас с Леней разлад. Кажется, нет. Он меня любит, только говорит, что не за что подержаться. Шутит, наверное. Привыкнет, если любит.

——

Что-то стало с моей головой. Страшные сны снятся. Чаще темнота, глубокая, пугающая, в которую погружаюсь и погружаюсь... Часто слышу музыку, тоже страшную. Сплошные диссонансы, визги, скрежет. Погружаюсь все глубже. Стараюсь ухватиться за края, чтобы выбраться, но руки не достают края или соскальзывают с него. Я лечу вниз и просыпаюсь, во всем теле слабость, как после тяжелой работы, и пот. Все тело мокрое. Или снится, что кто-то зовет меня к себе. А у меня нет сил отказать. Иду, как за волшебной флейтой.

Что это?

——

Наконец-то меня забрали из психушки. Как они вообще до этого додумались!

——

В теле невероятная легкость. Движения даются без усилия. Но йогу пришлось оставить. Просили немного поправиться.

——

Мне стало неинтересно ходить на вечерники. Правда, там еду не предлагают. Все больше напитки. Возбуждающие, но у меня нет сил. Леня остается со мной. Молодец. Подруги меня тоже не интересуют. У нас разные интересы. Они о том, где и с кем были.

——

Оформила академический отпуск. По состоянию здоровья. Врач безо всякого дала справку.

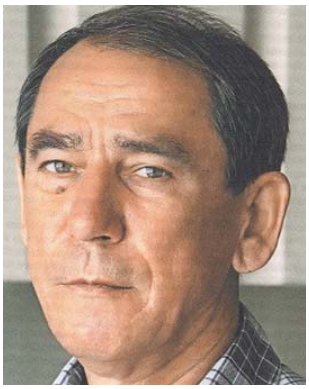
——

— Захотелось пойти в кино. Боялась, что Леня откажется, постесняется. Молодец. Не отказался. Была Одри Хепберн. Какая фигура!

——

У меня нет больше сил жить».

Я закрыл тетрадь. Ты все-таки ушла.



Шакир а-Мил
(г. Сатпаев, Карагандинская область, Казахстан)

СМЕРТЬ ПОЧТАРКИ (1947 г.)

(Псевдоним, настоящая фамилия Садыков Шамил Бурганович) уроженец деревни Молвино (Татарстан, Россия)

Горняк, писатель и публицист. Пишет в основном малую прозу. Основная тема — антимилитаризм. Автор двух книг: «Жили-были…», «Фотограф Изя и другие…».

Публикации в Казахстане, России, на Украине, в Азербайджане, Канаде, в журналах «Простор» (Алма-Ата), «Нива» (Астана), «Москва», «Молодая гвардия», «Юность», «День и ночь», «Идель» и других альманахах и сборниках современной прозы.

Отмечен на конкурсах: «Золотое Перо Руси» — 2007 г. (Серебряное Перо в военно-патриотической номинации), «Ковдория» — 2011, 2013 и 2014 гг., «Русская премия» 2009 г. (Лонг-лист), «Литературные мосты» — 2010 г., Республиканский конкурс очерков в номинации «Нравственный выбор» — 2010 г., Каверинский литературный конкурс — 2012 г. (Лонг-лист), Второй открытый конкурс им. Короленко — 2014 г. (Шорт-лист), Национальная литературная премия «Алтын калам» — 2014 г., Всероссийский литературный конкурс «Граница» — 2015 г., Всероссийский литературный конкурс «Герои Великой Победы» — 2015 г.

Всем жертвам ВОВ посвящается…

1

Дым из трубы дома правления председатель колхоза «Искра» Семен Прохоров увидел издалека и прибавил шагу. Под утро было холодно и безветренно. Снег, как плохая половица, скрипел под ногами и отдавался эхом в соседних улицах и, казалось, там тоже кто-то идет навстречу. Но никого не было, и только собаки беззлобно лаяли вслед, так, ради порядка, и казалось Семену, встречали его, как председателя.

Дом правления, на зависть другим председателям района, в колхозе был большой и основательный. Достался он колхозу еще в годы коллективизации, когда районное начальство потребовало от колхозного руководства в угоду партийной линии итогов раскулачивания. Тогдашний председатель (до Семена) Макар Иванович Пряхин отписался, мол, погорельцы, едва отстроились. Да и где кулаков искать в тысячелетнем селе, когда родня на родне? Только району в те времена, видимо, тоже приходилось не сладко. И написали они Макару Ивановичу прямо: не найдешь Пряхин у себя кулака, так приедем и сами с десяток добудем. Делать нечего, пошел тогда мудрый Макар Иванович к Петру Селину, к единственному пришлому человеку в селе, подрабатывающему отстраивая дома погорельцам, оженившегося здесь и решившего остаться в колхозе, построив между делом самый большой и крепкий дом.

Долго, полночь за полночь говорили Макар и Петр, и выходило так, по Макара словам, что больше некого раскулачивать на селе кроме Петра. И слукавил тогда Макар, дескать, уже имеется такое мнение у правления колхоза. Так поутру и решили, что продаст Петр, что сможет, а остальное отойдет колхозу. Вот так дом Петра стал колхозным. А самого-то Петра выслали с семьей в Сибирь, и кое время спустя, в весточке, передавал он поклон селу, и особливо помянул, что не держит зла на Макара и на сельчан. Да один Макар знал, каков на нем грех...

Да, чудной был председатель Пряхин Макар. На удивление для тех времен — беспартийный, характером крут, как он уживался с начальством непонятно. На всю округу только в его деревне сохранилась не только церковь, но и самый что ни есть настоящий поп, до настоящего времени еще не старый.

В году, сорок третьем, припылил в колхоз «воронок» и наскоро прихватив с правления Макара, покатил к церквушке. Вся деревенька прильнула тогда к заборам, увидеть на прощание отца Варфоломея, да и жена его с малыми детьми металась недалече, наблюдая, как люди с машины, Макар и Варфоломей долго говорили о чем-то, прохаживаясь у церковной ограды. Так «воронок» и уехал, оставив председателя и попа одних у церковной ограды.

А наутро Макар отменил все работы. Послал две бригады к отцу Варфоломею, навести порядок у церкви, а прочему народу приказал к десяти часам всем прибыть на службу в церковь, одев, что ни есть самое нарядное и добротное.

В десять отец Варфоломей начал службу. Ближе к одиннадцати в деревню прикатили несколько машин, из которых вывалили районное и другое начальство, а еще, как потом выяснилось, несколько корреспондентов «не наших» газет.

Корреспондентов этих, поразило, что в колхозе есть церковь и на службе, казалось бы, в самое, что ни есть рабочее время, находится практически все село. Да что там корреспонденты, у председателя райкома волосы дыбом стали, когда впереди всей толпы молящихся людей, он увидел с орденом на груди, старательно крестившегося, и главное правильно, самого Макара. И, как назло, кто-то успел шепнуть корреспондентам, что это сам председатель колхоза. Они не мешкая, не церемонясь, придвинули отца Варфоломея к Макару да так и сфотографировали. Начальство обливалась потом в страхе, чем же это закончится. Однако все было хорошо. Говорят, кто-то из совсем уж большого начальства видел это фото Варфоломея с Макаром в каком-то там «тайме», но у всех через пару месяцев отлегло на сердце, что никаких нареканий сверху не поступило.

А еще через год в колхоз приезжал сам председатель райкома и, взяв самое честное слово от Макара и Варфоломея, только при них окрестил своего внука отбывающего на фронт.

Вот таким был председателем Макар Пряхин, год назад, самолично уступившего место свое Семену и как-то сразу стал постаревшим, молчаливым, ни во что не вмешивающимся стариком.

И молодой Семен с друзьями фронтовиками, сменившие старого Макара и бабье с постов бригадиров, продолжали дальше чинить путь к светлому будущему в масштабе колхоза «Искра».

2

У крыльца правления, из глубины собачьей конуры, сверкнули глаза самого ленивого пса села — Гитлера, неизвестно кем так прозванного еще до войны. Избалованный и откормленный Гитлер всех знал и ни на кого не лаял. А свою собачью верность и службу он с лихвой показывал и вымещал на всякого рода районных работ-

никах, узнававших о существовании Гитлера в последнюю минуту, когда он верный своей тактики, выскакивал из под крыльца и успевал отхватить на худой конец кусок штанины. О Гитлере знали даже в области. Как- то на партийной конференции секретарь обкома спросил докладчика из района: «Что-то я не вижу в зале вашего фининспектора?» Тот, копавшийся в это время на трибуне, как раз таки в бумагах этого фининспектора, ответил небрежно: «Да его Гитлер покусал». И когда через пару секунд, он понял, почему в зале вдруг наступила гробовая тишина, запинаясь и заикаясь, пояснил кто такой «Гитлер», зал буквально покатился от смеха.

Подбросив своему, как он называл Гитлера, «члену правления», заранее припасенный мосол, Семен распахнул дверь избы. Из избы вывалились клубы тепла и нестерпимого запаха крепкого табака. Прикрыв дверь и пообвыкнув к свету, Семен увидел у круглой, до потолка обитой железом печи бригадира механизаторов Степана Кузнецова и конюха Фомина дядю Гришу, которого он просил прийти пораньше, чтобы сразу после утреннего наряда уехать по делам в район.

Поприветствовав, Семен скинул тулуп и, смахнув невидимую пыль с орденов на груди, обратился к однорукому дяди Грише, потерявшего руку еще по молодости, в гражданскую, но всегда утверждавшего, что он и одной рукой и «с конем и с бабой управится»:

— Ну и табак у тебя дядь Гриш! Если бы твой табак на вооружении нашей армии поставили, мы бы фрицев на два года вперед одолели.

— А экономия, какая! — отозвался на шутку Степан.— Я вот обнюхался, так цельный день можно не курить.

Посмеялись они. Хороший парень Степан. И воевал он хорошо. У него-то орденов, считай, всего как у всех фронтовиков колхоза вместе взятых. Герой, прямо сказать. Да вот незадача недавно с ним вышла.

Дело в том, что, как во всякой многовековой деревне, на все ее селение ходило с десяток фамилий, да и если считать что и именами оно было не богато — Иваны да Степаны, то и вовсе путаницы было много. А потому, чтобы было легче, все семьи имели свои прозвища, передававшиеся из рода в род. Так, например, один из прадедов Макара Пряхина был краснолиц и потому, и пристало к его роду прозвище Свекла. Так и говорили, чтобы с другими Пряхиными не путать — Макар Свекла. Дядя Гриша был от роду — Гриша Чудной. Прапрадед его, Егор, отличался тем, что со всеми, с кем говорил, всегда обращался на «вы», будь то, старше его или млад.

Не повезло вот только с этим Степану. Прадед его, Иван, был известен тем, что на забаву себе и односельчанам мог по собственному желанию издавать сколько угодно зловоний. Оттого и осталось за этими Кузнецовыми в роду прозвище П-н. Так о них и говорили Иван П-н, Мария П-н, вот.

А что? Были прозвища еще покрепче. И ничего, жили. Только вот недавно, ко дню Красной Армии, приехали в колхоз представитель района и молодая девушка. Она, столичная журналистка, попросила в районе предоставить ей героя-фронтовика для статьи к празднику, и там решили, что лучше, чем Степан, кандидатуры нет. Гости приехали поздно, в правление никого не было, все разошлись по рабочим местам. А поскольку нужно было еще сегодня и вернуться, они пошли сами искать Кузнецова. Их отсылали то сюда, то туда — мало ли где бригадир механизаторов бывает, пока не попался им навстречу шустрый такой паренек. С минут пять он уяснял, какой такой Кузнецов, и какой такой Степан и, наконец, когда понял о ком идет речь, радостно закричал:

— Да вон же он идет, Степан-то! Эй, П-н! Ходь сюда, тебя ищут!

Надо ли говорить, как осерчал тогда Степан. Назавтра, на планерке, он в горячке потребовал, чтобы его перестали называть таким позорным именем, поскольку для

него, героя войны, это обидно слышать. Все тогда промолчали, и только дед Савелий, единственный, кто остался из старого управления сказал:

— Уж не знаю, что тебе сказать Степан. Прадеда твоего не видел, слышал, будто сердешный был человек. Деда, одноименца твоего, помню, до смерти веселый был человек, да и отваги в нем было немало, считай у него одного на деревню два георгиевских было еще за царскую войну. С батяней твоим две войны прошел, и никогда он в трусах не числился и врага не спиной встречал. Все они, земля им пухом, позора не имели, да славно пожили. Только от прозвища своего они не отказывались. Уж не знаю, каков ты герой Степан, только ты на меня не серчай. Конечно, мы правление, поймем тебя и поможем, а вот с народом мы это решить не сможем. Не поймет тебя народ Степан, засмеет. Да у нас и в народе тепереча, каждый второй — герой.

Семен помнит, как замкнулся тогда Степан. Было видно, жалел он, что слово такое тогда сказал.

Хотел, было как-нибудь и поговорить с ним про то. Да Степан, молодец, сам душой отошел, вот и шутить-то не забыл. Верное слово, сказал тогда Савелий.

Тут двери распахнулись, вошли еще двое, а с полчаса спустя все были в сборе, и началась колхозная планерка...

3

Ехать в район рано не получилось. Хоть и зима, а дел хватало. А то, как же? Надо было удержать передовое красное знамя по району, не позориться. А тут вот и ЧП. Старик Тихон, сторож на ферме, проспал ночью, как корова отелилась, а теленок погиб без помощи. Сидит вот теперь, божится, что не спал, да видно — врет ведь, старый! Попугав его «вредительством» Семен указал поменять его местами со сторожем овчарни, что на другом конце села. Тут кто-то сказал, что нельзя. «Почему?» — вскинулся Семен. Оказывается, у овчарни заметили следы волков. С каждым днем они все ближе и ближе. Всем управлением, благо рядом, сбегали к овчарне. Да, следы волчьи. Надо бы карабин с патронами выдать сторожу. Тут старик Тихон оживился: я, мол, стрелок отменный, ручаюсь, всю стаю положу.

— Ты бы старый шел бы к своим коровам хвосты крутить! Ишь, чего надумал, ружье ему подавай,— осадил его Семен.— Еще подстрелишь кого сослепу!

Тихон аж прослезился от неожиданной амнистии, задком-задком и айда до своей старухи. Вернулись в правление посвежевшие и уж хором похулив дяди Гриши табачок, продолжали разнарядку.

Посреди этого действия ввалилась в избу скотница Марфа — видно, что спешила, видно, что по делу. Как вошла, так и присела на лавку у двери отдышаться.

— Тебе чего, Марфа? — спросил Семен, понимая, что по простому делу в это время к нему не зайдут.

— Так ведь эта,— сказала, взмахнув рукой, Марфа,— Варька-то вот померла.

— Да говори ты толком, Марфа. Какая Варька?

— Да почтарка Варька,— всхлипнула тут Марфа, а потом и вовсе разрыдалась.

Почтальонку Варвару Семен особо не знал, она появилась на почте, после того как он, еще до финской, в армию ушел. Слышать как-то слышал, а знать не знал.

— Будет плакать, Марфа,— сказал строго Семен.— Понятно горе. От нас что надо то?

— Да жалко-то девчонку,— двумя руками утирая слезы, сказала Марфа.— Да помочь надо. Одна ведь она с матерью жила.

— Надо помочь, поможем. Вот Степан Кузнецов и Егор Башев, узнаете все и сделаете что надо. Понятно, Марфа?

Марфа без лишних слов поднялась и скрылась за дверью.

— Ну, баба,— вздохнул ей вслед Семен.— Тут дел невпроворот, а она такой шум подняла.

Все усмехнулись, и только дядя Гриша, так почудилось Семену, с укоризной взглянул в его сторону. Наконец, вскоре все дела были порешены, и поручены, и Семен с удовольствием вышел из дома, у которого уже стояли, запряженные сани и рядом с ними возился дядя Гриша.

— Ну что, батя? Заправил свою технику?! — окликнул конюха Семен.

Тот ничего не ответил и, поправив соломку, уселся на свое место.

— Обиделся, значит,— догадался Семен.— Да я ведь шутейно. Понимаю, что горе.

Дядя Гриша и тут смолчал, цокнул на коня, шевельнув для порядка вожжами, и сани тронулись, то ли скрипя, то ли снег скрипел под ними. И еще не кончились колхозные владения, как уснул, зарывшись в солому Семен, досматривать недосмотренные все утренние сны своей нелегкой председательской жизни.

4

Возвращались, уж вечерело. По дороге подобрали двух женщин обменявших что-то на рыбу пряного посола у пленных немцев, строивших неподалеку от села железную дорогу. Семен эту рыбу как-то пробовал.

«Откуда у немцев такая вкусная рыба? — думал он.— Тут вот самим жрать нечего. Тоже мне политика! А бабам надо сказать, чтобы не ходили пока туда, вишь, как поздно возвращаются, опять же волки нападут, не дай бог».

Но, поразмыслив немного, решил, что не стоит говорить, все равно не послушают.

В небе светились с десяток звезд, как впереди показалось село. Лошадка, почуяв дома, пошла веселее, а бабы замолкли, как бы соображая, какие земные дела они сегодня еще не сотворили.

И совсем уж на въезде, дядя Гриша, не оборачиваясь, вдруг сказал:

— А что, Семен, заедем к Варьке в дом, пособолезнуем?

— Конечно, батя, давай завернем,— легко согласился Семен, обрадовавшись тому, что можно сгладить перед дядей Гришей свою утреннюю оплошность.

Подъехали. У дома несколько женщин и подростки чистили снег, остальные стояли поодаль, ожидая очереди. Поздоровались, прошли в дом.

В избе к ним подвинули мать Варвары, сухонькую женщину в черном — пособолезновали ей. Она не плакала и только сказала:

— Пройдите.

Дядя Гриша присел на предложенное место, Семен же придержал рукой на месте бабульку, пытавшуюся уступить место и ему, оглянулся вокруг. Из народа были все женщины в черном, еще старики, а из молодежи все больше девки — тоже в черном. Из мужиков, заметил, также фронтовика, Пряхина Фрола Немого. Тот, сидел здесь по-соседски, заметив взгляд председателя, кивнул ему головой.

В избе было полутемно, лампа на потолке прикрыта газетой, вокруг все свечи. Покойная лежала среди комнаты, безучастная ко всему. Взглянув на нее, Семен подумал: «Эка Марфа дура, мол, девку жалко. Да ей, поди, уж за сорок было». Что-то не нравилось здесь Семену. Уж больно народу много. Вот недавно Игната Степанова схоронили, фронтовика, так народу было куда меньше.

«Тут что-то не то,— подумал Семен.— Ты глянь, и бабы все в черном. Уж не секта ли завелась у нас на селе? На последней конференции секретарь особо отмечал, подняли сектанты голову, пользуются тем, что народ такую погибель и трудности пережил. Вон бабка в углу все какую то книгу читает. Потерял ты бдительность Семен. Надо бы в книжку эту заглянуть да дядю Гришу расспросить, что за сборище то?»

Тут в избу вошел Егор Башев, он из Сохатых по роду, а значит сродственник Варькин. Прослышал видать, что председатель тут, да зашел отчитаться. Верно, вон глазами ищет. Семен пошел к нему, другим кругом и по пути заглянул в бабкину книгу. Ничего особенного в книге той не было. У Семена бабки такая же была. Она все ее прятала, а потом сняла с нее обложку, приладила ее под обложку стихов Пушкина и хранила среди Семена учебников. И когда ему, конечно по делу, от бабки доставалось, он все грозился рассказать в школе, как она книгу пролетарского поэта испортила. Бабка испугано крестилась и многое тогда Семену прощала. Бабки уж нет, а книга так у Семена в память о ней осталась. Семен как- то показал ее отцу Варфоломею, тот сказал, что это Псалтырь, поцеловал и благословил ее да прибавил, чтобы Семен хранил ее вечно, и тогда дом его не оставит бог, да и делам колхозным будет в помощь.

Егор тихо сказал, что все готово и прошел вглубь. Семен и дядя Гриша, согласно обычаю, не прощаясь, вышли из избы.

В пути, придвинувшись ближе, он спросил дядю Гришу:

— А что, дядя Гриша, народу у Варьки так много?

— Ты это, верно заметил, председатель. И вправду народу много. Так ведь чует народ вину свою.

— Да ты не чуди, старик! Какая такая может быть вина?

— Э, да ты ничего не знаешь Семен,— сказал дядя Гриша, развернувшись и бросив поводья, дорога-то одна, и продолжил.— Понятно дело, не было тебя с нами. Варвара-то наша жила одна с матерью, если помнишь, отец ее потоп еще в тридцатых, ты тогда мальчонкой был. Почтаршей она стала через год, как ты в армию ушел, когда старая почтарка Мария ногами слаба стала. Ты бы Варвару видел Семен тогда. И собою хороша, и голосок у нее был, словно пташки щебечут. А тут война, будь она не ладно! А что в войну-то? Каждый весточку-то ждет. А вести-то с войны, сам знаешь, все больше были какие. Вон на тебя и то похоронку успели прислать, пока ты в окружении был. А каково Варьке-то было? Все на нее смотрели, вестей ждали. А которые вестей плохих дождались, так лучше бы на нее не смотрели. И сколько просилась она заменить ее, так никто не соглашался на это место. Не узнать стало Варю, и голоса-то ее уже никто не помнил. Куда-то ушла краса, и глаза померкли. А всем недосуг. У каждого свое. Вот о старике Акиме слух шел по селу, мол, по ночам к снохе своей заглядывает. А он, бедолага, каждую ночь вокруг дома обходил и слушал, не плачут ли его четверо внуков от голоду. Да так и помер от недоедания. Да то старик, а Варька-то за двадцать только перевалило.

— А ну, двадцать!? — изумился Семен.

— А как ты думал, сынок. Если ты там, на фронте своего хлебанул, так мы за тобой не отсиживались. Мы тут с бабьем такого наворотили, вам молодым еще поднапрячься надо. Это они сейчас бабы бабами стали, вас, видя, сердцем отошли, а в войну хуже всякой скотины жили. А у Варьки-то сердца не хватило, уж горе каждого она перевидала и пережила.

Замолчал дядя Гриша и Семен больше ничего не спросил. А в тишине то ли снег скрипел, то ли сани скрипели. Да звезд стало полный небосвод.

5

К часу похорон, так Семен с утра сказал, все были в правлении. Оттуда направились к дому покойной. Подъезжать к такому дому было не принято, пошли пешком. Все шли за Семеном весело и шумно, обсуждая по пути дела да воскресное кино в клубе. Было на удивление по-весеннему тепло и, казалось, вот-вот начнет таять. Все

они молодые, тулупы нараспашку и старик Савелий едва успевал за ними. Свернув к дому, вдруг стихли. Улица была полна народа. Семен оглянулся, все спешно оправились, подтянулись, и только тогда шагнул вперед. Народ расступился, пропустил их к дому и другая молодежь, бывшая здесь, невольно подтянулась к ним. А вскоре вынесли Варвару и поставили у дома перед всеми. Вышел отец Варфоломей в легкой сутане, крестясь и молясь. Мать Варвары стояла рядом и бесслезно прощалась с дитем своим. Как все стихло, подошел к гробу Макар Пряхин, взглянул он на Варвару и сказал:

— Вот, люди, нету нашей Варвары-то. Ты уж прости, доченька, души наши. А уж особо меня прости, старого.

И упал вдруг старый Макар перед гробом на колени, лишь рукою успел упереться в него. Бросились к нему Варфоломей и Егор Сохатый, подняли и увели в сторону. Люди зашевелились вокруг, надо было начинать. Мать, подняла глаза свои, больные от горя, словно искала защиты. Несколько женщин увели и ее. Кто-то шепнул Семену, что надо бы Варвару немного пронести от дома.

— Конечно,— сказал Семен и в пример другим, скинул тулуп в сани для подвоза и первым встал у гроба, смахнув с орденов неведомо что.

Другие последовали его примеру, и молодые и красивые понесли свою сверстницу в ее последний, земной путь. И тихий перезвон медалей на их груди, словно колокольный звон, служил на прощание ей...

Сергей Петров
(г. Москва)

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

По образованию юрист. Литературным творчеством занимается с 2011 года.

Публиковался в журналах: «Юность», «Невский альманах», «Аврора», «Наша молодежь», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Север», «Кольцо А», «Южная Звезда», «Сибирские огни», «Рать», «ТОПОС», «Воин России», «Пограничник» и других.

Собраны последние стебли травы на могиле, и дед Тимофей, покряхтывая, устало присел на скамейку. Мать с улыбкой смотрела на него с фотографии.

«В следующий раз надо будет крест покрасить,— подумал он и снова посмотрел на изображение.— Какая-то улыбка виноватая. Раньше не замечал. Словно прощения просит, что рано ушла. Бедная моя мама. Пусть земля тебе будет пухом».

Неожиданный кашель прервал мысли. Дед привстал и огляделся. Неподалеку темнела спина человека. «Дай подойду. Может, знакомый? Поговорить охота»,— пронеслись мысли.

— Здорово, мил человек,— поздоровался он, подходя к одиноко стоящему у ограды плотному, коренастому человеку.

Незнакомец обернулся. Обветренное, с красными прожилками лицо, с космами нечесаных волос и обжигающим исподлобья взглядом настороженных синих глаз, которые, осмотрев нежданного гостя, седого сгорбленного старичка с клюшкой, успокоено замерли.

— Если побеспокоил, уйду. Я думал, может, знакомый какой,— оправдываясь, тихо выговорил Тимофей и уже повернулся.

— Подожди, отец,— раздался глухой голос с просительными нотками.

— У меня пол-литра есть. Один пить не могу. Поддержишь?

Старик просиял и важно заявил:

— Чего ж не поддержать-то? Правда, пью сейчас дюже редко и, как птичка, с наперсток, но здоровье позволяет.

У деда было в узелке несколько яблок, у мужчины буханка хлеба и нарезанная колбаса. Выпили молча.

— Родственник? — спросил Тимофей, кивнув в сторону могилы.

Незнакомец не ответил, глядя в землю. Старик подошел к ограде, на кресте была фотография пожилого мужчины.

— Не знавал твоего родственника,— словно оправдываясь, сказал он.

Мужчина хотел что-то ответить, но, глотнув воздуха, залился долгим, сухим, судорожным кашлем, обдавшим запахом перегара и табака.

Дед привстал и даже приподнял руку, желая похлопать по спине мужчину, но встретив настороженный взгляд, снова присел и терпеливо стал дожидаться.

— Видать, сильно простыл? — пытливо спросил Тимофей, хотя лицо выражало полное безразличие.

Незнакомец не ответил и снова разлил в пластиковые стаканы водку.

— Мне чуток,— спохватился дед и суетливо смастерил бутерброды.

«Не хочет видать говорить, вспоминает усопшего. А я со своими разговорами лезу,— размышлял дед.— Ладно, немного посижу и пойду».

— Могила – это вздох земли о человеке,— растягивая слова, пропел на прощание он и встал, собираясь уходить.

— Это я его убил,— неожиданно выдавил незнакомец.

Старик с пониманием ответил:

— Мы всегда виним себя в смерти родных и близких. Не доглядели, не долюбили. Но каждому свой срок выдан. Так что не кори себя.

Собеседник посмотрел мутным взором и процедил:

— И вправду убил, за что отсидел пять лет. Дали семь. Вышел по удо.

Тимофей от неожиданности замер, ноги стали ватными, руки нервно задрожали и невольно выговорил:

— Дел-а-а. А что значит удо?

— Условно досрочное освобождение, за доблестный труд,— мужчина криво усмехнулся.

Сначала старик хотел уйти, быстро и не оборачиваясь. Между тем незнакомец плеснул себе еще водки и замер.

— Случайно получилось? — осторожно, с надеждой в голосе спросил дед.

— Не случайно,— ответил собеседник и, с чавканьем жуя бутерброд, продолжил.— Я тогда только приехал сюда жить. От матери квартира досталась. Деньжата с собой имелись, на севере наколымил. Денежного фраера алкаши нюхом чуют. Вот и у меня сразу от дружков отбоя не было, пока бабки не кончились. Конечно, на работу нигде не брали, вот и стал потихоньку материнское добро пропивать. Возле церкви, что на косогоре, была часовая мастерская. Работал там тощий еврей. Снес туда сначала материнские часы, потом и ее золотое колечко, были еще старинные монеты. Скупщик все брал, правда, давал мало. Как-то увидел, где он деньжата хранит, в комоде ящичек был у него. Когда все ценное снес, то и закралась мысль грохнуть часовщика. Взял нож, как стемнело, заявился к нему. Принес будильник сломанный. Тот, конечно, наотрез отказался, мол, барахло. А когда часовщик отвернулся, то ножом и саданул.

Мужчина посмотрел на Тимофея и, угадывая застывший в его глазах вопрос, продолжил:

— Жалости не было. Но и злости тоже. Что это живой человек и не думалось. Просто бабки нужны были. У него можно было взять. Мочил долго. Он весь искромсанный был, аж лоскуты кожи висели. Кругом кровь, и она казалась искусственной, словно «Агдам» разливался. Бабки забрал. Бухал долго. Вновь дружки объявились. Месяца два пил. Очнулся, лежу на полу в квартире, кругом грязища, пустые бутылки. Колотит всего. Вышел в город, от меня все шарахаются. Видимо, видок еще тот был, и вонь шла. И такая безнадега охватила меня, что пошел к мосту и решил в реку кинуться. Уже шагнул за перила, а тут какая-то бабка возьми и ухвати руками, не побрезговала. Как запричитает. Слабый был после запоя, пытался вырваться, не смог. Уволокла меня к себе. Напоила какой-то настойкой, и я в сон ушел. Потом оказалось, что месяц провалялся, а она поила настоями и отварами. Стал приходить в себя. Окреп. Но что интересно, с этих пор к спиртному отвращение появилось, похоже, своими травами она меня вроде как закодировала.

— Это бабка Настя,— кивнул Тимофей.— Она и в самом деле лечила от недугов своими травами и нашептываниями.

— Почему лечила?

— Умерла года два назад.

— Жалко, я ей подарочек привез и деньжат немного. Николаем меня зовут,— запоздало представился незнакомец и, вновь разлив водку, продолжил.— Пришел домой, а там грязь и вонь. Несколько дней отмывал. Но с тех пор мне удача пошла. Убираясь, случайно нашел в духовке пачки купюр: видимо, по пьянке спрятал туда накопления часовщика и перстенек. Как раз пригодились на первое время. Спустя месяца два неожиданно на работу взяли, на пилораму. Деньги спрятал на черный день. Перстень тоже оставил, хотя, если бы выбросил, все могло по-другому сложиться. Заработки оказались приличными. Приоделся. Через полгода сошелся с женщиной, а через год и сын родился. Все вроде пошло удачно, словно убийство фарт дало.

— Это бабка Настя, с тебя порчу сняла. Не зная про твое душегубство,— вырвалось у деда, и он боязливо поежился.

— Может, оно и так,— тяжелым взглядом смерил его собеседник и снова продолжил.— Словом, жена на меня налюбоваться не могла. Не пью, не курю, деньги в дом. Все ее родственники приходили на меня смотреть, как на икону. Так оно и было.

Незнакомец замолчал, на лице в уголках губ повисла улыбка. Затем он встал, достал сигарету, похлопал себя по карманам в поисках спичек и с надеждой посмотрел на старика. Дед безнадежно разве руками. Хмыкнув, видимо, вспомнив, мужчина порылся в пакете и с торжествующей улыбкой достал коробок спичек. Закурив, Николай махнул рукой, словно прогоняя от себя прошлое, и с грустью в голосе продолжил:

— С рождением сына обезумел от счастья. Решил жене радость сделать и вспомнил про перстень убиенного. Подарил. Она от радости сияла. Все и дальше было в ажуре. Но случись, сын захворал. Врачиху вызвали. Вижу, она странно смотрит, не сводя глаз с перстенька жены. Уже тогда закралось ко мне подозрение, но думаю, мало ли что. Может, перстенек приглянулся. Дорогая вещица была, сразу видать. А дня через два на работу ко мне приехали мусора и в отдел потащили. Втроем меня мытарили. Мол, колись на мокруху.

— Ну, ты и решил покаяться. Облегчить душу? — с надеждой в голосе спросил Тимофей. От обильно выступившего пота рубашка прилипла к телу, неприятно сдавливала грудь.

— И не подумал. Они спрашивают, мол, есть алиби, что делал в этот день? Я свое долдоню, мол, два года прошло, как вспомнишь тот день? А сам думаю, что у них на меня есть? Вот тогда взгляд врачихи на перстенек понял и приготовился к этому. Они тоже притомились бездоказательно бубнить. Тут им перстенек, видать, и подвезли, и начали тыкать, мол, у твоей жены изъяли, а его опознала врачиха, как часовщику принадлежащий. Я им свое, что, мол, купил вещицу, еще работая на севере, и даже магазин назвал, где покупал. А таких, твержу им, мол, штамповок, почитай, тысяча по стране будет. И убедительно так говорю, почти под дурачка играю. Опера опять в замешательстве.

Закрыли меня на трое суток. Только я понимаю, что у них нет ничего. На следующий день уже следователь вызвал. Нашли они деньги часовщика. И давай следак допытывать меня, мол, откуда такая сумма взялась? А я ему, мол, от матери после смерти осталась. Отпечатки пальцев с меня сняли и снова на нары. На второй день посадили наседку, только я его сразу расколол. Понял, ибо явен был интерес к этому убийству. Ничего не сказал. На третьи сутки снова опера мурыжили. Показывали экспертизу, мол, при осмотре были отпечатки пальцев изъяты, и что мои пальчики с ними сошлись. Я тоже им, мол, бывал я в лавке у часовщика, вещицы толкал. Разозлившись от моей несговорчивости, опера сильно помяли, аж два зуба выбили. Но

выдюжил, и ровно в час ночи выпустили восвояси. Жене объяснил, мол, ошибка. Первый раз тогда перекрестился и даже сходил в церкви свечку поставил. Но не помог Бог-то. Недели две прошло, и снова мусора примчались. Смотрю, глаза у них горят, значит, думаю, что-то новое нарыли. Так оно и вышло. На одной купюре, что у меня изъяли, кровь нашли убиенного! Вот дурак, думаю, толком не просмотрел. А на одной пятно и обнаружили. Тут уже вплотную меня упаковали, какого-то свидетеля выкопали. Опознал, что, мол, видел, будто в тот день я от часовщика вышел. Никого там не было. Уже потом на зоне объяснили, что подставной был, видать, или алкаш, или на крючке у них висел, вот и грех на себя взял. В общем, не выдержал и признался.

— Раскаялся, словом? — живо перебил его Тимофей.

— Ни о чем не жалел. Просто надоело. Потом понял, что правильно сделал, что признался, иначе больше бы дали. За признание семерик и влепили. Самое клевое, что в протокол менты только половину изъятых бабок вписали. Остальные сами заныкали. Вот получается, что не только я часовщика грабанул, но и менты со мной тоже. Получается, вместе группой обокрали,— криво улыбаясь, хмыкнул Николай.

— А на зоне пришло раскаяние?

— Не скажу, чтобы сожалел. Вот что с перстеньком прокололся, досадно было, иначе жил бы себе в радость. А жена сразу от меня открестилась, мол, убийца. Вся ее родня на суде поносила меня. Словом, было счастье и не стало. Поэтому муторно было на зоне, словно сам не свой. Как будто умерла душа, а по миру просто тень моя ходит безразличная ко всему. Тупо работал и ел. Ни с кем не корешился, да и не балакал совсем. Весь в себе был. Год прошел, и тут мне подстава вышла. Завелась у нас крыса, стала тырить по мелочи у всех. Никак не могли вычислить ее. Но понял гаденыш, что земля горит у него под ногами и решил на мне подставу сделать. Били тогда меня люто. Это уже потом вычислили крысу, а тогда считали меня. И такой боли натерпелся, какую видимо от меня часовщик принял. Когда мочил его, и не думал об этом. А в тот момент представил это адское мучение, и словно его боль в меня вошла. Очнулся на больничной койке и слышу голос, мол, не жилец. Открыл глаза, смотрю, врач хозяину говорит. Вот тогда и решил, что все равно выживу. Для чего? Захотелось на могилу к часовщику прийти. Даже не знаю почему. Но этим жил.

Николай достал сигарету, помял пальцами и закурил.

— Значит, раскаялся? — снова встрял Тимофей.

Николай задумчиво посмотрел на него:

— Что-то ты заладил с этим словцом? Раскаялся — это ментовской жаргон, пакостный.

— Сожаление есть? Душа болит? — пытался по-иному высказаться дед.

— Не знаю. А вот боль его понял, когда меня чуть не забили. И его боль вроде как во мне стала жить. Как-то так,— неуверенно выговорил мужчина и замолк.— Одно решил, что каждый год буду в этот день к нему на могилу приезжать и ухаживать за ней. Следующий раз надо будет ограду поменять, эта уже негодная.

— Правильно,— кивнул Тимофей и осторожно спросил:

— А почему в этот день?

— Так уж получилось, что в этот день часовщик родился, и я его убил. Когда дело читал, удивился тому.

— Надо же! — охнул старик и перекрестился.

— А ты в Бога веруешь, дед?

— Знамо, иначе как?

— А я нет,— Николай тяжелым взглядом уперся в деда и встал.— Ладно, пора мне.

— И куда ты теперь?

— К сестре поеду. В соседней области она живет. Одна с двумя детьми, муж по пьянке помер. Работу найду, помогать буду.

Мужчина ушел, а Тимофей еще долго сидел и думал, потом вздохнул:

— Вот ведь как жизнь устроена.

Со временем встреча забылась. Но на следующее лето, когда Тимофей пришел на могилу к матери, вспомнил, и для интереса пятого августа заявился на кладбище. Просидел полдня, но ушел ни с чем.

— Забыл, видать, убивец про все, как на свободу вышел,— уныло подумал он.

А через месяц снова довелось Тимофею на кладбище побывать, друга своего хоронил. Дошел из любопытства до могилы часовщика и обомлел. Кованая красивая ограда окружала могилу, рядом с крестом виднелись свежие гвоздики. А на кресте день рождения и смерти значились пятым августом.

Постоял старик и, покачивая головой, побрел домой, бормоча под нос.

— В один день родился, и смерть свою нашел...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Русский поэт Игорь Лукьянов. Автор тринадцати сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени «Левша» Н. С. Лескова.

* * *

Благодарю судьбу за юность,
Где далеко не старики,
Гражданские будили струны
Учителя-фронтовики.
Самонадеянных без меры
Старались увести от бед.
И приводили нам примеры
Из собственных военных лет.
Прекрасных дней и свет, и горечь,
Где от души — не напоказ
И Аристархыч, и Семеныч
Учили честной жизни нас.

* * *

Порой с печалью
иль с усмешкою
Гляжу на поле жизни я,
Где напролом
и с перебежками
Шел бездорожьем бытия.
Звездой судьбы,
как все ведомый.
В бессилье
и в избытке сил,

И дома,
и вдали от дома
У Бога
помощи просил.

* * *

Всем нутром
ты глаголь
иль пиши —
не услышат,
как тут не усердствуй,
по ту сторону
русской души,
по ту сторону
русского сердца.

ОСЕНЬ — 2015 ГОД

Не жду я светлой полосы.
И все больнее год от года
От беснования попсы
И деградации народа.

* * *

Забьется сердце,
Дух вдохнув удачи.
Но эта радость —
Ты во мне — зазря.
Ведь столько
Над судьбой своею плачет
По всей земле
И люда,
И зверья…

КОНСТАНТИНОВО

Село не лучше и не хуже
Других таких же — вдоль Оки,
Но столь названье неуклюже
Для поэтической строки,
Что сам поэт, что здесь родился
И эту землю прославлял
Среди «березового ситца»
Его ни разу не назвал.
Но чтоб село то узнавали,
В стихах оставил на века
Из этих мест,
Из этих далей
Холмы, луга и облака.

* * *

К чему идти?
Какого ждать исхода?
От слов тошнит,
Но и молчать невмочь.
Из номера
Гостиницы холодной
Поэт, как сыч,
Угрюмо смотрит в ночь.
В домах напротив
Зажигали окна.
Вот вспыхнуло еще одно,
И в нем
Пришла с работы женщина,
намокнув
Под моросящим
тягостным дождем.
Плащ, отряхнув,
на вешалку повесит
Как хорошо
иметь уютный кров.
Пойдет на кухню
и замесит тесто.
И что ей
до поэтов и стихов.

* * *

Работал армейский «Урал»,
Продуваемый зимней дорогой.
И в нем, коченея,
В суровых солдатских шинелях,
Наш взвод из наряда
Сквозь ночь
возвращался к порогу
Родимой казармы
с мечтою о теплой постели.
Мы сутки
охрану объектов вели по Уставу,
Не зря
были выданы нам
«калаши» и патроны.
Я после по жизни не раз
до предела устану,
Но выдержат плечи,
На коих носил я погоны.

* * *

Пускай нам общим памятником будет
Построенный в боях социализм.

Владимир Маяковский

Поэты —
сыновья
отцов Победы.
И славы,
и таланта
разный груз.
Но всем нам
общим памятником будет
предательством
разрушенный Союз.

* * *

По мосту
грохочут поезда.
Красный берег.
Синяя вода.
Нету клева.
Да и нужен ли он,
коль такой
радушный небосклон.
Коль такая
ласковая даль.
Первозданный
тютчевский хрусталь.

МОМЕНТ

Ночной автострады
Космический шум.
Колышется
Звездная сеть.
Я не лихач.
Я просто спешу.
Мне надо успеть.
«Фольксваген» готов —
лишь жми на педаль —
На двести с лихвой.
Мне надо успеть
Распороть эту даль,
Чтоб тихо вернуться домой.

СКАЗ О НИКИТЕ КОЖЕМЯКЕ

I

Россия степная.
Ковыль нелюдимый.
С коня не слезая,
Воюет Владимир.
Вокруг супостаты.
Набеги. Набеги.
Разбили хорватов.
Пришли печенеги.
Река разделила
Два войска, сверкая.
В даль смотрит Владимир,
С коня не слезая.
Там рать кочевая
Кипит, словно рой.
От края до края,
Готовая в бой.
И наши щитами
Гремят пред собой,
За русское знамя
Готовые в бой,
Кто примет решенье?
Кто первым пойдет?
И кровью сраженья
Окрасится брод.

II

Тут хан-басурманин,
Доспехи из кожи,
Сверкает глазами
Чумазая рожа.
Кричит через речку,
Расправив плеча:
«К тебе я навстречу
Пошлю силача.
А ты поперед
Своего посылай.
Коль наша возьмет,
То пограблю
Твой край.
Коль твой одолеет,
Войска отведу.
Решай, князь, скорее
Не медли. Я жду».

III

В селении жили,
Не слыв в забияках,
Отец кожемяка
И сын кожемяка.
И были их руки
Их делу под стать,
Ведь кожу —
Не бабу дебелую мять.
Сынок как-то раз
На отца осерчал
И шкуру, что мял,
Разорвал сгоряча.
Окрестные люди,
Хотя и не сразу.
О сыне Никитке
Поведали князю.
Воспрянувший князь
Тут же
Кликнул сынка.
Чтоб силу проверить
Пригнали быка.
Бык люто топтался.
Бык люто ревел.
На молодца вдруг,
Словно вихрь, налетел.
Хватил наш Никита
Бычка за бочок.
Меж пальцев остался
Кровавый клочок.
«Что ж,
Хватка,
Что надо! —
Воскликнул тут князь —
Я вижу —
Лицом
Не ударишь ты в грязь...»

IV

Пришел печенежин,
Собою гордясь
Силищей своею
Дыбясь и горясь.
Пришел. На Никиту
Глядит, хохоча.
Где, дескать, такого
Нашли силача.
Лицом простодушен.

Собой невелик.
Не воин совсем,
А сермяжный мужик.
Слегка замахнулся.
Но тут его хвать
Никита о землю,
Тому уж не встать...
И дрогнула тут
Печенежская рать.
Коней повернули
И — в степи бежать.
А там, где Никита
Врага уложил,
Владимир на радостях
Град заложил.
Здесь русскую славу,
Не слыв в забияках,
В руках удержал
Мужичок-кожемяка...

Алексей Скаредов
(г. Тула)

Наш постоянный автор. Издал несколько поэтических сборников (Россия, Канада).

ЗВЕРЬ

Прикорнуть бы чуть-чуть —
Это все, что сегодня мне надо,
Да болезная чудь
Проглядела мне веки до дыр.
Не сомкнуть глаз уже,
А кому-то и утро отрада.
Я же лег на меже —
Лупоглазый седой Барастыр*.

Я придумал, как быть —
Очень просто и очень коварно,
Но не смог я заплыть
За буйки оторвавшихся грез.
Дотянул я до дна,
Только дно оказалось бездарно,
И любовь, что одна,
Не утопит в кропильнице слез.

И вот так я живу —
Хоть вы верьте, а хоть вы проверьте —
До утра на плаву,
А с утра снова чай да постель.
Я поведал струне
Тайны все — от рожденья до смерти,
И прилег на стерне
В ожиданье, что скажет метель.

Только лето живет
Все еще по жаре окаянной,

* Барастыр — в осетинском фольклоре злой великан с глазами на ниточках.

Надорвал я живот
И смеяться мне больно, поверь.
Я мечтаю о сне —
Верно, грешный, но все ж покаянный,
Верный прошлой весне,
Стерегущий грядущую — зверь.

ПЛАТОНИЧЕСКИЕ СТРАСТИ

Разорвут меня на части
Платонические страсти,
Скажешь им едва лишь: здрасте!
И погаснет свет свечей.

В темноте не до Платона,
Громкой искрою пистона,
Раздается вроде стона
Обезумевших речей.

Не играют в прятки дети,
Не играют песни эти,
А за тьму мы все в ответе,
Коли кончилась игра.

И на завтра нет здесь плана,
Не орет народ: «Осанна!»
И глядит из-за тумана
Солнца глаз: вставать пора!

Плюнул я на печку ночи —
Пусть играет тот, кто хочет.
Говорят, Москва не Сочи,
Но пропил я города.

Если стих хоть что-то значит,
Значит, он не просто скачет,
А со смыслом. День был начат
Бестолково, как всегда.

А за ним опять темнеет
Ночь, седой прохладой веет
И платоновой идеей
Ввечеру страдаю вновь.

Платонические страсти
Разорвут меня на части
И из ран, червовой масти,
Просочится в мир любовь.

КОЛОКОЛЬНЯ

Ниже старой колокольни
Мир пластался горький, дольний,
А по миру шли бродяги —
Не князья и не сутяги —
Их влекло дороги метром
И расхристанным злым ветром.
По святым местам ступая,
Видно, доля их такая,
Негде было преклонить им
Головы, но Рок событий
Влек их смело в дольний мир
К Небесам — через потир.

Выше старой колокольни
Распластался Ангел вольный —
На постели белых крыльев
Облаков седых, не пыльных.
За бродягами следил Он
Зорко — оком из светила,
Помогал, когда придется,
И дорога плавно вьется
Пыльной лентой, без потери —
Кто не верил, тот поверит:
Близок звон монастыря —
Все Ему благодаря.

А на старой колокольне
То ли бес, а то ли воин
Света — в паутине нитей
Ищет звоном свет наитий.
Медь поет бродягам песни:
«Тот, кто умер, да воскресни...»
И они идут за нею —
Кто в Саров, а кто в Гвинею —
Ярче краски, тише звуки
Дорогой сердечной муки.
Языки колоколов
Объяснят им все без слов...

ФАНК

Тане

Я внимаю звукам фанка
В предрассветной тишине.
Тьма со светом на войне
И шуршит окурком банка,
Я валяюсь на спине.

Эрик Бердон? То, что надо!
Эх, раздайся шире круг!..
Но табак лихих разлук
Я один курю надсадно —
Благо, что он вечно сух.

Кто кому здесь будет должен?
Не понять ни мне, ни вам.
Жизнь доверил я словам,
Но писать не расположен,
Хоть и верен я стихам.

Их несмелое искусство
Возвращает к жизни вкус,
А искусство есть искус.
Больше жизни! Больше чувства!
К предрассветной мгле прорвусь.

И придумаю завязку
И развязку для стиха.
Улица лежит — тиха,
Но наполнит ее лязгом
Зарифмованным соха:

Вместо манны сею манку —
Улиц целина стерней
Колет душу — громче пой!
Мне любезны звуки фанка
Этой раннею порой.

* * *

Золотой телец — из похабных снов.
Ты учти, мудрец, первородство слов —
Они пляшут в такт, осушая гать.
Нянчит суку — факт — растакая мать.

Дарит небо свет, дарит страсть нам ночь.
Я шепчу: «Привет», да и вы не прочь.
Только что мне вы? Что мне треск огня,
Если крик совы разбудил меня?

Я лежу один. В предрассветный бред
Ночи бел сатин, а иного нет.
Учит стих мудрец из не наших слов,
А стиха конец тонет в даре снов.

Виктория Ткач
(г. Тула)

PERSONALIA

Заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева. Поэт, переводчик. Член Союза российских писателей. Автор семи поэтических сборников. Имеет публикации в литературных журналах и альманахах Тульской области, Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Люблина (Польша). Дипломант литературной премии «Золотое перо Тулы», дипломант Международного поэтического конкурса «Цветаевская осень». Руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева. На сегодняшний день «Муза» является полноправным участником литературной жизни Дома-музея В. В. Вересаева и Тулы. Хорошей традицией стали выступления с литературно-музыкальными спектаклями в библиотеках и музеях Тулы и Тульской области. «Муза» регулярно принимает участие в собраниях Совета московских литературных объединений в библиотеке-читальне И. С. Тургенева (Москва). Участники объединения являются лауреатами городских, областных и Всероссийских литературных конкурсов. Имеют многочисленные публикации в литературных альманахах Тульской области, Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Орла. Являются авторами персональных поэтических и прозаических сборников.

* * *

Писать и жить — чудесное родство,
Подобное Божественному Свету.
Прекрасен вдох! И что, мой друг, с того,
Что мир не назовет тебя поэтом?

Ты просто знаешь — где-то высоко,
Подвластное незыблемым законам,
В небесной чаше дышит молоко,
Вскормившее младенца на иконах.

Ты знаешь день и то, что до него,
С полночной круговертью зрячих строчек,
И явь, и сон — о, сколько же всего
В твоей душе незримо кровоточит!

Пиши! Живи! И чувствуй лишь одно
Родство, не замутненное гордыней!
Тебе в словах родиться суждено.
Пусть не поэт, но ты — живой отныне!

* * *

Я — безголосая.
В горле — пустыня.
Страхи, надежды, беззвучное имя
Сердце колюче ссыпает по венам
Словно песчинки — сухую замену
Алому, жгучему, сильному морю,
Бившему — волнами! — в счастье и горе...
Что же случилось? — Прощанье? Прозренье?!

Просто
дописано
стихо-
творенье.

* * *

Бесполезность строк и строф,
Безымянность дней. —
Среды тысячи Голгоф
Это — действенней.

Быть распятой в голосах
Слабым отзвуком.
Среди сотен тысяч «ах!» —
Как без воздуха,

Как без жилки на виске —
«Нет, не пишется...»
И висят на волоске
Те, что в книжице

Будут вытканы слова
Небом ситцевым.
А пока — я не жива,
И —
все снится мне...

* * *

Все! О себе — ни слова! Хватит — наговорилась!
Лучше о том, что дальше, вне и совсем родное.
В снеге — немного света,
В небе — чуть-чуть акрила,
Все остальное — блики, спрятанные на дно и

Смазанные рассудком, голосом «за» и «против»
(Разве ему доступно то, что всего дороже?!).
Мир — это лишь картина с датой на обороте,
Чьи золотые тени — словно пыльца на коже

Зимнего дня.
Печально то, что всегда — былое...
Небо так странно звонко: где-то дробятся льдины.
Я умываюсь снегом — чистой живой водою.
В сердце осколок «Вечность», и
мы теперь
едины

С глупой наивной сказкой, созданной кем-то свыше,
Чтобы таким усталым было чуть-чуть теплее.
Эй, отзовись! — не слышит... Небо опять не слышит,
Снег превращая в крылья старой седой метели...

* * *

Никуда от тебя,
Никуда мне не деться,
Неуемное, старое, глупое сердце!
Посидим и опять — помолчим.
Разве мало на свете причин,
Чтоб молчать, запрещая и слезы, и строчки,
Пить коричневый чай и искать одиночек,
Для которых весь мир — ерунда?

А пока — не всерьез, непривычно и странно
Привыкать говорить и залечивать раны,
Выплывать, ведь вода — не вода,
А березовый сок с отголоском полыни.
...День закончился — долгий, по-зимнему синий,
Остальное привычно забудь,
Чтоб вздохнуть и опять — куролесить сначала,
Когда мало не неба, а воздуха — мало...
Сердце глупое, ты отдохнуло?
И —
в путь!

* * *

Кочуют мысли по седым барханам...
Кто гонит их, привычных к ветру, прочь?
Какого молодого Чингисхана
Родит сегодня эта злая ночь?

И звезды, полоненные рассветом —
Властителем на охровом коне —
Протяжным стоном пропоют про это
Рождение, пришедшее извне.

И не спастись, когда идет по следу
Орда не знавших жалости минут...
День наступил и празднует победу!
И новые народы его ждут.

ГАДАНИЕ

Перекроились
Линии на ладони —
Стали чуть резче,
отрывистей,
и — бездонней.
Белая кожа натянута и — больней.
Сколько в пунктирах
ночей и дней?

Вьются узоры спиральной вселенской пылью.
Линия жизни — в созвездие сухожилий.
Взрыв! И уже не холмы — до кости
Руку стесала о пальцы — врага ли? гостя?

Линия счастья
Крест-накрест
С линией сердца —
Знак для незрячей: «Смотри, никуда не деться!
Сетью опутан твой хрупкий изгиб тепла!»
И не дышала еще, а уже — отцвела

В серых надрезах и линиях на ладони.
Что — не спокойней?
Разве тебе — не спокойней?!

Белая кожа натянута все больней...
Жизнь — только черточка...
Ну же...
Иди по ней...

* * *

Я думала, в душе не зверь —
Горсть ежевики темно-синей.
Из всех отчаянных потерь
Себя терять — невыносимей.

Мне ягод спелых не нести —
Внутри ломает, разрушая.
Не плодоносить, а растить
Того, кого сама не знаю.

И потому не расплести
В моих садах сухие корни.
На каплях горького «прости»
Цветет осот колюче-сорный.

И только зверь, безумный зверь
Кричит отчаяньем безликим.
Из всех невидимых потерь —
Вкус кисло-сладкой
Ежевики...

ПРЕДЧУВСТВИЕ СЕБЯ.
ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ

* * *

Не вспомнить.
Не простить.
Не обрести
Мгновенья, ускользнувшего сквозь пальцы.
Миг не вернется. Он из тех скитальцев,
Что дышит только таинством пути.
Не вспоминай.
Не обретай —
Прости!

Проходит все.—
Так жизни суета
Дробит в песчинки призрачное время,
И вечность оставляет только с теми,
Кто начинает с чистого листа
Прощать.
И помнить.
Верить.
Обретать.

* * *

И опять
Что-то бьется внутри, толкается...
Я застыла — осенняя старица,
Руки — тени безлистых ветвей...
Есть ли кто-то слабей, но живей
В этом остром предчувствии: мается,
Сок проснулся у самых корней!

Не сдержать!
Не запретное — сладкое,
Осознанье — беззвучно, украдкою —
Скоро, скоро дождаться тепла!
Замерзала.
И не умерла.
И теперь пряно-солнечной патокой
Я лечусь, догорая дотла.

Я лечусь.
И молчу, неуемная!
Только где-то внутри, потаенные,
Прорастают изгибы крыла...
То, что раньше «могла» — «не могла»,
Пеплом стало и новыми зернами.
Кто была?
Кем была?
Я — была?..

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

* * *

Дочке Веронике

Твоя улыбка — лучик света.
Твой звонкий смех, как ручеек.
Совсем недавно счастье это
Себе представить я не мог.

Мы по заснеженной дорожке
Пройдем по парку неспеша
И от тепла твоей ладошки
Моя согреется душа.

* * *

Тишина, исчезли звуки
В позаброшенной глуши.
Только сердца перестуки,
Словно колокол души.

* * *

Опадает листва
И былое в душе отмирает.
Но с надеждой
Встречаю я каждый рассвет.
Через ветви деревьев
В окошко мое проникает
Золотой согревающий
Солнечный свет.

Александр Скворцов
(г. Нюрнберг, Германия)

Скворцов Александр Николаевич родился 28.01.1984, место рождения: г. Павлодар, образование: среднее, профессия: водитель, место жительства: г. Нюрнберг.

* * *

Может смешно, может быть грустно...
Непонятность тревожней всего.
Пробуждает забытое чувство
Человек не от мира сего.

Что утрачено нами навеки
От борьбы, суеты и шумих,
Лишь поднимет он томные веки,
Ты во взгляде читаешь, как стих.

Не легка у судьбы его ноша,
Как набитый камнями мешок —
Он частенько друзьями заброшен,
И бывает средь них одинок.

Он неряха, чудак и пройдоха,
Или просто один из тихонь,
Но в груди до последнего вздоха
Сберегает лампадки огонь.

Мир тебе, человек ниоткуда,
Наплевавший на дрязги толпы!
Ни властители, ни лизоблюды
Не столкнут тебя с верной тропы.

ВАВИЛОН

Машины, асфальт и железобетон —
Все для народа... для быта.
Никто никогда не сметет Вавилон.
Он врос в наши души гранитом.

Его разрушали, он строился вновь
На боли, печали и стонах,
И, проливая невинную кровь,
Плодил на земле своих клонов.

Теперь красотою висячих садов
Блистают их гордые рати,
Там птицы поют, не щадя голосов,
О вечной мирской благодати.

Да, Вавилон, ты собою хорош,
Но две стороны у медали!
Дороги свои лабиринтом плетешь,
Где люди умом заплутали.

Превыше всего в твоем мире успех:
Богатство, могущество, слава.
Ты любишь и чествуешь только лишь тех,
Кто может купить себе право.

Нет места любви в этом хаосе лжи.
Здесь в храмах лукавят иконы.
Куда ни взгляни, всюду сплошь миражи,
Сердца здесь и те с силиконом.

* * *

Сердце бьется сегодня капризней,
Навевает печальный мотив.
Что я понял о суетной жизни?..
Жизнь — стезя... полусон, полумиф.

Впереди неоглядные дали,
Позади переплеты дорог
И в беспечном туманном начале
Мой родительский, добрый порог.

Мама, мама, прости, дорогая,
Что своею надменной стезей
Я все реже, бездумно шагая,
На глаза появляюсь домой!

Зарастает высоким бурьяном
Мой знакомый приветливый путь,
Но досаду за самообманом
Мне никак не дается сглотнуть.

Никогда я любить не боялся.
Как же вышло такое со мной?
Видно здорово я увязался
Не за той путеводной звездой.

Мама, мама, прости, дорогая!
Я сведу свою дурь к палачу
И однажды, по жизни шагая,
Снова тропку к тебе утопчу.

АХ, КИНО, КИНО!

Ах, жизнь — не кино. И не все нам дано.
Не все поддается строптивым желаньям.
И даже, наверное, где-то смешно
Пускаться в какие-нибудь подражанья.

Но хочется быть беспредельно крутым —
И скалы отвесные брать без страховки,
И расправляться с отребьем любым.
Ан нет... невозможно без спецподготовки.

Казалось бы, вот оно — просто шути!
Галантности капельку или чуть меньше!
И мысленно ровни тебе не найти, —
Да где же вдруг шарм твой в компании женщин?

В кино все красиво, наивно до слез.
Бывает удача и нам выпадает...
По сути — триумф... как бы, апофеоз,
А в нужный момент саундтрек не играет.

За час или два пролетает сюжет.
Ты рвешься к таким же успехам, победам.
Ведь все очень просто... вон брезжит просвет!
Но сколько труда нужно в жизни изведать.

Ольга Павлова
(п. Заокский Тульской области)

Ольга Владимировна Павлова родилась в г. Ижевске 17 мая 1982 года. Сейчас проживает в п. Заокский Тульской области. Писать стихи начала сразу, как только научилась писать. Первая публикация — в 14 лет в литературном журнале «Луч». Свое призвание нашла в муже, детях, в профессии учителя, не забывая любимое занятие — поэзию.

ГОРШЕЧНИК И ГЛИНА

В огромные лунки воткнув новостройки —
В цветочных лугах посадив исполины,
Ударная стройка продвинулась бойко,
Сметая июньских цветов кринолины,

Остатки прижались к холмам глинозема.
Наверно, из этих курганов Горшечник
Под пение кранов, отбойников звоны
Взял смесь каолина с ромашкой аптечной

И мастерски создал основу для чуда
Из самого редкого в мире фарфора.
В мечтах я была совершенным сосудом,
Но в дар получила нелепую форму.

Я Мастера в печь вызывала для спора,
Просила, давала советы немножко,
А Он собирал и подкладывал хворост.
Я — просто обычная грубая плошка.

В огне полыхающей бурями печи
Бессмысленны были любые протесты,
Мой облик нескладный был увековечен
От частых и вечно-печальных известий.

Меня продавали с торгов за бесценок,
В холеных руках никогда не бывала,
Затерся ромашковый редкий оттенок,
Я — каши сиротской конец и начало.

А трещин все больше... Но стоит затронуть,
Под слоем чудовищных грубых наростов,
Сливаясь с каким-то особенным звоном
Звучит мой прозрачный фарфоровый остов.

Однажды чужие небрежные руки
Избавят меня от щербатых узоров,
Но Мастер, услышав знакомые звуки,
Часы достает и бормочет: «Не скоро».

Я БЫЛА БЫ ВСЕГДА НЕДОВОЛЬНА ТОБОЙ

Я была бы всегда недовольна тобой,
Хорошо себя знаю,
Потому мне назначена вера судьбой,
И реальность иная.

Слишком хрупок снежинки тончайший ажур
На моей рукавичке,
На тебя каждый раз, как на чудо, гляжу,
А не так, по — привычке.

Нам минуты развернуты вечностью всей,
Позабыты детали,
Ведь для нас каждый миг — это встреча друзей,
Что навеки расстались.

В ПРОУЛКАХ ГОРНЫХ ДЕРЕВЕНЬ

В проулках горных деревень
Блуждали, путаясь, минуты,
И бесконечно — душный день
Тягучим сном хребты окутал,

Пока хозяин строгий спит,
Все оживляются в хибарке:
Среди насыщенных палитр
Язвят проворные товарки,

И колотушек мерный стук
Не заглушает разговоров,
В движениях проворных рук
Рождаются на свет узоры.

Узлы сплетают день за днем,
Загадочную карту мира,
Где в ярком танце кружевном
Срослись цветы, ручьи, секиры,

Дома, кувшины, птицы, сад
Все чередуется по кругу...
Торговец бойкий был усат.
Он сам не помнил, чья заслуга,

Кто смог и вдоль, и поперек
Соткать неведомые страны,
Как звали женщин, чей станок
В ауле горном Дагестана,

И кто так выстрадал узор,
Зашифровал такие мысли,
Что русской девочке ковер
Стал сказочной основой истин.

У бабушки горячий бок,
Она заснет, не кончив сказки,
Но дальше катится клубок
По шерстяным восточным краскам,

Щекочет грубо пальцы шерсть,
Веду обратно пальцем — гладко,
Я чью-то жизнь смогла прочесть,
Как закорючки по тетрадке,

Потом, когда пришлось терпеть
Узоры поворотов жизни,
Я знала, что, свиваясь, плеть,
Однажды лепестками брызнет,

И, расцветая, заслонит
Собой от всех клинков железных,
Нас веры тоненькая нить
Способна удержать над бездной.

Сегодня в детской нет ковра,
Дизайн в квартире современный,
Дочь спит, сейчас в ее мирах
Пустые бежевые стены...

Сергей Редков
(г. Тула)

ГРАЖДАНСКАЯ НЕЛИРИКА

СНЫ О ДЕВЯНОСТЫХ

Мой самый страшный сон приходит явью,
Где царствуют пороки всех сортов,
Где вместо вечного «люблю» — чужое “love you”
Звучит насмешкой из преступных ртов.

Где душу променяли на «свободу»,
На «счастье» продавать себя и всех,
На разрешение лить слезы, словно воду,
На гибель совести под чей-то сытый смех.

На вечный бой за тепленькое место,
За честь палатками застроить каждый двор,
Где ежедневно — громкие аресты:
Да только вора не посадит свой же вор —

Его живот, как студень, вздрогнет рябью...
А над страной летят, летят гробы
В том страшном сне, который дышит явью,
В котором все мы — жалкие рабы.

«ИМПЕРИЯ ДОБРА»

Творят добро по всей планете
Ребята в касках, с автоматом.
А вдруг у вас не мирный атом?
Сейчас инспектор к вам приедет!

А вдруг свободы где лишают
И нарушают право граждан?
Отправим танки в город каждый!
У нас ведь армия — большая.

А вдруг тиран, достойный мести,
Таится в доме вашем мышью?

Спецназ мы высадим на крышу!
Взорвем ваш дом с тираном вместе!

...Спасают день и ночь планету
Солдаты силой автомата.
От вас спасти бы Землю надо,
Пока еще есть право вето!

КОШМАРЫ ДАРВИНА

I

Обезьянам дали автоматы,
Обезьянам обещали Рай.
И, загнав бананом в казематы,
Приказали им: «Давай, стреляй!»

И стреляют обезьяны ночью.
И стреляют обезьяны днем.
Мир, и без того непрочный очень,
Разрушают злобой, жгут огнем.

И сородичей кромсают, как баранов.
Кровь и слезы льются через край...
Вот что делает желанье есть бананы!
Вот что делает желанье видеть Рай!

II

Но вмешался в бойню Высший Разум:
Дал бананы и построил Рай.
Обезьяны стали Homo сразу.
Ешь. Плодись. Живи — не умирай!

Для трудов благих даны им земли,
Для любви, подобной райским снам.
Пусть душа святая Богу внемлет!
Что еще для счастья нужно нам?

Воцарился мир на всей планете,
Но... бананов стало не хватать,
И проснувшийся примат, при лунном свете,
Точит нож на брата, словно тать.

III

И опять разбой во всех пределах;
Жадность ловит души, как блесна.
Разделились на зеленых, черных, белых,
Только кровь у всех одно — красна.

Раздают приматам автоматы.
Соблазняют, бедных, словом «Рай».
И, загнав бананом в казематы,
Снова требуют: «Давай, стреляй!»

И стреляют обезьяны ночью.
И стреляют обезьяны днем.
Мир, и без того непрочный очень,
Разрушают злобой, жгут огнем

ЗАБОРЫ

Как грибы, растут заборы,
Будто люди — это воры,
Будто каждый, словно тать,
Хочет что-то своровать.

У забора — стража стаей
С грозным видом вырастает,
С подозрением глядит,
«Нет прохода!» — говорит.

Я кричу им: «Мы же — братья!
Не хочу чужого брать я!
Не маньяк я и не вор!
Я иду к себе во двор!»

А в ответ мне: «Докажите!
Паспорт, справку покажите.
Вдруг несете вы во двор
В сумке спрятанный топор?»

Я в ответ им: «Да на кой мне!?»
А они в ответ — ногой мне!
От обиды — стал икать.
Что же, надо привыкать...

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ

Те годы канули во мгле,
Когда страна — одна семья.
Теперь гуляет по Земле
Погрязшее в гордыне «Я».

В трудах не тратя силы зря,
Купаясь в море всяких благ,
Разбухшее от спеси «Я»
Над всем живым поднимет флаг.

Упрется боком в горизонт,
Уткнется в небо головой,
Юристов выставив во фронт,
С другими «Я» завяжет бой.

Принципиально доведет
Любую тяжбу до сумы...
А где-то в поле запоет
Забытое в безумьях «Мы».

ОДА ТОРГОВОЙ ПАЛАТКЕ

Друзья мои, желаю я воспеть
Обычную торговую палатку.
Пройдя цивилизаций круговерть,
Она осталась чистенькой и гладкой.

Цвела при фараонах и царях,
Призванью своему не изменяла:
На континентах всех, на всех морях
Народы меж собой соединяла.

Порою мир трещал, сходил с ума —
Она одна удары все сдержала.
Ни наводнения, ни голод, ни чума
Не прикоснулись к ней своим
смертельным жалом.

Встречал всегда упитанный купец
Улыбкой вежливой и глаженой манишкой.
При нём — жена и — счастия венец:
Довольные и сытые детишки.

От умиления и слез свело глаза...

Мораль стиха я подытожу кратко:
Сгорит страна, но выживет — базар,
И во главе — торговая палатка!

Мария Ямпольская
(г. Екатеринбург)

ПЕРЕВОДЫ НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЙ ПОЭТА ОЛЕГА ЗАЙЦЕВА

Родилась 25 ноября 1988 г. в г. Свердловске (ныне Екатеринбург).

Награждена дипломом Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции-2010», дипломом Конгресса литераторов Украины «За весомый вклад в развитие литературного процесса и укрепление международных творческих связей», литературной премией имени Юрия Каплана.

Победитель конкурса «Россия — Италия: узнаем друг друга» в номинации «За лучший перевод из современной итальянской прозы и поэзии» (Екатеринбург, декабрь 2011 г.).

Ряд переводов стихотворений итальянских поэтов опубликован в литературном альманахе «ЛитЭра» (Москва), литературно-публицистическом журнале «Западная Двина» (Минск), газете «Вестник культуры» (Минск). Подборка стихотворений опубликована в сборнике «Литературный Казантип» (2013 г.).

С 2011 г. — член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

Победитель Международного литературного конкурса «Славянская лира-2014» в номинации «Художественный перевод» на приз зрительских симпатий, I место. Победитель Международного литературного конкурса «Славянская лира-2014» в номинации «Художественный перевод», II место.

* * *

Là sognando, sul lido azzurro e bello,
Carezzando col guardo le onde bollenti,
E distratto, pensavo a quella donzella,
I cui occhi son fondi e tanto ardenti.

Io sedevo, le onde chiassavano lievi,
E il sole sguazzava nel placido mare,
Ma a chi eravano pensieri miei,
La cui pelle volevo acarezzare.

Hanno noi incontrato e all'improviso
Tu mi infatuava, la fata ondina,
Ero come dannato dal mio destino,
Ma l'istanti andati obliar indeciso.

Nè tuffarsi in gorgo, nè lasciare i giri:
Com' l'infante, la gatta e com' l' alberello,

Non ti penti, doveri non restituire,
Ho amato, ma tu diventav' adultera.

La bellezza giustizia, non salva solo,
Benche voglio tanto levarla del mente,
Ma sul lido inanime piaga il sogno,
E le onde penetrano l'occhio assente.

* * *

У лазурного берега теша мечту,
Ясным взором лаская кипящие волны,
Я сидел и рассеянно думал про ту,
Чьи глаза и безбрежны и пламенем полны.

Я сидел, набегала волна на волну,
Солнце мягко плескалось в дали безмятежной,
Только мысли мои были все про одну,
Чей и голос, и кожу лелеял я нежно.

Повстречались, и вдруг увлекла за собой,
Обояв-обольстив, ворожея-русалка,
Был я словно помечен и проклят судьбой,
Хоть ушедших мгновений по-прежнему жалко.

Ни в пучину нырнуть, ни оставить круги:
Как ребенок, как кошка, как деревце льнула,
Поздно каяться, ведь безвозвратны долги,
Полюбил, но в чужих простынях утонула.

Нет, не только спасает, казнит красота,
Хоть стремясь уберечься, кричу «пощади», но
Вновь у черствого берега ранит мечта,
Взор мутнеющий волны пронзают нещадно.

IN DUE

La notte e la luna è pallente,
Modella gli immogini di cera,
Più dolce che la corda veramente
Il tuo cinguettio, è il miele.
Ed il sussurro tremolante gratta
I miei orecchi tra dei sogni terzi.
Siamo tutti fanno malefatte —
Raggracimolano l'esperienza.
Dal palmo c'è 'l colore di porpora,
La mano brucia come un fuoco.
E siamo prigionieri ora
Della lussuria in questo loco.
E com' un'ara tue due colli
Teneri con le pine delle tette,—

E tutto questo qui mi rende folle,
Mi vengono i brividi, ho sete.
C'è il sudore salso come perle,
Identici a ritmo travolgente.
Licore dalla tua bianca pelle
La mia bocca lecca, è brucente.
Dell'ance tue l'elasticità,
L'affresco della tua bella faccia,
Tu hai diviso questo a meta
E ti abbandoni nel mio braccio.
Io senso con la mia dolce gota
Che morbide e tonde tue spalle,
Purtroppo, ma la nott'è tanto corta,
Non sono nostri corpi le farfalle.

ВДВОЕМ

Ночь, а бледный пятак луны
Восковые фигуры лепит,
И нежнее звука струны
Твой восторженный, сладкий лепет.
Сквозь чужие грезы и сны
Слух ласкает дрожащий шепот.
Для природы мы все равны —
Копим мы понемногу опыт.
Обжигает тепло руки:
След ладони — красные краски.
Вновь мы — пленниками реки
Сладострастья, неги и ласки.
И, как жертвенник, два холма
Куполами сосков темнеют,—
Это сводит меня с ума,
Это дрожь в моем теле сеет.
Скользкий бисер — на теле пот;
В буйном танце фигуры схожи.
Солонь пьет мой горячий рот,
Пьет с твоей белоснежной кожи.
И упругость бедер твоих,
И лица опальную фреску,
Разделив лишь на нас двоих,
Ты во власть отдала мне дерзко.
Я изгиб податливых плеч
Ощущаю мягкой щекою,
Жаль, что ночь коротка для встреч,
Что тела желают покоя.

* * *

Il velluto delle tua ciglia
Di mirtillo e le labbra piene
Son appieno imperturbabile,

Son di sacco e non son di miele,
Ma agogno impertanto io,
Cerco l'occhio tuo in folata,
Ci siamo incontrato — Dio mio! —
Sono sbigottito, stupefatto...
Abbagliato del tuo splendore,
E temendo perderti di vista
Mi imbianco, smanio ancora
C'è dentro di me il senso misto.
E avrando molta gelosia,
Senz' fiatare volo, mi affretto —
Porsi in ginocchio servilmente
E ti sussurrare "Tu sei mia".

* * *

Твоих ресниц черничных бархат
И розоцветье сочных губ
С невозмутимостью Плутарх
Я — твердокаменен и груб —
Желаю одержимо все же:
В толпе выискиваю взгляд,
И вот мы встретились, о Боже!:
Я поражен, повержен, взят...
Сияньем взгляда ошарашен,
Боясь с ним разлучиться, вдруг
Бледнею, нервничаю даже
Тревогу чувствую, испуг.
Но, к собственной ревнуя тени,
Спешу, волненье затая,
Чтоб рухнуть рабски на колени,
Чтоб прошептать тебе «моя».

Валерий Акимов*
(г. Нижневартовск)

ПАЛОМНИК

1

Паломники всегда приходят с миром,
Имея в душах пальмовую ветвь.
Не ради поклонения кумирам,
К себе влечет не просто белый свет.
Желанье это в них неколебимо:
Им надо побывать в святых местах!
Бредут себе по миру пилигримы,
С молитвой неизменной на устах,
И взгляды их светлы от покаянья,
Проходят километры и года.
Живут они добром и подаяньем,
Им в помощь — Божий промысел всегда.
Вся жизнь их — над собою переможье
И с Богом бесконечный разговор.
Не в тягость непогода, бездорожье...
Идут себе страстям наперекор.
Как повезло мне в жизни, Христа ради,
Лишь капле в океане бытия:
Церковным старостою был мой прадед,
Не заплутал в безверии и я.

2

Отыскав себя в нашем приходе,
Видно, в церковь привел Божий глас.
И, всегда активист по природе,
Отличиться сумел и сейчас.
По сибирскому гостеприимству,
Не за золотом и серебром,
Пригласили в Тобольск. Пилигримство!
Ну, а так как дружу я с пером,
То могу описать откровенье.
Неспроста вдруг такой поворот:
На поездку дал благословенье
Настоятель Георгий. И вот,
Словно свет мне из буднего мрака,
И моя есть на небе звезда.

* Наш постоянный автор.

Устремляюсь в Тобольск не зевакой,
А паломником еду туда,
Хоть живу с ним почти по соседству,
И всегда был и есть выездной.
Этим городом бредил я с детства,
С Менделеевым связан судьбой,
Там величье и смерть атамана,
Кремль парит над иртышской водой...
Поклонюсь я мощам Иоанна
И счастливым приеду домой!
Ветерок обдувает вагоны,
Занося к нам таежный дурман.
А мы мчим все вперед к небосклону...
Кто же этот Святой Иоанн?

3

Слова о доброй памяти звучат,
С молвою растекаются все шире
В честь жившего здесь триста лет назад
Святого Покровителя Сибири.
Тот век его бездушием не смял —
Идущему не страшно бездорожье.
Он в искушеньях смуты устоял,
Всем сердцем прославляя имя Божье.
И выбрал путь свой без мирских утех
Великий сын Руси и Украины,
Чтоб дальше жить с молитвою за всех,
Оставшись неподвластным властелинам.
Врагов своих в смирении прощал.
Не уставая думать о грядущем,
Упорно тьму незнанья просвещал,
Убогим помогал и неимущим.
Всегда в делах, с покоем на душе
Он превратил трудом священным в клире
Тобольский городок на Иртыше
В столицу православия Сибири.
И высоко пронес церковный сан,
Народу делал праздники из буден
Заступник наш — Тобольский Иоанн.
И мы его вовеки не забудем!
Не зря спешим в Тобольск на торжество
И нас уже ничто не остановит.
Сильней роднит духовное родство
Друг к другу и волнует чувство нови.

4

Не счастье ли, когда мечта сбывается!
Выстукивает сердце многоточия
И мне загоризонтье открывается,
И вот увидел я Тобольск воочию.

Так привлекали взор к себе строения
И не было в домах однообразия.
Гуляли, пробуждая вдохновение,
Все девушки — красавицы из Азии.
Задался день чудесною погодою,
Ни шороха пока, ни дуновения,
И наслаждалось облако свободою,
Остановив счастливые мгновения.
И золотилось небо бирюзовое
Над куполами солнечными бликами,
И было настроение особое,
И расцветали улицы улыбками
В честь нашего тобольского Святителя,
И благовест ему, и песнопение...
Заступнику и нашему Учителю
Мы воздаем на Празднике почтение.
Со всей Сибири съехались посланники
И краше мир от этого свидания.
И я теперь такой, как эти странники
И с ними одного того же звания.

5

Тобольский Кремль зубчатою стеной
Мне передал привет из прастолетий.
Теперь он в яви тут передо мной
Раскинулся во всем великолепье...
Хотя еще Софиевка в лесах,
Над нею благодатью свет струился.
С лицом от умиления в слезах
Зашел туда, куда я так стремился.
На миг меня величьем ослепил,
Я воспылал надеждой несказанно,
Когда простым паломником ступил
В Покровский храм, где мощи Иоанна.
И там своей молитвою не вдруг
Я попросил его не по записке,
Чтобы помог он исцелить недуг
Той, что сейчас мне ближе самых близких.
Вымаливал здоровье не себе
Пред ракою коленопреклоненно.
И небо становилось голубей,
Казалась взгляду глубь его бездонной.
И благовест разлился как ответ,
И неспроста душе моей запелось:
Милее стал и краше божий свет,
И жить еще сильнее захотелось.
И я поставил к образу свечу,
И сердце так восторженно забилось,
И стали все невзгоды по плечу,
И будто солнце ярче засветилось.

6

За ракой в крестном ходе, как во сне я
Прошел в Кремле, а небо все яснее.
И был невдалеке совсем Владыка —
Рукой подать от мала до Велика!
Что я стою в Софиевском соборе.
Не осознал в паломницком задоре.
Таких соборов три еще на свете.
Открылся этот мне в церковном свете.
Веками тут намаливали стены,
И лики образов глядят степенно.
И, хоть с икон в глаза Он смотрит строго,
Что я в Тобольске — промысел от Бога!
Неужто происходит все со мною?
Но люди — слева, справа, за спиною
И, наконец, себя воспринимаю.
Словам с благоговением внимаю.
Звучит молитва, чудо сотворяя,
А я ее тихонько повторяю.
Покойней на душе от покаянья.
И, хоть устал от долгого стоянья,
Вдруг ощутил в себе такую силу,
Когда услышал «Господи, помилуй!»,
А мне и со смиренной головою
Звон колокольный силу ту удвоил.
А благовест все шире растекался.
И как-то незаметно день смеркался.
И в свете звезд мы будем неустанно
В молитвах славить память Иоанна.

7

День, как перелистнутая страница,
Всего лишь раз успел я оскоромиться.
Не терпится с детинцем ознакомиться,
Хоть столько на ногах, а мне не спится.
Светает. Алый цвет, как на порфире.
Тобольск в туманной дымке поднимается,
Но без Кремля он не воспринимается.
Взмывает Кремль — жемчужина Сибири.
Не дремлют его башни в карауле.
Глядит со всех сторон сама история.
А в глубине, за лугом — консистория,
Напоминает мне пчелиный улей.
Рассвет на заглядение лучистый.
И снова служит Богу семинария.
Запоминаю, как на семинаре я,
Смотрю во все глаза. Семинаристы
Чисты в стремленьях, с долею иною,
Они на Красной площади встречаются,
И в светском платье статью отличаются —

Походка с распрямленною спиною.
В глазах — забота, лицами светлеют
И на челе у каждого — достоинство.
Все в черных кителях — Святое воинство,
Лишь подворотнички на них белеют.
Я видел как сторонний наблюдатель:
Они не для того, чтобы тщеславиться.
И зря хотят красотки им понравиться —
В ребячьих душах царствует Создатель!
Уверен, радость не бывает серой!
И синь до горизонта простирается.
Благочестиво отроки стараются,
Страну упрочить православной верой.

8

Не могу я усидеть.
Коль в Тобольск приехал,
Надо город оглядеть!
Возраст — не помеха.
В грусти старые дома,
Прошлое жалея.
Набирался тут ума
Юный Менделеев.
Им гордится неспроста
Городок былинный.
Манят чудные места,
Не страшит путь длинный.
А дорога — не пряма,
Гонит по столетьям.
Тут и царская тюрьма,
И костел с мечетью.
Люд сибирский дорожил
Не болотной хлябью.
Здесь родился, долго жил
Александр Алябьев.
Знаменит он, ей же ей,
Автор пьес и песен,
Наш тобольский соловей
Многим стал известен.
Неспроста мой взгляд горит:
В чудных красках лета
Все в округе говорит
О коньке поэта.
Не по этим ли холмам
Он унес Ивана
В сказке к царским теремам
В зипунишке рваном.
Голубеет не спеша
Лента Иртышова.
Восхищается душа
Родиной Ершова.

9

Все так же, как и много раз,
Явила добрый нрав Сибирь,
Любовно от сглазливых глаз
Упрятав женский монастырь.
Его лелеют, как цветок,
Чтоб этот светоч не зачах.
И вот — старания итог
На хрупких сестринских плечах.
Они здесь дома, не в гостях.
А день июньский тепл и тих
И небо, словно синий стяг,
Передо мной — одна из них.
Как целомудренна она!
Стяжанья нет, душой цветя,
Вся — в послушанье. Тишина
Ей для моления. Хотя
Еще по-женски молода
И привлекательна на вид,
Но неулыбчива всегда
И без веселости глядит.
Мир уместила в закуток,
Такую выбрала из норм:
Все темно, длинно и платок,
Ни каблуков и ни платформ,
Закрытый ворот, рукава...
На ней и платье, как доспех.
Судьба черницы такова —
С губ не сорвется громкий смех.
Зато глаза, ее глаза!
Из них всегда лучится свет
И могут многое сказать,
Дав на любой вопрос ответ.
И будь то зной или мороз —
Решимость бледного лица...
Ее жених — Иисус Христос
И ей идти с ним до конца.

10

На небе тучи. И жара
Сегодня спала. И с прохладой
Готов я снова в путь с утра
И побывать в скиту мне надо...
Так много в жизни повидал,
Свидетель страшных потрясений.
Не забывая вознесений,
С народом вместе он страдал,
Не избежав земных потерь.
Но Божья Матерь Абалака
Спасала всех тогда от мрака.

Она спасает и теперь.
Познав предательский навет,
Все пережили эти стены.
И в прошлом — подлые измены.
В монастыре грядет расцвет.
Мы у него всегда в долгу.
Он наш душевный утешитель...
И возрожденную обитель
Не посетить я не могу.
Был встречен солнечным дождем.
Там старина и новостройки.
Так будем, люди, верой стойки!
И в смуте мы не пропадем.
Ничто не делает Бог зря
И кровь людская не водица!
Должна Россия возродиться,
Как стены вкруг монастыря!
И будет вновь такой размах!
Не может это не случиться.
И мы сумеем отличиться.
Напрасно ль братия в мольбах?

11

А мне уже пора домой —
Какой роман без точек.
Но будет вечно жить со мной
Тобольский городочек.
И я в обиде на судьбу,
Что не бывал тут раньше.
И говорю не в похвальбу,
Без лести и без фальши:
Куда не взглянешь — экспонат!
Нельзя им не гордиться.
И манит древний аромат —
Ну, как не возвратиться!
Мир изменяется вокруг
И жить на свете любо.
Звон колокольный нежит слух,
Чуть слышно шепчут губы:
Когда ласкает солнце плоть
И в стужу ледяную,
Благодарю тебя, Господь,
За благодать земную!
Что путеводная звезда
Мне светит лучезарно,
Благодарю! Жаль, не всегда
Бываю благодарным.
За это, Господи, прости.
Как рад, что я — не лишний!
И легче будет мне в пути,
Когда прощен Всевышним.

12

(ПОСЛЕСЛОВИЕ)

Паломничество — это не от скуки!
Проходит жизнь в дороге? Ну и пусть.
Перрон. Гудок. Все чаще перестуки,
Ритмичностью навеивая грусть.
Как вам в Тобольске? — Если бы
спросили,
То я б ответил без отвода глаз:
«Тоболяки, не вы ли соль России,
Но почему так горько мне сейчас?
Вначале вы меня очаровали.
Открыв красоты, взгляд мой веселя,
Но душу поразило от развалин,
Как будто здесь ничейная земля.
И без кровопролитного сраженья,
Так взял его неумолимый враг...
И горше мне вдвойне от униженья,
И время превращает город в прах.
Так что с тобой, столица Православья?
Понатворили, Господи, прости!
Где храмов красота и величавье?
Осталось шесть от сорока шести.
Покровский и Христова Воскресенья,
Андрея Первозванного... И в них
Не будет никогда богослуженья,
Навеки колокольный звон утих.
И нет уже былого загляденья.
Стоит несокрушимый божий дом,
Как знамение и предупрежденье
Поникнувшим трехвековым крестом.
Всей горечи не передать словами.
И Кремль уже не поднимает ввысь.
Глядит Тобольск руинными церквами,
И даже не пытается спастись».
А в будущее смотрит без опаски.
И мною лишь придуман диалог.
Наверное, я зря сгущаю краски,
Ведь город не такое перемог.
Нет, он не безнадежный горемыка,
Которому нельзя не сострадать,
А коль престол здесь нашего Владыки,
Тобольск не минет Божья благодать!

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Яков Шафран
(г. Тула)

ИСТИННОСТЬ, ТАЛАНТ И САМОБЫТНОСТЬ*

(О книгах двух тульских авторов)

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша» (2013 г.), Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокских зорь».

СВЕТ ДУШИ ОЛЕГА ПАНТЮХИНА

Отзыв на книгу «Избранные стихи»**

Когда я впервые открыл книгу Олега Викторовича Пантюхина «Избранные стихи», то испытал ощущение простора и света. И первое, и второе — не столько от оформления (хотя и оно значимо), сколько от буквально излучающих свет строк. Известно, что человек познает мир смыслово-интеллектуальным и интуитивным методами. Однако поэты, благодаря своей тонкой и ранимой душе, проходящие через душевные страдания и муки, в той или иной степени обладают, подобно пророкам, еще и методом откровения свыше. Видимо, синтез всего этого в творчестве автора сборника и послужил основанием для такого восприятия.

Многие пишут стихи для облегчения, изливая накопившиеся в душе чувства, а кто-то и ставя перед собой «великие цели» — не менее как облагодетельствовать человечество. Но первое же стихотворение из сборника О. Пантюхина говорит об особом подходе поэта к творчеству. Он понимает его не просто как «выброс пара» и, уж тем паче, не как создание «шедевров», где и букву поправить — преступление. Поэт относится к стихам, как к ангелам, слетающим с небес, как к средству, исцеляющему душу.

---

* Самобытность — талант от Бога (Из народной мудрости XX века).

** Пантюхин Олег. Избранные стихи: поэтический сборник / Приложение к журналу «Приокские зори».—Тула: Аквариус, 2015.— 64 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Стихи, как капельки росы,
Словами напитают душу.
Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты...
. . . . . .

И в мир наш, что не верит в чудо,
Прольется луч из чистых слов...

(«Стихи, как капельки росы...», с. 10)

На какую бы тему ни было стихотворение, автор говорит о Любви. Тема во всех ее аспектах не новая, но, раскрываемая чувствами, пропущенными через осознание пережитого, делает стихи поэта искренними, а его лирический герой предстает перед нами самобытным и не похожим на других. Без Любви, вмещающей в себя все, говорит он, мир — «бездна пустоты», поэтому сердце человеческое находит «волну любви», ибо «оно ведь и не может жить иначе». Душа, открытая небу, а значит, и высокому чувству, находит Любовь и в «песне дождя», и в быстротекущем мгновении, и в окружающей красоте — «аромате цветов», «просторе бескрайних лугов», — и мир снова наполняется содержанием. «Без полета все вокруг — мука...» — пишет Олег Пантюхин.

Тяжелое восприятие жизни происходит порой из-за непонимания человеком связи времен. Ведь как не может быть будущего без настоящего, так и настоящее невозможно без прошлого. Истинный поэт это хорошо понимает. Поэтому один из центральных, ключевых разделов книги О. Пантюхина «Память сердца» посвящен Великой Отечественной войне.

...Промчалась годов вереница,
И кажется, что никогда
Не будет уж больше им сниться
Проклятая эта война...

(Военные сны, с. 30)

Сколько лет прошло, а людям, защитившим нас от уничтожения и рабства, на долгие годы положившим конец войнам на нашей и не только земле, не забыть тех тяжелых годин. Ведь это была страшная война: передышек на фронтах практически не было: за все время в общей сложности они составили всего около трех месяцев, а наши общие — военных и гражданского населения — потери в 26,6 миллионов человек почти в два раза превысили суммарные потери Германии и ее сателлитов, взятые вместе с потерями наших союзников.

...Давайте же будем достойны
И памяти будем верны
Людей, победивших все войны,
Героев российской земли!..

(Военные сны, с. 30)

Прошлое наше — это не только память о дальних предках («Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит», В. Гете), но и о родителях. Уважение к отцу и матери — крепость для человека, защищающая его в будущем от страданий. Любви к матери посвящает свои стихи и Олег Пантюхин:

...Одно лишь свойство у письма есть —
Лишь мать так может написать,
Оно способно сердце сына
Своей любовью согревать.

(Письмо матери, с. 31)

Есть такое понятие — близкие. В число их входят и родители, и другие члены семьи, и верные друзья. Близких нужно всегда держать в сердце, помнить и вспоминать, что является процессом постоянной актуализации образов, мыслей и чувств из прошлого опыта.

...Вспоминайте любимых!
Они рядом всегда —
В ваших мыслях, душе,
В вашем любящем сердце...

(Вспоминайте любимых, с. 34)

Так укореняется человек. Корни его в родительском воспитании, в малой родине и в детстве. Во многом то, каким вырастет древо-человек, определяется его ранними годами жизни. Настоящий поэт — проводник высших истин, каким, безусловно, является Олег Пантюхин, хорошо понимает это. Отсюда и его отношение к своему детству. Свет души автора идет оттуда.

Я вчера случайно заглянул
В давний и любимый дворик детства,
Будто ветер памяти подул и
Стало хорошо и радостно на сердце...
. . . . . .

Знаю, сколько лет бы не прошло,
От былого никуда не деться.
Чтобы стало на душе светло,
Загляните в старый дворик детства!

(Дворик детства, с. 35)

И чем более прочны основы русского человека, тем более болит у него душа за Россию, за народ, болит, конечно, и от всех «хмуростей» наших дней.

Русская деревня — боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоногом детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня, словно в поле зимнем,
Запустеньем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенек малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.
И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?

Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше!

(Русская деревня, с. 55)

Поэт как истинный патриот обращается к родной земле:

Сохрани и спаси
Русская земля!

(«Зазвони колокол...», с. 54)

Еще в «Слове о полку Игореве» вся Русская земля объединяется в один конкретный и живой образ прекрасной и страждущей Родины, что служит призывом всего народа — сверху донизу — к единению, ибо только единство перед лицом значительных трудностей может спасти и сохранить как весь народ, так и отдельного человека.

Неспокойно на душе у О. Пантюхина — иначе и быть не может — и от мировой несправедливости, от зверств злодеев-террористов. Но он твердо верит:

...В то, что спасется наша Земля,
Свято верю.
Верю — очистится от беды
Вся планета,
Станет обителью доброты,
Любви и света...

(«Желтыми листьями октября...», с. 56)

...Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...

(«Глоток вины... Так хочется его!..», с. 41)

Автор не только верит, но и знает средство преодоления зла, он воздействует на душу, пользуясь духовной силой слов, — люди, несмотря ни на что, недолжны остудить свои сердца.

...Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно быть негасимым огнем!

(«Заметает февраль все дороги...», с. 45)

Любовь, которую человек несет в мир, способна не только помочь миру, но обладает исцеляющей силой и для самого человека. Тот, в ком душа полна любви и света, знает об этом.

...На языке любви
Поговори с природой,
И в сердце непогоды
Развеются твои.

(«Октябрьский теплый день...», с. 49)

«Бог есть любовь»*, — говорит нам Священное Писание, учат апостолы и передают в своих произведениях духовные писатели и поэты. Но неправильно думать, что уже не нужно говорить и писать о том, о чем было сказано и написано до тебя. Писатель, поэт в силу своего жизненного опыта, образования, той или иной степени развития интуиции, благодаря информации, содержащейся в подсознании, своеобразному сочетанию левого и правого полушарий мозга, проникновению в бессознательную сферу психики, может увидеть то, что никто не видел до него в уже исследованной, казалось бы, области — новая сторона, новый оттенок, новое свойство меры. Так и Олег Пантюхин не боится говорить о Боге, о вере, ибо он глубоко — не формально, но и не фанатично-идолопоклоннически, не по-фарисейски — верит в Бога и понимает, что только в Нем и может человек быть человеком. Он считает:

...Каждый сам приходит к Богу,
Чтоб себя не потерять...

(«В храме тихо и просторно...», с. 58)

Добавим — и обрести! Обрести себя настоящего, не половинчатого — только постоянно раскаивающегося и постоянно смиренного, — а цельного, который, наряду с сокрушением о себе, просит у Господа сил на активную, действенную Любовь.

ИИСУСУ ХРИСТУ

Страстям мы предаем себя,
А Ты нас любишь до последних вздохов.
В грехах своих, невежестве, пороках
Живем мы, позабыв Тебя.
Ты видишь каждый жизни нашей шаг.
Твой Ангел неотступно с нами.
От бед хранит он нас крылами,
Скорбит, когда нас побеждает враг.
О, Боже! Дай же нам любви!
Твоей святой, божественной, незримой!
Ни сердцу, ни душе жить без нее нет силы.
Прости нас, Боже, и благослови!
И в час закатный грешная душа
Почувствует, как луч, Твое прощенье,
Оставив силам вражьим прегрешенья,
Воспрянет, божьей радостью дыша! (с. 60)

В заключение скажем: автору кое-где еще нужно поработать над стихами, но не это главное. «Поэтическое видение мира, ассоциативность, подчиняющаяся своим особым законам, а не законам логики, и ассоциативная образность — вот что... в первую очередь определяет поэзию, а не ритм, строфика, или рифма.** Стихи поэта Пантюхина — это непрерывающийся поток чистой живой воды из родника его души, глубоко поэтической души. И странно, что этого не заметил такой крупный поэт, как В. Пахомов, который должен был — ради непогрешимой истины — осветить своим

* «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. (1Иоан.4:16)

** М. Кудинов, вступительная статья к кн. Вольтер «Стихи и проза», 1987

авторитетом талант автора сборника, но... не сделал этого, и даже наоборот. Однако подобные странности мэтра не умалили и не умалят ценности стихотворений Олега Викторовича Пантюхина. Мы же только повторим за ним:

Нельзя шутить с судьбою,
Со случаем шутить.
Ты доброю душою
Всегда старайся жить...

(«Нельзя шутить с судьбою...», с. 61)

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ И ЧЕЛОВЕКА
(О книге Владимира Пашутина «Савелий»*)

Владимира Пашутина до сих пор я знал как композитора, поэта, автора и исполнителя песен. Но вот в руки попала его книга — повесть «Савелий», и я открыл для себя Пашутина-прозаика — и очень хорошего прозаика. Произведение написано качественно, профессионально, но главное даже не это — а каждой строкой, каждым диалогом, любой страницей излучаемая доброта автора, его душевность и любовь как к большой, так и малой родине, к людям, патриотизм.

Владимир Пашутин устами одного из своих героев говорит нам о вечном уважении русских к предкам и о неизбывной черте народа — сострадании: «Эх, Русь, сколько ты потеряла за свою историю драгоценных жизней. Сколько еще остается, и будет оставаться детей-сирот, не познавших ласку своих отцов, вдов...» (Владимир Пашутин, «Савелий», с. 30). Фамилия этого героя — Оуэн, зовут Конн. Он — потомок выходцев с Британских островов, ирландцев, эмигрировавших в Россию еще при Петре I. В нем нет ни капли русской крови, но выбор его — быть русским. Это еще раз подтверждает правоту «Декларации русской идентичности», принятой на XVIII Всемирном русском народном соборе, в которой говорится: «...Русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа»**.

И еще очень важный момент. В повести «Савелий» показано истинное отношение — уважение — русских к другим народам и народностям, населяющим нашу большую страну: «Валерий Зубов распорядился делать походные стоянки подальше от аулов, чтобы не стеснять местных жителей людским и лошадиным обилием. С дагестанцами сложились очень хорошие отношения...» (Там же, с. 8).

В произведении хорошо дан образ светлейшего князя Потемкина, самого достойного (фактического) руководителя страны в послепетровскую эпоху, заботившегося, к примеру, о рядовом солдате, как о собственном сыне. Не случайна ответная любовь к нему солдат и офицеров той поры. «Лет десять — пятнадцать тому назад нам заменили солдатскую форму на более удобную. Фельдфебель говорил нам: “Эту форму придумал сам Светлейший Потемкин. Носите на здоровье!”» ...«Особое внимание у него было к русскому солдату. Его реформы в этом деле можно поставить рядом с военными победами Суворова...» (Там же, с. 24—26).

В. Пашутин в течение всего повествования удачно вкрапливает в динамично развивающийся сюжет воспоминания главного героя, Савелия, и множество интересных

* Пашутин Владимир. Савелий: повесть. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. — 102 с.

** Документ принят 11 ноября 2014 года по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России».

и полезных исторических сведений, что говорит не только о большой эрудиции автора, но и о понимании им непрерывности и преемственности истории.

Повесть Владимира Пашутина — и о Тульском крае. А как может быть иначе, если он — певец нашей земли: ее столицы — Тулы, городов и сел области, уникальных ее памятников и природных красот, где корни и самого автора, и его дальнего предка — Савелия. В частности, Пашутин пишет об истории дома-усадьбы графа А. Г. Бобринского — жемчужины края, о многих реках и тогдашних селах, о земледелии той поры (Там же, с. 57—60). Он хорошо знает историю Тулы и ее прошлые и теперешние значимые места, в частности: Конный рынок, Храм во имя Двенадцати Святых Апостолов, дворец купца I гильдии В.И. Ливенцева и другие (Там же, с. 75).

Остросюжетность в описании боевых действий и событий во время путешествия — одна из замечательных черт повести. Военная обстановка и действия военных в боевых эпизодах так хорошо передаются, будто автор сам был их участником.

Художественная ценность книги во многом определяется и пейзажными зарисовками. Владимир Пашутин делает это мастерски. Вот описание пейзажа, связанного с обстановкой: «Четверо друзей и не заметили, как наступила ночь. Она была очень темной, в двух шагах ничего не видно. Чуть-чуть рассеивали тьму ближние и дальние костры. Небо заволокли тучи. Луны не было. Поначалу теплый легкий, ветерок стал приобретать силу, и она с каждой секундой увеличивалась. Такая погода настораживала. Друзья поспешили... в свои расположения. Савелий... стал ждать полковника...» (Там же, с. 12). Короткими фразами, как художник мазками, автор емко рисует красоту окрестной природы: «Дорога проходила по прикаспийской низменности. Сочная зеленая трава была уже достаточно высокой. «В средней России сейчас бы ее уже косили, а через месяц-полтора устроили бы второй укос»,— подумал Савелий. Со всех сторон доносилось: «Спать пора, спать пора»,— это созывали своих цыплят перепелки. Несколько раз Савелий замечал вдали высоко подпрыгивающую лисицу, охотившуюся за мышами. Высоко в небе пели зяблики. Савелий посмотрел на небо и увидел коршуна, который, прижав к телу крылья, стремительно бросился вниз и, еще не долетев до земли, схватил свою очередную жертву и, раскрыв крылья, спланировал куда-то в сторону, пропав в высокой траве...» (Там же, с. 17—18). Автор хорошо знает мир животных степного края, в котором разворачивается действие большей части повести и красочно изображает его обитателей.

И уж, поскольку мы коснулись этой темы, то следует сказать и о любви к лошадям — тогдашним постоянным спутникам русского солдата-крестьянина. «Привели свежих лошадей. Одну запрягли в телегу, а другую привязали сзади нее. Лошади, которые шли непрерывно от самого Дербента, были уведены для заслуженного отдыха. Когда их уводили, Савелий каждую нежно погладил и поцеловал на прощание. В глазах у него появились слезы...» (Там же, с. 45). Владимир Пашутин как бы говорит нам — без любви к братьям нашим меньшим не может быть большой души у человека.

Автор и в прозе остается поэтом. О любви главного героя он пишет красиво, с достоинством, ведь это — одно из лучших проявлений в жизни человека. А о диковинке того времени на столе, картофеле, в последствии ставшем вторым хлебом в России, он создает целую поэму. «Господи, не в раю ли я? Что за царская еда!»

Однако повторимся, как бы ни красиво было то или иное описание, созданное Пашутиным, каких бы сведений или событий он ни касался, будь то медицинский осмотр врачом раненного офицера и лечебные действия (Там же, с. 47) или что-то другое, это — прежде всего, профессиональный рассказ писателя, в котором простой природный юмор автора то тут, то там искринками рассыпается по всему произведению...

Вот и закончилась 1-я часть повести «Савелий». Перевернута ее последняя страница, на которой Владимир Петрович Пашутин делает посыл к ее продолжению, ко 2-й части — «Савелий и его потомки». Пожелаем и мы доброго пути автору и его героям!

Игорь Карлов
(г. Подольск, Московской области)

ИЗ ОПЫТА КИТАЙСКИХ ТОВАРИЩЕЙ

Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори».

Лента нашего литературного телетайпа пестрит новостями, долетающими со всех концов света. Сегодня мы предлагаем читателям «ПЗ» обратить взоры на Восток. Уверены, что даже краткий обзор современной китайской словесности окажется небезынтересным и небесполезным. При всей оригинальности искусства Поднебесной, при всем своеобразии сложившихся за тысячелетия великоханьских культурных традиций (в особенности же традиций, выработанных в период образования и становления КНР), при всем европоцентризме отечественной беллетристики не только любопытно, но и поучительно сопоставить состояние литературного процесса в России и в Китае.

Общим местом стали слова о китайском чуде. Произносятся они с различными интонациями: кто-то шепчет их с придыханием, кто-то выдавливает из себя с явным озлоблением, но бесспорным остается тот факт, что Китай ныне прочно обосновался на второй ступеньке пьедестала почета (и, разумеется, не только в спорте — чуть ли не по всем показателям). Не стоит впадать в самообман, слушая скромные речи самих китайцев, заявляющих, что роль страны номер два их устраивает во всех отношениях, что они добились всего, чего хотели, что дальнейшее развитие КНР будет направлено исключительно вовнутрь. Нет, конечно. За показной сдержанностью привычных к самодисциплине азиатов скрывается бешеный темперамент потенциального гегемона. Доминирования в современном мире сыны Поднебесной станут добиваться всеми доступными средствами, например, демонстрируя так называемую «мягкую силу», которая неотъемлемой частью включает в себя искусство (и литературу, в частности). Поэтому давайте внимательнее всмотримся: что за свет сияет сегодняшним читателям с Востока...

Давно канули в Лету те века, когда каждый китайский чиновник обязан был продемонстрировать чуть ли не дословное знание классических произведений — экзамен на чин без этого не засчитывался. Подернулись пылью забвения десятилетия «культурной революции», когда любой китайский коммунист почитался более талантливым автором, чем гнилой интеллигент, не овладевший правильной идеологией, а романы, песенные тексты и революционные драмы создавались миллионами к очередному государственному празднику. Забываются те годы, когда уцелевшие после чисток литераторы (в КНР их называли «перезимовавшими комарами») робко искали точки соприкосновения с коммунистическим руководством, осуществлявшим курс реформ.

Сегодня в отношениях китайского писателя и властей предержащих начался но-

вый, интересный этап. В партийных и государственных структурах КНР никто не спешит расставаться с коммунистическими догмами, границы дозволенного для миллиардного населения страны обозначены по-прежнему наглядно, может быть, на наш изнеженный демократией взгляд, даже грубовато, впрочем, вполне прагматично. Однако отношение к официальной идеологии постепенно меняется. Внутри пространства, которое государство оградило красными линиями, есть возможность чувствовать себя если не свободным, то уверенным, есть возможность самовыражаться, проводить творческие эксперименты, зарабатывать; перейдя известные всем рамки можно столкнуться с неприятностями. И, похоже, сложившееся положение вещей устраивает как широкие массы населения, так и большинство творческой интеллигенции. Профессор восточноазиатских исследований Нью-Йоркского университета Сюдун Чжан (подчеркнем: китаец, но при этом сотрудник самого что ни на есть либерального учебного заведения) заявляет прямо и однозначно: «Искусство — проводник идей государства во имя любви к Родине. Согласно древней китайской традиции, литература и искусство понимаются как дорога в рай. Другими словами, политический строй должен проводиться в жизнь и вдохновлять граждан средствами литературы и искусства».*

Таким образом, сегодня в КНР идеологическая составляющая искусства стала прочной основой всего понятийного комплекса, описывающего культурную ситуацию в стране. Судя по всему, это не приводит ни к застою, ни к деструктивным тенденциям в творческой среде. Скорее, наоборот. Хотя нам, наследникам «самиздата» и пересторечной периодики, сложно себе такое представить.

Во второе десятилетние нового тысячелетия Китай вошел с твердым осознанием того, что художественная культура, подпитывающая интеллект, являющаяся базисом, как образования, так и морально-нравственных устоев общества, не менее значима, чем экономические или финансовые достижения. Причем такое отношение к искусству не мода, не веяние времени — стратегия, разработанная уже давно и рассчитанная на длительную перспективу. Сошлемся на посвященную вопросам индустриальной модернизации Китая статью кандидата экономических наук О. Н. Борох, которая отмечает следующее: «Руководство КНР ставит культурное развитие в один ряд с экономическим развитием. На XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) была поставлена задача, ускорения развития культурной индустрии... Концептуальные основы реформирования культурной сферы были заложены при обсуждении вопроса о том, можно ли культуру полностью отдать рынку. Было проведено разделение на две сферы: сферу общественных благ — библиотеки, музеи, радио, телевидение — и культуру как индустрию, т.е. то, что уже относится больше к рынку... В 2009 г. Госсовет КНР обнародовал план подъема культурной индустрии. В 2011 г. была поставлена задача превращения культурной индустрии в опорную отрасль китайской экономки. Впервые на 12-ю пятилетку был разработан специальный раздел по развитию культуры. В 2011 г. прошел пленум ЦК КПК, посвященный превращению Китая в «могущественное культурное государство». Такой Китай, по мнению руководства страны, должен восприниматься не только как страна-производитель, но и как креативная страна».**

Смеем заверить, что это не только намерения. Это четкий план практичных до технократизма руководителей, которые, поколение за поколением, движутся в намеченном направлении, словно рыба на нерест. В соответствии с этим выработанным некогда планом Китай стал ядерной державой, вышел в космос, научился изготавли-

---

* Сюдун Чжан. Быть патриотом — немодно? http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Lenin-ideal-kitajskoj-intelligencii.

** Борох О. Н. Стратегия развития культурных индустрий КНР//Азия и Африка сегодня. № 8, 2012. С. 49

вать компьютеры и автомобили, занял место мирового банкира. И в Поднебесной, во-первых, никто не посыпает голову пеплом по поводу того, что план этот набросал ужасный Мао Цзэдун (впрочем, об исторической роли «великого кормчего» китайцы все-таки спорят, спорят о том, на сколько процентов Мао был плохим: на тридцать или на сорок, потому что всем ясно — на шестьдесят или даже семьдесят процентов он был хорош). А во-вторых, в КНР никто не рефлексирует по поводу того, что для реализации начертанного плана надо было пройти не самый почетный путь ученика, копииста, плагиатора.

Можно не сомневаться, что великой креативной страной Китай станет. Уже становится: не международные инвесторы, не сердобольные филантропы или НКО и не доморощенные меценаты заняты этой задачей — скучные бюрократы из партийно-государственных структур. Нынче в КНР почетная роль интеллигенции закреплена в основополагающих документах КПК, законодательство страны изменяется с учетом защиты прав интеллектуальной собственности, в международных организациях представители китайской державы упорно и наступательно отстаивают авторские права своих соотечественников.

А теперь позволим себе несколько наивно-бестактных (впрочем, вполне риторических) вопросов: сложно ли создать имидж креативной страны для России? Могла бы русская культура стать опорной отраслью отечественной экономики? Возможно ли у нас недвусмысленно разделить культуру, скажем так, высоких достижений и культуру как индустрию? Что мешает нашим властям хотя бы в перспективе обозначить переход к построению «могущественного культурного государства» как свою задачу? Есть ли дело исполнительной и законодательной властям до творческой интеллигенции, призванной формировать граждан и избирателей? Сложно ли создать логичную, понятную и четко действующую систему, защищающую авторские права создателей культурной продукции? Не стало ли осуществление «грандиозных» мероприятий по проведению годов культуры да литературы досадной помехой на пути возрождения культуры и литературы России?..

И если после всех этих вопрошаний вновь перевести взгляд от родных осин в бамбуковые кущи, то глаза русского интеллигента подернутся слезой — больно резок контраст. Сегодня китайскую культурную продукцию люди во всем мире потребляют с завидным аппетитом, причем китайцы, виртуозные повара, ловко пользующиеся разнообразными приправами, готовы удовлетворить запросы как утонченных эстетов, так и самой широкой публики. В настоящее время КНР занимает третье место в мире по производству кино и телефильмов. Кинематографисты Поднебесной не дают голливудской продукции заполонить свой внутренний рынок, а сами потихоньку подбираются к вершинам мирового признания, регулярно предлагая зрителям как фильмы, увенчанные лаврами престижных фестивалей, так и зрелище для неискушенной публики. Процитируем вновь уже упомянутого профессора Сюдуна Чжана: «Массовую культуру сегодня представляет не кино, а телевизионные постановки, которые каждый вечер смотрят миллионы людей. В этих постановках можно увидеть возрождение патриотизма, прославление коммунистической партии, революционного прошлого».*

Действительно, современное китайское телевидение делают стажировавшиеся в лучших мировых центрах специалисты, делают профессионально, умело, однако явно сверяясь с руководящей ролью КПК. На наш взгляд, контент бесчисленных китайских телеканалов несколько однообразен и нацелен не невзыскательную аудиторию, однако при всем том, бесспорно, находится на уровне современных технических тре-

* Сюдун Чжан. Быть патриотом — немодно? http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Lenin-ideal-kitajskoj-intelligencii.

бований. То же можно сказать и о компьютерных технологиях. Китайские программисты (чувствующие, напомним, за своими плечами законодательную и юридическую поддержку государства) создают компьютерные игры, завоевывающие все более широкую аудиторию в Сети.

Однако для нас, для тех, кто работает с литературным телетайпом, интереснее, конечно, печатное дело. Так вот, Китай прочно держится на первом месте в мире по номенклатуре названий книг, издаваемых за год. Среди них и удостоенные авторитетнейших премий тома, и красочные издания для детей, и адаптированные для западного читателя произведения древних мудрецов — опять-таки продукция на любой вкус. При этом, как и в других отраслях, китайцы только на первом этапе делают ставку на внешний рынок: чтобы закрепиться, понять технологию успеха, отработать маркетинг, а затем презентовать своему читателю беллетристику наивысшего качества. Алгоритм действий примерно такой же, как при изготовлении западных гаджетов или русских истребителей: покупается технология, обкатывается на мировом рынке, после чего предлагается внутреннему потребителю.

Как это работает в сфере литературы? Китайские стихотворцы, пожалуй, сказали бы, что не очень хорошо: они, точно так же, как их коллеги из страны, где поэт — больше, чем поэт, часто вынуждены издавать сборники за свой счет. Однако прозаики живут другими мерками. Тиражи китайских авторов эпических произведений — от 5 до 8 тысяч экземпляров. Для страны с огромным населением, казалось бы, не так уж и много, но номенклатура книг, напомним, широчайшая. Если же говорить о произведениях, выбивающихся в бестселлеры, то их тиражи могут достигать и стотысячной отметки. Как же не позавидовать (по-доброму, разумеется, по-хорошему) такому положению вещей!

И как же понятно нам, русским, то, что именно через книгу, через язык творческая интеллигенция Китая стремится отстоять и сохранить своеобразие своей цивилизации. Известный китайский филолог, профессор Института зарубежной литературы Академии общественных наук Китая господин Лю Вэньфэй размышляет: «...утрата классических ориентиров, особенно в языке, ведет и к эстетической, и, что особенно страшно, к этической деградации, в результате чего произведения литературы вместо преображения жизни усугубляют ее тяготы. Основная же задача реалистичной литературы — не только показать правду жизни, но и дать надежду для дальнейшего существования, оказать некую психологическую поддержку... К счастью, китайский язык мало кто знает! Он сложен в изучении. Иероглифы — это в какой-то степени наша защита от вторжения в китайский язык иноязычного начала... И это дает возможность сохранить языковую самобытность и защитить нашу современную культуру от натиска глобализации».*

Кто возьмется утверждать, что указанные проблемы не коснулись нас, русских, что наблюдения и соображения китайского профессора нам абсолютно чужды и не нужны?! А ведь стартовые условия у наших китайских коллег были гораздо более сложные, чем у отечественных деятелей культуры еще лет двадцать — двадцать пять назад. В СССР было предостаточно образованных, грамотных людей, существовал культ книги, количество желающих заниматься творческими профессиями зашкаливало. В КНР же и сегодня образовательный уровень потребителей культурной продукции крайне низок — упомянутые выше миллионы зрителей сериалов в массе своей окончили лишь 10 классов школы.

Действительно, проблемы культурного и интеллектуального развития китайцев стоят довольно остро. Специалисты констатируют: «Население страны в целом отличает низкий культурно-технический уровень. Вузы и приравненные к ним высшие

* Вэньфэй Лю. Стать переводчиком сегодня никто не мечтает // Литературная газета, № 38, 2012.

курсы окончили всего около 3 процентов населения (правда, это порядка 40 млн. человек). Вопрос заключается в том, насколько в дальнейшем будут эффективными усилия китайской образованной элиты».*

А в эффективности прилагаемых к культурному развитию усилий, как мы уже отметили выше, сомневаться не приходится. Сошлемся на два примера, на два имени, иллюстрирующих нашу мысль.

И первое имя — Юэ Нань. Впрочем, это псевдоним, а настоящее имя известного китайского писателя, родившегося в 1962 году в уездном городе Чжучэн в провинции Шаньдун, — Юэ Юмин. Жизненный путь Юэ Юмина романтическими подробностями не изобилует. Скорее, наоборот, это типичный путь типичного представителя своего поколения: после окончания средней школы юноша поступил на литературный факультет Института литературы и изящных искусств (внимание!) при Народно-освободительной армии Китая. Затем продолжил образование в аспирантуре Пекинского педагогического университета искусств имени Лу Синя, где стажировался на факультете литературоведения. В настоящее время Юэ Нань — член Союза писателей КНР, вице-президент Ассоциации изучения китайской палеографии, приглашенный профессор в Тайваньском университете Цинхуа. Над экранизацией произведений Юэ Наня совместно работают Национальное телевидение КНР и Пекинский университет. В 2011 году доход писателя от издаваемых книг и продажи прав на издательство составил 1 млн. 750 тыс. юаней (по курсу 2011 года это порядка 7 млн. рублей). Таким образом, Юэ Нань занял 24 место в списке самых высокооплачиваемых авторов по версии журнала «Форбс».

Хотите знать, как писателю войти в список «Форбс»? Боюсь, мой ответ многих разочарует: дело не в «рукопожатности», не в премиально-тусовочной востребованности, не в извращенно-экстатических перформансах. Просто надо много и напряженно работать. Юэ Нань, например, восемь лет трудился над исторической трилогией «Бегство на юг, возвращение на север», получившей высокую оценку книгочеев, ставшей бестселлером, который, собственно, и принес автору миллионные гонорары.

Это, кстати говоря, великолепно характеризует не только писателей, но и читателей из Поднебесной: там сохранен интерес к произведениям патриотическим, национально ориентированным, позволяющим душу современника поверять проблемами и коллизиями давно минувших дней. А Юэ Нань, отвечая на запрос аудитории и, разумеется, отвечая своим творческим, личностным потребностям, продолжил идти избранным путем: в 2012 году литератор издал одиннадцатитомную серию книг в жанре документальной прозы «Тайны китайской древности». Новое эпическое полотно одного из ведущих специалистов по китайским древним рукописям не только вызвало очередной всплеск читательского интереса, но и стало авторитетнейшим трудом по палеографии.

Так творит Юэ Нань, ученый, писатель. Литературное творчество и исторические открытия в его произведениях гармонично сочетаются, дополняют друг друга, приглашая читателя в увлекательнейший мир величественных древних монархий.

А вот другое имя в современной китайской литературе, другой путь, другой взгляд на ремесло — тонкий, своеобразный лирик Ван Цзюсинь, один из наиболее известных современных китайских поэтов, обладатель литературной премии имени Лу Синя.

Свои произведения Ван Цзюсинь порой подписывает псевдонимами, из которых нам известно два. Один из них — Ван Найцзю, что можно перевести как Надежный Ван или Выносливый Ван. Очень точное имя, за которым встает ясный образ, что,

---

* Чудодеев Ю. В. Вызовы глобализации и перспективы сотрудничества // Азия и Африка сегодня, № 10, 2011. С. 5.

впрочем, станет понятно читателям чуть позже. А вот второй псевдоним китайского стихотворца — Синь Цзы — предполагает более широкую трактовку, и понимать его можно даже в традициях русской литературы. Одно из значений имени Синь Цзы — Страдалец. Однако его можно перевести и так: Горький. Ни больше, ни меньше.

Предки Вана Цзюсиня — выходцы из провинции Хэбэй, сам же господин Ван родился в провинции Шэньси, в Сиани. Этот факт во многом предопределил взгляды поэта на искусство: Сиань, древняя столица Китая, с раннего детства открыла ему красоту и великолепие старинных китайских памятников, дворцов, крепостей. Ван Цзюсинь любит родной город, как все местные жители, однако стихотворцу дано и землякам, и приезжим открыть глаза на то, мимо чего иные могут пройти, не заметив. Ван Цзюсинь приглашает полюбоваться Сианью как можно большее количество людей, направляя их созерцательные восторги в творческое русло. Сегодня в провинции Шэньси проходит несколько поэтических фестивалей, за которыми Ван следит ревностно и неотступно. Впрочем, он прямо признает, что в представленных на творческих форумах текстах высоких образцов лирики встречается, к сожалению, крайне мало. Однако, считает Ван Цзюсинь, это не повод для черного пессимизма. Напротив, чем меньше золотых крупинок попадается старателям от поэзии, тем выше следует ценить редкие находки!

Каково же его собственное творческое кредо? В стихах Вана Цзюсиня слышны явные переклички с произведениями средневекового поэта Ли Бо. На страницах сборников нашего современника мы можем встретить изысканные образы из далекого прошлого: вот великий император Сюань-цзунь во всем блеске своей славы; вот одна из четырех легендарных красавиц в истории Китая — Ян Гуйфэй; вот прекрасная наложница наливает вино императору... Каждый из этих персонажей, каждый их жест, каждое слово полны голубого символизма. Господин Ван сложил несколько поэм об эпохе, вошедшей в китайскую историю под именем Золотого века Танской поэзии. В те времена художественное слово ценили, восхищались им, ориентировались на него.

Основной вопрос, к которому постоянно возвращается Ван в своих книгах, по остроте близок к «проклятым» русским вопросам: можно ли сегодня возродить дух средневекового преклонения перед поэтическим словом? Ван Цзюсинь считает, что лирика — поприще возвышенное, однако далекое от аристократической заносчивости. Стихотворцы древности редко были выходцами из благородных семей — они происходили из народа и писали для народа. Пусть круг читателей в прошлом был достаточно узок, это не мешало широким массам населения любить своих поэтов, создав настоящий культ поэзии.

Характерное для Вана Цзюсиня рыцарское служение стихотворству предопределило основу не только его эстетики, но и этики. Ван не сомневается: только лирика поможет Китаю стать по-настоящему процветающим. Прислушаемся к пророчеству поэта: «По моему убеждению, лишь когда наш народ всем сердцем полюбит и примет поэзию, тогда и можно будет говорить о создании благоденствующего Китая. Это очевидно: нельзя считать богатым человека, озабоченного исключительно вопросами благосостояния и потребления, но не имеющего лирического чувства, не несущего в душе романтики. В действительности такой человек беден, ... потому и «век процветания» будет мрачным, если в нем не найдется места поэзии». И ведь, действительно, это очевидно. Слава богу, все еще находятся на планете люди, готовые повторять человечеству прописные истины!

Ради торжества прописных (но несомненных и вечных!) истин Ван Цзюсинь и берется за перо. Он горячий сторонник популяризации поэзии, в том смысле, что эмоции и мысли, заключенные в стихотворной форме, должны получить всеобщее

распространение. Однако относительно поэтического языка он придерживается иного мнения. Ван Цзюсинь говорит: «Преподаватели и образованные люди не должны давать место ни вульгаризмам, ни сленгу в своих текстах, иначе они уподобятся уличным торговцам. Но и анахронизмов стоит избегать. Главное — это думать о том, как донести свои чувства в стихотворении, а не увлекаться поиском формы. Люди сами почувствуют это, и тогда произведение станет поистине народным».

Следует сказать, что Ван Цзюсинь на практике остается верен своим теоретическим принципам. Он активно вмешивается в жизнь, стремится оказать влияние на возможно большее количество потенциальных читателей, в том числе и за счет обращения к смежным искусствам. Ван Цзюсинь является популярным автором песенных текстов, охотно сотрудничает с создателями телевизионных фильмов. Написанные им сценарии и диалоги к нескольким сериалам были отмечены премиями Министерства по делам телерадиовещания КНР и руководства Центральной китайской телевизионной станции (CCTV). Немало сделано Ваном Цзюсинем также на посту директора драматического театра Ланьчжоуского военного округа.

Но родная стихия Вана Цзюсиня, безусловно, — стихия стиха. Он твердо убежден: цель поэтического творчества не ограничивается самоудовлетворением и самовыражением; задача поэта, устремившего сосредоточенный взгляд в глубину веков, постоянно размышляющего о будущем народа, — наполнить свои строки глубоким смыслом. Поэт должен избавиться от влияния моды и навязываемых ему установок, проникнуться мощью национальной культуры, и тогда ему откроется возможность создавать великие произведения.

Обостренное чувство социальной ответственности предопределило отношение Вана Цзюсиня к фигуре литератора в современном мире. Господин Ван и здесь остается вполне в рамках традиционных представлений. По его мнению, поэт обязан впитать жизненный опыт народа, систематизировать его, постараться освоить всю сумму знаний, выработанных нашей цивилизацией. Человек, наделенный даром слова, издавна стремился не только документально записать произошедшее, но творчески осмыслить событие, внести его в народную память в виде совершенных художественных образов. Это необходимо для укрепления национального духа. Но в этом есть и сверхзадача. Цель лирики, по сути, глобальная: поэт стремится предостеречь все народы от тех ошибок, которые были совершены в его стране, назидательно рассказать человечеству о бедах, что выпали на долю его родины.

Вот почему, начиная с самых ранних стихов, Ван Цзюсинь не устает призывать к миру. С высоты нашей эпохи, с высоты современного понимания гуманизма Ван Цзюсинь показывает, например, одну из трагических страниц истории Китая — Нанкинскую резню. Возмущение и скорбь составляют основной пафос поэтического повествования о страшной трагедии. Однако поэт и здесь остается верен гуманистическим принципам. Чудовищные преступления японских милитаристов не рождают в его душе ни национализма, ни ксенофобии.

Итак, еще раз повторим (чтобы отложилось в памяти), каковы основные принципы творчества Вана Цзюсиня: призыв к миру и гуманизму, сознательное социальное служение писателя, отказ от авторского эгоцентризма, опора на национальные традиции и духовность, художественное исследование прошлого во имя счастливого будущего народа. Кто посмеет осудить эти принципы? Кто, кроме воинствующих мракобесов от искусства, скажет, что они устарели и никуда не годятся?

А теперь, для полноты картины, несколько дополнительных штрихов к портрету Надежного Вана, поэта, стремящегося насытить свои произведения таинственными восточными символами, ценителя утонченной древности, сторонника изысканного, но ясного слога. Еще несколько сведений из биографии, которые специально остав-

лены напоследок. Итак, Ван Цзюсинь, член Коммунистической партии Китая, народный писатель КНР, лауреат Первой премии Отдела пропаганды ЦК КПК, полковник НОАК, начинавший с должности командира взвода, в прошлом сотрудник пресс-службы вооруженных сил КНР и отдела культурной деятельности одного из военных округов, лучший военный поэт 2009 года. Заместитель главного редактора периодического издания «Военная литература северо-запада», главный редактор журнала «Военная полиция», исполнительный директор альманаха «Культура», выходящего на китайском и английском языках. Приглашенный профессор института изящных искусств при НОАК.

Неожиданно, не правда ли? Тут, переживая когнитивный диссонанс, иной рафинированный интеллигент, пожалуй, завел бы старую песенку про «гуманиста в погонах»... У нас же язык не повернется. Информация о гармоничной и, видимо, внутренне непротиворечивой встроенности Вана Цзюсиня в политическую систему современного Китая нисколько не поколебала нашей уверенности в искренности его убеждений и слов. Ни погоны, ни благосклонность Отдела пропаганды ЦК, ни административная работа не мешают ему оставаться донкихотом лирики. Да и как можно в этом сомневаться, помня недавнюю историю русской советской литературы, биографии лучших ее представителей! И как тут не закрасться крамольной мыслишке: а что, если верность государственному подходу и партийной линии не мешает, а даже помогает выживать высокой поэзии? Впрочем, это тема для другого, отдельного разговора. Мы же вернемся к современной китайской литературе.

Она разнообразна и по художественным почеркам творцов, и по их общественной позиции. Сегодня былое единомыслие осталось в прошлом. Наряду с голосами дисциплинированных, революцией мобилизованных и призванных лауреатов звучат и другие голоса. Правда, раздаются они чаще из-за рубежей Поднебесной. Например, живущий в Германии писатель-диссидент Ляо Иу в 2012 году довольно резко отозвался о решении присудить Нобелевскую премию в области литературы Мо Яню, высокопоставленному функционеру в писательской организации КНР. Ляо Иу назвал своего коллегу «коммунистической марионеткой» и заявил, что «был потрясен» решением Нобелевского комитета. Имеет право!

И таких инакомыслящих становится с годами все больше. Цитировавшийся выше профессор Сюдун Чжан, обладатель китайского паспорта, работающий, однако, в США, отмечает, что фрондерские тенденции заметно развились сегодня среди деятелей китайской культуры (впрочем, профессор тоже не скрывает, что ярче всего проявляется вольномыслие все же не в материковом Китае, а среди представителей диаспоры): «За последние 25—30 лет произошли огромные изменения. Нарушилось единство политики и искусства. Коммунистическая идеология, моральный авторитет правительства — все это ушло. Этому способствовала рыночная экономика, расцвет городов, западное влияние, социальные свободы, возникновение среднего класса. Для интеллектуалов, принадлежащих к элите, для авторов с мировым именем, которые не особо заботятся о мнении правительства, стало немодно и нежелательно быть патриотами и говорить на темы, содержащие даже малейший намек на патриотизм. Однако это справедливо по отношению к элитарным деятелям культуры, которые в основном живут на Западе или в крупных городах».*

И снова нельзя не подивиться почти абсолютному подобию культурной реальности у нас и в Поднебесной! Тема интереснейшая, и, если позволят обстоятельства, мы постараемся вернуться к ней. Сейчас же, завершая краткий и, разумеется, не претендующий на исчерпывающую полноту обзор современной китайской литературы, от-

* Сюдун Чжан. Быть патриотом — немодно? http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Lenin-ideal-kitajskoj-intelligencii

метим сходство проблем, стоящих как перед нашими государствами, так и перед нашими культурами. Сегодня не только политическому руководству, но и большинству граждан стало очевидно: Российской Федерации и Китайской Народной Республике вместе легче противостоять экономическим, информационным и военным угрозам, возникающим в неспокойном, неустойчивом мире. Думается, поддерживая друг друга, Россия и Китай действеннее смогут отстаивать также и свой культурный суверенитет.

У вас другое мнение? Хотите что-либо дополнить? Поделиться информацией о литературной жизни Востока или Запада? Приглашаем вас высказаться на страницах «Приокских зорь». Ваших электронных посланий жду по адресу: LitTTY@yandex.ru.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

О РОМАНЕ ЯКОВА ШАФРАНА «КРУГ ЗАМКНУЛСЯ»*

Член СП России, член Академии Российской литературы.

Яков Наумович Шафран — автор серьезный: стремится к глубокому и всестороннему раскрытию современной жизни, в котором объединены и взгляд из истории Отечества, и переживание сложностей, бед и радостей сегодняшнего времени, и православный настрой, и постоянный поиск ответа на вопрос: как быть, в чем и где искать достойное решение, верный путь развития российского общества.

Действие романа разворачивается широкой ретроспективой: здесь описание событий и мыслей общества начала прошлого века, затем фрагменты из двадцатых, середины тридцатых и сороковых годов, и главное — современность, охватившая в разных сюжетах и воспоминаниях время с восьмидесятых годов через девяностые и далее к десятым годам нового века.

Временной обзор огромен, и персонажей, охваченных этим обзором, не счесть. Впрочем, можно ограничиться и выделить главных. Предреволюционные, революционные и послереволюционные годы раскрыты в переживаниях и мыслях доцента Московского университета Михаила Григорьевича Заянчицкого, «питерского профессора и писателя» Николая Иннокентьевича Земскова, а также Павла Ивановича Соловьева, в характеристике которого автор указал: «действительный статский советник, в партиях не состоявший, патриот по убеждениям». Разумеется, рассказывая о них, автор называет также жен и детей, показывает нам атмосферу семей, напоминая, что все в жизни людей делается для благополучия родных и близких. И споры эти персонажи ведут для того, чтобы понять суть происходящего, отыскать верный путь дальнейшего развития России.

Углубляясь в суть споров, происходивших в начале прошлого века, конечно, опираешься на собственные знания о жизни и политической борьбе того времени: о кадетах, октябристах, эсерах, большевиках, а также о славянофилах и западниках, предвосхищавших борьбу взглядов начала двадцатого века, о силе православных идей, распространенных в обществе, и укреплении, особенно в советское время, взглядов безбожников. Однако главное — не опора на то, что ты знаешь, а внезапное осознание того факта, что в те времена, как и сейчас, шла острая борьба между сторонниками тех или иных взглядов на дальнейшее развитие страны, распространялась непрерывная говорильня, интеллигенция оказалась разобщенной и не смогла найти общую опору, да и не видела в этом необходимости.

Очевидно, такое положение и привело отдельных персонажей романа к бегству сначала в Болгарию, затем во Францию.

---

* Яков Шафран. Круг замкнулся. — Тула: Изд-во «Папирус», 2015.

Не в первый раз берутся отечественные писатели за раскрытие условий жизни вне России тех, кто вынужден был покинуть Родину. Не углубляется Яков Шафран в трагедию их дальнейшей жизни, лишь слегка касаясь бытовых деталей. Но и не это писатель ставит своей задачей. Он, на наш взгляд, показывает связь мысли того, давнего, времени об особенностях пути России с той же мыслью, распространяемой в наши дни.

Вторая, главная, линия романа заключается в описании жизни героя — Андрея Васильевича Курилова, чей предок — Григорий Курилов — жил до революции во владениях Николая Иннокентьевича, революцию встретил одобрительно, но и барина своего бывшего уважал, потому с радостью встретился с ним в сороковом году, когда оба по делам приехали в Москву: один из Патрусевска, другой из Ленинграда, в который все же вернулся из послереволюционного изгнания.

Писатель подробно описывает жизнь Андрея, его предпринимательские дела и проблемы, устремления и надежды, семейные радости, жизнь в Соединенных Штатах, куда тот решился выбраться, спасая себя и свою семью от тягот установления рыночных отношений, и где, в силу русского менталитета, не смог окончательно обосноваться: душа на Родину стремилась.

В описании жизни героя заложено огромное беспокойство автора за происходящее в стране: невозможность развития собственного дела, хотя в стране звучат неумолкаемые призывы к мелкому предпринимательству; чиновничьи выдумки, направленные на стяжательство с тех, кто принимает на себя труд экономического укрепления страны; отсутствие прочности положения людей, какие бы силы ими ни вкладывались в свою жизнь, предательство сотрудников и тех лиц, которых ты считал товарищем и единомышленником.

Вместе с тем, Яков Шафран, помимо описания жизни и проблем современного предпринимателя, поднимает важнейшие вопросы жизни общества, вводит читателя в круг философских размышлений: о вере и Боге, о патриотизме и духовности, о революционном и эволюционном развитии страны. Он опирается на свои прочные знания, острое переживание происходящего в стране. Он сам неустанно ищет путь дальнейшего развития российского общества.

С какими-то взглядами писателя, мы с тобой, дорогой читатель, непременно согласимся. Не поспоришь с такими высказываниями:

«Много хороших моментов было, есть и будет в жизни — на то она и жизнь, творящая все новое и новое, иногда поражающая своими, казалось бы, парадоксами, но неустанно расставляющая все по своим местам» (с.19);

«...так получилось с поколением Андрея в начале девяностых, когда молодые люди в двадцать пять — тридцать лет оказались среди жизни, совсем не той, какой их учили и для какой их воспитывали» (с. 20);

«Да у любого продавца в коммерческой сети зарплата больше, чем у врача, отвечающего за здоровье и жизни людей!» (с. 88);

«Если история представляется полной поражений и постыдных деяний, а родина малая и большая — помойкой, то растет не поймешь кто со слабой, бесформенной душонкой. И кто угодно будет лепить из нее то, что ему угодно!» (с.135);

«Теперь же некоторые «специалисты» пытаются внушить — русская культура необязательна. А ведь если отнять ее и традиции от народа, что от него тогда останется, во что он превратится?

Должны ли мы становиться Иванами беспамятными, вернее имеющими «болонскую» память, то есть память на отдельные слова и термины, используемые в обиходе торговцами и чернорабочими, смысла же всего непонимающими...» (с. 137);

«...разве, не зная Истины, можно управлять?» (с. 141);

«...Земля — это космический организм, в котором, как и в человеческом, все друг на друга влияет» (с. 297).

В приведенных текстовых извлечениях мудрого автора раскрыты и наша жизнь, и наши размышления, и наши переживания.

Яков Шафран чрезвычайно лиричен и чувствителен, потому при чтении романа проникаешься описанием любовного чувства, первого интимного прикосновения, проливного дождя. Становишься наблюдателем важных деталей, психологически верно выписанных автором, слышишь шепот матери, льющийся к сыну из небытия и ощутимый им как вполне реальный и явственный. Разве нет у нас с тобой, дорогой читатель, жгучей тоски по матери? Разве не слышим мы в трудную минуту материнские слова поддержки? И не посылаем ли мы к своим детям такие же слова в их трудную минуту?

Особенно выделяется в романе третья линия — линия веры и религии, православия и христианства. О вере и Боге размышляют персонажи прошлого, мучительно бьющиеся в поиске ответа на вопросы: за что Господь наказывает страну и наказывает ли, или спасает? И главный герой романа, сквозь жизненные перипетии, приходит к Богу. Он идет в храм, критически оглядывает присутствующих в храме, в размышлениях осознает, что везде — на улице, в храмах, в разных учреждениях, в трудовых и других коллективах — встречаются истинно верующие люди, как и те, кто лишь демонстрирует свою веру, на самом деле этой веры не имея. Все зависит от самого человека, его чувства и сознания, только в храме свет и чистота помыслов крепче воздействуют на человека.

Раскрывая третью линию, автор обращается ко времени возникновения христианства, к причинам раскола на православную и католическую веру. Убедителен взгляд писателя на причины падения оплота православной веры — Византийской империи. Сквозь весь роман проходит мысль о связи и органичном единстве православия и России.

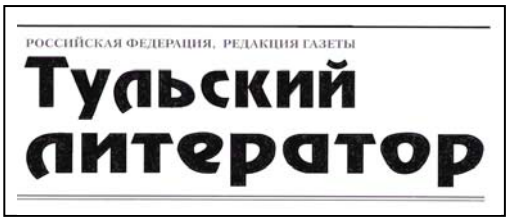
Глубокие мысли, острые вопросы и важные проблемы жизни российского общества раскрываются в романе. Оттого скажем: нужен роман, и вышел он вовремя, помогая нам, читателям, осознать единство времени, общность споров интеллигенции начала прошлого и нынешнего веков, положение России в мире тогда и сейчас, великое значение православия в развитии нашей страны.

Однако нельзя умолчать о том, что мешает чтению романа. В отдельных фрагментах чтение затрудняется. Это связано с тем, что автор, человек огромных знаний и опыта, иной раз забывает о стиле художественного изложения, вводя в текст то, что свойственно публицистическим статьям или научным докладам. Так, например, дается характеристика девяностых годов (с. 19, 21), указываются проценты сторонников государственной и частной медицины (с. 87).

Постоянные рассуждения персонажей не только вызывают интерес и желание понять взгляды описываемой личности или суть возникшего спора, но порой из-за чрезмерности и манеры изложения становятся утомительными. Их с нетерпением пролистываешь и вскоре возвращаешься к ним, чтобы все же разобраться. Полагаем, что автору следовало найти такую манеру изложения, которая не позволяла бы отвлекаться от текста.

Тем не менее, несмотря на какие-то огрехи, которые, при желании, можно найти в любом романе, скажем следующее: дорогой читатель, если ты — человек размышляющий, болеешь за наше Отечество, находишься в поиске выхода России на путь быстрого экономического развития, благоденствия общества, уверенного положения в мире, тогда читай книгу Я. Н. Шафрана «Круг замкнулся». Размышляй над ее страницами, спорь с автором, находи единство в твоих и в его взглядах. Открывай для себя автора и его новую книгу!

Николай Струна
(г. Тула)



«БЛИНЫ» КОМОМ

Газета «Тульский литератор» снова вышла в свет

Наконец-то в Туле стала выходить долгожданная газета литературного направления. О выходе этой газеты разговор в литературных кругах шел уже давно, с тех пор, как вышел ноябрьский 2010 года номер, последний номер при живом главном редакторе Николае Минакове. К сожалению, по причине болезни, Николай Николаевич уже не мог руководить изданием газеты, и все пять лет руководители Тульским региональным отделением Союза писателей России все решали вопрос о возможности издания газеты, о передаче полномочий редколлегии новому органу, о необходимости «завещания» этих полномочий. Писатели на своих собраниях предлагали начать выпуск литературной газеты под другим названием (например, «Литературная Тула») и с другим учредителем. То есть выпускать другую газету, которая также могла восполнить пробел в издании литературных произведений тульских авторов. Но такая инициатива не была поддержана ни секретарем писательской организации, ни его заместителями.

Как ни парадоксально это звучит, газета с тем же названием — «Тульский литератор» стала снова выходить в год, когда Николая Николаевича, ее главного редактора, уже нет с нами. Он умер 10 марта сего года. И что же, Николай Николаевич и не завещал, и не передал свое детище как эстафету новой редколлегии во главе с Виктором Пахомовым. Я не сомневаюсь, Николай Николаевич по ряду причин и не дал бы благословения на продолжение издания своей газеты, вот почему ни один из членов настоящей редакции газеты не удосужился посетить Н. Минакова в последние годы его жизни, не решаясь обсуждать с ним этот вопрос.

Надо сказать, что о Минакове, как основоположнике газеты, в новых ее номерах почти ничего не сказано, зато на первой ее странице — фотография секретаря нашей писательской организации В. Пахомова, награжденного медалью «За трудовую доблесть» с губернатором Тульской области В. С. Груздевым. Также на первой странице помещен материал, практически не относящийся к области литературного творчества — о присвоении почетного звания «Почетный гражданин Тульской области» Зое Воскресенской. При всех достоинствах Зои Воскресенской, считаю бессмысленным награждать ее с этим званием после 23 лет ее кончины! (Умерла Зоя Воскресенская в 1992 году.)

Общее впечатление о первом 2015 года номере. Газета не смотрится как цельный печатный продукт литературного, творческого направления. В нее вошли как опусы известных мастеров литературы, таких как Валерий Ходулин, Валерий Маслов, Валерий Савостьянов, так и новоявленных (неизвестных большинству читателей) «светил» поэзии (например, народный поэт Николай Жуков). К сожалению, в номер не вошел ни один рассказ, ни одно произведение беллетристики. Из публицистики опубликован большой отрывок Натальи Парыгиной из ее книги «Страницы нашей жизни», выпущенной еще 5 лет назад. Кстати, почему Н. Парыгина стала Верой?

Подборка стихотворений В. Савостьянова помещена без имени автора, как продолжение очерка В. Маслова.

Всю остальную площадь газеты составляют стихи наших поэтов. При этом возникает вопрос: исходя из каких соображений планировался объем таких подборок? Почему, например, на 2 странице номера известному нашему маститому поэту В. Ходулину выделили только 20 строк стихотворения «9 мая», а большинство страницы (более 70 %) занято стихотворной подборкой Николая Жукова? Может быть, в основе последовательности и объема помещенного в номер материала лежали и некоторые конъюнктурные соображения?

Естественно, на стихотворения Николая Жукова было обращено особенное внимание. Следует отметить, что большинство стихотворений Н. Жукова не произвели на меня какого-то особого впечатления. Может, у кого-то из читателей сложилось другое мнение. Но вот стихотворение Н. Жукова «Баллада о портянке» меня несколько покоробило, если не сказать — возмутило. Связывать победу в Великой Отечественной войне с некоторой «ролью» портянки — это уж слишком. Как говорится, притянуто «за уши». Оказывается, портянка, не желая уподобляться носкам:

«В углу с носками не стяла,
Спала, обнявшись с сапогом...»

Мы даже не догадывались, что портянки в войне стирали с одной мыслью:

«Чтоб просушить огнем побед!»

И дальше, поэтическая мысль на этом не останавливается, а поднимается еще выше, до нашего стяга. Оказывается портянка

«...была частицею ты стяга,
Чем так гордилася страна».

Одним словом, Великая Победа в войне совершилась исключительно благодаря нашей русской, пропитанной потом, портянке:

«И запах русской той портянки,
А с нею кузькина вся мать,
И у британца, и у «янки»
Отбил охоту воевать».

И еще некоторые замечания по первому номеру 2015 года газеты «Тульский литератор». Почему нет нумерации страниц в газете, почему размеры и пропорции фотографий представленных авторов разные, а фото некоторых авторов вообще отсутствуют, отсутствуют также имена некоторых авторов (Н. Дронов, В. Шеварев, Е. Трещев, В. Н. Савостьянов)? Создается впечатление, что номер набран наспех, непродуманно, без соблюдения основных требований газетной верстки. Список редколлегии увеличен (я бы применил слово «раздут») до 14! Интересно, какую роль в этом списке выполняют такие «редакторы», как В. Н. Савостьянов, Е. И. Трещев, Н. Н. Дронов, Н. А. Макаров, Л. А. Стаханов (м.б. Стаханова?) и другие? Я не сомневаюсь, что большинство этих «редакторов» и не представляли, как будет выглядеть в окончательной редакции номер газеты и какую роль они в этом номере играли. Зато уже в третьем номере газеты (октябрь 2015 г.) редколлегия сократилась сразу втрое и теперь ее количество составляет 5 человек! Причем это сокращение провели без согласования с «редакторами» первой волны.

Следует сказать, что качество остальных номеров газеты за 2015 год не лучше, чем первого номера.

Во втором номере всего 4 страницы. Авторы представлены без фотографий, только вначале помещено фото зам. главного редактора М. С. Дубинского. Подборки материалов начинаются с фамилий авторов и их инициалов, например Пахомов В. Ф., Жуков Н. А., Дубинский М. С. и т.д. Но известно, что такая подача творческого мате-

риала не используется в газетах. Большинство авторов и являются членами редколлегии. Например, из колонки главного редактора мы узнаем, что зам. главного редактора Марку Дубинскому исполнилось 85 лет, и он преуспел в своем любимом деле: писать стихи, рассказы, очерки. Но все-таки: «Он же изменил своему воинскому долгу». Не понятно, зачем изменять долгу. Создается впечатление, что к этой передовице в газете сам автор тоже приложил руку.

И третий, и четвертый номера газеты — тоже «коротышки», объемом 1 лист в развороте. В третьем номере также помещена лишь одна фотография, и то низкого качества. Бывает трудно понять, кто и что изображен на представленных фотографиях. Например, в 4 номере 2015 года газеты (55 лет Тульского отделения Союза писателей России) коротенькое пояснение к фотографиям В. Маслова на первой странице. И все, больше никакого текста! Мол, домысливай сам, читатель! На первой странице — коллективная фотография писателей, участвующих в банкете, посвященном 45-летию писательской организации. Причем, выполненная действительно позорно. Но почему именно 45-летию? Более значительное событие — это 50-летие писательской организации, но видно такой фотографии не было под рукой. Три фотографии снизу страницы вообще не выдерживают никакой критики, так плохо они выполнены. На других страницах помещены 33 фотографии членов Союза писателей России, и на первом месте, как и положено, фото самого «главного» писателя — Виктора Пахомова. Для него, «как и положено», выделено гораздо больше места, чем остальным писателям. А новоиспеченным писателям, вступившим в Союз за последние годы, даже не нашлось места в основном списке и их поместили в газету под уничижительным заголовком «Литераторы» без каких-либо фотографий. То есть, получается, что вступившие в Союз писателей за последние годы — литераторы второго сорта, Так почему же, «народный поэт» Жуков Николай Александрович попал в первый список полноценных писателей и его фотография помещена в газету наравне с опытными мастерами пера?

Вообще, следует отметить, что полиграфическое исполнение изданных номеров газеты неприлично низкого качества. Такую газету, претендующую на областное значение, вообще стыдно показывать за пределами нашей области, в других регионах, учитывая гораздо более высокий уровень российских газет областного значения.

Не зазорным было бы редколлегии «Тульского литератора» взять за образец главное литературное издание области — всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» с его высочайшим литературным и полиграфическим качеством исполнения...

Евгений Трещев
(г. Щекино)

КРАСОТА ЗЕМНАЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Родился 02 марта 1948 года в городе Щекино Тульской области. Образование высшее. Технический директор ООО «ЩекинСтройПроект». Член Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Почетный работник общего образования Российской Федерации. Почетный учитель. Почетный работник газовой промышленности РФ. Ветеран газификации Тульской области. Ветеран труда. Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Автор 27 книг. Печатался в антологии Тульской поэзии «Наши современники», в хрестоматии «Три века Тульской поэзии», в коллективных сборниках, альманахах, журналах, газетах (более двухсот шестидесяти печатных работ). Главный редактор литературных альманахов «Приупские просторы», «Солова».

Награжден «Знаком Ордена Доброты», тремя медалями, восемью ведомственными знаками. Лауреат литературного конкурса «Поэтическое братство».

Имя Е. И. Трещева внесено в энциклопедию «Лучшие люди России» (2004), в «Тульский биографический словарь. Новые имена», в сборники «Наши знаменитые земляки», «Лучшие учителя Щекинского края», в «Энциклопедию городов и районов Тульской области», в путеводитель «Край наш Тульский», в сборник «Дарящие тепло. ОАО «Тулаоблгаз» в судьбах и лицах».

Наш постоянный автор, член Союза писателей России.

«В жизни нет иного смысла, кроме того,
какой человек сам придает ей,
раскрывая свои силы, живя плодотворно»

Эрих Фромм

Олег Викторович Пантюхин — мой земляк родился 12 августа 1978 г. в г. Щекино.

В 1995 году с золотой медалью окончил среднюю школу № 8 и поступил в Тульский государственный университет. В 2001 году с отличием закончил магистратуру факультета МиСУ. С 2001 по 2003 год — служба в Российской Армии в одной из воинских частей Свердловской области. Старший лейтенант ракетных войск и артиллерии. В апреле 2002 года занял первое место в номинации «мастер художественного слова» в смотре-конкурсе художественной самодеятельности Екатеринбургского гарнизона. С сентября 2003 года — аспирант. После защиты диссертации — кандидат технических наук. Работает в Тульском государственном университете. Входит в состав редколлегии журнала «Приокские зори».

Первое стихотворение было опубликовано в «Рабочей газете» Щекинского ОАО

«Химволокно» в 1999 году. Начиная с 2000 года, стихи публикуются в районной газете «Щекинский вестник».

Печатался в литературных альманахах «Солова», «У засечной полосы», «Наука дружит с музами», «День Тульской поэзии», «Яснополянские зори», «Поэтическое братство», в коллективных сборниках «Отчий край», «Силы света», «Осеннее настроение», «Иван-озеро», «Состояние души», в журнале «Приокские зори», в хрестоматии «Три века Тульской поэзии», в «Антологии русской народной поэзии XXI века».

В 2007 году вышел первый сборник стихотворений Олега Пантюхина. Он является лауреатом поэтического конкурса «Приупские просторы». В 2010 году занял первое место в конкурсе молодых поэтов Тульского края.

Председатель Совета молодых ученых ТулГУ и председатель Тульского регионального отделения общероссийской общественной организации «Российский союз молодых ученых» (с 2007 года). Член Совета молодых ученых и специалистов Тульской области.

Автор поэтических сборников «Серебряный дождь», «Как порою не хватает нам весны...» и более 40 научных и учебно-методических трудов. Доцент кафедры «Технологии полиграфического производства и защиты информации» ТулГУ. Член-корреспондент академии проблем качества РФ. Лауреат премии им. С. И. Мосина. Член Союза писателей России с 2011 г. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшую публикацию 2013 г. в журнале «Приокские зори» в жанре поэзии.

Литературное творчество является его глубинной потребностью, и она, эта потребность, прорывается рифмами и эмоциями.

Без полета все вокруг — мука.
Тот, кто крылья обретал — знает,
Как звучат в душе любви звуки,
От которой все вокруг расцветает!

О. Пантюхин

Ему чужды резкие движения. Он просто пишет о том, что его волнует, не стремясь удивить читателя причудливыми нагромождениями звуков, сногсшибательными рифмами и резкими метафорами. И главное в них даже не содержание, а глубокая содержательность, подлинная боль и неподдельные переживания.

Олег Викторович показывает, как можно без особых стилистических вывертов и ухищрений писать хорошие стихи, облекая в прочную поэтическую форму, понятную каждому. Ему изначально чужда манерность.

Валерий Яковлевич Брюсов говорил: «В поэзии, в искусстве — на первом месте сама личность художника. Она и есть сущность — все остальное форма!»

Быть поэтом трудно, но перестать им быть невозможно.

Ведь поэзия на самом деле — это умение работать над собой, придерживаясь ранее выбранного пути, желание писать.

В поэзии важно все: и смысл, и звучание, и этический посыл.

Стихи, как капельки росы,
Словами напитают душу.
Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты.

В своих стихах автор убеждает нас, что любовь является высшей ценностью и стимулом для творчества. Если сердце пусто — беда!

Твоя любовь хранит меня в пути,
Во всех дорогах, ото всех невзгод.
И лишь она должна меня спасти,
Не отпустить в страстей круговорот.

«В нашей жизни, как в палитре художника, есть только один цвет, способный дать смысл жизни и искусству — цвет любви», утверждал Марк Шагал.

Как порою не хватает нам любви,
Той, что ищем мы почти всю нашу жизнь.
Без нее совсем другими стали мы,
А найдя, как будто снова родились.

Душевная чистота, запечатленная в этих строках сегодня большая редкость. О любви поэт пишет без излишнего натурализма, с должной чуткостью и тонкостью. Интересно, что во всех его произведениях присутствует этический компонент и глубокая внутренняя гармоничность. Амплитуда переживаний огромна. Кроме того, он обладает редким качеством: способностью доброго взгляда на вещи.

Душа разукрашена красками
Любви, что таится в ней.
И были совсем не напрасными
Уроки прошедших дней.

Все чувства давно позабытые
Вновь вспыхнут и вновь оживут,
У самого сердца сокрытые
Лишь часа заветного ждут.

И мы видим сегодня, что груз житейского опыта не подавил в авторе высокого поэтического чувства. Невозможно не отметить удивительную образность и красоту слога.

Глоток весны... Так хочется его!
Он где-то задержался по дороге.
И с холодом покончено давно,
Ведь у зимы закончились все сроки.

И дни длиннее стали, свет даря.
И душам не дано бродить в потемках.
Они не существуют, не любя,
И бьются на мельчайшие осколки.

Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...

Писать так о любви — честно, талантливо, проникновенно — задача не из легких, но Олег Викторович с нею справился успешно.

Он тонко чувствует и любит природу, находит для пейзажной лирики негромкие и точные слова. Россия неповторима и прекрасна, лучшего места для жизни не найти, да и искать не нужно.

Поэт видит в русской природе не неподвижную красоту, а нечто тесно связанное с человеческой судьбой, строя лирические откровения не на надрыве, а на тонких чувственных нюансах.

Совсем недолго до зимы.
Деревья сбросили все листья,
И скоро хлябь сырой земли
Декабрь укроет снегом чистым.

Тончайшим белым полотном
Печаль осеннюю застелет,
И чистотою неземной
В душе и воздухе повеет.

Мы видим, что отношения с природой у О. В. Пантюхина особенно нежные, как с дорогим и любимым человеком. Читая стихотворение за стихотворением, остро ощущаешь пульс жизни.

Красота земная, здравствуй!
Весь себя я открываю.
Пусть горят в любви все страсти.
Без страстей душа летает.

Легким запахом весенним
Напоюсь и вновь воскресну.
Отзовется, словно песня,
Красота земная в сердце.

В них простота любования красотой, простота известных, но позабытых жизненных истин.

Старый парк безмолвие хранит,
Осыпая листья мне под ноги,
И мои сомненья и тревоги
Тишиной своею усыпит...

Я пройду аллеей не спеша
И открою тайну желтым кленам,
Что во мне, как в заново рожденном,
Говорит ожившая душа.

Стихи создают неповторимую атмосферу мест, которые он описывает. А верное использование деталей дает представимый визуальный образ.

Не остается он в стороне и от философских тем. У него много стихотворений, исполненных неземной мудрости, опыта, ментальных открытий. Иногда текст действует, чуть ли не как магическая формула. Особенно расположение и состав слов.

Духовную опору поэт находит в вере. Стихотворения на эту тему наполнены глу-

бокими чувствами связи человека с Вечным и лишены всякого пафоса. В них есть искренность переживания и своя интонация. Молитвенный шепот его стиха упоителен.

Под сводами церковных куполов
Небесный Свет пролился прямо в душу,
Когда я в храме песнопенья слушал,
Внимая смыслу древних мудрых слов.

Свет исходил от всех икон и алтаря,
Но был не виден он обычным взором,
Рождал в душе он райские просторы
Своей неповторимостью маня.

* * *

Пусть у всех своя дорога,
Люди вправе выбирать.
Каждый сам приходит к Богу,
Чтоб себя не потерять...

Здесь взгляд автора гармонично совпадает с внутренним ощущением психологическим и интонационным. Это создает новый смысловой объем.

Его стихотворения наполнены неподдельным оптимизмом, верой в лучшую жизнь и читать их несомненно приятно. Они оставляют след в душе читателя, заставляют задуматься. В них раскрывается широкая панорама пережитого и перечувствованного.

Не будет пускай лихолетья,
Не нужно нам больше войны,
Пусть людям под небом свободным
Всю ночь снятся мирные сны.

Эти стихотворения написаны для людей открытых, для друзей, с которыми можно посидеть и обсудить затронутую в стихах тему, будто созданную именно для нас.

Эта книга призвана научить размышлять и разбираться в себе, помочь понять, что есть добро, а что — зло. В ней много трогательных деталей.

Здесь есть место глубоким мыслям, тонкому психологизму, метким наблюдениям.

В целом, это поэзия крепкого оптимиста, духовно сильного и чуткого человека. Поэзия для него стала не средством удовлетворения тщеславия, а средством донести свои мысли и чувства до читателей.

Олег Викторович Пантюхин — самобытный и талантливый автор со своим творческим почерком. При этом необходимо понимать и то, что труд писателя — это ежедневная работа над словом.

Чтение нового сборника стихов увлекательное. В любом случае читатель не пожалеет, что потратил душевные силы и время на чтение этой книги, так как в ней представлены размышления о настоящем и прошлом, о любви и разлуке, о вечном и сиюминутном.

Можно с уверенностью сказать, что в современной тульской литературе О. В. Пантюхин занимает достойное место, оставаясь самобытным творцом.

Очень хотелось бы, чтобы его звезда еще долго светила на поэтическом небосклоне. Ведь время работает на терпеливых.

«Творчество — это борьба со временем. Победа над временем»,— утверждал когда-то С. Д. Довлатов.

От редакции: В декабре прошлого 2015 года О. В. Пантюхин за активную, плодотворную общественно-литературную деятельность и в связи с проведением в России Года Литературы удостоен звания Дипломант литературного конкурса «За верность слову», организованным и прведенным Администрацией города Щекино и Щекинского района.

Поздравляем члена редколлегии нашего журнала!

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ
О новой книге Алексея Яшина*

А. Яшин посвятил новое литературное исследование воспоминаниям о прошлой — советской — жизни нашего народа. По привычке иронично смотреть в суть событий и явлений, автор в названии книги отметил: «воспоминание о будущем».

Почему так? Откуда возникло соединение этого бытописательского романа с названием немецкого научно-популярного фильма «Воспоминания о будущем» («Колесницы богов»), снятого в 1970 году австрийским режиссером Харальдом Райнлем? Впрочем, такое название встречается и в фильмах более позднего времени. В этом же фильме авторы показали варианты происхождения человечества, отличные от общепринятых взглядов.

Человечество всегда задается вопросом: как возник человек, и какими оказались условия его начального существования на Земле? Возможно, и наш автор решился показать читателю то, что для него лежит на поверхности в понимании жизни страны — не столь далекого, но оттого не менее важного для нас периода. Показать читателю то, что для кого-то скрыто, по разным причинам. Одна из причин — активно распространяемое мнение о том, что в советское время все было плохо, а теперь все очень хорошо.

Конечно, мы несколько преувеличиваем и даже упрощаем предлагаемый взгляд, однако полагаем: такой взгляд поможет разобраться в сути представленного А. Яшиным произведения.

Стиль изложения, взятый писателем за основу, отличает строго реалистичный показ событий прошлого, разбавленный иронией, за которой скрывается большая любовь к прошедшей в социалистических условиях молодости и зрелости яшинского поколения, тонкий юмор, заложенный в словесные конструкции текста и в построение сюжетной линии.

Как относиться, например, к такой фразе: «...В «золотые» советские семидесятые годы, в те прекрасные и мирные во всех отношениях времена, когда в нашей стране — еще 1/6 части земной суши — все люди работали по способности, а получали по труду, но во много раз все получали больше не наличными, а через общественное потребление; когда слово «олигарх» встречалось только и исключительно в школьных и вузовских учебниках античной истории, а будущие «властители дум» березовичи и абрамовские учились в школе второй степени и даже в горячечных снах не могли помыслить, что они украдут каждый полстраны...» [с. 12—13]? Мы не завершили эту емкую цитату потому, что ее лучше прочесть самому в первоисточнике. Но и обойтись без нее мы не можем для вовлечения читателя в стиль яшинской прозы.

В одной, пусть и нескончаемой, фразе раскрыто отношение автора к недалекому прошлому страны и к сегодняшнему ее положению, подмечены позитивные стороны той жизни, которая давала возможность получить хорошее образование, использовать приобретенные знания в профессии, построить свой дом и создать семью, сохраняя уверенность в незыблемости созданного, а также убежденность в том, что тобою взращенное не исчезнет в один миг, не растворится в непрерывных стремлениях лиц, оказавшихся волею непредсказуемой судьбы в руководящем слое, к перестройке общества на западный манер.

Однако если ты полагаешь, дорогой читатель, что далее автор будет «выхваливать» прошлое время и «громить» настоящее, ты ошибаешься, ибо А. Яшин не может

---

* Яшин А. А. Зато мы делали ракеты: воспоминание о будущем.— М.: Московский Парнас, 2015. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

только хвалить. В его мозгу сразу возникают критический взгляд и острое слово, которые моментально выливаются на листы бумаги, оттого его проза ярка, сочна, интересна, современна.

А. Яшин — новеллист. Он любит эту форму повествования, и является в ней мастером. Для каждой новеллы взята конкретная жизненная ситуация, в ее раскрытии характерны четкость и завершенность сюжета, образная лексика как самого автора, так и его персонажей, современное звучание, даже если описываются события семидесятых-восьмидесятых годов.

Первая новелла — «Дни и ночи триста шестой палаты» — своим названием обращает читателя в мыслях к А. П. Чехову с его повестью «Палата № 6».

И там, и здесь — больница, люди, разными путями попавшие в больничную палату, врачи, по-разному ощущающие жизнь и по-своему этой жизнью наказываемые (или не наказываемые, до поры — до времени). У А. Яшина описывается иная человеческая история, чем та, что привлекла внимание А. П. Чехова в конце XIX века. Однако не зря он пишет в самом начале о названии этой новеллы: «...простое совпадение, но с намеком» [с. 16].

Тебе, читатель, думать, каков намек. «Двойственное чувство: внутренней скорби и откровенного хохота» [с. 16], возможно, и тебя посетит в ходе чтения новеллы.

Дается, например, характеристика здравоохранения, которое «у нас вроде бесплатное», но сколько расходов предстоит «на ежедневные приносы доппайков к сиротским больничным супчикам и кашкам, опять же лекарства, домашнее долечивание и прочее, и прочее. Да и персонал скучает без внимания родственников их пациентов...» [с. 17]. Разве мы с тобой, читатель, не оказывались в таких условиях лечения и долечивания?

Рассказывается о том, как Андрей Сергеевич Смышляев, один из главных персонажей книги, попал в больницу, в палату, которая славилась ночными гостями, нуждавшимися в отрезвлении. В описании жизни обитателей палаты мы встречаем авторские размышления не только о больницах, пациентах и врачах, но и о положении писателей и литературы, о современных проблемах Украины, об активности «американосов», о нашем добром народе, в котором есть «нищие писатели и ошалевшие от безнаказанности чиновники, чудом сохранившиеся ученые и инженеры, торгаши-предприниматели и измученные «болонским процессом» училки всех родов и полов, героические медики и вмиг ставшие «патриотами» олигархеры...» [с. 51].

Хочешь — не хочешь, но мы возвращаемся к цитированию писателя, ибо точнее и острее не скажешь: яшинское слово раскрывает нам суть происходящего.

Как ученый А. Яшин не может обойти молчанием науку. Даже в самом расхудожественно-литературном произведении он обращается к законам физики, к достижениям медицины, к закономерностям исторического процесса, к генетике, ко всем наукам, которые пронизывают его собственную жизнь ученого, оттого временами его произведения трудно читать, ибо непрестанно следует думать, открывать новое, мысленно проверять, насколько автор прав, соглашаться с ним или готовиться к спору. Однако в споре читатель окажется наедине с собой.

Такова участь писателя и читателя: в обязательно возникающем диалоге один смело доносит до другого свои мысли и рассуждения, другой же такую возможность почти не имеет. Но уж если читатель разобрался во взглядах писателя, понял их и принял, то более сильного единомышленника он себе не найдет.

В книге ощущается бережно-доброжелательное отношение к шестидесятникам (автор сам из тех времен). «Веселое поколение росло, впервые в новейшей истории страны не голодало... умное росло, видное собою, добротой оттаявшее...» [с. 58]. Наряду с достоинствами этого поколения автор подмечает и другие — негативные чер-

ты: тогда росли люди, слабо приспособленные к реальной жизни, «сверх меры инфантильные, по привычке юности верующие в науку», «анекдотисты, уважающие праздничные застолья с друзьями, по-семейному, очень увлекающиеся холостяцкими пирушками, посиделками». «Душевную надломленность,— указывает автор,— шестидесятники по молодости топили в интеллигентном винопитии, легком адюльтере с незамужними шестидесятницами, слушании «Голоса Америки»...» [с. 59].

Зачем нужно А. Яшину обращаться к тем, кто вошел в самостоятельную жизнь почти семьдесят лет назад? Да затем, что именно те люди, оставив значительный след в истории Отечества, повлияли на его дальнейшее развитие. И многое из того, что есть в нашей жизни сейчас, корнями уходит в шестидесятые годы. Впрочем, вся история — единый процесс. То, что происходило в России когда-то (в средневековье, в петровской и екатерининской России, в XIX и XX веках), имеет продолжение в наши дни. Надо только это увидеть, почувствовать, осознать.

Поскольку в названии книги А. Яшина отражено время шестидесятых годов прошлого века, когда «мы делали ракеты» и успешно выводили их за пределы Земли, когда инженерная мысль определяла техническое развитие страны на несколько десятилетий, пусть и не во всем совершенно осуществляясь, писатель не мог не выйти на размышления о 60—80-х годах. Он рассказывает о героях того времени, об инженерах, способных ракеты конструировать, на сельхозработах в колхозе развернуться, выпивкой позабавиться, в начальники выбиться, если же последнее не удавалось или к душе не пришлось, превзойти-обойти начальника в чем-то другом.

Лирическая часть жизни также не осталась без внимания, воспетая в бытовой потребности мужского и женского естества, что бурно проявлялось в колхозно-командировочной жизни. «А сколько будущих семейных пар складывается в этот внеучебный сентябрь после жарких вечерних, а потом и ночных — в стогу — объятий? И это самые крепкие союзы!» [с. 167].

Вспоминаешь ли ты, читатель, свои поездки на осеннюю колхозную работу в студенческие времена или в начальные годы производственной деятельности? Возможно, ты бывал на пионерско-лагерном вожатстве, в котором, доведя пионеров до ночного успокоения, мчался на встречу с удивительной сокурсницей, чьи тайные прелести открылись внезапно, вдали от городской жизни?

А может, ты, как герои новеллы А. Яшина — Андрей Смышляев и Галочка, укреплявшие в колхозно-трудовой «эпопее» возникшую близость стихами любимого поэта И. А. Бунина, тоже читал своей подруге душевные стихи, и она, о счастье, отвечала тебе строчками того же поэта? Великое дело — поэзия: не только проникает в голову и бередит сердце, она создает мощное единство мужчины и женщины. По крайней мере, так было в 60—70-е годы у многих молодых людей.

Наряду с картиной зарождения семейных связей писатель затронул и другую сторону отношений мужчин и женщин, возникающих опять же в поездках горожан в колхозную действительность. Так Николай Андреянович в очередной коллективной поездке «на капустную прополку» оказался невольным свидетелем эротических сигналов-моментов, возникших между коллегами [с. 356—358].

Морализатор, конечно, возмутится подобным описанием. Но мы с тобой, дорогой читатель, улыбнемся, посожалеем слегка: попал мужик в оборот, посмеемся: жизнь есть жизнь. Дело не в том, чтобы кого-то осудить. Это и в самом деле жизнь — существовавшая в советские времена и ныне существующая. Писатель описывает жизнь: с юмором, с обилием образных деталей, с признанием права на любовные проявления своих персонажей, с уважением к личности читателя. В этом мастерство. Именно оно заставило от эротического фрагмента перевести читателя к анекдоту о спичках.

Анекдот о случившемся зимой сорок третьего года на оккупированной территории Белоруссии подчеркивает одну из черт русского характера: когда тяжело, тра-

гично, опасно и не хватает сил справиться с ситуацией, русский человек набирает силы с помощью смеха и острого слова.

Николай Андреянович размышляет и действует во многих произведений А. Яшина. Это литературный персонаж, в мысли и поступки которого писатель вкладывает свои взгляды и убеждения. И в этой книге любимый персонаж писателя, «книголюб и книгочей», также присутствует в каждой новелле: думает о своих друзьях-товарищах, спорит с ними, встречает любовь, вспоминает пройденную жизнь, оценивает происходящее. Благодаря ему, мы с тобой, читатель, ощущаем присутствие автора книги, понимаем его и принимаем. Таким способом А. Яшин приближает себя к читателю.

Именно Николай Андреянович встретился в одной из новелл с незримыми лицами, без которых в великие годы ракетостроительства и космического успеха не обходилось ни одно серьезное дело. Чтение произведений самиздата, сочинений А. И. Солженицына, М. А. Булгакова «завело» Николая Андреяновича в «крохотный кабинетик», где ожидал его для беседы «маловыразительный человек в штатском, с тусклыми серьезными глазами» [с. 348].

Описание данной встречи краткое. Автор специально не углубляется в эту характерную черту времени, подчеркивая кратким показом, что явление было: люди читали самиздатовскую литературу, передавали ее из рук в руки, а «маловыразительные» лица знали об этом. Они проникали всюду, владели разной информацией, всевозможными способами добывали ее, выходили на людей. Однако, зная все и вся, не выделялись внешне, оставаясь «майорами в штатском», внимательно изучали человека и возможность его привлечения к «сотрудничеству». Большая часть советских граждан слышала о людях в штатском, обсуждала в компаниях и на кухнях связанные с ними обстоятельства, рассказывала о них анекдоты, но лично с этими людьми не встречалась, таких встреч не желала и побаивалась.

Конечно, есть и замечания к автору. На наш взгляд иной раз устаешь от чрезмерно льющейся словесной вязи. Вводится неоправданно много фамилий. Так на одной странице [с. 70] на 37 строках (мы не поленились подсчитать) введены 5 фамилий, которые, в совокупности, повторяются 18 раз, и мешают восприятию текста, хотя автору, возможно, кажется, что все им выражено предельно четко. Нам также показалось, что присутствует перебор с научным компонентом, как, например, с описанием аннигиляции [с. 74], читать которое в художественном тексте утомительно.

Однако это частное мнение, и оно совсем не обязательно возникнет у других читателей. Гораздо важнее другое.

В шестидесятые годы Юрий Визбор, один из создателей жанра авторской песни, уникального явления музыкально-поэтического творчества, сочинил «Рассказ технолога Петухова». В песне звучат такие строки:

Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей.
Мы впереди планеты всей!

Юмор сквозит в рассказе Петухова, веселый и добрый смех вызывает песня, и в то же время, сквозь смех и юмор звучит гордость за нашу страну и советский народ. Так и в романе-новеллино Алексея Яшина звучит и играет сочными красками, сквозь критические строки и ироничный взгляд, любовь к Отечеству.

В любые времена, принимаемые или не принимаемые, есть то, что вызывает в человеке любовь и добрые чувства к своей Родине. Это твоя земля: она вкачала в тебя свою мощь, уникальность живущего здесь людского сообщества, она объединяет тебя с твоим народом!

Такие мысли возникали у меня, друг-читатель. Надеюсь, и ты это почувствуешь.

Книга получилась! В ней присутствует, как и в других книгах А. Яшина, дух отечественных сатириков и бытописателей девятнадцатого века — М. Е. Салтыкова, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова.

Обсуждаемая нами книга снова заставляет читателя задуматься о порядках, бытующих в стране, влияющих на жизнь каждого из нас, призывает к обсуждению негативных явлений российского общества, к поиску путей дальнейшего общественного развития.

Пожелаем же этой книге умного и доброго читателя!

Профессор Ирина Николаева, Москва

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к директору издательства Пантюхину Олегу Викторовичу по e-mail: ntomach@tsu.tula.ru Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного, издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть минитипографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

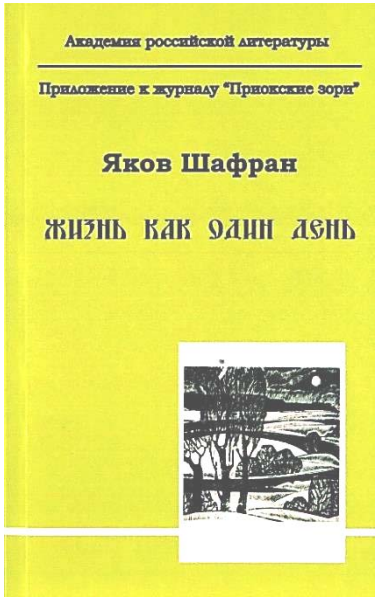
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

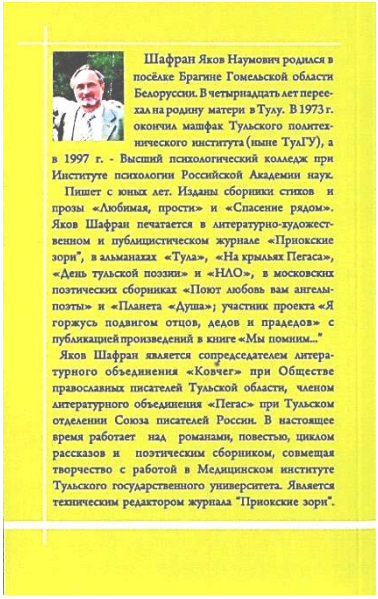
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2015.— № 6.

2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2015.— № 4.

3. *Общеписательская* литературная газета.— 2015.— №№ 11, 12.

4. *Истоки*. Литературно-художественный и публицистический журнал (Красноярский край).— 2015.— Юбилейный выпуск-антология.— 404 с., в пер. (В юбилейном выпуске 2005—2015 опубликованы произведения авторов и членов редколлегии «Приокских зорь»).

5. *Александр Хадарцев*. Зима восточных гороскопов: Сб. стихов.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2015.— 66 с., ил.

6. *Александр Пешков*. За пределами.— М.: Изд-во «Перо», 2015.— 176 с., ил.

7. *Разгром* немецких войск под Москвой и Тулой: Сб. материалов и документов / Сост. В. И. Ксенофонтов.— Тула: Неография, 2015.— 752 с., ил. (Предисловие Губернатора Тульской области В. С. Груздева).

8. *Шипунов А. Г.* Бесконечность мысли. Избранное. По материалам выступлений и публикаций (Сост. К. П. Чуканов и В. С. Фимушкин; под ред. А. В. Морозова.— Тула: Редакция газеты «За прогресс», 2015.— 105 с., ил. (Книга избранных высказываний академика РАН А. Г. Шипунова, выдающегося тульского оружейника).

9. *Алена Алещенкова.* Ясенька. Книга стихов (с ил. автора).— М.: Изд-во «Образ», 2015.— 60 с., ил. (Поэтическая серия «Вдохновение»).

10. *Александр Чаев.* Однажды. Книга стихов.— М.: Изд-во «Образ», 2015.— 86 с., ил. (Поэтическая серия «Вдохновение»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Пролегомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Яшин А. А.* Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новелино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 5.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Шафран Я. Н.* Круг замкнулся: роман.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015.— 308 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Яшин А. А.* Зато мы делали ракеты: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Шелепина Т. В.* Я жизнь люблю!: Стихи.— Тула: «Тульский полиграфист», 2015.— 88 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яков Шафран.* Льется жизни стих: Стихотворения / Предисл. Г. Г. Мирошни-

ченко.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 108 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

2. *Сергей Крестьянкин.* Разгони тучи: Рассказы / Предисл. В. Ф. Пахомова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2015.— 107 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

3. *Сергей Лебедев.* Своя дорога: Сборник стихов и прозы / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2015.— 205 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

4. *Олег Пантюхин.* Избранные стихи / Предисл. Е. И. Трещева.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2015.— 100 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

5. *Николай Макаров.* Мои коллеги — военные медики. 2-е изд.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2015.— 272 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2015-го года объявлены в № 1, 2016 «Приокских

зорь». Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2016-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ОПРЕДЕЛИЛО ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Премия ежегодно присуждается с 1999 года. В 2015 году постановлением правительства Тульской области присудили литературную премию имени Л. Н. Толстого:

— в номинации «Проза»: Яшину Алексею Афанасьевичу за роман «Ви́дение на Патмосе» (Алексей Яшин стал дважды лауреатом данной премии);

— в номинации «Поэзия»: Гусакову Алексею Владимировичу за поэтический сборник стихов «Война»;

— в номинации «Литературная критика, публицистика»: Макарову Николаю Алексеевичу за книги «Знаменитые туляки», «Афганцы Тулы», «Суворовцы Тулы», «Артиллеристы — туляки».

Документ подписан председателем правительства Тульской области Юрием Андриановым 11 декабря 2015 года.

Одновременно поздравляем Алексея Яшина с присуждением ему международной литературной премии им. Симеона Полоцкого (Белоруссия).

ПОДДЕРЖИМ ДОБРОЕ ДЕЛО!

Издательство «Образ» (Москва) выступило с почином в литературном и книгоиздательском процессе: печать небольшим презентационным тиражом книг пока еще не очень известных, преимущественно молодых литераторов. Большая часть тиражей рассылается по редакциям литературных журналов и газет с предложением ознакомиться с творчеством представленных авторов, связаться с ними на предмет возможной публикации в журнале или газете.

«Приокские зори» включены в список презентационной рассылки. В наступившем году редакция получила уже книги Алены Алещенковой «Ясенька» и Александра Чаева «Однажды» (см. ниже факсимиле обращений в редакцию нашего журнала).

Мы непременно свяжемся с авторами названных книг и предложим им публиковаться в «Приокских зорях», а издательству «Образ» выражаем благодарность за начатое доброе дело, которое мы всячески поддержим во благо дальнейшего развития литературного процесса в нашей стране.

издательство
образ

127591, г. Москва, Дмитровское шоссе, д. 100,
бизнес-центр «Норд Хаус», офис 31-121,
тел. +7 (495) 223-44-39, +7 (926) 187-59-89.
Веб-сайт: izdai**knigu**.ru | издай**книгу**.рф,
е-мэйл: 2234439@mail.ru

Исх. № 1215-45
25 декабря 2015 г.

В редакцию журнала/газеты

Уважаемые коллеги!

Позвольте представить Вашему вниманию книгу стихов **Алёны Алещенковой (Елены Горячевой) «Ясенька»**! Сборник (ISBN 978-5-906009-92-0) вышел в нашем издательстве в 2015 году небольшим презентационным тиражом.

Алёна Алещенкова родилась и живёт в Москве. Окончила Московский педагогический госуниверситет по специальности «практический психолог-консультант». Работала в социальной сфере. Пишет стихи, прозу, немного рисует, создаёт игрушки.

Книга стихов «Ясенька» — поэтический дебют Алёны Алещенковой. Её поэтический мир — это волшебная страна, чудесный мир сказок и сновидений. Тут всё необычно, всё удивительно прекрасно. Жить в таком мире-сказке не страшно. Конечно, и тут не всегда безоблачно, в ночном небе иногда зажигается «звезда грусти», а на пути то и дело попадаются серые камни-печали… Но их не надо бояться. Если идти по жизни вместе, любя и поддерживая друг друга, то камни-печали обязательно «станут обычным песком и водой». Потому что любовь творит чудеса!

Искренне надеюсь, что Вас заинтересует творчество Алёны Алещенковой. Вы можете связаться с автором напрямую для обсуждения условий возможной публикации в Вашем издании.

Контакты автора.
Почтовый адрес:
123103, г. Москва,
ул. Маршала Тухачевского, д. 51, кв. 379.
(Горячевой Елене Юрьевне)
Тел. +7 (926) 810-08-73,
email: upravlena@bk.ru

Спасибо!

С уважением, Эд Побужанский
главный редактор издательства «Образ»

издательство
образ

127591, г. Москва, Дмитровское шоссе, д. 100,
бизнес-центр «Норд Хаус», офис 31-121,
тел. +7 (495) 223-44-39, +7 (926) 187-59-89.
Веб-сайт: izdai**knigu**.ru | издай**книгу**.рф,
е-мэйл: 2234439@mail.ru

Исх. № 1215-46
25 декабря 2015 г.

В редакцию журнала/газеты

Уважаемые коллеги!

Позвольте представить Вашему вниманию книгу стихов **Александра Чаева «Однажды»**! Она вышла в нашем издательстве в 2015 году небольшим презентационным тиражом.

Александр Чаев родился в г. Прокопьевске Кемеровской области. Сейчас живёт в Тюмени. Стихи пишет с юности. «Однажды» — вторая стихотворная книга тюменского поэта Александра Чаева. В новом сборнике автор развивает главные темы дебютной книги «Край жизни» (2013). В центре внимания поэта, горячо любящего Россию, — страницы её истории и судьба простого человека. Александр Чаев живо откликается на актуальную повестку дня, пропуская через себя тревоги и боль нашего неспокойного времени. Ценители русской поэтической школы наверняка обратят внимание на ясный слог, органичную метафоричность и естественную мелодику художественного письма Александра Чаева.

Очень надеюсь, что Вас заинтересует творчество нашего автора Александра Чаева! Вы можете связаться с ним напрямую для обсуждения условий возможной публикации.

Контакты автора
Почтовый адрес: Россия, 625051.
г. Тюмень, ул. Станислава Карнацевича, д. 3, кв. 117,
Чаеву Александру Фёдоровичу;
тел. +7 (906) 827-89-64,
email: chaev.aleksandr@ya.ru

Спасибо!

С уважением, Эд Побужанский
главный редактор издательства «Образ»

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С НОВЫМ ГОДОМ

Дорогой Алексей Афанасьевич! Коллеги!

От души поздравляю вас с Рождеством Христовым и Новым Годом! Пусть у вас всегда и все будет хорошо! Спасибо за сотрудничество!

С уважением, Виктор Буланичев,
гл. редактор журнала «Бийский Вестник»

С НОВЫМ ГОДОМ!
С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!
НАКОНЕЦ ПРИШЕЛ Я,
ЗДРАСТЕ!
ВОТ ТАКОЙ УЖ,
ИЗВИНИТЕ,
ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПРИМИТЕ!
И ПОВЕРЬТЕ,
ДЕД МОРОЗ —
ОТМОРОЗИЛ
КРАСНЫЙ НОС.
А ТО СКАЖЕТЕ —
НАПИЛСЯ,
К ВАМ НА ГОЛОВУ
СВАЛИЛСЯ.
ВОВСЕ НЕТ, Я ДОЛГО ШЕЛ
МИМО РЕЧЕК, МИМО СЕЛ,
ЧТОБЫ СЧАСТЬЯ ПОЖЕЛАТЬ
РАССМЕШИТЬ И ОБЛАСКАТЬ!
И ЧТОБ ЖИЛИ БЕЗ ЗАБОТ —
УЛЫБАЙТЕСЬ ЦЕЛЫЙ ГОД!
Просто, ясно, без затей,
В маске — Лебедев Сергей,
г. Тольятти

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Примите искренние поздравления с Новым Годом и пожелания успехов в Вашем нелегком деле на ниве русской словесности!

Ваш Олег Севрюков

Петр Савельев, г. Тула

Алексей Афанасьевич, с Наступающим 2016 годом!

Акимов Валерий

Дорогой Алексей Афанасьевич! Сердечно поздравляю тебя и всю семью, включая внуков, с наступающим Новым годом и Рождеством Христовым! Желаю, прежде всего, всем крепкого здоровья, удач и везенья для укрепления духа!

Юрий Черняков

Уважаемый Алексей Афанасьевич, поздравляю Вас и всех авторов журнала «Приокские зори» с Новым Годом! Желаю творческих открытий, интересных и значимых тем, огромной работоспособности, приносящей удовлетворение и радость! Всем, и Вам лично, быть здоровыми и счастливыми! Нашему журналу — процветать в бумажном и электронном виде!

Ирина Николаевна Кедрова,
Г. Москва

Дорогой Алексей Афанасьевич, а в Вашем лице и «Приокские зори» в целом — весь авторский преданный коллектив, редколлегия,— поздравляю ответно с Новым, 2016, годом, с Рождеством Христовым! Желаю новых творческих успехов, замечательных тем, идей и авторов и всем — здоровья, удачи, побольше радостных дней, поскольку безоблачных дней ни в нашем обществе, ни в литературе, отражающей его, испокон веков не так уж и много. Так пусть их будет больше, и пусть именно с наступающего года начнутся эти добрые перемены.

С уважением, Людмила Алтунина, г. Тула

Дорогой Алексей Афанасьевич! Желаем тебе всех благ, новых Высот и здоровья! А также всем авторам журнала.

С ГОДОМ ОБЕЗЬЯНЫ!

Новый Год - всем сегодня по нраву!
Здесь - не место сомнениям разным...
Ведь Престол Его занят, по праву,
ОБЕЗЬЯНОЮ в огненно-красном!

Символ Года - синоним Достатка!
И «Анкета» Её - актуальна:
Обладает недюжинной хваткой,
И смела, и интеллектуальна,

Пусть шумна, но - хитра и отважна!
Толк в Делах и в Любви - понимает!
Год с Хозяйкой такой - это важно -
Увлекательным быть обещает!

Мы шагаем, улыбок не пряча,
С Оптимизмом на ЭТО Свиданье!
Пусть подружатся с Птицей Удачи
Наши Мысли, Мечты и Желанья!

Пусть Надежд - не коснутся изъяны!
Пусть чистЫ будут Счастья караты!
Так порадуй нас, ГОД ОБЕЗЬЯНЫ!
Стань Родным!
Мы же - тоже ПРИМАТЫ!..

(Юрий Полярный)

Геннадий Мирошниченко (Геннадий Мир)
и Татьяна Леонова, г. Щекино Тульской обл.

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Поздравляю Вас с наступающим Новым годом! Желаю всех благ: Здоровья, Счастья, Любви, Научных и Творческих Свершений, Удачи, Улыбок! Всего самого Доброго!

Анна Барсова, г. Екатеринбург

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТУ И ЧЛЕНАМ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»

ДОРОГИЕ ВЕТВЕВЦЫ, ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ!!!

В нынешнем, юбилейном для нас, году Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» продолжил набирать «обороты», укреплять свои региональные структуры и наращивать ряды. В течение 2016 года прошло несколько значимых мероприятий, которые позволили упрочить литературный авторитет и поднять статус Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» как на республиканском, так и на международном уровнях.

Прежде всего, таким солидным мероприятием, безусловно, стал второй Международный литературный форум «Славянская лира», который прошел 2—5 июня в гор. Полоцке. Как известно, в нем принял участие 101 автор из 7 стран мира. А в открытом заочном конкурсе, предшествовавшем самому форуму — около двухсот поэтов, прозаиков, драматургов, переводчиков из 13 стран мира. Размах поистине впечатляющий. Особенно, если учесть, что форум и конкурс проводились лишь во второй раз. На него приехали, как российские гости из Союза писателей России, так и Союза российских писателей, Российского союза профессиональных литераторов, Союза писателей Москвы из Смоленска, Рязани, Москвы, Самары, Вязьмы, Калининграда, Симферополя, Владимира, Орла, Черняховска, Советска, Отрадного. Так и гости из Национального союза писателей Украины, Конгресса литераторов Украины, Межрегионального союза писателей Украины из Киева, Херсона, Белой Церкви, Львова, Дебальцево. А еще писатели из Великобритании (Лондон), Финляндии (Хельсинки), Армении (Кировокан), Казахстана (Алма-Аты). Про нашу страну и говорить не стоит, так как были представлены все области Беларуси, включая многочисленные города и даже поселки, деревни. О форуме «Славянская лира» написали несколько десятков статей в печатных и электронных СМИ, на просторах интернета. В рамках форума прошли литературная конференция и круглый стол, конкурсы на приз зрительских симпатий и мастер-классы, выставка-ярмарка книг и экскурсии по памятным местам Полоцка, вечер, посвященный 70-летию победы в Великой отечественной войне и авторские вечера, презентации книг и литературных СМИ...

В этом же году прошел ежегодный Четвертый республиканский творческий турслет «Литературные встречи в Корсаково», собравший два десятка авторов из 8 городов республики. В рамках слета состоялись мастер-класс и конкурс литературных перфомансов, литературный бал-маскарад и экскурсия по литературным местам Ушаччины.

Не менее представительно отмечал Беллитсоюз «Полоцкая ветвь» и свою 21-летнюю годовщину, а также церемонию награждения Международной литературной премией имени Симеона Полоцкого-2015 и презентацию литературного альманаха «Славянская лира-2016». Среди четырех десятков авторов, съехавшихся со всех уголков республики, можно было увидеть и наших друзей из Смоленского отделения Союза писателей России, а также из Рязанского отделения Российского союза профессиональных литераторов. В рамках празднования 21-летия состоялось традиционное творческое состязание «Турнир поэтов», прозвучали музыкальные и вокально-инструментальные композиции...

Авторитет Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» был упрочен и победами членов союза на втором Международном литературном фестивале «Славянские традиции-2015». Определились сильные авторы среди ветвевцев также в результате проведения Международной литературной премией имени Симеона Полоцкого-2015. Отмечены дипломами и наградами, литературными премиями в нынешнем году оказались Василий МЕЛЬНИКОВ и Александр КЛЮЧНИКОВ, Олег СЕШКО и Наталья ИВАНОВА, Людмила КРЫЖАНОВСКАЯ и Людмила САЛТЫКОВА, Рагим МУСАЕВ и Алексей БАНДОРИН, Виталий МОСКАЛЕВ и Владимир ЛЕОНТЬЕВ, Дмитрий ЮРТАЕВ и Людмила САВЧЕНКО, Александр МОРОЗОВ и Андрей КУРЕЙЧИК, Александра КОВАЛЕВСКАЯ и Дарья (Татьяна) ДОРОШКО, некоторые другие авторы...

Многие из нас в текущем году смогли успешно реализовать свои творческие замыслы. Всего за нынешний год издано полтора десятка книг прозы, поэзии и художественного перевода общим тиражом почти 4,5 тыс. экземпляров — это один из наиболее «урожайных» годов за последнюю пятилетку. Увидели свет книги поэзии Вадима БОРИСОВА, Василия МЕЛЬНИКОВА, Тамары КОВАЛЕВОЙ, Петра МАГЕРА, Татьяны ШЕИНОЙ, Раисы АНТОНЕВИЧ (посмертная), Александра МОРОЗОВА, прозы Николая ВАСИЛЕВСКОГО и Вадима САЛЕЕВА. Ветвевцы успели поучаствовать и в двух выпусках международного литературного альманаха «Славянская лира», в альманахе «ЛитЭра» № 8 (Москва), из членов нашего союза практически полностью был составлен № 1 литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» (Тула) этого года. Кстати, по итогам года за этот номер наш союз награжден редакцией журнала, Тульским государственным университетом и Тульским отделением Союза писателей России литературной премией «Левша» имени Н. С. Лескова...

Будущий год для всех нас предстоит достаточно сложным. И не только потому, что перед активом творческого союза стоит задача организовать третий ежегодный Международный литературный фестиваль «Славянская лира» и выпустить международный литературный альманах «Славянская лира-2016» по его итогам, возобновить бумажные выпуски газеты «Слово писателя» и литературно-публицистического журнала «Западная Двина», провести очередной Международный творческий конкурс «Литературная крона-2016». Но также и потому, что в 2016-й год мы с вами вступаем с потрясениями в отечественной, а также смежной с нашей экономиками двух славянских стран — России и Украины,— которые уже пагубно отразились и на нашем материальном благополучии, и на наших творческих планах...

Дорогие соратники по литературному союзу, дорогие коллеги по творческому цеху, друзья, от себя лично, от имени Совета Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» и от имени Международного сообщества писательских союзов (коллективным членом которого мы все являемся) спешу поздравить всех членов нашей организации с наступающим 2016-м годом и Рождеством Христовым! Хочу пожелать вам не скакать и не гримасничать в будущем году, но и не стать объектом для насмешек в Год Огненной Обезьяны, а получить от нее заряд энергии, мудрости, остроумия и умения противостоять стрессовым ситуациям! Пусть Синяя птица счастья никогда не слетает с ваших рук! Сибирского здоровья вам, кавказского долголетия, белорусской толерантности, кубинского оптимизма, французского шарма, немецкой расчетливости, японской наблюдательности вам и вашим близким, счастья и благополучия в ваши дома, новых творческих свершений и находок, авторских и коллективных сборников, побед на литературных премиях, конкурсах и фестивалях вам, мои дорогие ветвевцы! Пусть и дальше живет и процветает Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»!

Олег Зайцев, председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», председатель Ревизионной комиссии

Исполкома Международного сообщества писательских союзов, действительный член Крымской литературной академии, директор и главный редактор Учреждения (издательства) Литературный свет», газеты «Слово писателя» и журнала «Западная Двина»

Людмила Салтыкова

Поздравляю с наступающим Новым годом! Желаю счастья, исполнения желаний, отличного настроения. Успехов — вам и изданию!

Георгий Панкратов

Дорогой Леша! Поздравляю тебя и твоих близких с надвинувшимся 2016-ым и дай Бог вам всем добра и радостей! Спасибо за ракетную книгу. Читаю с большим удовольствием, но малыми частями и радуюсь описанию больничной жизни. Очень натурально. Ну прямо «Палата № 6». Продолжай! У тебя хорошо получается. Будьмо.

Твой Е. Н., таганрожец

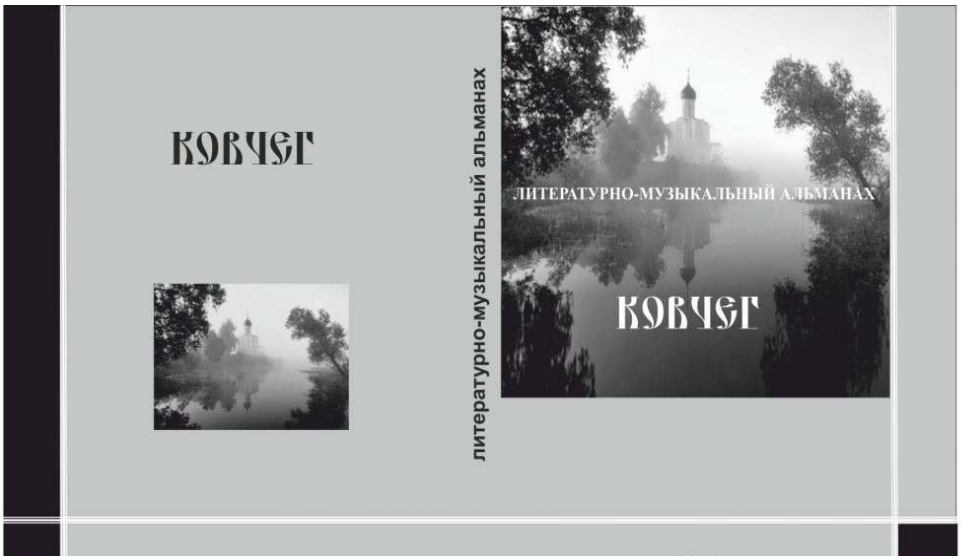
Дорогой Алексей Афанасьевич! Поздравляю Вас, дорогой мой Человек, с Новым 2016 годом! Пусть повезет Вам во всем желанном! Здоровья, удачи! Будьте счастливы и любимы!

С уважением, Тамара Булевич

Добрый день, уважаемый Алексей Афанасьевич! Еще раз поздравляю Вас со всеми новогодними праздниками. Всех Вам благ и процветания журналу и всему коллективу редколлегии и авторов.

С уважением, Людмила Авдеева, г. Москва

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ОТ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ С 5-ЛЕТИЕМ «КОВЧЕГА» — АЛЬМАНАХА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»



Пользуясь случаем, считаю своим долгом от всей души поздравить литера-турно-музыкальный альманах «Ковчег» с 5-летием! В наше быстроменяющееся время это немалый срок для традиционного полиграфического издания, девизом коего является прекрасная фраза-кредо: «Православие в наших душах».

Служение русской культуре, русской речи, сохранение и преумножение православной культурной традиции нашего народа — вот путь альманаха «Ковчег», путь нелегкий, непростой, но славный и единственно верный, полностью разделяемый авторами, чьи произведения представлены на страницах этого достойнейшего издания. Хочется пожелать альманаху «Ковчег» процветания и удачи, новых талантливых авторов и больших тиражей, а членам редакционного совета — крепкого здоровья, терпения, стойкости, побольше радостных и светлых дней, всяческих благ, а также продолжения славных свершений на ниве отечественной литературы! С Днем Рождения, дорогие коллеги!

Искренне Ваш, Вадимир Трусов,
член Союза писателей России,
г. Мончегорск, Мурманской области

ПОЗДРАВЛЯЮ! АЗИМУТ — СТОЛЕТИЕ!

«Ковчегу» — 5 лет! Возраст более чем юный, но, как говорится, молодо да не зелено. Помнится, пять лет назад, когда только задумывалось создание альманаха, у его организаторов были немалые сомнения: удастся ли? На какие средства издавать? Каких авторов привлекать? Прошло совсем немного времени — и у «Ковчега» столько интересных авторов не только туляков, москвичей, но и из ближнего и дальнего зарубежья. Поистине он становится не только всероссийским, но и международным изданием. Причем на его страницах активно выступают не только прозаики и поэты, но и литературоведы, и критики, и публицисты. И какие актуальные проблемы поднимают они в

своих материалах! И от выпуска к выпуску альманаха количество авторов растет, география сотрудничества расширяется. Безусловно, немалая в том заслуга самого активного организатора «Ковчега», возглавившего издание, Я. Н. Шафрана.

Знаменательно, что у альманаха четко прослеживаются и обратные связи — отклики читателей, значит, читают его, ждут появления в свет. А это, как известно,— отличный стимул для каждого пишущего. Хочется и дальше писать так, чтобы «зацепить» читателя за живое. На том и будем стоять!

С юбилеем, дорогой «Ковчег», держи курс не больше, не меньше — на столетний свой юбилей!

Тульский «Ковчег» идет на всех парусах. Вышел в свет 5-й номер «Ковчега» — альманаха журнала «Приокские зори»,— уверенно перешагнувший региональные рамки. Тематика его, как и география, и количество авторов, широка, но православие, духовность занимают превалирующее место, о чем говорит и эпиграф, открывающий альманах — «Православие в наших душах». Нетленные духовно-нравственные ценности: вера, совесть, милосердие, доброта, сострадание, любовь к людям — основная направленность издания, впрочем, как и альманаха «Московский Парнас», выходящего под эгидой Академии российской литературы (АРЛ), под патронажем его создателя и главного редактора Л. В. Ханбекова, посвятившего жизнь отечественной литературе еще с советских времен.

Открывает альманах «Духовная страница». В каждом выпуске она рассказывает о взаимоотношениях православия и литературы.

Авторы альманаха,— как профессиональные литераторы, члены Союзов, так и самодеятельные, — возрастной диапазон которых охватывает три поколения: от более старшего до молодых и начинающих, не только из Тулы, но и из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Самары, Тольятти, Красноярска, Братска, Горно-Алтайска, Мончегорска, Волгоградской области, Серпухова, Алексина, а также из Дании и Болгарии. «Объединяет же всех, как гласит аннотация к альманаху, любовь к России, православию, русской культуре, обеспокоенность судьбами страны и ее народа, будущим наших детей».

Большое место в альманахе занимает поэзия, представленная десятками авторов во главе с ветеранами: В. Пахомовым, В. Савостьяновым и В. Алтуниным. Следует отметить талантливых: В. Ткач, И. Мельникова, В. Иванова, Г. Лялину, Л. Самойленко, С. Люкшину, В. Демидова, С. Никулова, С. Резвякова и других. Достойно представлены и разделы прозы, публицистики, литературоведения, произведения для детей и о детях. В разделе «Песни» — не только тексты, но и ноты к ним, что редкость в альманахах.

В числе прозаиков, публицистов и литературоведов — такие известные писатели, как В. Маслов, А. Яшин, С. Норильский (Щеглов), а также И. Кедрова, Е. Семенова, А. Можаев, Е. Скоблов, Р. Мусаев, С. Овчинников, С. Крестьянкин, Я. Шафран, Г. Маркин, Е. Гаденова и другие. На страницах издания активно печатаются члены АРЛ, среди которых и ваш покорный слуга. Представлены в альманахе и молодые авторы из литобъединений: «Клио» (г. Серпухов) и «АЛЛО» (Алексин).

Любое литературное издание только тогда живо, когда востребовано читателями. «Ковчег» — активно читаемое издание. И читатели откликаются на выпуски, пишут в редакцию письма, делясь мнениями, давая свою оценку. Привожу выдержки из отзывов читателей. *«...Чувствуется, что люди любят свою страну и им не безразлична судьба России...»* — пишет об авторах москвич В. Леонардов. А вот — строки из отклика учителя из Волгоградской области Г. Клинковой: *«...Велика ответственность творцов новых произведений. Они должны следовать художественно-духовным традициям русского искусства...»* И судя по ее выводам, «Ковчег» успешно справля-

ется с этой задачей. Финальный аккорд из читательских отзывов С. Лебедева (г. Тольятти), цитирующего русского ученого-богослова и литературоведа М.М. Дунаева: *«...Художник обязательно заражает людей... Раз заражает, то и влияет на жизнь. Но особым образом...»* «Читая произведения, вошедшие в 4-й выпуск альманаха... я не единожды вспоминал мудрые слова М. Дунаева,— пишет Лебедев...— Объединяет, пожалуй, одно — все авторы представлены в альманахе достойными русской литературы произведениями. Впрочем, это главная черта и самого журнала «Приокские зори», при котором он выходит...»

Эти оценки полностью совпадают с моим восприятием альманаха. Да, «Ковчег» на всех парусах уверенно держит свой выверенный курс в бурном море отечественной литературы, привнося в нее и свой духовный вклад.

Людмила Алтунина,
член Союза журналистов РФ и
Академии российской литературы, г. Тула

МЫ ВСЕ ПЛЫВЕМ В ОДНОМ КОВЧЕГЕ

К 5-летию альманаха «Ковчег»

Мы все плывем в одном Ковчеге,
На горизонте виден храм.
Остались прочие на бреге.
Явился ночью Ангел нам.

Корабль проверен и надежен,
И капитан наш умудрен.
И каждый счастлив, что он дожил
До замечательных времен.

Тем, кто остался, мы ответим:
«Не ждите скоро — мы спешим
В страну, где духа вольный ветер
Ведет к открытиям большим».

Там каждый может встретить Бога,
Душою в Нем всегда спастись.
Лежит к Нему одна дорога.
Ведет она упрямо ввысь.

Геннадий Мир,
член Союза Российских писателей,
член Союза песенников России,
г. Щекино Тульской области

КОВЧЕГ

Держу в руках очередной выпуск литературно-музыкального альманаха «Ковчег», учредителем которого является литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори». Альманах выпускается с 2011 года и пользуется по-

пулярностью на постсоветском пространстве и не только. С 2015 года «Ковчег» стал узнаваем и за рубежом.

А секрет успеха издания кроется в умелой редакторской политике создателей альманаха: главного редактора и составителя Я. Шафрана, Л. Алтуниной, В. Демидова, С. Крестьянкина, Г. Маркина, В. Ходулина и А. Яшина, взявших курс на созидание и популяризацию традиционных ценностей, завещанных нам предками.

Хочется отметить, что публикации в альманахе бесплатные, что встречается в современном мире нечасто. Участники «Ковчега» — это как самодеятельные писатели и поэты, так и профессионалы, члены Союза писателей России, члены Российского Союза писателей и др. В альманахе представлены авторы из Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Самары, Тольятти, Красноярска, Братска, Волгограда, Болгарии и др.

Всех их объединяет любовь к России, к русской культуре и вере. Авторы обеспокоены судьбой страны и народа, грубым навязыванием через интернет и недобросовестные СМИ ложных идей и ценностей.

«Ковчег» по праву занял свою нишу в огромном печатном пространстве и привлекает к себе все новых и интересных авторов.

Хочется пожелать редакционному совету и его главному редактору Я. Шафрану здравия, благоденствия, процветания и хорошего материала от талантливых авторов! С юбилеем!

Ольга Борисова,
член Российского союза писателей,
председатель Самарской региональной
организации РСПЛ, поэт, переводчик.

НА ПЯТИЛЕТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»

В наш суетный жестокий век,
В век войн разрухи и разврата,
В век поклоненья блеску злата
Нам двери распахнул Ковчег.

Литературный наш приют —
Собранье душ и рифм высоких,
Где к Небу рвущиеся строки,
Порой до Бога достают.

Так пусть твой благородный путь
Еще продлится многи лета,
Чтоб силы и Добра, и Света
В Творенья Божии вдохнуть.

Еще с событием большим
Хочу тебя поздравить, Яков,
Ведь без тебя, Ковчег наш, как он
Благую миссию свершит?

Татьяна Леонова,
член Союза российских писателей,
член Союза журналистов России,
член Союза песенников России,
г. Щекино Тульской области

Областное музейно-литературное объединение «Муза» поздравляет литературно-музыкальный альманах «Ковчег» с 5-летием! Уже пять лет «Ковчег» объединяет на своих страницах литераторов, в творчестве которых живет любовь к Родине, русской культуре, духовности — всех тех, кого тревожит судьба нашей страны. Это только начало литературного пути, но как расширилась география авторов, разнообразился спектр жанров публикуемых произведений! Альманах развивается, растет, осваивает новые горизонты. От всей души желаем альманаху новых авторов и произведений, отмеченных печатью истинной духовности! Успехов и долгой творческой жизни!

Виктория Ткач,
заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева,
член Союза российских писателей, г. Тула

К 5-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»

За пять лет своего существования литературно-музыкальный альманах «Ковчег» сумел занять особое место в творческой и культурной жизни не только Тулы и Тульской области, но и в литературном пространстве современной России в целом. Это не случайно, поскольку альманах органично и в полной мере раскрывает творческий потенциал литераторов, представленных в издании.

Благодаря активной творческой деятельности коллектива альманаха и широкой информационной поддержке в средствах массовой информации, «Ковчег» завоевал заслуженную популярность у читателей, а также уважение в творческих организациях и объединениях. Любой из пяти выпусков альманаха привлекает разнообразием содержания и форм произведений, новизной подходов к решению художественных задач, которые ставят перед собой участники издания — поэты, прозаики и публицисты. В то же время, тонкое и острое чувство переживания современных проблем, талантливо передаваемое мастерами художественного слова читателю, в полной мере характеризует издание, как своевременное и необходимое. Думаю, что именно этим достигается одна из главных целей издания — донесение до широкой читательской общественности честного, непредвзятого и в общем, объективного творческого взгляда на события, явления и коллизии современного мира.

Девиз альманаха ***«Православие в наших душах»*** красноречиво свидетельствует об общем «художественном стержне» издания. С этой точки зрения, издание можно образно представить в виде дороги, ведущей к Храму, часто пролегающей среди негатива, безвкусицы, бесталанности, которыми, к сожалению, во многом заполнено современное печатное, телевизионное и Интернет пространство. Темы художественных работ альманаха в основном вечные, и потому всегда актуальные: любовь, дружба, верность, преданность Родине и любимому делу... В этой связи, поиск авторами новых форм, придание обновленного, современного «звучания» произведениям — одна из особенностей и сильных сторон издания.

Судя по географии публикуемых материалов, альманах по праву считается не только общероссийским, но и международным изданием, поскольку представлены произведения авторов из разных стран. Это в значительной мере обогащает сборник, расширяет возможности для завоевания симпатий и популярности в международной читательской аудитории, читающей на русском языке. Представляется, что альманах служит своеобразным мостом для плодотворного взаимодействия различных культур, творческого взаимодействия, обмена мировоззренческими позициями, взглядами на те или иные события и явления, происходящие в современном мире.

Стало доброй традицией, что наряду с произведениями известных и заслуженных

литераторов, в «Ковчеге» печатаются работы молодых авторов. Это имеет весьма немаловажное значение, особенно для читателей нового поколения. В целом же на страницах альманаха мы видим талантливые, добротные, хорошо читаемые произведения, которые интересны читателю с самыми высокими художественными запросами. Кроме поэзии и прозы, в альманахе представлены интересные материалы публицистики, литературоведения и критики. Очень интересны разделы произведений для детей и песен. Это свидетельствует о широком художественном диапазоне издания и означает, что «Ковчег» находится в постоянном творческом поиске и совершенствовании, следовательно, обладает хорошим потенциалом для дальнейшего развития.

Поздравляя коллектив и авторов альманаха с пятилетием, хочется пожелать, чтобы издание и в будущем оставалось яркой страницей в литературной и культурной жизни России и за ее рубежами. Считаю, что у «Ковчега» есть все основания для того, чтобы вызвать добрый отклик в сердцах и умах читательской общественности, во всяком случае, той ее части, которая предпочитает настоящую, ориентированную на общечеловеческие ценности, интересную и талантливую современную литературу.

Евгений Скоблов
Член МГО Союза писателей России,
Академии российской литературы, г. Москва

* * *

От души поздравляю альманах с пятилетием. По нынешним временам это вполне зрелый возраст для литературного издания. Сборник доказал свою жизнеспособность. Главное, что альманах развивается, идет в рост, становится более избирательным и содержательным. Так держать и низкий поклон всем, кто организует издание сборника и подготавливает его к печати.

С уважением, Вячеслав Михайлов, г. Тула

ПОСВЯЩЕНИЕ «КОВЧЕГУ»

По морям поэзии и прозы,
Сквозь шторма критических статей,
Одолев муссон, отливы, грозы,
Наш «Ковчег» справляет юбилей.

В пятый раз отходит от причала
Он с командой верною своей,
Как бы громко чайка ни кричала,
Наш «Ковчег» справляет юбилей!

Он пойдет уверенно и дальше,
Слово – наш надежный такелаж,
Вахты держим крепко и без фальши:
Не возьмут «Ковчег» на абордаж!

Сергей Лебедев,
член редколлегии журнала «Приокские зори»,
редколлегии альманаха «Параллели» (г. Самара),
член Тольяттинского отделения СПР.

* * *

Пусть нашему «Ковчегу» повезет во времени и пространстве, и семь футов под килем будут всегда нести его, словно на белых крыльях лебедей, к Пегасовым высотам литературного совершенства, мастерства, признания широкой аудиторией читателей. Поздравляю всех авторов «Ковчега»-юбиляра! Крепкого Вам пера и нескончаемого вдохновения!

С уважением, Тамара Булевич,
член Союза писателей России,
лауреат Золотых медалей имени
Константина Симонова, Золотой лауреат
международного конкурса МГП и
Лейпцигской книжной ярмарки-2015
«Ее величество книга!», г. Красноярск

* * *

Альманах «Ковчег» — не вполне обычное явление литературной жизни. При поверхностном знакомстве может показаться, будто он пропагандирует уже успевшие стать навязчивыми христианские ценности. Это лишь поверхностный взгляд. Внимательный читатель разглядит в альманахе нечто большее. Вы не встретите здесь напрасного упоминания имени Бога, чем натужно грешат многие издания, причисляющие себя к духовным. Здесь никто никому ничего не навязывает. При всем том «Ковчег» уверенно продвигает мысль о жизни по совести, жизни в добре и любви. Одни сочтут эти постулаты христианскими, другие назовут их общечеловеческими. Соль не в названии корабля, а в его способности плыть наперекор потопу и сохранять души живыми. И «Ковчег» плывет! Он со скрипом вмещает все прибывающих пассажиров, стонет под бьющими в его борт финансовыми волнами, но он плывет. И это плавание дарит надежду. Новых успехов и процветания тебе, «Ковчег».

Рагим Мусаев,
писатель, драматург,
член Академии российской литературы,
лауреат международной литературной
премии, г. Тула

* * *

От всего сердца поздравляю альманах «Ковчег» с пятилетним Юбилеем! Желаю всем авторам плыть по необъятным просторам прозы и поэзии, открывая для читателей много интересного и прекрасного, дарующим свет любви, милосердия, справедливости! Да не иссякнет вдохновение тех, кто мужественно страницу за страницей воплощает в жизнь святое дело сохранять культуру православия и отечественную литературу в России!

Елена Гаденова,
заместитель председателя Тульского
отделения Союза российских писателей

* * *

Уже 5 лет держится на плаву «Ковчег»!

Прекрасная дата: все еще только начинается, однако приобретен опыт, накоплен запас прочности, ясен курс, которым идти далее. Поздравим, поздравим альманах!

Поздравим его читателей, ждущих выхода очередного номера. У «Ковчега» немало верных друзей, единомышленников, сочувствующих, поддерживающих. Но самое главное — все они заинтересованные читатели, которые болеют душой за дальнейшую судьбу издания. Да, собственно говоря, сегодня, когда Год литературы канул в прошлое, чуть не увлекши за собой и самое литературу, даже одного звания «читатель» (без эпитетов «заинтересованный», «вдумчивый» и т.п.) достаточно, чтобы вызвать уважение. А «Ковчег» группирует вокруг себя читателей. Это важнейшая миссия: хранить до лучших времен, которые, верим мы, непременно наступят, русское слово; пестовать читателя, чтобы в обществе оставались люди, не утратившие привычки брать в руки книгу, открывать исписанные страницы, погружаться в мир чтения; поддерживать в тонусе отечественного литератора, вот уже четверть века чающего культурного импортозамещения, но травмированного своим веком настолько, что вопрос жизни и смерти стоит по-прежнему остро. И все эти общественные функции «Ковчег» с честью выполняет, за что альманаху отдельная благодарность и сугубое поздравление!

Поздравим и авторов «Ковчега», к которым с гордостью относим себя. Большая радость — обрести новую площадку для встреч с читателем, но ведь и площадки бывают разные: иная — как заплеванная да хулигански исписанная площадка лестничная, иная — как площадка трамвайная, где не утихают склоки, иная — откровенно торговая площадка. В «Ковчеге» все по-другому. Это, скорее, не площадка, а полянка. Тихая полянка в заповедном лесу, где ясно, чисто, благостно. Здесь можно долго бродить в задумчивости, открывать в окружающем мире нечто новое или любоваться давно известным, дорогим, родимым. Здесь разрозненные звуки сливаются в общую мелодию, поддерживают друг друга, откликаются благодарным эхом. Думается, такое чувство знакомо всем, кто когда-либо видел свое имя на обложке «Ковчега», кто свою фотографию обнаруживал среди галереи лично не всегда знакомых, но душевно близких авторов со всех концов необъятной нашей страны и из-за рубежа.

Но пусть не обидятся на нас читатели и авторы альманаха, ранее других и торжественнее других поздравим главного редактора. Словосочетание «капитан «Ковчега» звучало бы глупо да и по сути будет не верным. Яков Наумович Шафран, конечно, не капитан. Хочется сказать слово «кормчий», и мы употребили его, если бы не знали, что скромнейшего, интеллигентнейшего Якова Наумовича это покоробит. А ведь при всех его регалиях, премиях, званиях, должностях мог бы он давно забронзоветь. Слава богу, этого не произошло. Чуткий, трепетный лирик, задушевный песенник, наблюдательный прозаик, он держит штурвал «Ковчега» твердо, однако от командирских, диктаторских замашек далек. Тем приятнее доверять ему свои тексты, тем весомее его одобрение.

Нельзя не сказать об особом даре Шафрана-литератора. Слова его и образы близки природе, рождаются из нее, отражают ее суть. Его стихи музыкальны и мелодичны, поэтому естественно, что многие композиторы и барды создают на них песни, чему порукой несколько выпущенных дисков. Особенно хотелось бы выделить его стихи для детей. Сегодня мало кто привержен этому жанру — Яков Наумович понимает, что без формирования вкуса читателя-ребенка не вырастить читателя-взрослого.

Нам уже как-то доводилось писать о малой прозе Я. Н. Шафрана. Но повториться не боимся, напротив, хотим: он владеет удивительным даром за бытовой сценкой, подчас даже зарисовкой увидеть проблему, разглядеть образ, поставить один из «предельных» вопросов. Теперь же мы можем поздравить писателя с выходом романа, книги, где сходятся рубежи веков, где отдаленное и недавнее прошлое начинают взаимодействовать на уровне подсознания, ограняя образы наших современников.

Не можем не сказать и о другом таланте главного редактора «Ковчега». О талан-

те человеческом. Редко приходится иметь дело с теми, кто открыт душой для окружающих, а Яков Наумович – как раз из числа таких немногочисленных и удивительных людей. Каждое общение с ним становится вехой в жизни, запоминается, к беседам с ним возвращаешься в памяти. Некогда сказано: «Вы — соль земли». Это — про него. Не будь таких людей, наша жизнь прокисла бы, забродила, обратилась в сивушную брагу. Но есть такие люди, жизнь которых непроста, гораздо сложнее, чем наша. Впрочем, наша жизнь – всего лишь наша жизнь. Яков Наумович наделен жизненной миссией. Нам приходилось наблюдать его на встречах с читателями и собратьями по перу, общаться по общим литературным делам и по делам исключительно частным. Всегда удивляет, как ему удается, сохраняя самое искреннее расположение к собеседнику, не растратить собранности, умения распределять время, держать себя в руках, чтобы ни происходило вокруг. Мы этому учимся. Мы знаем, что в этом залог успеха «Ковчега» и грядущих успехов на других поприщах. Поздравляем!

Игорь Карлов,
лауреат литературных конкурсов и премий,
член редколлегии журнала «Приокские зори»,
г. Подольск Московской области

О «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ ПИШУТ

http://denlit.ru

ЖИЗНЬ ЖУРНАЛОВ. Литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» — Тула, 2014 — № 4

Номер журнала посвящен 200-летию со д.р. великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. «Люблю отчизну я, но странною любовью!» — называется колонка гл. редактора. В ней речь идет о Лермонтове и истоках нонконформизма в формировании русского критического реализма. Читатели могут вновь окунуться в прекрасную гражданскую поэзию, читая опубликованные в журнале лермонтовские стихотворения: «Смерть поэта», «Прощай, немытая Россия...», «Дума» и др.; полюбоваться фотографиями с его рисунков и картин. Здесь же читаем замечательные статьи И. Николаевой «Смерть и Лермонтов», Н. Квасниковой «Лермонтов в моей жизни» и М. Дзодзиковой «Суадагская легенда», стихи Л. Яшиной, А. Скаредова и В. Пахомова, посвященные великому поэту, повесть А. Коновалова «Жертва жребия земного».

В рубрике «Новороссия: глобализм в действии» приведен текст песни В. Высоцкого «Солдаты группы «Центр»». Когда ополченцы Донбасса шли в бой, они включали ее, стараясь донести до солдат противника, кто является духовными прародителями пославших их на войну. Боль за родную землю звучит в стихах умершего на рабочем месте от разрыва сердца — не выдержало ежедневных в течение года обстрелов Донецка — И. Герасимова. Яркая сатира на события на Украине — в стихах В. Бояринова. Пламенны строки стихотворения Я. Брагина «Земля в дыму». Рассказы В. Сапожникова и И. Кедровой не оставляют равнодушными к кровоточащей ране Донбасса.

«Современный русский рассказ» богат именами и темами. Читаем замечательное произведение Г. Маркина о самом главном человеке на земле — хлеборобе; Я. Шафрана о том, что «одно дело — преодоление себя ради себя, но преодоление себя для других — «за други своя» — ... еще ценнее!». Здесь же рассказ прекрасного бытописателя А. Яшина, сказки Н. Макарова, основной смысл которых — «Кто-то красивее, кто-то больше, кто-то сильнее, но все по-своему приносят пользу людям, служат им»; интересный рассказ С. Норильского о поэте В. Лазареве и последнем секретаре Л. Толстого В. Булгакове, и хорошая проза Р. Артамонова и Ф. Ошевнева.

Как всегда не иссякает стихотворный родник в рубрике журнала «Образы и тропы поэзии», на сей раз представленной как на подбор замечательными поэтами А. Пережогиным, С. Лебедевым, И. Мельниковым, И. Борониным, Г. Лялиной, В. Зайцевым и Л. Самойленко.

Глубиной проникновения в тему и большим фактологическим материалом отличаются работы В. Буланичева «Георгий Алексеевич и Виктория Викторовна Прибытковы. Люди Сибири» и З. Алешниковой (Красновой) «Воспоминания о далеком и близком» в «Публицистике и правде жизни».

Рубрика «Литературоведение, литературная критика, рецензии» на этот раз посвящена материалам всероссийской и международной дискуссии «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике», в которой активное участие приняли А. Субетто, Ф. Ошевнев, Я. Шафран, И. Кедрова, Л. Авдеева, В. Василенко, А. Шендаков, И. Рухович, В. Трусов и Р. Артамонов. Здесь же читаем «Поэзию солнечного света» Е.Трещева о сборнике избранных стихов В. Сапожникова и «Тайну Веры...» А. Сорокина о романе известного писателя А. Яшина «Административный восторг», а также «Слово — душа народа» — интервью с Л. Ханбековым — президентом Академии российской литературы.

В «Хронике литературной жизни» приведен список номеров «Приокских зорь» и книг членов редколлегии, содержащихся в каталоге Национальной библиотеки Израиля в Иерусалиме. Дмитрий Виноградов (Белоруссия) пишет, что журнал нравится «своей солидностью, добротным содержанием и, здесь уместно будет привести чисто человеческое качество, большой уверенностью». Яков Плинер, спикер Штаба защиты русских школ из Латвии с горечью говорит о продолжающемся наступлении на русское образование в Латвии. Пишут и из американского Сиэтла: «Журнал «Приокские зори» читают в Сиэтле многие русские читатели». В рубрике перепечатана статья об альманахе «Ковчег», выходящем в серии «Библиотека журнала «Приокские зори», включенная в электронную энциклопедию «Википедия» в светлые Пасхальные дни. Людмила Авдеева в письме-заметке о № 4, 2013 г. и № 2, 2014 г. «ПЗ» благодарит А. А. Яшина — гл. редактора: «Вы раскрываете новые грани и творческого, и исторического процесса, и заставляете возвращаться к чтению произведений, давно отложенных или казавшихся полностью изученными». В «Хронике...» сообщается, что в № 4, 2014 Независимого альманаха «Московский Парнас» опубликован материал Т. Шелепиной об алексинском «АЛЛО»; что 21 декабря 2014 г. исполнилось 135 лет со дня рождения И. В. Сталина. «...Не зря незомбированный пока еще в своем большинстве русский (и вообще — российский) человек, оглушенный всемирным движением звероподобного глобализма, повторяет в сердцах: «Сталина на вас нет!» Журнал поздравляет с Юбилеем генералиссимуса всех, кто помнит отечественную историю и роль Сталина — создателя сверхдержавы СССР! «Приокские зори» в лице гл. редактора, редколлегии и редакции поздравляет Академию российской литературы с 10-летним и Независимое литературное агентство «Московский Парнас» с 15-летним юбилеями!

ЛитКритика.by
Белорусский литературный портал
http://www.litkritika.by/categories/literatura/11/3245.html

Юрий Клеванец. ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ПЕРЕМЕН ЭПОХ
Сравнение пяти литературных журналов
Доклад на форуме «Славянская Лира» в Полоцке, июнь, 2015 год.
(Отрывок)

. . . . . .

Перейдем к «российской» части и начнем с поэзии.

По понятным причинам в первую очередь я обратил внимание на подборку стихов гродненца Анатолия Болутенко в переводе Я. Шафрана «Далекая Родина». Поэт А. Болутенко не состоит в Союзе писателей Беларуси, я специально проверял, но пишет вполне в духе того, что печатают издания, связанные с СПБ, в частности, журнал «Неман». Лирика природы, страдания по поводу тяжких последствий чернобыльской аварии, что случилась почти тридцать лет назад. Характерное название стихотворения — «Плачут все».

Стихи поэтессы из Саратова Ольги Борисовой под общим заглавием «Это Русь» перекликаются с поэтическими подборками белорусских авторов того же номера журнала Натальи Ковалевой и, в какой-то мере — Анатолия Болутенко. Меня, конечно, в первую очередь заинтересовало стихотворение с названием «Беларуси». Вообще всегда интересно узнать, как видит привычный для тебя мир посторонний, «свежий» человек. В данном случае автору, по-видимому, особенно запали в душу слова «асцярожна, дзверы зачыняюцца», которые автоматически долдонят у нас все динамики во всем общественном транспорте.

В остальном — дороги, вóроны, сомнения, надежды. Привычные слова-ориентиры русского поэта.

Подборка поэзии Игоря Лукьянова представляет собой стихотворные наброски, зарисовки, заметки. Основные мысли: все конечно, и жизнь тоже проходит, но надо «держать спину», хоть видали мы времена и получше.

Осенняя, возрастная поэзия. Внимание привлекает стихотворение с названием «Украина-2014», смысл которого — горький вопрос: что ж вы, братцы, делаете?

Здесь же — «Стихи к 70-летию Победы» Игоря Нехамеса. Я, критик, считаю, что время мемуаров — прошло, время воспеваний — тоже прошло. Настало время хранения наследия. Фактик к фактику, как зернышко к зернышку. А те, кто мог и имел право воспевать, уже свое отпели.

Своеобразным «переходным звеном» между поэзией и прозой можно назвать притчевый текст Тимура Зульфикарова «Апокалипсис XXI века». Та часть, что напечатана в №1/2015, погружает читателя в смутную тревогу. Ключевые слова: «весь мир — это хата с краю». Поневоле вспоминается немецкий поэт фон Мюнхгаузен из журнала «Неман», который я разбирал выше. А еще мне вспомнился ремарковский герой, который чувствовал приближение войны и успевал вовремя убежать: из Праги — в Париж, из Парижа — в Америку...

Автор еще одной красивой притчи, «Сказ о новом правителе и о старом советнике», Вячеслав Михайлов, похоже, хочет уверить читателя, что от мудрости и от способности учиться всякого рода начальников что-то в этом мире зависит. Думаю, что исчерпывающий ответ автору дал Державин за много лет до нашего рождения: «Цари! Я мнил: вы боги властны...» далее см. первоисточник.

Но все-таки у В. Михайлова написано красиво: «За это время страна расцвела: развивались ремесла, радовала урожаями нива, люди мирно трудились и богатели». Как говорят в моей республике — хочу и я пожить в той Беларуси, которая в телевизоре.

Затем идет публицистика.

Геннадий Маркин в своей краеведческой статье «Отцовское завещание» дал маленькую, хотя и драматичную, и поучительную иллюстрацию большого явления — разложение общинных отношений в Российской империи в Х1Х веке. Некий отец, умирая, завещал детям сохранять соимение, совладение, потужничество или, говоря по-белорусски, «сяброўства» (знаменитое белорусское слово «сябар» произошло от sabcha, что, в сущности, и значит «община»). Ну и что? Да все как всегда: поссорились. Как ссорились и ссорятся по сей день при дележе имущества от Буга до Сахалина. Как дошли до криминала герои Михаила Шнитко из «белорусской» части журнала. Как поссорились и дошли до криминала дети Мономаха или дети хана Кубрата, о которых здесь уже говорилось. Все нормально. Так судьба стучится в дверь. Так стучится в дверь частная собственность.

Небольшой историко-краеведческий очерк Маргариты Дзодзиковой «Фамильное святилище Дзодзиковых в Северной Осетии» для нас, жителей плоской, почти как стол, Беларуси, переполнен экзотикой Кавказа. Но если убрать, вывести на время за скобки родовые башни и святилища, горных духов и белых быков — то что останется? А останется нечто более к нам близкое: «Стары Бутрыс тжэх сынув, тенких, як сам, литвинув, // На дзедзинец пржызыва и жэче: // «Выпровадзьце румаки и нарэнжце кулбаки,// а выострже и гроты, и мече»...

Это ранний феодализм, господа.

Маленькое эссе Александра Сорокина «Этюд о неразделенной любви» посвящено отцу автора, тульскому хирургу и преподавателю Петру Сорокину (так я понял из текста, в котором имя героя прямо ни разу не называется). Написано страстно, но, на мой взгляд, несколько темновато. Во всяком случае, я, как человек посторонний, не сразу все понял

Название литературоведческой статьи Ирины Кедровой «Итоги дискуссии: герой нашего времени в оцифрованном человеке» говорит само за себя. То есть в журнале «Приокские зори» в предыдущем году проводилась дискуссия о роли и месте литературы в обществе, о новых тенденциях и о новых литературных героях, а автор статьи подводит ее итоги. Замечу, что подобные же дискуссии, правда, вялотекущие в силу национального темперамента, время от времени «завариваются» и у нас в Беларуси.

Здесь же литературные рецензии: Сергея Крестьянкина на книгу Н. Квасниковой «От сатирика слышу» (название: «Удержать равновесие над пропастью») и Алексея Яшина на сборник стихов С. Лебедева — под названием «Поэт из Тольятти».

Ирина Николаева в своей статье «Что наша жизнь?» рецензирует книгу А. Яшина «Административный восторг или картинки с выставки».

В журнале получилась некая перекличка и полемика—в частности, в силу разных взглядов на творчество А.Чехова в моей статье «Драматургия рубежа веков: Антон Чехов и Андрей Курейчик» из «белорусской» части журнала и в статье Рудольфа Артамонова «К прошедшей годовщине А. П.Чехова» в «русской» части.

Как человек молодой духом и задорный, считаю необходимым эту полемику продолжить. Форму предлагаю такую: я буду здесь приводить цитаты из статьи Р. Артамонова, а потом — свои комментарии к ним.

Итак, во вступлении, говоря о писательнице из Канады Элис Монро, лауреате Нобелевской премии по литературе 2013 года. Р.Артамонов пишет: «Не буду возражать против похожести творчества Э.Монро и О.Генри. С творчеством первой пока незнаком».

А зачем тогда весь этот абзац, если незнаком? Только затем, что Монро кто-то где-то сравнивал с Чеховым?

Далее — углубление в историю, интересное, хоть и спорное, обращение к живописи. Автор пишет: «Эпоха Возрождения в живописи характеризуется созданием больших, порой монументальных полотен... Эти произведения предназначены для церквей, дворцов вельмож. Их создатели — великие художники, творческие замыслы которых для воплощения требовали больших масштабов. Так во всей Западной Европе... до возникновения эпохи Реформации».

Здесь в четырех предложениях — две разновекторные мысли. Попробуем разобраться с каждой. И начнем с конца.

Во-первых, зачем автор разделил Реформацию и Возрождение? На самом деле это — близнецы-братья и даже какие-то сиамские близнецы. А родители их — торговля и капитал (прошу прощения за банальность). В сущности, особенности исторического развития Севера и Юга Западной Европы на рубеже Средневековья и Нового Времени заключаются в том, что до Севера у пап руки не всегда дотягивались. А Лютер, Кальвин, Гус, английские индепенденты и даже Савонарола с Вассианом Косым говорили примерно об одном и том же.

Между прочим, у нас, то есть на территории современной Беларуси, тоже были свои протестанты и даже процветали до тех пор, пока властям в Варшаве не стала бросаться в глаза их поддержка из-за рубежа — в том числе и из Московии. Тогда-то и пошли разгоны, костры из книг и прочие средневековые фокусы. И если бы мы смогли восстановить какую-нибудь книжку какого-нибудь Будного, к примеру, то, скорее всего, увидели бы в ней какую-то местную интерпретацию общих идей того времени.

Во-вторых, а как соответствует высказыванию Р. Артамонова, к примеру, рафаэлевский портрет Форнарины («булочницы», для тех, кто не хиппует)? Он что, поражает грандиозностью? А кто такая Мона Лиза? Вельможа? Венценосная особа? А мадонна Литта с обкусанными ногтями? У голландских мастеров вследствие зависимого положения Голландии с одной стороны и развитости торговли — с другой просто было меньше шансов обслуживать реальных вельмож того времени, зато больше шансов на заказ от богатого бюргера.

Далее автор переходит к России. «...Уже в первой половине XIX века появляются и малые формы изобразительного искусства. Кажется, на первое место зачинателя этого явления (то есть малых форм — Ю. К.) надо поставить П. А. Федотова...»

Опять же автор как бы смотрит одновременно в разные стороны.

Во-первых, за Федотовым иной исторический опыт — то есть кроме Реформации еще и Просвещение, и революции... «Малые голландцы», за редчайшим исключением, были «формалисты», только намеками позволяли себе говорить о парадоксах действительности (в роскошной вазе стоят тюльпаны — «фишка» и фетиш торговой Голландии того времени, рядом валяется белая роза — символ братской христианской любви). Заочный учитель Федотова — карикатурист Хогарт, уж карикатура-то как раз тот вид искусства, который старается обходиться без намеков.

Во-вторых, до П. Федотова был А. Венецианов, до А. Венецианова был М. Шибанов, до М.Шибанова были два Ивана — Фирсов и Ерменев. Все они — не самоучки, а одни из лучших выпускников Академии, три последних — стипендиаты и стажеры за границей. То есть не без оснований можно предположить, что кроме очень

известных русских мастеров бытового жанра (давайте называть вещи своими именами), кроме не столь известных, могли быть художники и вовсе нам неизвестные, а зарождение этого русского жанра можно отодвинуть и к началу XVIII столетия. Не был совсем забыт бытовой жанр и на Западе. Так, уже упомянутый Фирсов, по-видимому, учился у Шардена. То есть мода приходила, уходила, вновь возвращалась, а направление изобразительного искусства оставалось.

Далее. Творческие идеи перечисленных здесь художников плавно перетекают от одного к другому, от старшего к младшему, а позже, на новом историческом витке, их действительно подхватывают передвижники, не скрывающие социальной направленности в своих работах. Но не особенно скрывал таковую и Ерменев, к примеру. Именно ему мы обязаны картинками с изображениями событий начала Великой французской революции, которые разошлись потом по всему миру в виде гравюр. То есть традиционный путь русского художника бытового жанра — от крестьянских трапез, народных гуляний, нищенок и мамок с детками до чисто социальной оппозиции — прослеживается довольно четко от самых зачинателей жанра как такового.

Но повторю, определенная мода на некоем историческом этапе возвратилась, но уже обогащенная опытом появления такого, в частности, явления, как просвещение, гигиена, опытом якобинства и начавшейся промышленной революции. То есть бытовая живопись не зародилась в России в XIX веке, а на нее тогда стали обращать больше внимания. Именно в это время могла произойти такая сценка: пролорнировал некий фрачный баронет на базаре крутобедрую торговку рыбой и подумал: вот надо же, тоже человек. Раньше никакие графья об этом и не задумывались: подле них были подлые сословия, да и все.

Вот еще одна цитата: «...в... произведениях Чехова больше иронии, чем сатиры. Не был он склонен к осуждению своих героев». Здесь дело не в личных склонностях классика, а в том, что он большой художник. Дело литератора — исследовать и свидетельствовать, а не осуждать и приговаривать. Р.Артамонов, кроме того, не видит презрения, которым Чехов награждает некоторых своих персонажей. «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». И делает это без оглядки на то, как это отразится на нем самом. Вот пример: далеко не самый скандальный рассказ «Попрыгунья». После того, как он был напечатан, друг писателя, художник Левитан вдрызг с ним разругался. Живописец имел неосторожность связаться с такой попрыгуньей, а Чехов — Чехов просто высказал публично свои мысли по этому поводу. Кому-то это покажется даже и жестоким. Однако вообще мягкие душечки-классики — это что-то вроде плачущих большевиков.

Но пойдем далее. Прямые наследники чеховской традиции, Ильф и Петров, в своем презрении к отрицательным персонажам пошли уже настолько далеко, что, пожалуй, даже и перегнули палку. Известно замечание Ахматовой насчет Васисуалия Лоханкина: это не просто некий смешной и гадкий тип, это интеллигент, и его, по роману, не жалко.

Замечу со своей стороны: в романах Ильфа и Петрова почти совсем нет детей. Почему? А как раз для того, чтобы у читателя не было жалости. Вот если посадят, к примеру, какого-нибудь Альхена, голубого воришку по роману — так туда ему и дорога. Всякий так скажет. А если у того Альхена семеро по лавкам? Читатель может задуматься и усомниться. Как раз этого-то авторам и не нужно. Пусть плохие люди будут безродным перекати-полем, тогда и уничтожать их будет можно как мышей или как комаров.

Подведем еще один промежуточный итог. «Русская» или «российская», если угодно, часть журнала в целом не лучше и не хуже белорусской, отличия есть, но они не в цветах, а в оттенках.

Добрый день, дорогой Алексей Афанасьевич! У меня новая электронная почта: avdeev.ldpe@yandex.ru и docavdeev.1@mail.ru

Вчера получила бандероль с «ПЗ» (Есенинский номер). И Вашим новым романом «Мы делали ракеты». Очень Вам благодарна за публикацию стихов, хотя жаль, что моя статья не пошла, хотя вы ее и предполагали к печати.

Сердечно поздравляю Вас, как с выходом интереснейшего романа о годах нашей молодости (начала читать, после подробного «знакомства» с фотографиями). Особо поздравляю с повторной премией великого Льва Николаевича Толстого. У меня тоже за это время несколько премий, изданы мои книги корейцами и включены в план аж до 2017 года еще несколько на перевод. 18 декабря будет презентация книги, изданной в Непале и дали заказ еще на одно большое издание (первое — беседы с непальскими писателями). Получила знаки отличия от греков за стихи и поэму. Была приглашена на Первый писательский форум. Прошли серьезные конференции по Турции, КНДР, запись на ТВ, выступала с докладами, стихами, сейчас серия фестивалей в Москве и Подмосковье в связи с битвой под Москвой, и я тоже и выступаю, и в жюри и премии вручаю. Делаю сборник студии, и все это наряду с лекциями и повседневной работой. И весь год без отпуска прошел.

Планирую на итоговом собрании ЛИТО обсудить Ваш новый роман. (Кто сможет познакомится по Интернету, устроим на неделе чтение вслух ряда глав. Сделаю материал, пришлю. Дорогой Алексей Афанасьевич, № 4 с интервью ВВЖ, если будете направлять, то на мой адрес, чтоб не пропал. В пресс-центре за прошлый и этот год ничего не получали.

Еще раз самые добрые поздравления от меня и моего мужа и добрые пожелания всем коллегам.

Людмила Авдеева, г. Москва

ОБСУЖДЕНИЕ РОМАНА А. А. ЯШИНА «ЗАТО МЫ СТРОИЛИ РАКЕТЫ»

Добрый день, дорогой Алексей Афанасьевич. Посылаю информацию, в которой обсуждение Вашего романа в библиотеке и в музее.

Хочу заранее поздравить Вас и весь коллектив с наступающим 2016 годом. От всей души желаю, чтоб обезьяний год оказался без ужимок, свойственных мартышкам, а был бы по-настоящему насыщен полезными, плодотворными делами, встречами, новыми книгами, возможностями для интересного отдыха, любовью и пониманием близких и друзей и чтобы воспоминания о нашей светлой боевой молодости нас не покидали. Самые теплые мои поздравления Якову Наумовичу Шафрану (послала подборку стихов в «Ковчег» в конце ноября). Большой привет и наилучшие новогодние пожелания примите и от моего мужа, которого поражает Ваша творческая плодовитость и энциклопедичность знаний. Такой же творческой «урожайности» Вам и в Новом году!

Людмила Авдеева, г. Москва

ВСПОМИНАЯ БУДУЩЕЕ

Свою итоговую встречу, в связи с окончанием года Литературы, Московское ЛИТО «Вдохновение» провело, и, как обычно в библиотеки и в Мемориальном музее-квартире Аполлинария Васнецова, брата известного русского художника Виктора

Васнецова. Эта одна из новых творческих площадок, на которой в 2016 году планируются ежеквартальные литературно-музыкальные программы «Времена года» и обсуждение новых книг российских поэтов и прозаиков.

На итоговую встречу собралось нежданно-негаданно большое число зрителей, среди которых не только постоянные слушатели студии, но и жители района, откликнувшиеся на приглашение музея, представители от Третьяковской галереи, от Художественного музея города Вятки, члены литературных объединений Москвы, Смоленска, Пушкино, Заветов Ильича и других городов Подмосковья. Пришлось ставить дополнительные стулья не только в основной зал, но и в смежные залы, где собрались любители литературы и музыки.

В первом отделении руководитель ЛИТО, член СП РФ Людмила Авдеева познакомила собравшихся с работой и планами студии, прочитала стихи из своих новых книг «Бессмертна музыка, поэзия, любовь» и «У жизни нет черновика». Затем выступили члены Лито: Елена Онищенко со стихами русских и советских поэтов, посвященных живописи и художникам, Татьяна Минаева с циклом стихов осенней тематики, Андрей Калецкий с пейзажной лирикой, Светлана Минеева с новыми стихами о любви. Член Академии поэзии Василий Леонов прочитал свою большую поэму «Русь». В заключение первого отделения студенты Консерватории исполнили произведения Чайковского, Рахманинова, Грига.

Вторая часть встречи была посвящена обсуждению новинок литературы, что стало уже для студии традицией. Были представлены к обсуждению книга Ю. Павлычева «Тихий дом», написанная в жанре художественной публицистики и посвященная острым вопросам современности, и новый роман А. Яшина «Зато мы делали ракеты». Последний вызвал особый интерес собравшихся, так как рассказы, повести, романы автора, публикации в журнале «Приокские зори» оказались хорошо знакомы значительной части аудитории. Ранее на Лито прошло обсуждение романа А. А. Яшина «Сны и явь полковника Хмурова», посвященного, говоря словами автора, «идиотизму болонского процесса». Обсуждались студийцами совместно с читателями и романы «Административный восторг или картинки с выставки», «Квадратная пустота».

Ведущая программы Л. Е. Авдеева отметила, что и новый роман А. Яшина, состоящий из 20 новел, написан в жанре романа-новеллино, характерного для литературы итальянского средневековья и дающего возможность свободного повествования и изложения событий. Затем она познакомила собравшихся с предисловием к книге А. Яшина, написанным Президентом Академии российской литературы Леонидом Ханбековым. Так же был зачитан авторский пролог-зачин, в котором дана яркая краткая, но необычайно емкая картина «золотых 70-х советских лет, «прекрасных и мирных буден и праздников» Была рассмотрена общая концепция романа, в котором снова основной рассказчик — постоянный герой книг А. Яшина Николай Андрианович и его друг, и давний собеседник Андрей Сергеевич. В романе немало и других героев и персонажей, характеры которых выписаны точно, детально, и запоминаются читателями. В выступлении Л. Авдеевой были рассмотрены сюжетные линии романа, проведены параллели с другими произведениями, которые в советское время относились к жанру производственного, профессионального романа, отражали жизнь рабочего класса, научной и технической интеллигенции. Эти произведения с успехом обретали вторую сценическую или экранную жизнь. Собравшиеся вспомнили «Инженеров» Гарина-Михайловского, «Двух капитанов» Каверина, спектакль «Сталевары» во МХАТЕ.

Так как новый роман А. Яшина вызвал неподдельный интерес, а среди собравшихся были, и студийцы, прочитавшие роман, и читатели, знакомые с книгой по Интернету, то было решено продолжить обсуждение в Литературном Салоне студии

«Вдохновение», где все желающие могли бы поделиться своим мнением. В продолжении обсуждения разговор шел об исторической памяти, преемственности поколений. В зале оказалось немало людей, чья молодость пришлась на те же годы, что у автора романа. Свое мнение о романе высказали инженер 70-х Андри Маркович, долгие годы работавший в КБ и отметивший точность описания времени, когда каждый получал по труду, и все силы были брошены на «битву за процветание страны». Нотки ностальгии по прошлому звучали в выступлении Владимира Фомичева, тоже инженера, а ныне известного писателя, публициста, эмоционально рассказавшего о своих студенческих годах, жизни в общежитии, об «общественно-полезном» труде студентов в колхозах, о дружбе молодежи из разных стран. Долго говорил об утрате оптимизма, веры в будущее, бескорыстия, развале производства и государства в целом доктор технических наук, член корреспондент В. Алдонясов, подчеркнувший, что для возрождения производственной деятельности необходимы истинные труженики, профессионалы, потомственные рабочие. Кандидат филологических наук Л. Генералова отметила, что подзаголовок романа «Воспоминание о будущем» имеет глубокий подтекст, хотя и не нов. «Воспоминания о будущем», «Воспоминания о былом» можно найти и в русской, и в зарубежной литературе и кинематографе, но именно такое название точно отражает цикличность жизни, эволюцию общественного развития. Самобытность, своеобразие авторского стиля и языка отметила учитель литературы И. Толчинская, которая увидела много общего со своими однокурсниками в героях романа, которые в конце «в 60-х добровольно ехали работать в сельские школы, имея красные дипломы и будучи коренными москвичами. А сегодня выпускники не желают работать по специальности, а в преподавании сильна коммерческая жилка и нет творческого подхода к учебному процессу. Преподаватель иностранного языка Н. Кругликова, отметила, что Яшин хорошо знает преподавательскую и студенческую среду, крепко помнит свои молодые годы, дает точные характеристики. Так же она отметила, что появление строк из стихотворений Ивана Бунина в романе, обогатило текст. Андрей Калецкий, сам занимающийся фотографией, остановил внимание на работах фотохудожника Владимира Белтова из серии «80-ые» и на интересных архивных любительских фото, используемых А. Яшиным в романе.

В заключении литературной встречи, подводя итог сказанному читателями, Л. Е. Авдеева еще раз отметила, что все произведения известного романиста, ученого-энциклопедиста, главного редактора журнала «Приокские зори» А. А. Яшина отражают многообразие нашей современной нелегкой жизни, и часто мы оказываемся в том же областном центре Тулуповске, описанном автором по–щедрински сатирически, или как один из героев в палате «306» — аналоге чеховской палаты № 6. И, безусловно, только вернув все самое лучшее из «золотых времен» 70-х, возродив нравственный потенциал, каким всегда была техническая, научная, творческая интеллигенции, можно говорить о возрождении страны. Читатели пожелали полюбившемуся им писателю творческих сил для создания столь же актуальных ярких произведений.

Людмила Авдеева,
член СПРФ, руководитель ЛИТО,
г. Москва

ГАЗЕТА О ПИСАТЕЛЯХ И ЧИТАТЕЛЯХ, ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И ПИСАТЕЛЕЙ
Издаётся с августа 2011 г.
СЛОВО ПИСАТЕЛЯ
№ 4 (22), 2015 г.

ПРЕМИЯ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО–2015 ПРИПОДНЕСЛА СЮРПРИЗ

21 ноября в Доме Москвы в Минске, в помещении РЦНК «Россотрудничества» состоялась торжественная церемония оглашения результатов и награждения лауреатов Международной литературной премии имени Симеона Полоцкого-2015. На церемонии присутствовало около полусотни авторов и поклонников художественного слова из разных уголков республики. Взору собравшихся были продемонстрированы все двадцать книг номинантов на премию — ровно по десять на номинацию «Поэзия» и «Проза».

На торжественное оглашение имён победителей пришли непосредственно председатель Жюри премии, писатель и литературный критик, литературовед, председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», лауреат Международных литературных премий имени Молодой Гвардии, Славянских традиций-2013, Леонида Матусовского и Симеона Полоцкого, действительный член Крымской литературной академии Олег Зайцев, члены жюри — писатель и литературный критик, лауреат Международной литературной премии имени Славянских традиций-2010, почётный председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» Александр Раткевич, прозаик и литературный критик, краевед, секретарь Секции литературной критики и литературоведения Юрий Клеванец, писатель и литературный критик, член Союза писателей Беларуси Юрий Горбачов (псевдонимы Юрась Нераток и Юрий Юлов). Вёл церемонию и сохранял интригу исполнительный директор Премии, минский поэт Александр Ключников.

Между тем, кроме самих членов жюри на то, чтобы лично услышать результаты и стать свидетелями награждения премией своих коллег прибыли её номинанты Иван Дацкевич из Жабинковского района Брестской области, Вадим Салеев (Вадим ЯР), Светлана Клецко, Николай Василевский из Минска, Олег Сешко из Витебска, Тамара Кейта-Станкевич из Пинска, Людмила Яськова из Добруша, Татьяна Потапович и Василий Миронов из Бобруйска, Владимир Шаронов из Гомеля.

Члены жюри были предельно скрупулёзны и, вместе с тем, ясны в своих речах, стараясь придерживаться исключительно фактологического материала, с которым им пришлось столкнуться в процессе знакомства с творчеством номинантов. Между тем, они не смогли воздержаться и от пожеланий участникам премии, а также от некоторых теоретических выкладок, характеризующих общую атмосферу литературного процесса как вне, так и внутри Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». А некоторые из них, в частности председатель жюри, даже позволили себе приоткрыть «завесу» внутренней процедуры работы жюри в ходе оценки произведений (книг) участников и итогового заседания этого компетентного коллегиального органа.

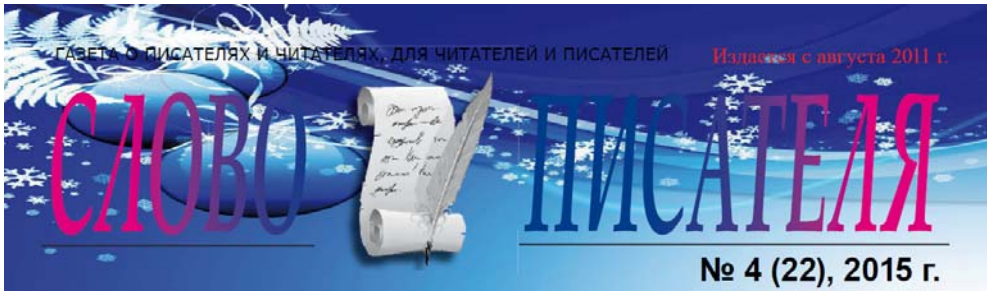
Наконец, под звуки фанфар на сцену вышел исполнительный директор премии, держащий в руках конверт с именем лауреата в номинации премии. Каково же было изумление

015

автора книги поэзии «Аквилон», минчанина Василия Мельникова, когда прозвучала его фамилия. От волнения победитель практически ничего не смог сказать в ответном слове, лишь поблагодарив всех за столь высокую оценку своего творчества. Лауреату был торжественно прикреплён на лацкан пиджака памятный знак (медаль) премии, вручены удостоверение, диплом и ценный подарок.

К сожалению, собравшимся не удалось стать свидетелями вручения премии имени Симеона Полоцкого-2015 второму из лауреатов, на этот раз в номинации «Художественная проза», так как Алексей Яшин из Тулы не смог приехать на церемонию по состоянию здоровья. Приз ему, а также медаль, удостоверение и диплом взялась передать коллега по творческому цеху, рязанка Людмила Салтыкова, которой и было всё это вручено.

Зато гостям церемонии повезло услышать ответную речь обладателя специального диплома жюри Премии за высокий художественный уровень романа «Час змеев» Александры Ковалевской из Речицы. Александра Викентьевна, к слову, стала первым в рамках премии имени Симеона Полоцкого обладателем награды из числа женщин- членов Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Будем верить, что не последней. Теперь очередной премиальный сезон этой награды ожидается через год, осенью 2017-го по номинированным книгам, изданным в 2015 и 2016 годах. Ещё раз сердечно поздравляем обладателей премии имени Симеона Полоцкого-2015! Удачи вам на литературном пути!



«ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ» ПРИГЛЯНУЛАСЬ «ЛЕВШЕ»

По итогам оценки произведений, вышедших в текущем году номеров литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские Зори» (гор. Тула, Россия), учредителями Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова — редакцией издания, ректоратом Тульского университета и Тульской областной организацией Союза писателей России — было принято решение присудить данную премию Белорусскому литературному союзу «Полоцкая ветвь» за

«белорусский» выпуск (№1(38), 2015).

Диплом премии «Левша» поступил в Минск в начале декабря и был в торжественной обстановке передан руководству республиканского писательского объединения в ходе творческого вечера, проходившего в Минской городской публичной библиотеке №14 10 декабря. Диплом лично принял председатель РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь» Олег Зайцев. Необходимо подчеркнуть, что союз с нынешнего года стал информационным партнёром журнала, а руководитель организации — вошёл в её редколлегию.

Номер, за который ветвевцы получили редкую литературную премию, включил в себя прозу, поэзию, драматургию, переводы, юмор, стихи для детей, литературоведческие статьи 31 автора, и открывался вступительной статьёй все того же председателя творческого союза Олега Зайцева «Беларусь литературная: взгляд изнутри».

ЮБИЛЕЙ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА В ТУЛЕ

ТУЛЬСКАЯ ПРАВДА НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ • ИСТОРИЯ • ФИЛОСОФИЯ 3

К 120 лет со дня рождения С.А. Есенина

ЛЮБОВЬЮ ПОРАНИЛ ОН ДУШУ РОССИИ

Так проникновенно написало творчество С.А.Есенина в своём стихотворении тульский поэт С.И. Галкин. А поэзия великого русского поэта такова, что завораживает она не только страстных его поклонников, но и каждого, способного слышать стихи и душой понимать уникальную неповторимость нашей Родины — России. И, конечно же, самый живейший отклик эта поэзия вызывает у тех, кого природа наделила поэтическим талантом. Это особенно наглядно было продемонстрировано на мероприятии, состоявшемся в день рождения С.А. Есенина 3 октября в Белоусовском парке г.Тулы. В митинге-концерте у памятника поэту приняли участие такие известные в творческом мире люди, как В.Балаевский, В.Кадрова, Н.Попов, Л.Куанышова, В.Тумбаев, Ю.Галкин, В.Ходулин, Н.Жуков, А.Жарташов, В.Стикачев, Т.Леонова, Б.Гадинова, Б. Роганков, В.Аникеев, В.Лудков, Е. Залесский.

Они читали свои стихи, посвященные памяти С.А.Есенина, и другие произведения, рассказывали случаи из жизни, связанные с именем и творчеством великого поэта. И, конечно же, звучали стихи «виновника торжества», и те из них, что положены на музыку: «Отго взрыла роща золотая...», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Шагане, ты мое, Шагане...» Ни заменным участником также культурных мероприятий бывает и артист Тульской филармонии В.Корнилин, который и на этот раз порадовал поклонников своим ярким талантом. А в целом, это мероприятие, продемонстрировавшее особое духовное братство поэтов, свидетельствует о том, что народ, имеющий такую культуру, силен, патриотичен и непобедим.

Зинаида НОСКОВА
фото автора

НАШИ АВТОРЫ — НА ДОНБАССЕ

Александр Редьков — доброволец

ЕФИМ АРОНОВИЧ ГАММЕР (ИЗРАИЛЬ)

Член правления международного союза писателей Иерусалима, главный редактор литературного радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» — радио «Голос Израиля» — «РЭКА». Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики Латвийского госуниверситета в Риге, автор 18 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них – Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак, Москва, 2005 и золотая медаль на постаменте, 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году стал лауреатом (малая золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. Живет в Иерусалиме.

Марк Бенарон

ИЗ ЭМИГРАНТОВ В РЕПАТРИАНТЫ — ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Этот год проходит для иерусалимского писателя Ефима Гаммера под знаком «70». Ему, родившемуся в день и час начала штурма Берлина 16 апреля 1945 года, исполнилось ровно 70 лет, как и Победе. И может быть, поэтому не случайно, что его документальные и очерковые произведения о людях той войны вновь привлекают пристальное внимание читателя, как и прежде, когда они были написаны.

В 2015 году по итогам Международного конкурса военных писателей и журналистов «СВЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ», проведенном в Самаре, в номинации «Проза» Ефим Гаммер был удостоен Диплома первой степени за повесть «Второй такой надписи нет на Рейхстаге» и стал дипломантом Германского международного конкурса «Лучшая книга года». Дипломом отмечена документальная повесть «В прицеле – свастика», выпущенная в свет отдельной книгой в Риге – издательство «Лиесма» – в далеком 1974 году. А по итогам международного конкурса «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ» Ефим Гаммер удостоен медали «За верность русскому слову» и медали «70 лет ПОБЕДЕ» от Московского фонда мира за очерк «Разминуться со смертью». Лишним доказательством тому, что рукописи не горят, служит также новая, 19-я по счету, книга Ефима Гаммера «Эмигранты зыбучего времени», изданная осенью 2015 года в Пятигорске издательством «Беркхаус». Это роман нашей жизни с начала Первой мировой войны до наших дней из очерков, эссе и рассказов, охватывающих несколько поколений людей, прошедших через все испытания двадцатого века.

Первая книга романа под названием «Эмигранты из Атлантиды зыбучего времени» напечатана в литературном журнале «Приокские зори» — Россия, № 1 — 2013.

Вторая книга «Живые зеркала» опубликована в журнале «Ковчег» — Россия, № 44 — 2014.

Сетевое издание Объединения Русских ЛИТераторов Америки ОРЛИТА:

«Люди, в большинстве своем это одесситы, ставшие впоследствии оренбуржцами, рижанами, иерусалимцами, как живые зеркала, отражают в этом романе Ефима Гаммера из рассказов и очерков минувшее столетие, начатое Первой мировой войной в 1914 году и заканчивающееся в 2014-ом повсеместными войнами в разных странах нашего мира».

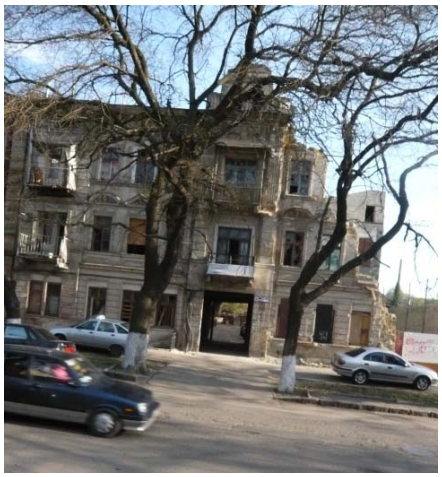
При этом надо отметить, что связующим элементом для всего этого объемного произведения и четырех поколений его героев, включая родившихся за пределами России, является русский язык.

Не случайно лейтмотивом через все повествование проходят такие слова автора:

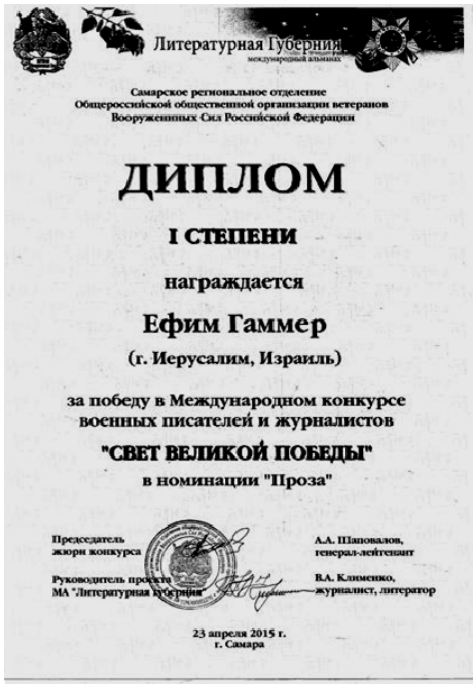
«Невозможно уехать на третью Родину, не взяв с собой Первую и Вторую — Россию и Латвию. А как же быть с четвертой? Четвертая — это русский язык и мое творчество. Независимо от того, легко или трудно дается жизнь, русский язык и творчество всегда со мной. Я уехал из Советского Союза в Израиль, когда лидеры государства торжественно провозглашали, что «создана новая общность советских людей – советский народ». Уже тогда было ясно, что народы искусственно не создаются. Но что можно, так это создать творческое содружество людей различных национальностей, объединенных общностью языка и культуры. Для этого достаточно того, что в этом мире есть русский язык. И есть мы».

Ефим Гаммер, г. Иерусалим, Израиль

Обложка книги Ефима Гаммера «Эмигранты зыбучего времени».



Одесса, улица Средняя, дом 35 — из этого дома вышли в далекий путь сквозь время и пространство герои романа «Эмигранты зыбучего времени». Фото Беллы Верниковой, 2011 год.



Ссылка на магазин в котором представлена книга:
http://книгомет.рф/goods/Gammer?from=MjZj&mod_id=86898223

ПОЗДРАВЛЯЕМ СЕРГЕЯ КРЕСТЬЯНКИНА С ПРИСУЖДЕНИЕМ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА

Дорогой Алексей Афанасьевич, здравствуй!

Немного о себе. Работаю на полставки в университете. Работать стало тяжеловато, здоровье не то. В сентябре переработал физически, заработал аритмию. А врачи теперь лечат по стандарту. Такой-то набор симптомов — такой номер стандарта, как ЕГЭ. С интересом узнал, что здоровье пациента не главное, что врачи не лечат, а подбирают правильный стандарт — схему.

Начинается горячая пора — зачеты, экзамены, заочники и прочее. Радует, что северный день стал чуть-чуть прибывать.

Прошедшее лето было холодным. Но мы с женой съездили в Мурманск (к братьям) в конце июля, хотя все дни, за исключением одного, шли дожди и ливни.

Удалось добраться до п-ва Средний, а на Рыбачий не поехали из-за разбитой и каменистой дороги и дождя. В сопках местами был снег. До местного музея обороны полуостровов Рыбачий и Средний добирались пешком, для нашей машины очередной брод оказался малопроходимым. Побывали в музее, поднялись на сопку хребта Муста-Тунтури к памятному знаку высоты «Погранзнак». Сопка встретила нас свирепым норд-остом, дождем. Тучи врезались в сопки и драили их как наждаком. Мы быстро промокли и продрогли. Представить себе невероятный и повседневный героизм защитников Заполярья в наши дни просто немыслимо. Снимков почти не делали из-за непогоды.

На следующий день часам к 12 дня небо очистилось от туч и мы, воспользовавшись такой удачей, съездили из Мурманска в Печенгу.

Еще раз наилучшие пожелания и всего хорошего в Новом году!

Всего доброго, успехов!

Юрий Черняков, 28 декабря 2015 г.

СОБЫТИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТУЛЫ:

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ГЛЕБУ УСПЕНСКОМУ

ВЕЧЕР ПОЭТА И ХУДОЖНИКА АЛЕКСАНДРА КАРТАШОВА

Ольга Борисова (г. Самара)
ПРЕЗЕНТАЦИЯ АЛЬМАНАХА «ПАРАЛЛЕЛИ» ПРОШЛА В САМАРЕ

Литературный вечер, посвященный презентации литературно-художественного альманаха «Параллели-2 » прошел в Самаре.

Он состоялся 1 ноября 2015 г. в школе-интернате № 17.

На праздник съехались участники альманаха из Самары, Похвистнево, Отрадного, Кинель-Черкасс, Нефтегорска, Пестравки, Тольятти, Новокуйбышевска, а также учащиеся самарских школ, педагоги, руководители общественных организаций Самары.

«Были люди до нас, теперь есть мы, будут и после нас. Воин русский на поле Куликовом — это воин при Кунерсдорфе. Воин при Кунерсдорфе.— это воин на поле Бородинском. Воин на поле Бородинском — это воин на Шипке. Воин на Шипке — это защитник Бретской крепости...» — вот с этих замечательных слов В. Пикуля и началась презентация альманаха, выпуск которого приурочен к 70-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Открыл вечер студент Поволжской государственной социальной гуманитарной академии Алексей Глушкин. Затем слово для выступления было предоставлено ответственному редактору «Параллелей» О. М. Борисовой и редактору — А. В. Молько.

Они рассказали о том, как создавался альманах, о состоявшихся презентациях не только в нашей стране, но и на постсоветском пространстве. А. В. Молько зачитал отзывы об альманахе, опубликованные в различных газетах, в том числе и в «Слове писа-

теля», г. Минск. В это время на экране мелькали красочные слайды прошедших презентаций: в Полоцке, в Гомеле, в г. Добруш, в г. Щелкино (Крым), в различных литературных клубах Самары и области. Затем была объявлена минута молчания в память об ушедших авторах и в память о погибших в авиакатастрофе 31 октября 2015 г.

Выступление продолжилось рассказом о члене РСПЛ, поэтессе, испытавшей на себе все тяготы фашистских концлагерей — Л. М. Голодяевской. Людмила Михайловна поведала, как маленьким ребенком вместе с матерью, она прошла все ужасы концлагерей Майданека, Освенцима, Макиндорфа, а затем звучали стихи в ее исполнении, прерываемые бурными аплодисментами.

Дуэт «Офицеры», в составе капитанов полиции А. Манякова и Л. Ермолаевой из г. Похвистнево, исполнили песню на слова Е. Шлыкова и музыку А. Иванова «Марш Победы». На экране на всем продолжении песни мелькали кадры из военной хроники 1945 г.

Очень трогательным было выступление учащихся школы интерната № 17.

Дети читали стихи собственного сочинения и исполняли песни о войне.

А затем звучали стихотворения победителей, призеров и участников конкурса «Верен, Отчизна, тебе»: Е. Хазанова, С. Макашовой, В. Сульдина, О. Целебровской, С. Лебедева, Е. Полетаевой, Л. Грушевской, В. Филимонова и А. Пенюк.

С приветственным словом выступила председатель областной общественной организации любителей книги — Т. С. Ручкина. Она пожелала альманаху процветания, а редакции — хорошего материала.

Победители Губернских и Всероссийских конкурсов народный ансамбль «Раздолье» из г. Похвистнево исполнил песни на слова местных поэтов и музыку Ю. Гусарова. Зрители долго не отпускали артистов со сцены.

Запоминающим стало и выступление призеров конкурса в номинации «Песенное слово» И. Бардина, Н. Падукова, Е. Митрофанова.

Видеоролик на стихотворение Е. Сидорова «Атака мертвецов» вызвал слезы и бурные овации у зрителей.

Дуэт «Офицеры» исполнил еще две песни на слова Е. Шлыкова и А. Иванова «Фонари» и «Родники».

Отрывок из очерка «Сокол из Красных Ключей» прочитала призер конкурса Г. П. Гладышева, а на экране самолеты с красными звездами вели бой с фашистскими стервятниками.

На страницах альманаха «Параллели» были представлены материалы не только о героях ВОВ, но и о героях различных локальных конфликтов.

Так о герое очерка «Афганскими тропами» рассказала призер конкурса Л. Ельшина.

А закончилось выступление стихотворением Р. Букиной «Как хорошо, что нет войны» и песней на слова Е. Полетаевой и музыку Е. Митрофанова «Облака».

А затем еще долго звучали восторженные поздравления в адрес организаторов литературного вечера и в адрес редакции альманаха.

Узница концлагерей — Л. Голодяевская. А. В. Молько и С. Макашова вручают ей цветы и дарят альманах.

Дуэт «Офицеры»

Дети из школы-интерната (для слепых) исполняют песню и читают стихи своего сочинения

Известные самарские исполнители: И. Бардин, Н. Падуков, А. Дюков

Ансамбль «Раздолье» — победители губернских и всероссийских конкурсов

Выставка книг литераторов, членов РСПЛ

Наш ведущий — студент Педагогической академии

Ольга Борисова с А. В. Молько

Министерство культуры Российской Федерации

Министерство культуры и туризма Тульской области

«18» января 2016 г.

№ 3

Государственное учреждение культуры
«ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»
(ГУК «ТОУНБ»)

Государственное учреждение культуры «Тульская областная универсальная научная библиотека» выражает глубокую благодарность Марине Григорьевне Баланюк, Алексею Афанасьевичу Яшину, Якову Наумовичу Шафран, Виктору Ивановичу Еремину, Дмитрию Кузнецову за активное и плодотворное сотрудничество по формированию полного библиотечно-информационного фонда документов области в соответствии с Законом Тульской области «Об обязательном экземпляре документов».

Благодаря совместным усилиям фонд библиотеки пополнился электронными архивами межрегионального литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», литературно-музыкального альманаха «Ковчег», газеты «Тульская правда». Особенно хочется отметить Марину Григорьевну Баланюк, как активного организатора, координатора наших совместных действий. Также благодаря ее усилиям была проведена работа по восполнению лакун печатных изданий газеты «Тульская правда» и журнала «Приокские зори» за ряд лет. ГУК «ТОУНБ», являясь депозитарием краеведческой литературы, заинтересована в своевременном пополнении фондов изданиями о Тульском крае.

Исполнение Закона «Об обязательном экземпляре документов» способствует созданию регионального библиотечного фонда и сохранению местного экземпляра и краеведческих изданий, как общей памяти нации.

Надеемся на продолжение работы по формированию фонда электронных и печатных краеведческих изданий.

Врио директора
ГУК «Тульская областная
универсальная научная
библиотека» *Т.В. Тихоненкова*

Россия, 300041, Тула, Тургеневская, 48. Тел./факс: (4872)36-41-29 E-mail: guk.tounb@tularegion.ru

* * *

Областная газета «Тульская правда» в № 01(890) от 13.01.2016 опубликовала анонс № 4, 2015 «Приокских зорь» и поздравила наш журнал с 10-летием.

* * *

Вышел в свет № 4(39) газеты «Тульский литератор», посвященный 55-летию Тульской писательской организации Союза писателей России.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Литературно-художественный и публицистический журнал

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы, Я. Н. Шафран
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

18+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 18 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.03.2016
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

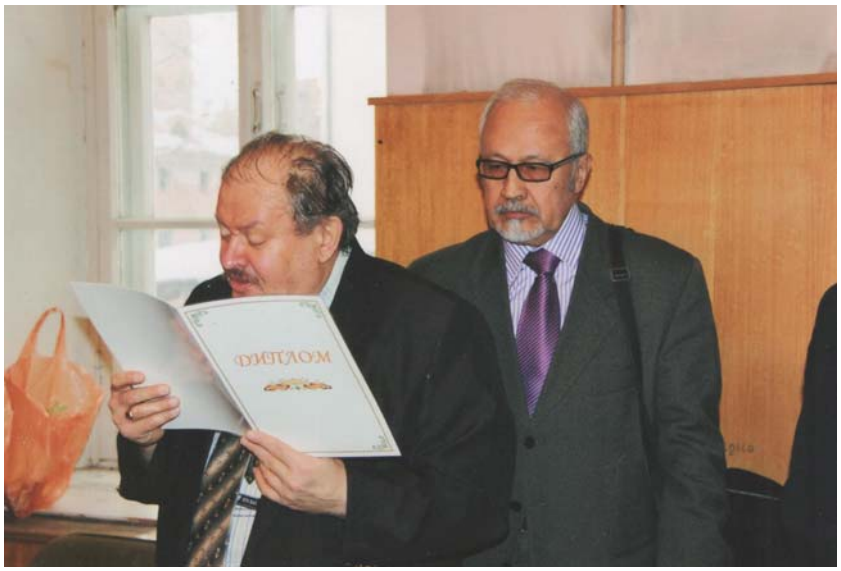
Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

Заказ экз. журнала — по адресу:ntomach@tsu.tula.ru

С признательностью — редколлегия журнала

ВРУЧЕНИЕ ДИПЛОМОВ, МЕДАЛЕЙ И УДОСТОВЕРЕНИЙ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА — СЕЗОН 2015-ГО ГОДА



Дважды лауреатом, на этот раз в жанре поэзии, стал Игорь Маврович Нехамес за цикл стихов к 70-летию Победы («ПЗ», № 1, 2015); на втором плане — Рудольф Георгиевич Артамонов, также лауреат «Левши» прошлых лет

В прошедшем году Владимир Григорьевич Сапожников отметил свое 60-летие и стал лауреатом «Левши» (см. 3-ю страницу обложки)

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В 2015 ГОДУ

Сергей Олегович Крестьянкин — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикации в №№ 1—3, 2015 «ПЗ» и книгу рассказов «Разгони тучи» (Тула, Изд-во ТулГу, 2015 г.), вышедшую в «Приложении к журналу "Приокские зори"». Живет и работает в Туле. Член Союза писателей России и Академии российской литературы.

Сапожников Владимир Григорьевич — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихотворений «Есенинские мотивы», опубликованных в «есенинском» № 3, 2015 «ПЗ». Живет в Туле, работает заведующим кафедрой педиатрии Медицинского института ТулГУ, доктор медицинских наук, профессор. Член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого.

Рагим Гашамович Мусаев — в жанре прозы, включая драматургию. Удостоен звания лауреата за пьесу «Мейлах в октябре (Ёлупень)», опубликованную в № 4, 2015 «ПЗ». Живет и работает в Туле. Юрист. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», Академии российской литературы и Российского авторского общества.

Валерий Иванович Ксенофонтов — в жанре публицистики и краеведения. Удостоен звания лауреата за очерк «Тайна возраста Тулы», опубликованный в № 2, 2015 «ПЗ». Живет и работает в Туле. Издатель. Член Союза писателей и переводчиков МГО Союза писателей России. Кандидат экономических наук. Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого.

Юридическое лицо: Республиканское общественное объединение «Белорусский литературный союз "Полоцкая ветвь"», Минск, Белоруссия (председатель Олег Николаевич Зайцев). Удостоен за подготовку и издание «белорусского» № 1, 2015 «ПЗ», активное сотрудничество с журналом «Приокские зори» в различных жанрах белорусских писателей, пишущих на русском языке.